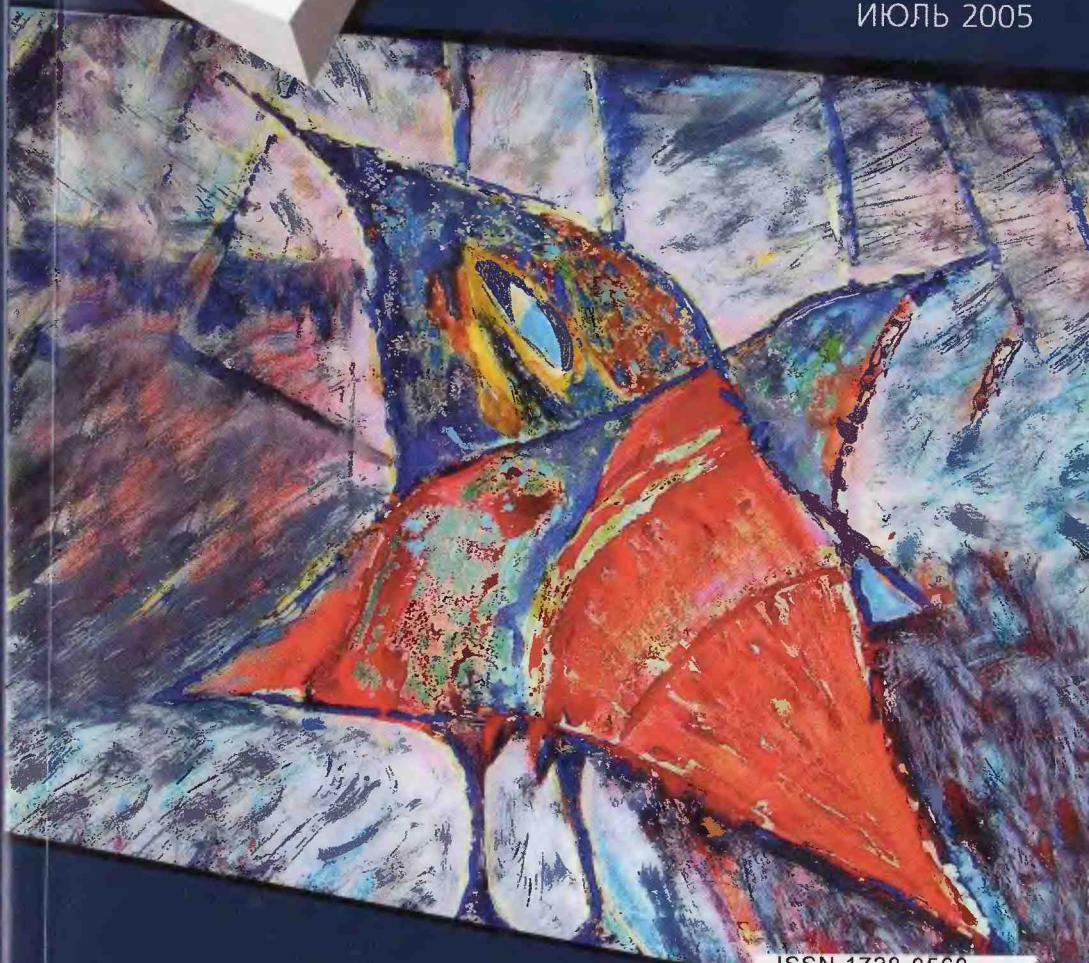

лучший фантастический журнал Европы 2004!

реальность фантастики

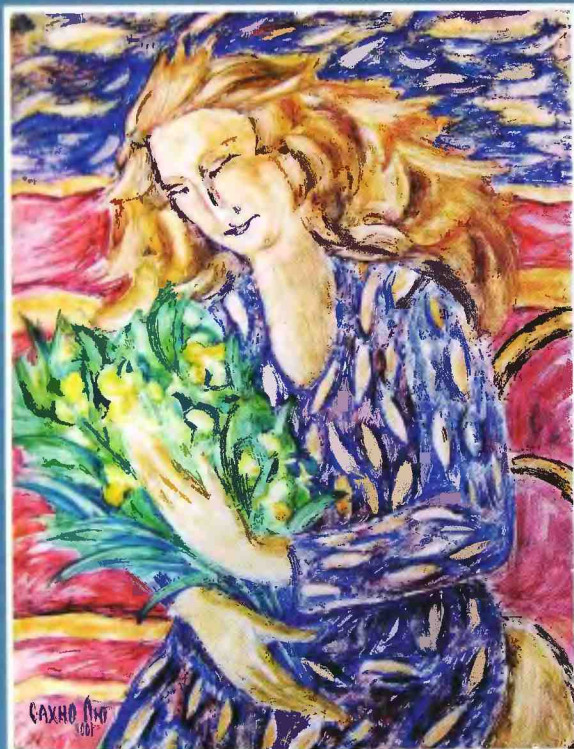
ИЮЛЬ 2005

АНДРЕЙ ЛЯХ
КАРИНА ШАИНЯН
ЕВГЕНИЙ БЕНИЛОВ
АДЕЛАИДА ФОРТЕЛЬ

ISSN 1728-8568

Людмила Сахно
Лето

Людмила Сахно
Дама с веером

СОДЕРЖАНИЕ

№ 07 (23) ИЮЛЬ 2005

1. Редакционная статья / ЕСТЬ ТАКОЙ ЖУРНАЛ!... 5

Проза

2. Аделаида Фортель / ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ВАСИЛИСКЕ
«Анна Матвеевна тяжело вздохнула и бросила...» 7
3. Андрей Лях / СИНЕЛЬНИКОВ НА ТОМ СВЕТЕ
«Смерть моя примечательна только одним...» 60
4. Евгений Бенилов / «НА МОРЕ И НА СУШЕ»
«Я прихожу в себя и слышу громкий, ровный гул...» 78
5. Владимир Данихнов, / ПЛАСТИКА
Артем Белоглазов «Возьми мой палец, милый, я много пальцев вырастила...» 93
6. Дмитрий Тарабанов / ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ВОЙН
«Соломенные волосы, торчащие из-под медного...» 109
7. Юлия Зонис / ДВОРЖАК
«У Паганини была скритка. У Страдивари...» 122
8. Карина Шаинян / КАРПЫ В МУТНОЙ ВОДЕ
«Андрей приехал в Ампану в сезон дождей...» 132
9. Дмитрий Колодан / ТЯЖЕСТЬ РЫБ
«Трудно сказать, чем привлек Маршала тот...» 142
10. Анна Игнатенко / Я СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ
«Вежливая улыбка намертво приклеилась к моим...» 149
11. Анна Ли / СИНТЕЗЕР
«Эарен проснулся за две миллисекунды до...» 154
12. Дмитрий Казаков / ПАРАЗИТЫ
«Крик, донесшийся из кухни, заставил Петра...» 159
13. Александр / ЖИЛИ-БЫЛИ...
Золотко-Младший «В некотором царстве, в некотором государстве жили...» .. 164

Критика, публицистика, обзоры

14. Мария Галина / «МЫ» И «ОНИ» 165

15. Г. Л. Олди / СЕАНС МАГИИ С ПОСЛЕДУЮЩИМ РАЗОБЛАЧЕНИЕМ, или СЕКСТЕТ ДЛЯ ЭСТЕТА 172
16. Михаил Назаренко / ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВЕДОМЫХ НАМ ПОЛЕЙ 179
17. Григорий Панченко / КЛИНКИ ЗВЕНЯТ: ПЕРЕХОДНЫЕ ВАРИАНТЫ 185
18. / РЕЦЕНЗИИ 195

Кинопортал

19. Лев Гурский / СТОЯ НА ЧАСАХ, или БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ВЧЕРА 213

Новости Фэндомы

20. Владимир Пузий / «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2005»! 218
21. Сергей Митяев / OPUS MIXTUM 223

Места, где Вы всегда можете приобрести журнал «Реальность фантастики»:

Киев
Книжный магазин «Сучасник», пр. Победы, 29 (метро «КПИ») – все номера
Киоски «Пресса», «Факты», торговые точки «СН-Столичные новости», книжный рынок «Петровка», книжный супермаркет «Буква», киоски и раскладки на ж/д вокзале.

Харьков
Газетный рынок, магазин «BOOKS».

Одесса
Киоски «Пресс-служба Одессы».

Крым
Киоски «Союзпечать» в г.г. Севастополь, Симферополь и др. городах Крыма.
Донецк
Киоски «Союзпечать», магазин «Мир прессы», ул. Горького, 59-а.

Львов
Киоски «Торгпресса», «Интерпресс».

Луганск
Магазины и киоски «Луганскпечать».

Полтава
Киоски Полтавского почтамта.

Мариуполь
Киоски «Союзпечать».

Сеть магазинов «Буква» по Украине, киоски и раскладки в разных городах.

Есть такой журнал!..

«Молодой автор» – понятие относительное. Мы используем его не только для того, чтобы подчеркнуть возраст, но, прежде всего, чтобы отметить сравнительно небольшое количество публикаций и особенно – изданных книг. Литературная часть этого номера журнала почти полностью посвящена творчеству Молодых авторов. С моей точки зрения, журнал – это прекрасная возможность приобрести известность и даже популярность, а также своих читателей, не говоря уже о том, что после подобных публикаций книжные издательства уже с большим вниманием относятся к уже «засветившимся» авторам. Сам же авторитет журнала во многом зависит от того, насколько точно он в состоянии определить талантливого начинающего автора и правильно выбрать работы уже известных, публикующихся писателей, внимание к которым со стороны производителей книг еще недостаточное. Свидетельство тому, насколько хорошо мы это умеем делать, – многочисленные призы, которые получали писатели и критики, впервые опубликовавшие свои рассказы и статьи на страницах журнала «Реальность фантастики», на различных конференциях и семинарах («конах»). Почти уверен в том, что большинство рассказов, опубликованных и в этом номере, достойны самой высокой оценки. Хотя вы сами сможете в этом убедиться, прочитав их.

Наверное, не совсем корректно выделять кого-нибудь из авторов и осыпать комплиментами, но не могу удержаться! Литературную часть журнала открывает совершенно очаровательная повесть Аделаиды Фортель. Читатели «РФ» уже знакомы с ее творчеством (убежден, что вам понравилось). Далее – Андрей Лях с рассказом «Синельников на том свете». Ирония, приключения, вывернутые наизнанку расхожие представления – все это сплавлено в крепкий сюжет. Евгений Бенилов, я бы сказал, в своем амплуа. Так ярко и остро передать человеческие страсти редко кому удается. Владимир Данихнов и Артем Белоглазов написали милый, пронзительный рассказ, дающий прекрасные моральные ориентиры. Дмитрий Тарабанов «открывает нам глаза» на причины возникновения мировых войн. Насколько это ему удалось, судить вам, но стоит отметить, что именно этот рассказ стал победителем мастер-класса, который вел Геннадий Прашкевич на Ассамблее «Портал-2005». Юлия Зонис, «Дворжак»! Уже эпитетов не хватает, но можете поверить на слово, один из лучших рассказов, которые мне до сих пор приходилось читать... Всех, конечно же, я не буду перечислять. Каждый автор заслужил, чтобы о нем мы сказали хотя бы пару добрых слов, но, к сожалению, формат редакционной статьи не позволяет этого сделать.

На фантастических конференциях часто возникают дискуссии о том, что у нас мало хороших писателей, особенно среди молодых. Думаю, что из этого факта не следует делать трагедии. Хороших всегда было мало и будет мало. Это естественно. Где вы видели золото рассыпями, словно галька на пляже, или навалом серебра, как строительного щебня? Главное, уметь находить это «золото и серебро». И есть такой журнал, который прекрасно справляется со своей задачей, и называется он «Реальность фантастики»!

Главный редактор — Ираклий Вахтангишвили

МУЗЫКА ФАНТАСТИКИ

Специальное предложение для читателей «РФ»!

Талантливый человек бывает талантлив в самых разных своих проявлениях. И писатели-фантасты здесь не исключение. Но до читателей доходят только книги, и мало кто знает, что Юлий Буркин, Владимир Васильев, Евгений Лукин и многие другие — еще и прекрасные музыкальные исполнители.

С 1 февраля мы предоставляем вам возможность познакомиться с новыми гранями таланта наших любимых авторов. Для этого достаточно отправить электронное письмо на адрес sbyt@mycomp.com.ua с указанием ваших ФИО, индекса и адреса, названиями дисков из перечисленных ниже, и мы отправим их **наложенным платежом** (Внимание! Цены приведены без учета стоимости доставки). Если вам удобнее пользоваться обычной почтой — наш адрес **03126, Киев-126, а/я 570/8**.

Открывают список диски, предоставленные нашими харьковскими друзьями, авторами, членами нашей редколлегии и, конечно же, известнейшими писателями **Дмитрием Грозовым** и **Олегом Ладыженским (Г.Л. Олди)**. В следующих номерах «РФ» мы расширим предлагаемый выбор компактными и других авторов.

1. Серия аудио-CD «ТЕАТР Г. Л. ОЛДИ» (песни на стихи из книг)

Диск 1: «Я обещаю вам сады...» (песни на стихи из романов «Нам здесь жить», «Богадельня», «Я возьму сам», «Маг в Законе» и сборника «Вполголоса») — 11 грн.

Диски 2 и 3 (двойной альбом): «Баллада двойников» (песни на стихи из романов «Шутиха», «Орден Святого Бестселлера», «Мессия очищает диск», «Живущий в последний раз», «Путь

Меча», «Нам здесь жить», «Богадельня», «Я возьму сам», «Маг в Законе», из цикла «Песни Петера Слядека», из повести «Где отец твой, Адам?», из сборников стихов «Вполголоса» и «Баллада опыта») — 19 грн.

2. РОК-ОПЕРА НА СТИХИ ДМИТРИЯ ГРОМОВА!

CD-диск с рок-оперой «BROKEN CIRCLE» (на английском языке) по мотивам «сольного» рассказа Дмитрия ГРОМОВА «РАЗОРВАННЫЙ КРУГ» (авторское либретто, музыка харьковского композитора Алексея Горбова). Аудио-CD выпущен в полном полиграфическом оформлении: цветная обложка и наклейка на диск, 16-страничный буклет с либретто. Продолжительность — 42 минуты 30 секунд. Стиль — симфо-хард-рок с небольшой примесью power metal. Цена — 19 грн.

3. Семён Ладыженский «Последний месяц осени».

Прекрасный лирический «шансон» отца Олега Ладыженского. Все, кто бывал на «Звездном мосту», с удовольствием вспоминают встречи с этим удивительным человеком и его музыкой.

Цена диска — 11 грн.

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ВАСИЛИСКЕ

АДЕЛАИДА ФОРТЕЛЬ

Глава 1

В которой появляются некоторые герои повести и всплывает особенность деревенской ведьмы, от самой ведьмы не зависящая

А

АННА МАТВЕЕВНА ТЯЖЕЛО ВЗДОХНУЛА И БРОСИЛА ДОХЛОГО куренка в ямку. Копнула землицы. Среди сухих комьев попалось на лопату несколько почерневших птичьих косточек да жирный дождевой червяк. Червяк отчаянно извивался, пытаясь спрятать слепую голову в земляных комьях. Вот ведь тварь — безмозглая и безногая, но до жизни жадная. А куренок даже не сопротивлялся смерти — умер тихо, как спать лег. Он с самого начала был квелый, ко всему равнодушный. Да хоть бы и не квелый — все одно, другой дороги ему не светило, только под яблоню. Куры у Анны Матвеевны не приживались. Не спасало ни усиленное питание, ни стоваттная лампочка, ни ветеринарша Люда, которая только руками разводила, не находя этой напасти профессионального объяснения. Зато злые языки, которыми Нижнее Кривино было полно под завязочку, причину нашли сразу же: знамо дело, отчего у Матвеевны животины не приживаются — у ведьмырей она никогда не живет.

Дурная слава — не морковка: растет без корней, да щедро плодоносит. И потому Анна Матвеевна и коротала свой век на отшибе деревни в полном одиночестве. Сперва, пока молодая была да наивная, сопротивлялась клевете изо всех сил: спорила и лаялась с соседями до хрипа и истерик. Но со временем поняла — лбом стенки не прошибают, другой подход нужен. Решила всем назло хозяйство завести богатое, чтобы дом полная чаша, хлевинка — соседям завидинка, а в ней каждой твари по три пары — пусть тогда посудачат. Но как на грех скотина Матвеевне понадалась странная: то ли дурная, то ли склонная к суициду. И как Матвеевна ни исхитрялась, как ни возводила крепостей из старых ящиков, досок и собранных со всех свалок решеток, как ни обматывала тщательно колючей проволокой, скотина всегда изыскивала ходы для побега. Полугодовой свинке, купленной за опаленные деньжищи в областном центре, понадобилось всего три ночи, чтобы подкопать сарай и сбежать в лес, где ее, одичавшую и тощую, еще пару месяцев изредка встречали односельчане, а по осени задрали волки. Пегая телушка проломила башкой стенку сарая и утопилась в болоте. А улизувшая во время пастьбы коза с двумя козлятами полгода оленхой скакала по округе, дразня ехидным меканьем деревенских охотников. Кошки любого возраста просто уходили в ночь и более не возвращались, а посаженные на цепь собаки были так обреченно, что Матвеевна сама рано или поздно давала им свободу. На месте удавалось удержать только кур, подрезая им крылья и наращивая забор поверху металлической сеткой, но и то ненадолго. Тупые от природы куры то-

же находили выход из положения: они мгновенно впадали в апатию, нахохливались, осыпали на земляной пол курятника перьевые сугробы и дохли, скрючивая Матвеевны в последней судороге когтистые кукиши.

— Что, Матвеевна, опять у тебя похороны? — за забором маячила, сияя золотыми зубами, физиономия Сашки Сыкина, сокращенного в миру до Ссыки. — Не устала еще животину на тот свет переправлять? Гляди, отомстят тебе курицы. По телевизору показывали, они в наше прогрессивное время мутировали. Сбиваются в стаи и заклеивают обидчика до смерти. Как пираньи. В Америке уже сорок птицефабрик разорилось.

— Иди к черту! — Анна Матвеевна неторопливо притоптала рыхлый холмик и, повернувшись к Ссыке спиной, направилась к дому.

— А проводишь, Матвеевна? К черту, поди, только ты дорожку знаешь!

Анна Матвеевна величаво нагнулась, выковырнула из земли булыжник и метко запустила им в сияющую золотом ссыкину улыбку. За многие годы, прожитые в качестве деревенской ведьмы, у Анны Матвеевны развилась поразительная меткость — с пятнадцати шагов зуб выбивала. Ссыка охнул и, матерясь, исчез за забором, а Матвеевна удовлетворенно обтерла руки о фартук: все-таки в плохой репутации есть положительная сторона — ее невозможно испортить.

Она поставила лопату в сарай и заглянула в курятник, где в соломенном гнезде умирал последний куренок. Тоже, скорее всего, не жилец. Тщедушный, носатый с синеватым отливом лысой головы и неестественно вывернутыми ногами. Может, прав Ссыка, хватит скотину морить? Пора признать, наконец, свое поражение и дожить оставшиеся годы как бог положит. «Вот этот подохнет, и все, завязываю», — решила Анна Матвеевна и, от внезапно накотившей острой жалости к этому полудохлому цыпленку и своей собственной одинокой доле, сгребла последнюю надежду за ноги и принесла в дом. Положила у печки, выживет — его счастье. Потом маленько подумала и накрыла рукавицей.

Цыпленок отчего-то не умер, но и не сказать, чтобы выжил. Скорее, застрял между жизнью и смертью. Он так и остался лежать возле печки, скукоженные ноги отказывались держать даже такое, почти невесомое тело. Но глазами лупал и провожал Матвеевну взглядом, когда она появлялась в поле его куриного зрения. Кормить его приходилось силком, заталкивая в приоткрытый клюв моченый хлеб. Ничего более жесткого он проглотить не мог, задышался и синел, бессильно свешивая голову с лавки. Но Матвеевна была и этому рада. Дело даже не в том, что в сельпо она теперь покупала хлеба не буханку, как раньше, а две, гордо объясняя выстроенным в очереди односельчанам, что скотина, оказывается, страшно много жрет, не напасешься на нее, окаянную, а, скорее, в том, что, неся эту буханку домой, она в кои-то веки торопилась, понимая, что куренок, пусть и равнодушный с виду, ее ждет и водит по избе безвеким золотистым глазом. Матвеевна и имя ему дала — Ванечка, о чем в сельпо предусмотрительно помалкивала. Односельчане — народ простой и не сентиментальный, клички дают только скотине покрупнее да и то без излишней фантазии. Коровы Буренки да Зорьки, собаки

сплошь Шарик с Тузиками, а любую кривинскую кошку зови Муркой — не ошибешься. Прознают, что у Матвеевны цетух по имени Иван — засмеют. Скажут, пашла себе Матвеевна мужичонку на старости лет, пернатого и хилого, да другой на нее, ведьму рябую, и не польстится.

Ванечка пролежал за печкой до осени, а когда с яблони осыпались последние листья, сполз с лавки и, выплетая ногами кружево следов, побрел в огород. Анна Матвеевна не знала, радоваться или горевать. С одной стороны, оно, конечно, благоприятный признак, что Ванечка на ноги встал, но с другой... Было в его движении что-то неумолимо-обреченное, как в том последнем галопирующем беге телки, окончившимся всплеском ржавой болотной воды.

Ванечка добрался до выпотрошенных свекольных грядок и улегся на увядшую ботву. Матвеевна постояла немного рядом и, убедившись, что дальше он идти не собирается, вернулась к хозяйственным хлопотам, о чем себя потом не раз проклинала — к вечеру Ванечка пропал. На опустевшей грядке осталось только примятое место и неизвестно откуда взявшееся крупное куриное яйцо.

Не иначе, Ссыкины происки, догадалась Анна Матвеевна. Дождался, подлец, подходящего момента и отомстил за брошенный в запале камень: куренка уволок, оставив в издевку яйцо. Дескать, высиживай, Матвеевна, курица старая.

— Ну, погодь, Ссыка! — прошипела она и, ухватив лопату, направилась к околице. — Ичас ты у меня узнаешь, почему нынче лихо в базарный день.

Ссыка нашелся возле танцплощадки в компании Рябы и Хряка, таких же, как и он, гонников. Анна Матвеевна издали заприметила его засаленную кепку и перехватила лопату половчее. Подкралась сзади и хлопнула по затылку, аж гул пошел, и осыпалась за шиворот клетчатой рубахи присохшая земляница. Ссыка вскочил, зыркнул на Матвеевну белыми от боли глазами, и ей на секунду стало страшно: а ну как сейчас он в ответ драться полезет. Хотя и тщедушный, что называется, солей перешибить, но навалить старой дуре, вполне сумеет. А если еще и дружки вступятся — все, конец Матвеевны, закатают в асфальт. Но дружки вступаться явно не собирались. Наоборот, радостно заржали и заулюлюкали:

— Ссыка, врежь ей! Дай ей сдачи на орехи, Ссыка! Головой бей! Головой, как Шварцнегр!

Деревня не балует молодежь развлечениями: кино крутят одно и то же, пока лента до дыр не протрется, танцы, как совещания, строго по пятницам, а потому тоже порядком приелись, а хорошие драки... Хорошие, душевные драки, под алкогольный парок, злую радость и сладкое нытье разбитых зубов случаются раз в год, на Ивана Купалу, когда стенка на стенку, деревня на деревню без повода и причин, а исключительно молодежкой удали ради. Потому неожиданная баталия произвела немалый эффект. Музыка смолкла, парочки остановили вихляние и столпились у края танцплощадки. Ссыка обвел зевая непонимающим, обиженным взглядом и вдруг ломанулся прочь, перемахнув через дикий крыжовенный куст. А Матвеевна, не придумав более удачного выхода из глупого положения, бросилась следом с лопатой наперевес, протаранив колючие ветки животом и пребольно оцарапав ляжки.

— Да не трогал я твоего петуха, Матвеевна! — загнанный в угол между коровником и забором Ссыка с искренним энтузиазмом колотил себя в грудь. — Не глядел даже в его сторону! Где, говоришь, ты его последний раз видела?

— В огороде на грядках лежаааал, — выла Матвеевна, горестно раскачиваясь из стороны в сторону.

— А вокруг смотрела?

— Нет, за тобой побежала.

— Ну и дура! — бухнул Ссыка и испуганно покосился на лопату. — Нет, чтобы поискать да соседей поспрашивать. Ну, вставай, пойдём поищем.

Анна Матвеевна обтерла фартуком мокрое лицо, громко высморкалась и тяжело поднялась, опираясь о лопату.

— Хорошо, пойдём, поищем. Но гляди, Ссыка, ежели ты все-таки к моей пропаже касательство имеешь — зашибу.

Глава 2

В которой цыпленок нашелся, да не так, как хотелось бы, и в которой на деревенскую ведьму обрушивается новая напасть, но вместе с нею приходит и надежда на лучшее будущее, которая, впрочем, так же легко улетучивается

Ванечкино тело нашлось возле самой калитки. Белело в сумерках разметанными по пожухлой траве крыльями. Матвеевна охнула и подняла уже окоченевшего куренка за тонкую шею.

— О! — радостно завопил Ссыка. — Я ж говорил, куда твоя птица не денется, стоит только вокруг... — Он перехватил скорбный взгляд Матвеевны и заткнулся на полуслове. Потоптался неловко. — Ну, пойду я, што ль?

Анна Матвеевна ничего не ответила, молча открыла калитку и остолбенела, чувствуя, как холодеет позвоночник и леденеют, наливаясь ужасом, кончики волос. Ванечкина смерть моментально потускнела, съезжилась и провалилась в прошлое, как падает камнем за спину всякая потеря, стоит ей зарастить временем. Земля палисадника, устойчивая, как само мировое устройство, знакомая до последнего камня, истоптанная вдоль и поперек, внезапно ожила: заходила ходуном, словно замученная родовыми схватками коровья утроба, изредка всплескиваясь крохотными грязевыми комьями. И не было в жизни Анны Матвеевны ничего страшнее. Даже война, выворачивающая деревья взрывами и поднимающая землю на дыбы, была объяснима, и потому не так ужасна, как это тихое и мучительное бурление в бледном лунном свете. Матвеевна завывала, зажав рот рукой, и рухнула на колени. Из-за левого плеча, как черт из душа, вынырнул испуганный Ссыка, ухватил за плечи:

— Ты чего, Матвеевна? Тебе плохо, мать? Скорую вызвать?

Матвеевна, даваясь воздухом, как песком, ткнула пальцем за его плечо. Ссыка выпрямился и, сделав пару шагов вглубь палисадника, вернулся, сияя своей обычной придурковатой улыбкой.

Лягушки! Ты, мать, лягушек испугалась!

— Лягушек?! — пискнула Матвеевна.

— Их самых! Это же надо! — Не переставая радоваться, Ссыка ухватил грузную Матвеевну за подмышки и рывком, как мешок с мукой, поставил на ноги. — Такая старуха страшная, с лопатой по деревне мужиков тоняет, а при виде лягушек в обморок бухается, как гимназистка.

— Откуда же их столько, Санечка?

— Необъяснимые с научной точки зрения перемещения в пространстве. Может, замерзли в болоте и к тебе греться пришли.

— Греться?

— Или зимовать. Не дрейфь, Матвеевна, по весне уйдут.

В это плохо верилось, но поскольку больше ничего не оставалось, Матвеевна дала себя довести до дому и уложить на диван. Через раздвинутые занавески она видела, как Ссыка, удивляясь и похохатывая, прошел по шевелящейся земле, словно Иисус по морским волнам, и скрылся за забором, прохрустев щебенкой. В небе мерзла молоденькая обнаженная луна, и, жадно вытянув голые ветки, шили черную небесную водицу дерева. Вдалеке сонно перебрехивались собаки и мурлыкала гармонь, а значит, мир за забором по-прежнему стоял на том месте, где господь поставил. Эта увесистая вековая стабильность остудила голову и навалилась на грудь, выдавливая Анну Матвеевну в глубокий сон.

Утром лягушки и правда ушли. Матвеевна с лопатой в руках обшарила каждый куст, но не нашла ни одной живой души, только несколько трупиков, распилющенных ссыкиными сапогами. Зато на свекольной грядке пучила глазищи и натужно сопела пупырчатая жаба. Огромная, с утюг. Этот фантастический размер выводил жабу из разряда неразумных тварей, и потому у Матвеевны рука не поднялась резануть ее, как задумывалось, поперек туловища лопатой. Она беспомощно зашикала и пнула одутловатую лепешку носком галоши: уходи! уходи, чертово отродье! Жаба в ответ страдальчески закатила глаза, судорожно сглотнула, но с места не сдвинулась.

— Ну и сиди, погань, пока не прокиснешь! — плонула Анна Матвеевна.

По-видимому, жаба поняла приглашение слишком буквально и просидела на грядке месяц. Матвеевна каждый день с опаской смотрела издали на жабую бородавчатую спину и удивлялась: корни она там пустила, что ли?

В середине ноября ударили заморозки. Трава покрылась инеем, лужи тонким и звонким, как хрусталь, ледком, а жаба полиловела и стала похожа на стеклянный сувенир. Матвеевна, успевшая зауважать упрямую тварь за стойкость, зацепила жабу садовой рукавицей (при этом из-под жабьего пуза выкатилось яйцо, то самое, появившееся на свекольной грядке неизвестно откуда в день Ванечкиной смерти), принесла в дом и кинула в подпол — пускай зимует, черт с ней. Но жаба то ли заразилась дуростью и нежеланием жить, как и всякая животина Анны Матвеевны, то ли такой и была изначально, только на следующее утро она снова сидела на грядке, подмяв под живот яйцо.

— Ну, ты даешь, подруга! — восхищенно ахнула Матвеевна, глядя на заострившиеся от холода жабы бородавки. — И что мне с тобой делать? Помрешь ведь! Наседка, твою мать!

Пришлось снова принести жабу в дом, на этот раз с яйцом вместе. Черт с ней, пускай дальше с ума сходит.

Но если жабые помешательства протекало тихо и без видимых обострений — она просто сидела там, где посадили, — то взволнованность Анны Матвеевны чем дальше, тем больше приобретала неврастенический характер. То ли одиночество сыграло такую свою роль, то ли старость сделала ее сентиментальной, только Матвеевна бегала в подпол по сорок раз на дню. Она кормила жабу, обкладывала ее сеном, чтобы не мерзла, разговаривала с ней. Жаба против повышенного внимания не возражала. Глотала подмороженных червячков и выслушивала новости, закатывая глаза или вздыхая, и каждый раз скудные проявления ее эмоций толковались Матвеевной по-разному.

— Сидишь, подруга? Ну, сиди, сиди. А у нас вся общественность на ушах стоит — Светка-шалала из дома убежала. Выгребла родительские денежки и — привет. Да не, я не нервничаю, сама знаю, что вернется. Не впервой бегает. У нее сезонные обострения, каждые полгода. За что только Лукашам такое наказание?.. Растили, ночей не спали, за двойки драли... А Светка, пока не выросла, такая славная была. Дурная, но жалостливая. Все зверье увечное по округе собирала. Бывало идет по дороге, хромую шелудивую собаку за собой тянет и плачет. Мы ее спрашиваем: «Светочка, почему плачешь?» А она: «Собачку жалко!» Подруга, ты чего это глаза закатила? Не веришь? Да что ты в людях понимаешь! Люди — они сложно устроены, им мозги житья не дают. Если бы не эта напасть, сидели бы, как птички божьи на ветках и плодились бы господу на радость. Видать, господу такая картина скучной показалась, вот он любимую игрушку и сделал позаковыристее. Тебе с жабым разумением этого не понять, и не пытайся. Так что, сиди в своем подполе и помаргивай в тряпочку! И как ты только в такой темени и сырости живешь да не кашляешь, у меня в голове не укладывается...

Год, измученный снежной лихорадкой, дождал свои последние денечки. Анна Матвеевна, привыкшая встречать Новый год в компании телевизора, на этот раз подошла к приготовлению основательнее. Пирогов напекла, салатов намесила, выставила на стол купленный у соседки шкалик. Жабу посадила в коробку из-под нарядных туфель и поставила рядом с хрустальной салатной вазой. Под бой курантов подняла ручонку («Ну, за наше здорovie, подруга»), махнула. Мгновенно захмелела, посидела для приличия еще полчаса да и пошла спать с чувством полного удовлетворения: хорошо Новый год встретили, душевно.

Непонятно, чем они прогневили провидение, только утром Анна Матвеевна обнаружилась, что жаба окаменела.

— Чудеса! — Матвеевна осторожно коснулась гладкой спины, проведя пальцами по острому хребту и лаково поблескивающим в дневном свете бородавкам. Станный зеленоватый камень щекотнул могильным холодом пальцы так, что они сами собой сложились в щепоть и взлетели ко лбу, творя крестное знамение. — Свят-свят-свят! Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится... Водворится...

Дальше псалом на ум не шел, хоть тресни, но в ответ на торопливый шепот под каменным брюхом что-то завозилось, зашуршало, и наружу высунулась цыплячья головка с клочками желтого пуха, неловко дернулась, потеряла равновесие и шлеп-

нулась на сено, выдергивая на свет божий тщедушное тельце о четырех проволочных ножках. Матвеевна, застывшая с щепотью у пупка, ошалело смотрела, как цыпленок, помогая себе зачатками крыльев, с трудом поднялся, попытался шагнуть, но запутался в собственных ногах и снова упал, зашивев от обиды. И это неожиданное змеиное шипение окончательно вышибло из Матвеевны дух, и она тяжело рухнула в обморок, сдергивая со стола скатерть. И уже не видела, как вывалившийся из коробки птенец уютно устроился на ее мягкой груди, и, зябко подогнув под себя все четыре ножки, задремал.

Глава 3

В которой Анна Матвеевна находит в птенце-неурode родственную душу, подходит к его воспитанию с полной ответственностью и по ходу дела узнает о существовании в Верхнем Кривино тайной организации

Поначалу Анна Матвеевна птенца чуралась. Во-первых, потеряв одного за другим Ванечку и подружку-жабу, не хотела больше обзаводиться привязанностями, чтобы потом душу не рвать лонапрасну. А во-вторых, вполне справедливо находила жабыего вылука уродцем, природной аномалией. Но со временем, так уж было устроено ее щедрое сердце, все равно привязалась. А там и его безобразие перестало мозолить глаз. Подумаешь, эка невидаль — четыре ноги! У любой скотины четыре и ничего, справляется. Ну и что из того, что у него хвост, как у ящерицы. Каждой божьей твари хвост положен, значит, есть в этом какая-то жизненная необходимость. Гребешок пробился странный, шипастый — ну, это уж у кого как. Люди тоже все разные. Вон, у Ленки-продавщицы верхняя губа коротка, на зубы не натягивается, и оттого всегда кажется, будто за прилавком стоит затянутая в ситец гигантская мышь. Ссыка тоже неприглядная, у него уши разные: одно, в отца, оттопыренное, а другое от матери — прижатое. Смех один, а не внешность. А у Васятки все ладненько, даже чешуйки одна в одну.

Рассуждать — рассуждала, однако от посторонних глаз прятала. Так, на всякий случай.

Васьенька рос ласковым, но хилым. Ел с неохотой и постоянно мерз, тоненько позвякивая чешуйками. Матвеевна извела за эту зиму дров вдвое больше обычного, а к весне справила ему драповое пальтишко и навязала мохеровых свитеров. Когда мартовское солнышко залило зернистый снег льдистым стеклом и развесило на крышах сосульки, Вася в пальто, перехваченном поверху крест-накрест платком, впервые вышел из дома. Он зажмурился от солнечного света, скользя, прошелся по насту, с интересом тюкнул какую-то веточку и опрометью бросился домой, поджимая посиневшие ноги.

Пришлось Матвеевне еще и сапогами заморочиться. Пошла в Верхнее Кривино к Ивану Степановичу, одному на оба Кривина сапожнику. Долго и уклончиво объясняла свою надобность, и размер показывала, чуть раздвинув щепоть — вот такие нужны. Потом подумала и увеличила маленько — на вырост. Обычно покладистый Степаныч вдруг заупряился.

— Нет, Матвеевна, пока не скажешь, за каким перцем тебе это нужно, не стану шить!

— Да какая тебе разница-то? Ты тачаешь, я плачу. Не торгуясь, сколько скажешь, столько и отсчитаю.

— Четвертной!

— Да ты что, — ахнула Матвеевна. — Совсем сдурел? Где ты такие цены видел? За четвертной в райцентре на мужиков саложницы продаются. А мне же вот такие надо, понимаешь, маленькие. На них и кожи-то не понадобится, из обрезков собрать можно.

— Объяснишь, цена другая будет. А так — четвертной, — и уткнулся в работу, словно Матвеевны рядом и не было.

Ну не сука ли? Матвеевна побряхтела, посчитала, повздыхала и решила на позор.

— Да как бы тебе объяснить... Одиноко мне. Ни детей бог не дал, ни семьи. Уж скоро сорок лет, как одна кукую...

— Ну? — Степаныч отложил шило и глянул нетерпеливо. — Ты мне мозги не засоряй, я таких историй, знаешь, сколько на своем веку выслушал. По делу говори.

— По делу... Это... Ну, коли по делу... В куклы я играю, понимаешь... — Матвеевна сжалась — сейчас заржет старый дурак, как конь, а к вечеру разнесет по всей округе, что рябая ведьма совсем с ума спятила, в детство впала. Но Степаныч посмотрел в ответ неожиданно серьезно.

— Отчего ж не понимаю?... Что я, зверь что ль, какой?... Ну-кась, покажи еще раз размер? Завтра приходи, готово будет.

— Только мне две пары надо. Куклы у меня, понимаешь, две...

— Лады, будут тебе две. Тогда к послезавтра. Я одни красенькие стачаю, а другие желтые. Будут твои куклы, как принцессы.

— Мне не надо разные, мне одинаковые надо, — и видя, как по лбу Степаныча снова ползет вверх удивленная бровь, торопливо добавила: — ну, чтобы они не ссорились. А то у одной — красные, у другой — желтые...

Послезавтра сапожки были готовы. Красные с меховой оторочкой и тонкими витыми шнурками — не поскупился Иван Степанович, все мастерство вложил. И денег не взял, стыдливо отвел протянутую руку.

— Ты эти гроши себе оставь, на мороженос. Лучше вот что... Пойдем, я тебе тоже кое-что покажу.

Степаныч провел ее через сени, позвенел ключами, отпирая замок, щелкнул выключателем, и Анна Матвеевна удивленно охнула: все пространство кладовой занимал крохотный мир. Над тонкими речками изгибались точеные мосты, росли вверх крепенькие, как грибы, холмы, обвивала их бока железная дорога, а над стеклянной поверхностью озера дремали рыбачьи лодки, ни дать, ни взять — настоящие. Степаныч клацнул какой-то кнопкой, и мир ожил. Из тоннеля вынырнул красный паровоз и запыхтел по рельсам, таща между растопыренными елками блестящие вагоны, а в окнах домов всыхнул свет.

— От внука дорога осталась, понимаешь... — смущенно пояснил Степаныч. — Я подумал, чего добру пропадать... Ну и приспособил, понимаешь... А ты, мать, вот сюда! Сюда глянь. Узнаешь?

— Ой, это ж мой дом! — опешила Матвеевна.

— Верно! А вот мой. А это, видишь, наш райцентр, точная копия. Как на карте. Я же сперва карту точную сделал. По всем правилам картографии, как дед учил. Вот она, смотри, — Степаныч порвался в несобятном ящичке стола и вытащил на свет божий засаленный бумажный рулон. За рулоном потянулась длинная борода из спутанной проволоки, запрыгали по полу гнутые гвоздики и ржавые гайки. Он нетерпеливо стряхнул все лишнее и развернул карту. — Вот тут сельсовет, тут коровник, здесь вашего председателя дом, а вот твой...

Матвеевна вдруг почувствовала себя пассажиром красного игрушечного поезда, который мотается по кругу, то ныряя в тоннель, то выскакивая наружу для того, чтобы снова пробежать мимо одних и тех же домов, деревьев и мостиков, и заскочить в тоннель. «Совсем ненормальный», — испугалась Матвеевна, и чтобы свернуть разговор с круговых рельс, спросила:

— А зачем тебе все это, Иван Степанович? Играться?

— Это бабы играют, — обиделся Степаныч. — Потому что дальше вязаных полчищиков ничего не видят. А мы, мужики, делом заняты. Такие карты еще мой дед составлял, всю жизнь на это положил. И пригодились! Когда немцы тут стояли, дедовыми картами и партизаны, и регулярные войска пользовались. На карте-то оно сразу видно, где засаду лучше устроить, а где дозор поставить. До самой смерти дед добрым словом поминали. И мне он завещал: «Бди, Ваня. Мало ли какая беда с родиной стрясется, чтобы не пришлось встречать врага голой задницей». Думаешь, я один тут такой? Да, ежели хочешь знать, в наших Кривинах целое ополчение...

Он смущенно осекся — лишнего сболтнул, поняла Матвеевна и, сглаживая возникшую пеловкость, недовольно проворчала:

— Плохо ты стараешься. Селью в нашем Кривино давно в зеленый цвет покрасили, а у тебя на макете все еще желтый. Вот если незнакомый человек поглядит да искать пойдет — ни за что нужного дома не отыщет! Выдрал бы тебя дед за такие опибки, — и, распронцавшись, ушла смущенная, словно сама того не желая, влезла в чужой карман и украла оттуда не предназначенную для посторонних глаз тайну.

Глава 4

В которой проявляется необычайный петушиный талант и не только объясняет некоторые загадки, но и навлекает новые неприятности

Приобретение сапог прибавило Матвеевне головной боли. Вася резво ковылял по двору и огороду, а Матвеевна, забросив домашние дела, ходила за ним следом, как за малым дитятей, опасаясь, как бы с ним чего худого не вышло. До тех пор ходила, пока на Васю не напала соседская собака. Матвеевна в тот момент замешкалась, выдерживая из земли пробившуюся на свет божий крапивицу, а потому заметила псину слишком поздно, когда та, азартно поскуливая, уже промчалась за сининой и крупными прыжками понеслась на ошалевшего куренка. Матвеевна закричала и рванулась следом изо всех сил, насколько позволяли больные ноги, заранее понимая, что не убе-

регла, что Васеньке уже ничем не помочь, и сейчас, через мгновение собачьи клыки хряпнут его тонкую шею, перекусывая позвонки, как сухую веточку.

— А-а-а, подлая, стой!

Да куда там! Криком паровоз не остановишь. Вася, отчаянно шипя и размахивая драповыми рукавами, кинулся в сторону, пытаясь увернуться, но собака сделала последний, точно направленный бросок, взлетела над землей, оскалила пасть и вдруг тяжело рухнула, напряженно вытянувшись в воздухе. Матвеевна, не веря глазам, подошла поближе, опасливо наклонилась, рассматривая удивительные черные кольца на полированном камне. Странно, она же сама две секунды назад видела, как собака бежала по свежевскопанной земле, собственными ушами слышала возбужденное дыхание и нервное поскуливание. Вот, даже следы отпечатались в грунте. Тут пес смял клубничный кустик, а здесь прыгнул, сильно оттолкнувшись лапами. И что же с ним случилось? Отчего он теперь лежит под ногами, разжавив каменную пасть с мраморными зубами и воткнув в грядку острое треугольное ухо? Наваждение, не иначе... Чур меня, чур, крестная сила.

— Вась, что это было-то? — беспомощно спросила она для того, чтобы, услышав собственный голос, зацепиться за него, как за конец болтающейся в воздухе веревки, и выкарабкаться в реальность.

Васенька в ответ встрепенулся, и поковылял прочь, сосредоточенно рассматривая что-то под ногами. Но Матвеевне показалось, что за этим простым куриным поведением скрывалось вполне человеческое смущение. И сразу сама собой вспомнилась окаменевшая в новогоднюю ночь жаба, в ту самую, между прочим, ночь, когда Вася вылупился из яйца. И странные, твердые корешки, похожие на гнутые гвозди без шляпок, попадавшиеся на огороде в последнее время все чаще и чаще — не корешки это вовсе, а замороженные в камень земляные черви. И недобрый взгляд из щели в заборе, которым Вася провожал забредших на окраину села людей. Окружающий мир второй раз за день задрожал перед глазами Анны Матвеевны, сбрасывая ее со своей надежной спины, как старая лошадь стряхивает со своей шкуры божью коровку.

Женские обмороки прилипчивы. Посетив однажды, возвращаются снова и снова, быстро перерастая из разряда досадных недоразумений в короткие мгновения блаженства. Упавшая в обморок дама пусть ненадолго, пусть на час, но все же становится центром всеобщего внимания и заботы. Все страсти, бушевавшие до того, будь то злость, страх или горячая семейная перепалка, мгновенно укрощаются, уступая место чувству неподдельной тревоги и искренней любви. А разве можно иначе относиться к нежному существу, способному всего лишь при виде восьминогого насекомого или мышиного хвоста покрыться ангельской бледностью и провалиться в тонкий ров между жизнью и смертью? И потому любой, находящийся поблизости человек, вне зависимости от возрастной и половой принадлежности, кидается подхватить обморочную под локоток, поддержать ее голову, дабы не ушиблась, расстегнуть пуговку на ее груди — как бы не задохнулась! — и опрыскать водой бескровное лицо. И в этот, увы, короткий миг — ибо обмороки, как и все прекрасное, недолговечны — каждый из тех, кто окружает даму, потерявшую сознание, особенно остро чувствует свою вину. Вася не

был исключением. Бог точнее знает, какие процессы произошли в его куриной голове, только с тех пор каменные черви больше не попадались под лопату Матвеевны.

Жизнь потекла обычным чередом: прополка, окучивание, полив и бесконечное истребление колорадских жуков. Матвеевна поставила каменную жабу на свекольную грядку, точно на то место, где та полгода назад уселась на яйцо. В память. Жаба смотрелась на огороде так хорошо, что Матвеевна решила вынести туда же и каменную собаку — а чего добру в подполе пылиться. Первое время немного беспокоилась, не признал бы кто из односельчан в черно-подпалой скульптуре пропавшего месяц назад Шарика или Тузика, но, как оказалось, напрасно. Никто не признал. То ли собака была приبلудной, то ли, что более вероятно, никому в голову не пришло сопоставить живое существо с куском пусть и хорошо обработанного, но все же камня. Хотя посмотреть на невидаль и выразить свой восторг приходили все кривцы: и нижние, и верхние.

— Ну, Матвеевна, какую красоту развела! Пряма не огород, а кладбище!

— Окстись! Чего удумали — кладбище, — крестилась суеверная Матвеевна. — Тыфу, господи прости! Для красоты это, понимаете? Для души.

— Так мы и говорим — для души. Для вечного ее успокоения.

Нервы Анны Матвеевны не выдерживали. Она ловко выдергивала из земли камни и швыряла через забор, целясь в восхищенных ценителей. А однажды за забором появился председатель.

— Добренького утречка, Анна Матвеевна. Бог в помощь.

— Велел бог, кабы ты помог, — удивленно схамила в ответ Матвеевна. Неужто и председатель поглумиться пришел? Вроде, на него не похоже...

— Я тут прослышал, — сказал тот, зажав зубами папиросу. — Что ты у нас скульптором стала. Решил заглянуть.

Матвеевна в ответ молча повернулась задом, ухватила за хрусткие листья одуванчик и вонзила под его корень тыпку. Председатель чикнул спичкой, затаился и продолжил.

— Да не смущайся ты. Хорошие скульптуры, красивые. Тематика только какая-то странная. Лягушки, собаки... Ты бы хоть к собаке пограничника приставила или, на худой конец, охотника с ружьем.

Матвеевна, упорно не оборачиваясь, продолжала вытягивать истекающий горьким молоком корень, но уши наострила. К чему, интересно, старый лис клонит?

— Вот нам бы такого, с ружьем, перед сельсоветом поставить. А то скоро комиссия у нас ожидается. Слыхала, Матвеевна, про комиссию-то? Нет? Ну, ничего, я тебе расскажу, время есть. Так вот. Полгода назад выбрали в стране нового президента, это ты, поди, слышала. И новый президент сказал, что главное на сегодняшний момент — возрождение деревни. Возвращение стране, так сказать, прежнего аграрного величия. И взялся за это дело основательно. Для начала смотр колхозов и фермерских хозяйств объявил. Как в старые времена, короче. Помнишь, Матвеевна, как раньше-то было, а? Как мы плакаты рисовали и бульжники белой краской красили. а? Вот, примерно, так и сейчас, только белыми бульгами уже никого не удивишь.

Надо что-то принципиально новое, оригинальное, понимаешь? Вот, например, фигуру колхозника из такого цветного камня предьявить. Ты, кстати, где такой камень берешь? Красивый, черт! Колечками... Никогда такого в наших краях не встречал. Выписываешь, что ль, откуда?

— Где надо, там и беру, — огрызнулась Матвеевна. — Не вашего ума дело.

— Не нашего, согласен, — миролюбиво кивнул председатель, но от его миролюбия Матвеевну обдало холодным потом. — Нашего ума дело колхозу не дать сгнить, вас всех работой и зарплатой обеспечить, технику, мать ее, допотопную на колеса поставить и молодых удержать, чтобы не бежали из родных краев, как крысы от чумы. Смех кому сказать, чем занимаюсь на склоне лет — танцами и кинцами.

— Ты мне не плакайся, — не выдержала Матвеевна. — Я и сама плакаться умею. Ты прямо говори, за каким хреном пришел. А то развел тут беседу на полчаса, а у меня и помимо твоих бесед есть чем заняться.

— Ага, это мы тоже слыхивали. Ты ж у нас скотиной разжилась, верно? Курицу держишь. Говорят, странная у тебя курица... Ну, не о том я сейчас, не о том. Надо нам, Анна Матвеевна, удивить высокую комиссию чем-то таким, чего ни в Верхнем Кривино, ни вообще в области еще не выдвигали. Например, скульптуры твои из цветного камня установить. И эстетика, и наглядная агитация, и народное искусство. А? Как тебе идея, Матвеевна?

— Никак! Хреновая идея.

— Да нет, мать. Не хреновая. Грамотная идея. Соглашайся, чего ломаешься, как девка. А мы тебе в помощь и парней дадим, и машину выделим. Мало ли — камни привезти да что-то обтесать придется...

— Не буду я этого делать, — уперлась Матвеевна. — Хоть озолоти, хоть зарежь — не буду.

— Не будешь? Ну, ладись. Не хочешь, не надо. Резать тебя, дуру упертую, никто не собирается. Есть у меня еще одна задумка. Поумнее, чем статуи. Вот бы нам новую породу домашней птицы показать. Не привычной двуногой, а о четырех конечностях, а? Представь себе, Матвеевна — курица. В содержании неприхотлива, корма потребляет немного, растет быстро, только окороков у нее не два, а четыре. А? В два раза больше. Да нас за такое открытие к государственной награде приставят. Что на это думаешь, мать?

— А что тут думать? — разогнулась Матвеевна и посмотрела в упор в хитрые председательские глаза. — Совсем ты из ума выжил, вот что я думаю. Кицев пересмотрелся. Курицы не кошки, на четырех ногах не бегают.

— Бегают, мать, еще как бегают. Тебе ль не знать. Вот возьмем твою курицу многолапую и на расплод запустим. Она нам яиц нанесет, а там, глядишь, два-три месяца, и мы получаем новую, прибыльную породу. И ты мне даже не возражай, ничего слушать больше не буду. Конфискую, и дело с концом.

— Это не курица, это петух, — пролепетала Матвеевна последний аргумент. — Он яйца нести не может.

— И не надо. Пойдет в качестве производителя. Ну, так что? Добровольно сдашь,

или мне с представителями власти приходиться?

— Сволочь ты! Фашист!

— Стало быть, сама не отдашь. Ну, жди гостей, Анна Матвеевна.

— Петр Лексеич, — крикнула Матвеевна, когда председательская кепка уже мелькала среди гроздьев сирени. — А ежели я соглашусь?

— На что? — с притворным удивлением спросил председатель.

— Скульптуру сделать соглашусь.

— Тогда, как я уже говорил, выделим тебе машину и хлопцев в помощь.

— А петуха не отнимешь?

— Да сто лет он мне сдался, мутант твой!

— Не надо мне хлопцев, — вздохнула Матвеевна. — Сама справлюсь.

Она спокойно докопала грядку, вымыла руки и, пройдя на кухню, вытащила из ящика стола самый острый нож.

Глава 5

В которой Анна Матвеевна пытается отделаться малой кровью

Анна Матвеевна не была слишком набожной. Да и долгие годы жизни в качестве деревенской ведьмы отучили ее относиться к людям по-доброму. Но все же к убийству, а морозить живого человека в каменную статую это, как ни крути, именно убийство, Анна Матвеевна готова не была. Камнем из-за забора запустить — это пожалуйста, а убивать... Убивать — увольте. Она прошла в спальню, отогнула простыню и, аккуратно цепляя ниточку за ниточкой, вскрывала обивку матраса. Хочет кровопийца-председатель статую, будет ему статую. Чай, не дороже гробовых обойдется.

Анна Матвеевна всю жизнь пыталась копить деньги. Сперва отщипывала кусочки от колхозной зарплат, потом выкраивала крошки из пенсии и зашивала в матрас. В компанию к маминому обручальному кольцу и дедовым военным часам. К слову, спать на часах было до смерти неудобно. Как Анна Матвеевна ни старалась, запихивая их вглубь матраса, они с коварством подводной лодки всплывали и впились в спину колесиком для заводки механизма. Последнее время с финансами стало совсем туго, и матрас распарывался только для того, чтобы перезакопать непотопляемые часы. Оказалось, что и на этот раз они почти достигли своей цели, до поверхности оставалось полсантиметра ваты, не больше. Матвеевна покрутила колесико, поднесла к уху — тикают, живучий механизм, ничего не скажешь — рассеянно положила в карман и достала из матраса перетянутую аптечной резинкой денежную пачку. И, хотя сумма была ей известна так же хорошо, как собственная фамилия, Анна Матвеевна все же пересчитала купюры, сгиная палец и проговаривая каждое число — денежки счет любят. Тысяча четырехста пятьдесят. Сколько времени она не добавляла деньги? Пару лет или поболее? Удивительный, все-таки, фокус: не добавляла, не вынимала, сумма та же, а денег все равно меньше. Померла бы пару лет назад, хватало бы и на гроб с крестом, и на поминки с отпеванием. А что сейчас эти полторы тысячи? Пшик один. Впрочем, теперь похороны все равно отменя-

ются, придется еще пожить. Матвеевна расстегнула верхние пуговицы на платье и затолкала деньги в лифчик — подальше положишь, поближе возьмешь.

Погост располагался далеко, за Верхнее Кривино километров пять вдоль реки. С попутками не повезло — проезжающие мимо машины или не останавливались, или шли в другую сторону, так что все расстояние Матвеевне пришлось протоптать на своих двоих. Добралась в сумерках, когда в окне сторожки уже теплился свет. Конечно, разумнее было бы идти завтра с утра, но Матвеевна свой характер знала — не дал бы он ей ни сна, ни покоя до самого рассвета. Уж лучше переложить беспокойство в ноги и, шагая по дороге, растряссти помаленьку, как сено с худой телеги. Скрипнула кладбищенская калитка, захрустал под ногами гравий. Хорошо тут. Спокойно и тихо. Деревья листвою шелестят, птички тренькают, река течет. И ничего не меняется. Как были кресты да деревья, так и теперь стоят. Только дверь у сторожки новая, синей краской крашенная, а сбоку вообще невидаль — электрический звонок. Матвеевна поглядела на пузатую кнопку, подумала маленько — кто ж в таком месте в звонки звонит? — и постучала по старинке: кулаком и посильнее.

— Фадеич, открой, коль не спишь. Дело у меня к тебе есть.

Но вместо Фадеича открыл незнакомый парень.

— Тебе чего, мать?

— Мне бы Гаврилу Фадеича повидать. По делу я.

— Ну, коль повидать, то тебе вот по этой тропке до конца, а у старого тополя налево, там он.

— Работает что ль?

— Отработался твой Гаврила Фадеич. Полгода как под тополем отдыхает. Если у тебя, мать, к Фадеичу ничего личного, если ты и правда по делу, то ко мне обращайся. Я теперь тут главный.

Анна Матвеевна вздохнула: не все неизменно на старом кладбище.

— Мне бы памятник заказать. Каменный. Большой.

— Себе? — деловито спросил парень.

— Сто лет он мне сдался! — Она задумалась, как бы поточнее определить. В памяти всплыло затертое до дыр словосочетание, его и выложила. — Родному колхозу.

— Ишь ты!.. — крикнул новый главный. — Колхоз хороните что ли?

— Чего его хоронить, дурья твоя голова! — начала терять терпение Анна Матвеевна. — Комиссия у нас. Смотр народных хозяйств, понимаешь? Памятник нужен. Чтобы у сельсовета стоял.

— Ага, — понял наконец парень. — И что ставить будем? Крест или ангела? Крест, конечно, проще и дешевле, но это сейчас не в моде. Сейчас ангелы модны. У меня есть как раз один...

— Господи, помилуй, да какой крест? Какие ангелы? Мне колхозник нужен. С лопатой. Или с трактором.

— Трактора обещать не могу. А с лопатой — это запросто. Ты, мать, хорошо подумала? Точно ангела не надо? А то б я тебе показал, какой красавец у меня завалился. Его один новый русский для жены заказал. Но что-то там у него не срослось, не

померла жена, вот ангел и пылится. Всем хорош, только крыло одно отбито. Но так даже лучше, романтичнее. Вроде как обломал, родимый, крылья о суровую действительность. Денег-то у тебя, кстати, сколько припасено?

«Наконец-то о деле заговорил, — проворчала про себя Анна Матвеевна. — А то стрекочет, стрекочет...»

— Полторы тысячи наберу.

— Сколько? Ну, мать, ты даешь! За такие копейки сейчас даже деревянного креста не ставят.

— Да мне и не надо креста, сколько тебе говорить-то можно! Мне колхозник нужен. С лопатой.

— Ага, чтобы у сельсовета стоял — это я уже понял! Денег, говорю, у тебя мало, мать.

— Уж сколько есть. Все выгребла, — обиделась Матвеевна за свои сбережения и, тяжело вздохнув, добавила. — Ну, еще часы могу дать. Именные. Их еще мой дед за военные заслуги от Буденного в подарок получил. Не веришь? Так на крышке и на царапано: Красной Армии бойцу Федору Коростылеву от Буденного.

— Ну-ка, покажь часы...

Детали оговорили быстро. И лопату, на наличии которой Матвеевна настаивала, и, как витиевато выразился главный, сроки исполнения заказа. Матвеевна, подумав, дала сроку три дня. Точной-то даты, смотря председатель не назвал, но, зная его неспокойную натуру, следовало и самой проявить расторопность. И доставку потребовала ночную. Чтобы привезли колхозника не раньше полуночи.

— А чего ночью-то? — в какой уже раз удивился могильщик. — Развела ты мистики, мать, как в романе ужасов.

— Никаких ужасов, — испугалась неизвестно чему Анна Матвеевна. — Сюрприз это. Для родного колхоза...

Глава 6

Самая короткая, в которой сюрпризы родному колхозу оказываются не нужны, и Анна Матвеевна вынуждена принять непростое для себя решение

Сюрприз для родного колхоза прибыл вовремя, как договаривались. Через три дня глубокой ночью. К дому подкатил дребезжащий грузовик с выключенными фарами, и деловитые парни сгрузили во дворе закутанную в тряпки статую. Матвеевна пыталась было отмотать тряпки, но главный по кладбищу ее мягко отстранил.

— Да чего там смотреть. Колхозник как колхозник. И с лопатой, не сомневайся. В нашем бизнесе все точно.

— Что-то он вроде мелковат.

— А ты что, мамаша, за свои полторы тысячи хотела? Ленинский мавзолей?

Матвеевна в ответ только плечами пожала — мавзолея председатель не заказывал.

— К тому же темно сейчас, как в могиле, все равно ничего не увидишь. Утром полюбуйся. Все, пацаны, поехали, — скомандовал он, и пацаны, как черти в печную

трубу, попрыгали в кузов. Грузовик фыркнул и, переваливаясь на ухабах, провалился в ночь. И что-то в этой поспешности нехорошо кольнуло Матвеевну в сердце.

Утром она поняла, что. Из-под пыльной дерюги выпорхнул обескрыленный ангел и посмотрел на них с Васей печальными гранитными глазами. Лопата, правда, была. Совершенно новая, с наклейкой на желтом черенке. Ангел, слегка недоумевая, держал ее за металлическую часть, а длинная ручка указывала направление в рай, в золотисто-розовое рассветное небо.

Матвеевна снова прогулялась до кладбища, но, как оказалось, впустую. Забирать статую обратно сторож отказался наотрез. Кричал, что лопаты вполне достаточно, чтобы распознать в статуе колхозника, и только полный идиот, каких в наше время встречается один на тысячу, может в этом сомневаться. Председатель оказался одним из тысячи.

— Ты, что, Матвеевна, издеваться надо мной удумала? — он выплюнул окурочек и зло растер его каблуком. — Ты что мне подсунуть пытаешься? Я этого ангела два месяца назад видел, когда тещу хоронил. Он, правда, вместо лопаты лиру держал. А я-то, дурак, уже в районную газету позвонил. Рассказал, какой самородок у нас в Нижнем Кривино образовался. Скульптор золотые руки, хоть музей открывай. Про тебя, между прочим, рассказал. А они обрадовались. Обещали через два дня корреспондента прислать, материал на первую полосу сделать. И он ведь придет, мать его, корреспондент этот. А что мы ему покажем? Лягушку да собачку.

— А кто тебя за язык тянул! — вспыхнула Матвеевна. — Ты звонил, вот ты что хопь, то и показывай. Я без ваших музеев свой век прожила, и дальше не пропаду.

— А кроме себя ты о чем-либо думаешь? Эх... — председатель вдруг махнул рукой и обреченно пошел прочь. Уже выходя за калитку, обернулся и крикнул, как камнем кинул. — Готовься, Анна Матвеевна. Запускаем план номер два. Завтра петуха изымать будем.

— Через мой труп изымете, — прошипела в ответ Матвеевна. — Будет тебе, кровопийца, материал на первую полосу!

Васенька, умница, сразу понял, что от него требуется. Всего пара часов понадобилась, чтобы натаскать его на команду «Зырь!». Зырь — и под Васиным внимательным взглядом падает на землю полосатый камешек, только что бывший колорадским жуком. Зырь — зеленая гусеница на капустном кочне, каменья, вытягивается в судороге. Зырь — драная соседская кошка, не дожидаясь исполнения команды, с воем перемахивает через забор — умная сволочь! И быстрая.

— Молодец, Васенька, — Матвеевна погладила шипастый гребешок. — А теперь пойдем, самое трудное осталось.

Она не спеша умылась, надела лучшее платье и ненашенные парадные туфли. Купленные в далекой молодости, они впились в отекавшие ноги, словно отыгрываясь за свою несчастливую долю: на свадьбу береглись, а сгодились на похороны. Ну, ничего, ей в них не гулять. Матвеевна присела на дорожку, махнула рюмочку и, помянув за собой Васю, вышла во двор. Там взгромоздилась на чурбан для колки дров, присосанилась и, коротко ткнув себя в грудь, скомандовала:

— Вася, зырь!

Глава 7

В которой петух проявляет свой сволочный характер во всей красе, а его хозяйка получает ответственное задание от самого господина-бога

Вася скорбно глянул и поковылял к сараю.

— Вася! Василий, подлец! Иди сюда, кому сказано!

Но Василий в ответ озабоченно поцарапал землю и наклонился, выискивая червячков.

— Ну, погоди, мерзавец. Щас я тебя!

Анна Матвеевна, крихтя, слезла с постамента, подняла полено, забралась обратно и отработанным движением швырнула полено в петуха. Торопливо приосанилась, и, притянув за короткие хвостики приличествующие случаю мысли — вот и все, мол, пожила и хватит, прощайте, люди добрые, — замерла. Но Вася лишь пренебрежительно отскочил от полена и снова вернулся к червякам. И больше, как Матвеевна ни звала, ни кричала, в ее сторону даже головы не повернул, словно напала на него внезапная и непреодолимая глухота. Зато на призывы откликнулся вездесущий Ссыка.

— О чем крик, Матвеевна? С чурбана не слезть, или вешаться удумала? Могу помочь и в том, и в другом, только свистни.

Анна Матвеевна оглянулась на поленицу — далеко, не достать — замахнулась кулаком:

— Уйди, Ссыка, не доводи до греха!

Вася, уловив злые нотки в голосе хозяйки, бросил копаться в земле, подскочил к забору и внимательно уставился на беззаботно скалящегося Ссыку. Точь-в-точь сторожевая собака, готовая вцепиться чужаку в горло: гребень торчком, хвост в струнку. Матвеевна помертвела.

— Ссыкочка, родненький, уйди. Домой ступай, пока лиха не вышло.

Вася удивленно оглянулся на Матвеевну, не шучит ли? А Ссыка по врожденной дурости в этой негаданной нежности не углядел ничего странного. Облокотился о забор и, сплюнув через губу подсолнуховую шелуху, продолжил:

— Я тебе и веревку могу дать. И даже мыла для такого дела не пожалею. Скользнь к богу в гости, как по маслицу.

С высоты чурбана Матвеевне было хорошо видно, как напрягся Вася. Чешуя на загривке встала дыбом, задрожал хвост, пересыпая влажную вечернюю тишину сухим нервным треском.

— Вася, не тронь — свои, — беспомощно просипела она.

— Да какие мы тебе свои, ведьма старая! — осклабился Ссыка. — Волки в лесу тебе свои.

Матвеевна ахнула. Вася бросился на забор. Бросился, как собака, грудью, выставив вперед стальные шпоры и нацелившись точеным клювом в Ссыкин белесый глаз. Ссыка отшатнулся. Вася с жестяным звоном брякнулся о прогнанные заборные доски и тяжело рухнул на землю, осыпая себя щепой и облупившейся краской. Вскочил на ноги и бросился снова. Но Матвеевна второй атаки не допустила. Она проворно, как в молодости, прыгнула с чурбана и успела подхватить Васю на руки, прижать к груди и прикрыть ему глаза рукой.

«В какой путь», — испугалась Матвеевна, хотела переспросить, но Бог сделал Петру знак — проводи, мол. И тут же под ногами развернулась сияющая лестница, подхватила Матвеевну и через облачную муть доставила прямо в кровать.

«Ну и сон! — подивилась она, очнувшись на собственной перине. В ногах по-прежнему спал Вася, а через занавески уже вовсю било утреннее солнце. — И к чему, интересно, такое привиделось? Что-то я делать должна... Но что?..»

«В путь собираться надо, — вспомнила она, сгребая со сковороды яичницу. — Как-ких-то людей найти, до которых у бога руки не доходят. Ой! — Сковородабрякнулась о стол. — Уж не на Заячьем ли холме?»

Председатель охотно дал Матвеевне еще три недели срока. Оно и понятно, со статуей родному колхозу не в пример меньше возни, нежели с четвероногими курами.

Глава 8

*Опять короткая, но вполне наглядно иллюстрирующая,
что разведчик из Анны Матвеевны аховый*

К Заячьему холму Матвеевна подбиралась опасливо, хоть и выглядела со стороны обычной, вышедшей по ягоды, пенсионеркой. Изю дня в день ходила кругами, по-немножку их сжимая, подбиралась к сердцу грохочущего адища. В визге шил, грохоте моторов и стоне падающих деревьев все отчетливее слышались голоса людей и пастороженный лай служебных овчарок. И чем громче становились эти звуки, тем сильнее дрожали у Матвеевны руки; тем исступленнее толкались в ее голове трусливые мыслишки. Зачем она тут? Что она собирается делать? На что она вообще рассчитывает, ошиваясь возле запрещенной зоны? Даже если ей удастся подойти совсем близко, и Вася сделает то, что ему велено, как она сможет дотащить тяжеленную каменную статую до дома, да еще и сделать это незаметно? Да и как вообще прийти сюда с Васей? Деревенские-то, понятно, народ ко всему привычный и доверчивый, сказано им: петух-неурода — и не удивляются. А чужие люди на Васин странный вид могут отреагировать как угодно. Ответов на эти вопросы Матвеевна не знала, у нее было только смутное, вынесенное со сна ощущение, что на все воля божья. Не слушая смятенную голову, руки ее продолжали привычно брать в горсть черничные кусточки и осторожно, чтобы не помять, обирать ягоды, бросая их все больше мимо ведра. А ноги упрямо шагали вверх по холму. Несколько раз Матвеевну пытались прогнать охранники, но она в ответ проявляла уникальную стержовность. Кричала, подвизгивая, что всю жизнь тут ягоду брала, и дальше будет, хоть убейте. Охранники не сразу, но сдались:

— Смотри, тетка, прищеплет тебя деревом — мы за это не в ответе.

И достаточно быстро привыкли к тому, что в листе нет-нет, да и проглянет обтянутая цветистым ситчиком старушечья задница. Одного не замечали, что старуха не столько ягоды собирает, сколько по сторонам зыркает. А Матвеевна не замечала, что стала объектом пристального внимания еще кое-кого...

— Слыш, Лосось, бабка эта снова вокруг лесоповала ландает.

— Нам-то что.

— Как что? Как что? — вертлявый Ряженка чуть из штанов не выпрыгивал. — Нам эту бабку сам бог подогнал. Будем мотать, бабку грохнем и ее верхатуру на себя прикинем. Не в этом же нам по округе бегать!

— Я в бабьей одежде не побегу, — Лосось длинно сплюнул и паскреб в кармане новую порцию табачной крошки. — Западлю.

— Тебе западлю, мне сгодится. Ну же, корешок, кончай марьяжить! А ну, как она завтра не нарисуетя.

— Значит, не судьба, — Лосось легко, словно балуясь, пихнул плечом сосну. Та, треща, накренилась и, беспомощно цепляясь кроной за соседок, стремительно пошла вниз.

Ряженка зло чертыхнулся и вернулся к наполовину распиленной березе. Лосось свое погонялово получил за уникальную упертость. Сдвинуть его с выбранной точки никогда никому не удавалось, не действовали на него ни уговоры, ни грубая сила. Впрочем, силой на него давить и не пытались с тех пор, как он молча подхватил присланного с переговорами шестерку и швырнул о бетонный пол, переломав посланцу половину костей. На этот раз он отложил побег до четверга, и хоть весь мир тресни. На вопросы, отчего именно в четверг, отвечал: «Будет день и будет ясность». Оставалось утешаться тем, что до четверга осталось только два дня.

Матвеевна вдруг почувствовала, как испуганно дернулось сердце — к беде. Она разогнулась и посмотрела вверх, где в последней агонии задрожала крона вековой сосны и, раскачивая соседние деревья, рухнула. Надо бы все-таки Васеньку с собой брать. А то неровен час... Перекрестилась мелко и подхватила ведро. Полное, значит, домой пора.

Глава 9

*В которой действие уходит в другой, далекий от Нижнего
и Верхнего Кривино, мир*

Ночь накануне побега он не спал. Лежал, уставясь в темноту, и слушал, как всхлипывает во сне беспокойный Ряженка. Что может сниться этой пустой голове? Судя по стонам, молочно-белая коленка медички, явленная когда-то Ряженке во время очистительных процедур и с тех пор не дающая покоя. Хорошо, должно быть, живется с пустой головой. Легко. Ему бы самому поучиться в свое время этой легкости. А теперь уже поздно — ко всему последнему, будь то всего лишь кусок хлеба, невозможно относиться легко. А у него с этого момента все последнее: уже заполз в камеру последний рассвет, через несколько часов начнется последний завтрак, потом последнее построение и последний трудовой день. Он усмехнулся: о последнем построении постоянно мечтает Ряженка. Дескать, встать со всеми в ряд, лениво перебрехиваясь и поплеывая — вроде скучно тебе и ничего особенного не происходит, а после полудня... После двенадцати, когда все эки выползут за ворота отдавать трудовой долг Родине и обществу, помахать им ручкой и на волю, где «девочки танцуют голые, а дамы в соболях, халдеи носят вина, а воры носят фрак». Дурак. А ведь будет ему нынче последнее построение.

Только с другим финалом. Все-таки мечты выполняют не ангелы. Мечты, даже детские, приписаны к адовой канцелярии и исполняются там точно, до последней запятой, но с подвохом. Не умеют черти по-другому. Как они его мечту вывернули! А мечта была светлая: хотелось прожить яркую, полную романтики и приключений жизнь. И чтобы любовь была, как океан: бескрайняя, до гробовой доски. И все вышло, как заказывали-с. Житуха — ярче некуда. Приключений — по горло, до кровавой рвоты. И любовь — а как же! — роковая, с ножевым ударом под сердце.

— Да заткнись ты, наконец! — он саданул Ряженку в предплечье. Ряженка, не просыпаясь, жалобно всхлипнул и засвистел носом на новый лад — тоненько, словно плача. — Достал, падла. Даже перед смертью без тебя не побыть.

Он лег на спину и вытянул руки вдоль тела, примеряясь. Так, кажется, в гроб кладут. Хотя деду руки на груди складывали. На черном сатине корявые дедовы пальцы были точь-в-точь восковые, и таяла в них тонкая медовая свечка. А ведь именно тогда все и началось... Он вдруг понял, что дед его умер так же, как прадед, замерзнув под забором собственного дома в алкогольной горячке. Зароют его теперь на том же кладбище, где зарастает сорной травой могила прапрадеда. А мать, навалившаяся тогда бесформенным мешком на дедовы ноги, размазывающая по щекам пьяные слезы, уже завязла в этой трясине по горло — не вытянуть. Надо бежать отсюда, пока сам не увяз, бежать без оглядки и сожалений.

— Слышь, Ряженка. Проснись, сволочь, чего скажу! Ну! Ботаник с нами побежит.

— Ты что, Лосось, совсем вольтапунся? — прошепел моментально проснувшийся Ряженка. — На кой ляд нам эта сямка?

— Сказано — побежит, значит, побежит.

— Ты бы еще всех Люсек с собой захватил. Не побег, а цирк — весь вечер на арене... — обиженно отвернувшись к стенке, тихо бухтел Ряженка.

Лосось вздохнул. Ботаника, молодого парня, залетевшего на шесть лет по романтической дури, скорее всего, тоже убьют. Это для него хорошая смерть. Быстрая. Все равно ему житья не дадут. Еще месяц назад, как только планы побега просочились паружу сквозь дырявую кастрюлю Ряженкиной головы, тюремный долгожитель Скирда демонстративно выцарапал на стене первую палочку и, схватив Ботаника за грудки, жарко прошептал:

— Знаешь, что это такое? Это, красавица, наш семейный календарь. До свадьбы остались считанные дни. Готовь, гребешок, фату и белые чулочки.

Той же ночью Лосось, случайно проснувшись по нужде, выдрал из окровавленных рук Ботаника отточенную монету. Зачем выдрал — сам не знал. Поддался минутному настроению. Не смог смотреть, как этот цыпленок режет себе вены, мешая на бетонном полу сопли с кровью. Спас его, не спрашивая, а теперь настало время возвращать долги.

Кажется, и сам Ботаник это понял. На короткое «бежишь со мной», брошенное под перестук ложек во время завтрака, Ботаник, не задавая вопросов, согласно кивнул. Больше никаких эмоций не проявил. Только по вытянутой спине и напряженному затылку видно было, что он весь собрался, словно перед прыжком в холодную воду.

Глава 10

В которой Анна Матвеевна чуть не померла со страху

Влажное, подернутой туманной дымкой утро сулило день такой же, как был вчера. С мелким дождичком и лаковым запахом мокрой хвои. Матвеевну умиротворяла такая погода, без солнечной прямолинейности и ливневых скандалов. В тумане деревья стоят, словно свечечки пред иконой, а эхо становится гулким и тянет по миру птичье чириканье, как хорал. И сейчас туман окутал душу прохладой и смягчил зародившееся накануне беспокойство. Потому что она Васю с собой не взяла. Подумалось, чего его по сырости лишней раз таскать, простудится еще. Вот завтра, если солнышко выглянет, можно и прихватить. Знала бы она в тот момент, насколько обманчивы бывают жизненные посулы.

Матвеевна дошла до леса, пробралась по застеленным коврами из сосновых игл тропинкам до Заячьего холма, поставила ведро на обросший мхом плоский камень и притянула к себе веточку голубики. Перезревшая ягода лопнула под руками, брызнув синим соком на ладонь. Тренькнула над головой лесная птичка. Хрустнула под ногой сухая ветка. И с треском рвущейся ткани распорол тишину длинная автоматная очередь.

Ад, расположившийся на вершине Заячьего холма, внезапно обрушился на Матвеевну всей своей затаенной яростью. Крик, мат, собачий лай и плевки коротких выстрелов под ведьмовской визг бензопил сошли лавиной, сотрясая душу, вжали Матвеевну лицом в мох. «Господи!» — успела подумать она. И это испуганное поминание бога забегало по телу вместе с кровью, электризуя каждый волосок на теле и отстукивая в висках: господи, господи, господи... Какая-то сторонняя сила схватила ее за шиворот и поволокла прочь, цепляя коленями о корни и камни. Жадно чавкала под ногами болото, стараясь и себе отхватить кусок на пиру смерти. Впечатывались в его бурое лицо чьи-то стоптанные башмаки, охаживая Матвеевну по бокам:

— Шевели копытами, старая кляча!

Она и рада бы шевелить, но на ноги, как и на все тело и чувства, напал паралич. Схваченная за шкурку Матвеевна болталась ватной куклой и таранилась стеклянными от ужаса глазами на стремительно заполняющиеся под самым носом ржавой водой следы кирзовых сапог и скачущие рывками набрякшие кочки.

— Все, не могу больше, — задыхаясь, просипело сверху. — Сдохну.

Матвеевну шмякнуло в хлопнувшие болотные мягкости. Рядом упало пропахшее табаком и жарким мужским потом тело, загородив божий свет серым ватником. Следом плюхнулся, коротко выдохнув, еще один мужик.

— С ума сошли, — тонко выль чей-то голос. — Нельзя останавливаться. Бежать надо.

— Куда бежать-то, знаешь?

— Какая разница, куда. Подальше. И бабку эту хорош с собой таскать, — щелкнуло вылетевшее лезвие, и тотчас звук тяжелого удара свалил в чмокнувшую жижу невидимого Матвеевне убийцу.

— Не сепети, Ряженка. Убить и самим помереть всегда успеется. А из болота никто, кроме нее, не выведет. Ну-ка, бабка, — Матвеевну рывком перевернули. Три пары зрачков уставились на нее, как дула пистолетов. — Дорогу через болото знаешь? Матвеевна помотала головой.

— Ничего, мы тоже не знаем. Впереди пойдешь. Вставай, дырявая корзина, если не хочешь, чтобы под ребра мастернули. Пошла!..

Матвеевна пошла. Неуверенно, пробуя ногами шаткую землю и пытаясь сообразить, в какой уголок кривинских топей зашвырнула ее сатанинская сила. Не узнавая мест, шла и шла, увязая по щиколотки в грязи, с трудом выдергивая из нее и без того тяжелые ступни. Лишь бы не оборачиваться, лишь бы не видеть тех, кто идет сзади.

В деревне приговаривают, что кривинские леса невелики, с носовой платок, но в этот платок черти высморкались. Иной раз бабы пойдут по клокву и петляют до позднего вечера. Оказывается — вокруг одного и того же пня круги нарезали, лесный с ними заигрывал, хоромы водил. А сколько раз бывало, разойдутся в лесу каждый по свой гриб-ягоду, перепеваются, аукаются, а лесовники ухватят эхо и ну его таскать с места наместо, как радио. Начнут люди вместе собираться, чтобы домой идти, кричат, ходят, а отыскать друг дружку не могут. Тычутся, как слепые котят. Порой совсем близко друг от дружки проходят, но не видят сотоварища и не слышат. Тут важно вовремя меры принять: спясть с себя верхнюю одежду, вывернуть наизнанку и снова надеть. Черти умом не отличаются. Видят незнакомую одежду и думают, что новый человек в лес зашел. И пока приглядываются да гадают, как это они умудрились незнакомца проморгать, да какую шутку с ним сыграть, надо быстренько домой уходить. Но есть штука, от которой ничего не спасает. Морок называется. Морок лесные черти для самых неудобных гостей припасают — для тех, кто в лесу ведет себя непочтительно или по матери выражается. Наносит на человека необъяснимый страх, сковывающий члены и отшибающий разум. Страхнет человек с себя оцепенение, и бежит прочь, не разбирая тропинок, не глядя под ноги... Хорошо, если ангел-хранитель выведет, а если нет — пропадает дурак-человек ни за понюшку табаку.

Матвеевна все надеялась, что и ее похитители начнут чертей пугать, но ни одного грязного слова от них не услышала. Один, совсем молодой парень, почти не раскрывал рта. Другой — говорил редко, но тяжело, словно камни бросал. По тому, как беспрекословно его слушались, было видно, что он — главарь. Третий, нервный и вертлявый, трещал без умолку и, хотя Матвеевна понимала из его речей дай бог половину, было похоже, что матерных слов он не использовал. Видно, чем-то другим не понравились они лесным хозяевам. Крепко не понравились, ни одной знакомой кочки до сих пор не встретилось Матвеевну в хоженом-перехоженном с детства лесу.

— Стой, бабка. Привал нужен. Ноги отваливаются, — главный тяжело рухнул под сухую березу и потянул с ноги сапог. — И откуда в тебе силы-то сколько, старая? Прешь, как паровоз, сле поспеваем за тобой.

— Ты, Лосось, лучше спроси у нее, куда она нас завела. А? Куда, сука? — вертлявый бросился на Матвеевну, как цепной пес, рванув на груди ватник и брызнув в ее лицо слюной.

Матвеевна и испугаться не успела, как Лосось, молниеносно подавшись вперед, перехватил вертлявого за воротник и, крутанув, плюхнул на задницу рядом с собой.

— Не дергайся, Ряженка, раньше времени. Куда-нибудь да выведет. Не бесконечен же этот лес.

— Одежду надо наизнанку вывернуть, — отважилась раскрыть рот Матвеевна. — Запутали мы.

— Это еще за каким хреном? — взвился Ряженка.

Лосось усмехнулся, а молодой молча скинул ватник и начал выворачивать рукава.

— Дед у меня рыбаком был, — неожиданно светло улыбнулся он. — И не в такие приметы верил. До смешного доходило: черных петухов боялся. Говорил, ему видение было, будто род наш черный петух пресечет.

— И что? — затаила дыхание Матвеевна. — Пресек?

— Да куда там! Дед петуха дожидаться не стал, под машину угодил.

— Может, водила петухом был — визгливо засмеялся Ряженка, оскалив хищные острые зубы. Матвеевна даже пожелилась — не человек, а хорь.

— Все, на сегодня хватит, — скомандовал Лосось, натягивая промокший ватник швами наружу. — Отбой, господа-эки. Утро вечера мудренее.

Глава 11

В которой никому не спится

Вот ведь, как все повернулось: почь, звезды над головой, лес шумит. Ушли без единой царапины. Видать, не тот был четверг, не его. А может, не стоит принимать всерьез цыганские насмешки? Легкости. Ему бы легкости. Хотя все, что до того момента с ним случилось, цыганка предсказала точно. В толчее, царящей на Курском вокзале, она выхватила из толпы именно его, вцепилась в рукав:

— Эй, молодой-красивый, дай погадаю.

Он страхивал ее смуглую лапку — уйди, проклятая. Но она только крепче цеплялась и тараторила, заглядывая искоса, по-вороньи, в глаза:

— Зачем так говоришь? Нет на мне проклятья, мой род чистый. А вот на тебе висит. Черное. Вижу, вот тут, — она провела пальцем по его шее, отчерчивая дугу от уха до уха. — Как петля над висельником. С таким долго не живут.

Он почувствовал, как побежала по спине вверх, к затылку холодная дрожь, и с силой пихнул цыганку в грудь.

— А мне и не надо долго. И того, что есть, не осилить.

— И это вижу. Но того не знаешь, что не одного себя погубишь. Своими руками сына убьешь. Совсем скоро. Года не пройдет.

— Иди к черту! Ну! — он вырвался и, пытаясь унять kloкочущее сердце, пошел прочь. Почти побежал. Задевая прохожих и не оборачиваясь на их возмущенные реплики. В метро заметил, что дрожат руки. Пальцы никак не могли ухватить жетон и опустить в щель автомата. Сперва думал — от злости, влезла чертова баба в душу, и избаламутила до самого дна. А ночью понял — от страха. В нем эти два чувства всег-

да ходили в связке, заставляя на любую опасность бросаться с кулаками. В детстве он, задыхаясь от злой обиды, лупил по камням, подвернувшимся под его шаткие ноги, и избивал в отместку углы и пороги. Бил до кровавых ссадин, пока перепуганная бабушка не оттащивала за пиворот. Визжа, он изворачивался в ее руках и молотил кулаками, не видя ничего вокруг, по бабушкиному мягкому животу, по коленям до тех пор, пока не спадала с глаз белая пелена. И вдруг выступали из тумана бабушкины руки, растрескавшиеся, как пересохшая земля, узловатые вены на уставших ногах и собственные пальцы, перемазанные грязью и кровью. Прояснения были всегда ужасны. Он, задыхаясь на этот раз от отчаяния и стыда, бросался извиняться, охватывал бабушкины колени и целовал, целовал, измазывая подол ее платья слезами и слезами раскаяния. Бабушка в ответ беззвучно плакала, поглаживая его по голове. Не от боли, хотя его крохотные кулаки и отставляли на ее теле вполне опухшие синяки, а плакала от жалости, приговаривая:

— Бедный, Николенька, бедный! Как же ты будешь жить...

Так и жил. С приступами неуправляемой, слепой ярости, которая билась в нем, как дикая лошадь, выворачивая из грудной клетки сердце. По-прежнему бил стены и углы. Уже не от обиды, а вколачивая в неживое свою злость. Неужели когда-нибудь это вырвется наружу и обрушится на чью-то голову? Не может быть. Да и нет у него сына. Да и жены нет...

— Есть у тебя жена, — усмехнулась цыганка, глядя в его ладонь, как в исписанную тетрадку. Не вытерпел он, вернулся на вокзал следующим же утром. — Невенчанная, но на всю жизнь единственная.

— Это Светка, что ли?..

Цыганка посмотрела с издевкой:

— Имен тут не пишут, сам должен знать, — и снова в ладонь ткнулась, ахнула коротко. — А смерть тебя какая ждет! Странная, — она провела ногтем по ладони, обводя крохотный треугольник на сплетении линий. — Вот этот знак видишь? Никогда такого не встречала. Был бы он вот таким и чуть выше — вечную жизнь бы означал. А упал он сюда...

— Да бог с ним, — оборвал он, не было больше сил слушать доморощенную хиромантку. — Лучше скажи, когда это будет.

— Кто ж такие вещи спрашивает? Да если и спрашивают, мы не говорим. Но ты сильный, тебе скажу. В четверг умрешь.

Он понял — издевается. Порылся в кармане, вытащил комоч смятых купюр — всегда хранил деньги как попало — отдал все. Цыганка молча взяла, сунула за пазуху и скрылась в толпе, оставив его посреди людского моря захлебываться от тоски.

Матвеевну разбудил сдавленный смех. Она поднялась на локте, прислушалась. Нет, не смех. Плач. Молодой парень, чей дед боялся черных петухов, корчился на мху, зажимая рот рукавом ватника. Лунный свет выхватывал из темени его перекошенное истерикой лицо, а сверху шупукались насмешливо сосны.

— Эй, сынок! — тихонько погладила она его жесткие вихры. — Ты чего, родимый?..

Парень вдруг по-щенячьему ткнулся ей под грудь и заскулил. Тонко, на одном выдохе, сжав зубы и дрожа, словно выловленный из проруби недопёсок. Матвеевна прижала к груди его голову, растерянно погладила. Ее собственный ужас, сковывающий нутро холодом, вдруг отступил, выпуская наружу древнюю силу, дремлющую в каждой бабе. Она физически почувствовала, как поднимается в животе доселе ни разу не испытанная материнская нежность, волной прет вверх и, пульсируя в горле, вытекает словами:

— Тише, сынок. Тише. Все в порядке, сейчас уже не страшно.

— Я думал, не доживу. Думал, вчера последний день. Бабушка, милая, как жить хочется. Как страшно, бабушка...

Матвеевна, как могла, сгребла его нескладное тяжелое тело в охапку и, не зная толком, что полагается делать в таких случаях, неожиданно для себя самой закачала, баюкая, запела старую колыбельную, бог весть как застрявшую в памяти еще с тех приснопамятных времен, как сама была ребенком.

— Баю-бай, баю-бай, поскорее помирай! — начала и сама подивилась, ну и слова у песенки! Да уж какие есть, не выкинешь. — Помри, детка, поскорей, похороним веселей, прочь с села повезем да святых запоем, захороним, загребем и с могилы прочь уйдем.

Как ни странно, зловещая песенка успокоила мальчика. Он затих, настороженно прислушиваясь и согревая горячим дыханием подмышку.

— Баю-бай, баю-бай, хошь — сегодня помирай! — Матвеевна задумалась, вспоминая, что дальше. — Тебя как зовут-то?

— Михаил.

— Ага, значит так: седни Мишенька померет, завтра в землю упадет. Будем Мишу хоронить, в большой колокол звонить. Как на завтрашний мороз сплещем Мишу на погост, мы поплачем, мы повоем да могилушку зароем, — тут Матвеевна самой стало не по себе, и она торопливо добавила. — Ты не пугайся, здесь специально слова такие, чтобы смерть обмануть. Она послушает, увидит спящего и решит — ее работа тут выполнена, можно дальше идти. Она же очень занятая, смерть-то. Вот и пойдет по своим делам, а мы выживем. Баю-бай, баю-бай! Хотя сегодня помирай. Утром в среду похороним, в четверг ночью погребем, в пятницу помянем, поминальную споем...

Лосось приподнялся было, чтобы цыкнуть на глупую старуху, но лег обратно, положив голову на моховую подушку. Дурацкая песня. Разве смерть обманешь? Она настойчива. Кого приметит — непременно заберет. А про него, видать, забыла. И как он ни старался напомнить о себе, как ни прыгал под собачий лай и крики «стой!», не пришла. Не захотела. Отвернулась презрительно, хохотнув автоматной очередью. А может, и хорошо, что не пришла. Хочется ли ему умирать на самом-то деле? Он прикрыл глаза. Ночь, накрывшая их всех звездным кошаком, просочилась под веки и протащила с собой шум леса, запах мокрой хвои и древнюю, как весь мир, песню старухи. Засыпая, он вдруг понял, что с ночью под веками он не Лосось. Он Николай. Бедный, бедный Николенька...

Глава 12

В которой становится понятно, что Иван Сусанин из Матвеевны — никакой

Ветер гнал по воде легкую рябь, раскачивая на поверхности озера кувшинки и выструганный из камыша поплавок. Солнце, отражаясь от воды, слепило глаза, и Анна Матвеевна отворачивалась, прикрывала лицо ладонью, но не уходила. Глядя на воду, она забывала все приключившиеся с нею неприятности, и даже тревога о запрете в доме Васеньке отступила перед безмятежной ленью камыша и сонным стрекотанием кузнечиков. Совсем близко сыграла рыбина, запуская по озеру пашмшленные круги, и кувшинки возмущенно запрыгали на крохотных волнах.

— Не клюет чего-то, — вздохнул Миша и потянул на себя удильище, проверить, цел ли червяк.

— Сытая, — откликнулась Анна Матвеевна. — Вода цветет.

Миша потеревил обмякшего червя и снова закинул удочку.

— Бабушка, а как это озеро называется?

— Не знаю, — соврала Матвеевна. — Мне эти места не знакомы. Заплутали мы.

Она уже четыре дня, мороча беглецам головы, водила их кругами по кривинскому лесу, аккуратно обходя те места, где могли случайно встретиться вышедшие по грибы односельчане. От голода у мужиков порой так громко урчало в брюхе, что она испуганно прислушивалась — не шосс ли рядом. Самой-то ей не привыкать, и не такого в свое время натерпелась. Даже бузину ела. Ей тогда только шесть стукнуло. Легкая была, как воробей, забралась на куст, на самые тонкие веточки. Рвала гроздья да мелкими листиками в рот закихивала, стараясь проглотить побыстрее, чтобы не чувствовать мерзкого вкуса. Даже когда голова уже кружилась, все глотала и глотала, до того хорошо было чувствовать в животе сытую тяжесть. Под кустом се и нашли, белую от ягодного яда, в рвотном красном месиве. А сейчас поголодать — проще простого. Тело уже вверх не тянется, только впирь ползет.

В озере снова плеснуло. Миша досадливо поерзал на месте.

— Чего ей не клюется!.. Жрать хочется, сил никаких нет.

Матвеевна решила сменить болную тему и спросила:

— Ты за что в тюрьму угодил? — только потом сообразив, что с болной темы повернула на изболевшуюся.

— За пьянку, — стыдливо отвернулся Миша и снова подергал удочку.

— Тю, за пьянку! Да если б за это сажали, в нашей деревне из мужиков один предсатель остался бы!

— Не совсем, конечно. Меня друг детства подзаработать позвал. Ну, мужику одному дачу строить. Хозяин за работу не столько деньгами платил, сколько выпивкой. Ну и надирались мы каждый день до неба в алмазах. А однажды просыпаюсь — менты вокруг, а у меня в руке нож и вся одежда кровью вымазана. Оказалось, одно из нас ночью в пьяной драке прирезали.

— Неужто ты на такое способен? — подивилась Матвеевна. Мишенькина детская внешность никак с таким злодейством не вязалась.

— Да я не помню ничего. Вряд ли... Но я, когда выпью, так крепко сплю, что даже по нужде не поднимаюсь. А кто будет разбираться? Нож у меня? У меня. Пил? Пил. Все друзья-товарищи дружно показали, что именно я того парня зарезал, этого хватило.

— А эти... Как их... — Матвеевна порылась в памяти, вспоминая виденные по телевизору детективы. — Отвыкаты.

— А что адвокат. Его мне судом назначили, и ему возиться со мной было некогда. Мама потом сказала, что нашла хорошего адвоката, который берется обжаловать дело, но адвокат денег стоит.

— Нету денег?

— Да откуда им взяться! Мать хотела квартиру продавать, но я запретил. Мне за всю жизнь на новую не заработать, а ей на старости лет своего угла лишаться — сама понимаешь.

— Я одно, сынок, понимаю. Ты своей матери живой пужен. А квартира — что? Пыль! Будет человек, будет и угол. Ты бы лучше подумал, как твоей матери теперь жить придется, зная, что за эту проклятую квартиру сын жизнью расплатился. Тебе сколько лет дали?

— Восемь.

— Восемь! А отсидел сколько?

— Шесть месяцев. Да я все понял потом, но дергаться было уже поздно. Городинку у нас маленький. Продать квартиру без посторонней помощи мать сама не сумеет. А к кому за помощью обращаться? К другу детства? Он, кстати, предлагал. Как только я в изолятор загребел, пришел и подкинул идею с продажей. Все хлопоты обещал на себя взять. «Не беспокойтесь, Марь Петровна, все в лучшем виде обтяпаем. Только вот тут подпишите». Так что пусть уж сидит мать на месте ровно и не дергается. Для нее это безопасно.

— Эй, Ботаник! Кандахай сюда, мы шамовки надыбали, — крикнул из кустов Ряженка. — И кошелку волоки, а то как бы она не сдриступила.

— Ну, пойдём, что ли, бабушка. Перекусим.

Шамовкой оказалась кучка крепеньких сыроежек. Ели сырыми, слупливая тонкую кожу со шляпок и стряхивая палипшие соринки.

— Эх, пожарить бы их. С маслинем, — мечтательно протянул Миша. — И картошечки покрошить. А, Анна Матвеевна, хорошо бы сюда картошечки?

— Нашел, у кого спрашивать, — вскинулся Ряженка. — Эта курва нас спнарем тут таскает. Думаешь, она дорогу не знает? Как бы не так! Отвечай, плесень, зачем нас здесь валандаешь? Ментов ждешь, сука?! Бежать надо, братва! Ноги делать, а не прогуливаться!

— Уймись, Ряженка, — Лосось зевнул и лениво потянулся. — Куда тебе бежать-то? Для тебя весь мир — зона.

— Да на зоне хотя бы жрать давали. А тут еще неделя, и копыта отбросим. Веди в деревню, стерва старая! — Он схватил Матвеевну за грудки и, оскалившись, процедил. — Веди, а то порежу в лапшу.

— Не могу дорогу найти, — залепетала Матвеевна старую песню. — Заплутали мы...
— Ах, заплутали!.. Тогда чего расселась, как на дознании! Вставай на ходули, вместе дорогу пойщем.

Матвеевна послушно поднялась и повела всех троих привычной дорогой, петляя от кривой березы до болота и обратно.

Николай смотрел, как уверенно топает впереди старуха, и ухмылялся про себя: ну, народ! Не переводятся на Руси Сусанины, хоть ты их всех поубивай. Героическая бабка. Ноги от страха и усталости отваливаются, а она все равно кругами ходит. Упрямо, как карусельная лошадка. Как этого остальные не замечают? Впрочем, у Ряженки мозги, как у таракана, дальше собственного носа ничего не видит. А Ботаник совсем в себя ушел — пишите письма. На глаза попался примеченный еще три дня назад мухомор. Совсем постарел приятель, покосился и обмяк. Через пару дней останется от него трухлявый пенек да гнили плевков. Интересно, отчего их не ищут? В деревне поджидают? За четыре дня по всей округе должны были ментов наставить немерено. И в бабьем доме, сто процентов, засада. Не могли не сопоставить ее исчезновение с побегом. Господи, хорошо-то как тут, в лесу. Идешь себе, ноги переставляешь, птички тренькают, кузнечики верещат. Словно в детство вернулся, и нет ни будущего, ни прошлого — только настоящее. Шел бы и шел за этой старухой. Ни о чем не думая, куда ее глаза глядят...

— Ой, постойте, — выдохнул Ботаник. — Я совсем ногу стер. Дайте хоть глянуть, что у меня там.

Он плюхнулся на землю, стянул сапог и согнулся, разглядывая стопу. Николай по привычке поскреб в кармане и досадливо плюнул: табак закончился два дня назад. Еще один аргумент к тому, что пора заканчивать прогулку. Перед смертью не надышишься.

— Все, мать, хватит гулять. И не ври, что заблудилась, не надо. Веди нас домой.

Глава 13

Чертоводюжиния, в ней, как и полагается таковой по счету, случается немало ужасных происшествий: Вася совершает новое убийство, а Анна Матвеевна со свойственным деревенским ведьмам коварством строит козни

Каждому кривинцу известно, что при любом несчастье всегда есть виноватый, стоит только поискать хорошенько. И даже искать особой нужды нет, виноватые давно известны. А потому, когда от почтальонши Натальи муж переметнулся к привокзальной буфетнице, никого не удивило, что зареванная Наталья побежала не в сторону железнодорожного узла, а к дому Анны Матвеевны, где с криками и матюгами выбила все стекла. Самой Матвеевны в этот момент не было, она вернулась, когда страсти улеглись. У калитки топтался смущенный председатель.

— Анна Матвеевна, тут это... Непонимание вышло. Ты не волнуйся, зачинщики будут наказаны. А я завтра тебе хлопцев пришлю, они все поправят.

Хлопцы у председателя, конечно, расторопные — работали, как песню пели. За пару часов вставили стекла и даже окошки тряпочками протерли. Но поправить все даже им было не под силу.

Через полгода у Никитиных нежданно-негаданно пала корова. Старая Никитиха клялась, крестя изгвазданный фартук, что за три дня до смерти буренки молоко в ее вымени скисло и плюхало в подойник готовой простоквашей. Стекла бить не стали, ограничились тем, что подкинули в огород Матвеевне дохлую кошку. Справедливости ради надо отметить, что к кривинским кошкам судьба была еще злее, чем к Анне Матвеевне: они угодили в виноватые в столь давние времена, что причина такого к ним отношения не сохранилась даже в детских страшилках. Преследовали кошек упорно, из поколения в поколение. Матвеевна похоронила соратницу по несчастью все там же, под яблоней, и мстительно подумала, что в отличие от кошек, она не оставляет после себя потомства, а потому с ее кончиной у односельчан одной головной болью станет больше — придется искать нового виноватого.

Все это вспомнилось, едва Матвеевна переступила порог дома и наткнулась на распластавшуюся посреди кухни мертвую кошку. Что односельчане на этот раз ни при чем, было ясно без намеков: Вася, урча, вытягивал из кошкиной брюшины фиолетовые книжки и жадно заглатывал их, как макароны-шпагати. Матвеевне стало не по себе, но ругать Василия за кровожадность было бы несправедливо. Голод любую животину вынудит на крайности. Ветеринарша Люда рассказывала похожую историю. Поехала она в отпуск по путевке, а кота случайно дома заперла. Весь отпуск переживала. Думала, околел ее Мурзик. А кот не пропал, нашел ведро картошки и за месяц почти всю сожрал. Исхудал, конечно, и весь дом обгадил, но выжил. Вase в этой ситуации больше повезло — хватило силенок выбить дверную филенку. И хорошо, что он не начал терзать кошку прямо на улице, пугая сельчан, а сообразил притащить домой.

— Ну и петух у тебя, мать, — присвистнул Николай. — Птица-падальщик марабу.

Вася ревниво зашипел и поволок кошку под печь, оставляя на полу кровавую полосу.

— А в нашем Нижнем Кривино все петухи такие, — наврала Матвеевна, чтобы внести в стан врага ужас и смятение. Но эски в ответ и бровью не повели, разбрелись по дому, кто куда.

Миша задернул занавески и включил телевизор. Николай нагрел ведро воды, выпросил мочалку с куском мыла и пошел на двор мыться. А Ряженка сразу же нырнул в подпол, проверяя, удобно ли там прятаться. Решил, что для полного комфорта надо скинуть вниз хозяйскую шубейку и байковое одеяло. Шубейку, скроенную мамой из пяти Жучек, одна за другой испустивших дух на страже дома, было жалко — семейная реликвия, как-никак. Но спорить с психическим Ряженкой Матвеевна не решилась. Выдала все, что просил и, бегло оглядев его вылушенный из ватника сутулый хребет, расстроилась — для статуи, как ни крути, мелковат. Ряженка, не подзревающий о далеко идущих планах Матвеевны, логовом остался доволен и потребовал ужин. Свет зажигать эски запретили, пришлось ей стряпать в нервном свете свечного огарка, который, казалось, колебался даже от мыслей, а от малейше-

го шевеления воздуха захлебывался истерикой и норовил сырыгнуть с обуглившейся нитки. Из-за этой световой нервозности Матвеевна думала очень осторожно, то и дело косясь за спину. Прикидывала, хватит ли у Васи силенок умертвить человека. Ряженка, конечно, так себе мужичонка: мелкий и худой, а Васенька за последнее время здорово вырос и теперь повыше колена будет. Но все равно петушинные размеры против человеческих ни в какое сравнение не идут. Или рост в этом деле не главное?

— Вась-Вась, — позвала Анна Матвеевна. — Иди, Васятка, я тебе салыца отрежу.

В ответ под печкой мстительно треснула копящая шкурка — Вася всерьез обиделся на Матвеевну за четырехдневное заточение.

М-да... Проще всего натравить Васю на эзков, пока они снят, по тогда статую лучше сразу положить на грядку — спящий колхозник председателю не нужен. Можно сделать это во время обеда. Они, когда едят, благодатные, со спины подпустят. Но Лексич мужик привередливый, и обедающий колхозник тоже может очутиться в огороде. Попросить их картошки накопать, что ли? Так ведь рановато еще, не выросла картошка. А, может, дров наколоть?..

— Слышь, кошелка, заколебала ты с хавкой ковыряться, — зашипел за спиной Ряженка. — Завязывай кулинарить, я сейчас с голодухи слохиу.

Свеча затрепетала, и сердце у Матвеевны дернулось вверх. Тыфу, черт тощий! Совсем неслышно подкрался, ни одна половица не скрипнула...

— Почти готово, — промямлила она. — Садитесь за стол.

Она смотрела, как молча, по-звериному заглатывают пищу незваные гости, как жадно рвут зачерствевший хлеб, и думала, что не напрасно кривинцы в ее сторону косились. Привела-таки она беду в деревню. Привела и в своем доме приютила.

Наутро Матвеевна была так рассеяна, что даже Ряженка это заметил:

— Ты чего это, плесень, в облаках витаешь? Строишь планы, как ментам нас заложить?

— Мне бы, сынок, дровишек. Для печки...

— Ну уж дудки! Не для того мы с лесоповала лыжи смазали, чтобы на тебя корячиться.

— Ага, поняла, — согласилась с доводами Матвеевна и переключилась на кандидата номер два. — Николай, нам бы дровишек на вечер, а? Баньку бы затопили, попарились.

— Кому надо, тот на дворе помоется. Нам лишний раз светиться ни к чему.

— А давай, бабушка, я поколю! — откликнулся Миша. — Разомнусь. Сто лет дровишки не колол!..

— Да нет, Мишенька, не надо. Прав ваш главный, ни к чему лишний раз светиться.

— Да кто меня тут знает! Скажешь, племянник из города погостить приехал. Можно, Коль?

Николай равнодушно пожал плечами — делайте, что хотите.

— Супер! — обрадовался Миша. — Пойдем, хозяйка, топор мне дашь. А дрова у тебя какие? Березовые или сосновые?

— Разные, Мишенька, разные. Что найдем, то и колем. Вася, ты дома посиди.

— Да ладно, пускай тоже идет, — Миша, золотое сердце, готов был всех облагодетельствовать. — Прогуляется. Ты за свою птицу не волнуйся, я аккуратно работать буду, ничего с ней не случится.

— Да чего ему станется, — махнула Матвеевна, и про себя подумала: «С тобой бы беды не выпило». — Ой, что-то я топора не вижу. Всегда тут лежал. Куда засунула, не помню. Голова стала совсем дырявая. Как чего приберу — месяц ишу. Ну, бог-то с ним, потом найдется. Пойдем, сынок, чайку попьем...

— Так вот же топор! — Мишина наблюдательность свела на нет последнюю уловку. — Под крышей сарая воткнул.

— А... Ну, воткнул, так воткнул. Вася, пойдем со мной. Хоть тебя булочкой покормлю.

Вася издевательски на нее посмотрел и с места не тронулся. Пришлось и Матвеевне сесть на крылечко.

Глава 14

В которой неужемная Анна Матвеевна напрашивается на неприятности, Вася лезет на рожон, а вместе они вносят в стан врага раздор и смятение

Так до обеда она и просидела, глядя, как пугливо вжимаются под стены сарая тени, стремясь уползти от солнечных лучей. Мысли в голове плескались сами собой, то упилая в прошлое, то возвращаясь назад, и вдруг вынесли, как выкатывают на берег волны пустую ракушку, простое и четкое решение. Такое простое, что она в волнении поднялась. И чем яснее выстраивался в голове дальнейший план, тем нестерпимее было бездействие. Надо было чем-то себя занять. Срочно, пока зуд не выбил разум из своих назов, как выбивает сильный удар кость из сустава. Матвеевна помоталась по двору, поманила метлой, поднимая тучи пыли, зачем-то сняла с забора противокуринные заграждения, подумала, что хорошо бы снести к черту пустующий курятник и, испугавшись своих глобальных планов, решила занять руки менее разрушительным делом — пошла готовить обед. Вася, проголодавшись и устав смотреть, как другие работают, первым юркнул в дом и, скользя когтями по половым доскам, понесся к своим мискам, в спешке зацепив чешуйчатым боком Ряженку по голой лодыжке. Ряженка охнул — на лодыжке расплылась свежая царапина, словно бритвами полоснули — и ловко пнул Васю в зад. Вася в ответ подскочил и молниеносно ткнул клювом в беззащитную эзковскую коленку.

— Ах ты, сука! — зарычал Ряженка, опрокидываясь от внезапной боли на скамейку, и схватил со стола нож. — Убью!

Вася широко раскрыл клюв, вздыбил на загривке стальные перья, расправил крылья и яростно зашипел, выбивая хвостом на полу злую дробь. Матвеевна коротко ахнула: вот невезуха! Дернуло же этого дурака по дому голышом разгуливать! Статуя в семейных трусах — только баб смешить да ворон пугать. Но ничего уже нельзя было исправить — Ряженка с ножом бросился на Васю. Матвеевна зажмурилась. На внутренней стороне век отпечаталось наваждение — оборотень с оскаленной собачьей пастью и щетинистой кожей, туго натянутой на скулы. Пол затрясся.

Матвеевна в ужасе зажала руками уши и, не открывая глаз, увидела, как падает, продавливая половицы, скорченный агонией камень. Мимо, тяжело тоная, пробежал Миша, зазвенели опрокинутые кастрюли, сдавленно матюгнулся Николай, завыл, захлебываясь бессильной ненавистью, Ряженка. Матвеевна удивленно открыла глаза. Тяжелый дубовый стол лежал на боку, как околевавшая лошадь. Соль из солонки высыпалась, стоявшая на столе стеклянная банка с цветами разбилась, под ногами крутилась, грохоча, крышка от сковороды. Миша, навалившись на Ряженку, прижимал его к полу и ловко отпихивал ногами жаждущего крови Васю:

— Брысь! Брысь пошел!

А Николай заламывал Ряженке руку, выкручивая из его пальцев нож.

— Пусти! Пусти, сука! Всех порежу! — стонал Ряженка и сучил обклеванными в кровь ногами.

— Как бы сам не порезался, — Николай, наконец, выдрал нож и, коротко замахнувшись, стукнул рукояткой Ряженку в затылок. Ряженка ткнулся носом в пол и обмяк. Миша сграбастал в охапку сопротивляющегося Васю.

— Все, кажется, разняли. Один, по крайней мере, точно успокоился.

— Надолго ли, — усмехнулся Николай. — Давай-ка мы его в погребке пока подержим, пусть остынет. Мать, у тебя веревка найдется? Тащи сюда.

Ряженка бился в погребке до ночи. Весь день выл, не замолкая ни на минуту, и катался по земле, извиваясь, как уж на сковородке. А неудовлетворенный Вася в унисон ему клекотал от злости. Сидел на двери погребка, нетерпеливо ожидая, когда же ее наконец откроют.

— Надо же, до чего птица злопамятная, — удивился Миша. — Не петух, а сицилийский мафиози. Коль, что мы с ними делать будем?

— Ничего. Сами успокоятся.

— Я своего петуха знаю, — встряла Матвеевна. — Он не успокоится.

— Значит, пойдет на суп, — спокойно ответил Николай.

— А не жирно ли тебе будет — из моего петуха суп! — вспыхнула Матвеевна. То, что Ряженка был связан и заперт, придавало ей смелости. Она подбоченилась и, яростно размахивая поварешкой, грудью поперла на Лосося. — Мало, что ввалились в мой дом, жрете, пьете и спите на моей кровати, так еще и всю скотину перерезать собрались! Интервенты!..

— Уймись, бабка! — прорычал Николай.

Но Матвеевна, ослепленная присущим каждой твари женского пола инстинктом сохранения родного гнезда, не только не обратила внимания на растерянное отчаяние, с которым он огляделся по сторонам, но и не различила в голосе Николая бешеных нот, а потому, взбираясь по собственному страху, как по отвесной стене, взбывая крик в визг, продолжала:

— Фашисты! Вы! Все! Да таких, как вы, мой отец под откос пускал эшелонами!..

— Заткнись!

— А ты меня сам заткни! Сам! Что? Топор тебе принести? Чтобы всё по-вашему, по-привычному...

— Замолчи, старая дура! — он схватил Матвеевну за кофту и прохрипел. — Замолчи! Не буди зверя, пока спит! Я уже одну такую речистую до смерти уходил. Думаешь, второй раз не смогу?

Он осекся. Сглотнул слюну и отбросил от себя старуху. Хлопнув дверью, выскочил во двор.

— Зря ты так, бабушка, — тихо сказал Миша. — Какие мы фашисты...

— Верно. Вы хуже. Они чужие были и разговаривали по-собачьи. А вы... — в памяти Матвеевны всплыл оскал и натянутая на костистый череп кожа Ряженки. — Вы нелюди. Оборотни. Да что тут говорить...

Она устало одернула платье, поправила сбитый платок.

— Ночью со мной пойдешь. Хватит тебе в этой стае бегать.

Миша, снова почувствовавший себя Ботаником, ничего не ответил, только кивнул.

Вечером Николай не мог уснуть — дрожали руки, как в те моменты, когда он трехлетним пацаном цеплялся за бабушкины колени. Сейчас ему казалось, что не только руки, а сама душа, словно отчаявшийся заключенный с пожизненным сроком, трясется в теле, расшатывая решетку костей. Выпустить бы ее, горемычную. На волю. В небо, как воздушный шар. Может, там она успокоится. Но, чтобы выпустить, надо умереть.

Николай повернулся лицом к стене. Старый диван под ним жалобно всхлипнул. Лосось не боялся умереть, он презирал самоубийство. В подвале завыл сквозь сон Ряженка. Тонко, сонно. Николай презрительно хмыкнул: живет же на земле такая слизь! И все же, как бы не был мерзок Ряженка, как бы не был он противен в каждом проявлении своего мизерного «я», приходилось признать — между ними есть существенное сходство, оба они — эски. Настоящие, матерые волки-оборотни, не способные жить среди людей. Только для Ряженки весь мир — тюрьма, в которой люди четко делятся на три категории: вертухаи, сокамерники и созданные для кидалова лохи. А у него, Лосося, тюрьма внутри тела встроена, решетки в кости вмонтированы — не выдерешь, колочка к хрящам примотана — не распутать. Потому убежать из нее невозможно, а жить с тюрьмой внутри тошно и бессмысленно.

Он перевернулся на другой бок и вздрогнул: в темноте над ним склонилось белое привидение со свисающими на плечи жидкими волосами. Привидение было в валенках на босу ногу.

— Не спится? — спросило оно голосом Матвеевны. — Может, тебе чарочку махнуть? Для успокоения?

— Отстань, бабка!

А ей-то чего не спится? Тоже разволновалась? Даже когда они по лесу ее таскали, Матвеевна на бессонницу не жаловалась. Ложилась, подмывая под голову рукав, и до утра сопела. Лосось вспомнил, что бабушка после его припадков ярости тоже не спала ночами. Вдыхала и ворочалась, скрипя пружинами. Хорошо хоть, не так часто эти припадки случались, а со временем и вовсе стали редки. Редки, но метки, для Светланы и одного хватило. Он даже не помнил, как все произошло. Помнил, что топорился на ее день рождения. С цветочками, мать их. И с шампанским, как и поло-

жено без пяти минут мужу. Помнил, как, забыв еще утром ключи, долго звонил в дверь. Упершись лбом в дермати́н, слушал, как ворочается за дверью нечто чуждое, громоздкое, как оно ходит, хихикая и оступаясь, натывается на мебель и роняет на пол посуду. Смутно, но помнил, как, уронив на пол лестничной клетки цветы и шампанское, молотил в дверь, сбивая костяшки и рыча: «Открой, сука! Открой, проблядь!» И зачем она открыла? Какой бес толкнул ее неповоротливое пьяное тело к двери и заставил нащупать ватными пальцами замок?

— Эй, бабка. Давай свою чарочку, черт с тобой.

Выпил и задохнулся. Не от крепости, хотя и был самогон заде́рист. А оттого, что бабкина чарочка так жарко пахла брожевом, словно сама Светка, вдруг ожив, распахнула дверь и выдохнула ему в лицо: «А-а-а! Суженый-простуженый явился не запылился». Он тогда с силой оттолкнул ее и вбежал в комнату. Обедки на мокрой скатерти, растерзанное платье на полу, Светкин лифчик, зацепившийся лямкой за спинку стула, и чьи-то огромные ноги, торчащие из-под их одеяла. На их кровати. Он беспомощно оглянулся на Светку. Может, все это пеленое недоразумение? Может, сейчас она все объяснит, и мир снова станет простым и понятным. Но Светка томно повела плечом и с кокетством бывалой плуток надула измазанные помадой губы:

— Плохой мальчишка! Очень-очень плохой! Чуть не сломал дверь. И праздник испортил...

— Праздник? Это ты называешь праздником?

— Как умею, так и веселюсь! — Светка вызывающе подбоченилась. — И ты мне не указ! Ну, не сердись, Колюня... Иди к мамочке. Я и тебя тоже поцелую.

Это ее «тоже» и выдернуло у него из-под ног реальность, как злой клоун выдергивает ковровую дорожку из-под ног панарника по ренризе. Удар по искусанным, исцелованным губам — лицом и ошпаренным. Нечеловеческий вопль боли — хохот и анлодисменты зрительного зала. Кровь на распахнутом халате и болтающейся груди — красный бархат занавеса.

Вскрытие показало, что первыми же ударами он забил Светку до смерти и еще долго месил мертвое тело. А еще — «на момент смерти гражданка Уварова С. А. была на втором месяце беременности». У его сына уже билось сердце.

— Эй, бабка. Дай еще. Да не рюмку, что мне твой панерстек! Всю бутылку неси.

Глава 15

*В которой Анна Матвеевна узнает неожиданные для себя вещи
и попадает на собрание партизанского отряда*

Еле дождалась Анна Матвеевна, когда Николай утомонится. Уж и луна взойшла, и полнеба пропахала, а Лососю все не спалось. Вертелся, крихтел. Один раз притих надолго, она на цыпочках подкралась посмотреть, спит ли, а он глазищами как зыркнет — уйди, бабка! — сердце в пятки ухнуло. Пришлось еще палить. Но и после бутылки он насилу успокоился. Миша тоже не спал. Когда Матвеевна подошла к парню, он с готовностью скинул ноги с кровати.

— Пора?

Вышли за околицу тихонечко, ни одна дверь не скрипнула. И двинулись по заселенной лунным светом дороге, словно по серебряному пути к богу в гости. А потому и мысли в голову набились такие величественные, что им в узком бабьем черепе тесно стало. Давили на виски и стучали молотками в темечко. Матвеевна даже платок сняла и помахала им, словно разгоняя комаров. Но разве такие думы запросто разгонишь? К мыслям о божественном предназначении принудился совсем уж дурацкий вопрос: отчего взбешенный Вася не обратил Ряженку в камень, а папал на него, как простой петух, используя клюв и нпшоры. Тщательно, неспешно поразмыслив на эту тему Матвеевне не дал Миша.

— Анна Матвеевна, — встрепнулся он вдруг. — Я давно хотел спросить, да все забывал — а что это у тебя за скульптура в огороде стоит?

— Какая скульптура? — заколила Матвеевна.

— Собака каменная. Я ее сразу заметил — талантливая работа. Камень, как живой. Каждый волосок выточен.

— Ах, эта... — Матвеевна не сразу решила, говорить правду или нет. Но лунная дорожка, ведущая в небо, солгать не позволила. — А это живая собака и есть. То есть была живая, пока Вася, петух мой, ее в камень не заморозил.

— Шутить, бабушка? — обиженно протянул Миша. — За ребенка меня держишь? Мне, между прочим, двадцать два года. Я в сказки уже не верю.

— Ишь, большой барин — двадцать два года! А я на своем восьмом десятке верю? Я тебе все по порядку расскажу, а ты реши сам — верить или нет.

Матвеевна в подробностях стала рассказывать про каменных червяков в земле да колорадских жуков, превратившихся прямо на картофельных листьях в полосатые бусины. Про то, как испугалась за Ваську, когда собака на него бросилась. И как сама упала в обморок, когда собака рухнула на землю каменной скульптурой.

— Ай, не так все началось! — вспомнила она. — Не с того. Сперва жаба померла.

И поведала про напасть, из-за которой никакая животи́на в ее доме не живет, про петушка Ваську, про невестку откуда взявшегося яйца, про панешствие лягушек и упрямую жабу, остекленевшую от холода. Говорила и сама дивилась — и впрямь сказка, хоть детинкам на ночь сказывай. Да еще и длинная такая, на полдороги хватило, за поворотом уже верхнекривинские собаки перебрёхиваются. Миша слушал, не перебивая, но по тому, как он порой удивлению ахал и нетерпеливо теребил себя за мочку уха, было видно, что сказки и у двадцатилетних мальчиков вызывают живой интерес.

— Анна Матвеевна! — не вытерпел он. — Дорогая! Знаешь, кто у тебя в доме живет? Это ж не петух! Это василиск!

— Ну, да. Василиск зовут.

— Нет, ты меня не поняла. Василиск не птица, скорее дракон. У меня в детстве книжка была, bestiарий, там и василиски описаны. Надо же! А я-то думал, что все эти твари: василиски, химеры, гидры — чистой воды легенда, мифология. Черт возьми! И как я сам не догадался? Он ведь на четырех ногах и чешуя вместо перьев. Но когда ЭТО так просто, в деревне...

Миша говорил торопливо, перебивая сам себя. Сыпал на Матвеевну какие-то мутные истории. О рыцаре, убившем ядовитого ползуменя и мгновенно умершем от впитавшегося в древко копья яда. О царе, спасшем свое войнство тем, что он поднес к глазам чудовища зеркало. Об отравленных шахтах и проклятых колодцах. Матвеевна сразу же запуталась в этой перазберихе незнакомых слов. Из Мишиного рассказа становилось ясно одно: в мир пришла страшная беда. Вырвалась прямо из адской прорвы и, по дурацкому совпадению, каменной глыбой упала в ее огород.

— Хватит, Миша! Прекрати, — не выдержала она. — Не дури мне голову! Ты Васю видел? Видел. Разве похож он на эти страсти?

— Не похож, — удивленно согласился Миша.

— Вот и не тренди. Раз живет, значит, божье творение. И не нам с тобой его судить. Пусть живет, как показано.

— Конечно, пусть живет! — с жаром ухватился Миша за новый поворот темы. — Это же величайшая редкость! Такое, наверное, раз в тысячу лет случается! Надо его ученым показать. Обнародовать, так сказать, явление. Да весь мир ахнет, Анна Матвеевна!

— Я тебе обнародую! — рывкнула Матвеевна. Ей в унисон бдительно заголосила скрытая за чужим забором шавка. — Я тебе ахну! Взять бы прут березовый и выдрать, чтобы ерунды не порол! Мир чем меньше знает, тем крепче на месте стоит, понял? И не смей его трясти.

— Да ты пойми, бабушка! — затараторил Миша. — Это же почти чудо! Это так важно для науки! Ведь...

— Медведь! — отрезала Матвеевна. — Твоей науке что чудо, что белая мышь — все едино, под нож и в банки. Она, конечно, все объяснит. И почему Вася огнем плюется, и как в камень морозит. А ему это надо? А мне на кой черт? Нам надо, чтобы нас в покое оставили, понимаешь? И не спорь со мной — прокляну!

Миша обиженно замолчал. И молчал весь остаток дороги, пока Матвеевна не свернула к вросшему от старости в землю дому. Она по-хозяйски просунула руку в щель над калиткой, нащупала крючок и открыла двери.

— Как говоришь, эта страсть называется? — спросила она подчеркнуто небрежно.

— Василиск.

— Вот тут встань пока, не светись.

Матвеевна решительно постучала в дверь. Тотчас в глубине дома испуганно загремело опрокинутое ведро, и сдавленно матюгнулся хозяин.

— Кого принесло? — настороженно поинтересовался он.

— Я это, Иван Степаныч. Анна Коростылева. Открывай, не бойся.

— Было бы чего бояться! — проворчал Степаныч, отворяя дверь и растерянно опираясь майку. — Чего тебя на ночь глядя принесло? Куклы сапоги потеряли?

Матвеевна пропустила колкость мимо ушей, и прямо с порога взяла быка за рога.

— Ты, Степаныч, прошлый раз про партизанские тропы что-то рассказывал. Правда это или так — бахвальство?

— Это у баб бахвальство, а у нас, мужиков, как сказано, так и есть, — незамедлительно полез в бутылку потомственный картограф.

— Ага, — подвела Матвеевна итог первой части переговоров. — А скажи-ка мне, Степаныч, партизанские тайны у вас, у мужиков, как в старину блюдутся? Или вы их по бабему радио разглашаете?

От возмущения у Степаныча встопорчились усы.

— Что за вопросы такие? Пришла в ночи, понимаешь, и дурацкие вопросы спрашивает...

— погоди, Степаныч, не кипятись. Наговорить с три короба и я могу. А ты делом все это докажешь? Тогда слушай.

Выбранная Матвеевной тактика предварительной подготовки оказалась безошибочной. Иван Степаныч, как только понял, что от него требуется, гордо выпрямил спину, буркнул сомнительный комплимент, что-то вроде «ну и игрушки у нынешних баб пошли», забрался на чердак и долго крутил там какие-то ручки, рассылая по Верхнему Кривину условные позывные. Через полчаса в его избе собрался весь партизанский комитет, состоящий из мужиков пенсионного возраста. Такой гвалт подняли — куда там бабам! Каждый тянул совещание на себя, выставляя свой участок задания самым сложным и наиглавнейшим. Было не совсем понятно, отчего столько шума. То ли перед Матвеевной пыжились, по застарелой привычке, какая срабывает всякий раз, когда в мужское общество попадает женщина, то ли потому суетились, что среди них не было ни одного рядового исполнителя — все сплошь за что-то ответственные, то ли, и это казалось Матвеевне наиболее вероятным, настоящее, тайное дело выпало комитету впервые, и важность момента вскружила партизанам головы. Особенно усердствовал «ответственный за транспортную часть» тракторист Калинин. Когда он впервые раскрыл рот, Анне Матвеевне показалось, что в его горло вмонтирована иерихонская труба небольшого размера. Труба неустанно гудела о дизельке, мощности которого недостаточно, и о тягловых возможностях вверенного ему транспорта, которые фактически беспредельны. Гудела так самозабвенно и громко, что любое другое высказывание вяло на корню, не давая развиваться в росток ни одному мало-мальски толковому плану. Несколько раз Матвеевна, измученная низкочастотным звуком, замечала, что руки ее сами собой тянутся к шее Калинкина. Она испуганно одергивала себя, но нескончаемые трубные «а я тебе чего говорю!» да «ты меня послушай!» всверливались в уши, лишали воли, и руки снова пускались в самостоятельное путешествие. Из-за этого Анна Матвеевна на протяжении всего собрания беспокойно ерзала на месте и оглядывалась на Мишу, проверяя, как настроение у мальчика. Но Миша если и был напуган, то никак этого не показывал — сидел в сторонке, бледный и сосредоточенный, а страсти накалялись все сильнее, грозя взорваться ссорой. Радовало только одно — ни один партизан не предложил сдать Мишу властям. Видимо, сказывалась партизанская закваска — всегда переть против любой власти.

Самое удивительное, что через четыре часа галдежа и суматохи мужики умудрились родить достаточно стройный план, согласно которому Мишу укла-

дывали в транспортное средство Калинкина и, замаскированного сеном, везли в обход «основных дорожных развязок и постов наблюдения». То есть, по-русски говоря, лесом и болотом, до районного центра, условно названного «пункт назначения «А». Все дружно согласились, что для выполнения этой части задания необходимо следовать по разработанному Степанычем маршруту, но еще лучше, чтобы уж точно не сбиться с пути, взять с собой и самого картографа. По прибытии в пункт «А» ответственный за маскировку Федор Дерюгин, чья жена очень кстати работала в райцентре паспортисткой и моталась туда три раза в неделю, должен раздобыть для объекта, то есть для Миши, поддельный паспорт. Ответственный маскировщик брался выманить свою бабу на обед в соседнюю столовую, а там, отлучившись якобы по острой физиологической нужде, тайно проникнуть в кабинет, стянуть со стола любой мало-мальски подходящий по году рождения паспорт, вклеить туда Мишину фотографию и аккуратно пройтись по уголку печатью.

— А в кабинет ты как войдешь?

— Это, брат, самое простое. Галка ключ за карнизом держит, потерять боится.

Все воодушевленно загудели, а добросердечный Степаныч спросил:

— А Галине за пропажу подотчетного документа не всыпят?

— Не бойсь, — самоуверенно отмахнулся Дерюгин. — Она у меня изворотливая, выкрутится.

Далее ответственный за передислокацию, известный Матвеев еще со школьных лет как Сенька Пряхин, препровождает снабженческий документами объект на железнодорожную станцию и, пользуясь родственными связями с проводником, сажает Мишу на поезд, следующий до Москвы. А там, с божьей помощью, Миша и до дома доберется. На этом пункте Матвеевна поехала: по всему выходило, что господь-бог тоже принят в партизанском отряде на довольствие. В должности ответственного за дальние перевозки. Но возразить ей было нечего, промолчала.

Собрание темными набравшего скорость паровоза шло дальше. Как на грех, оказалось, что ответственному шифровальщику и ответственному снабженцу поручений не нашлось, и они остались на обочине героического начинания, обиженные и оскорбленные. Пересмотрели план еще раз. Нашли два упущения: во-первых, неизвестно, кто возьмет на себя быстрое изготовление фотографии; во-вторых, непонятно, кому доверить такое важное дело, как подкуп проводника. Родственная связь — дело, конечно, хорошее, но, как известно, не булькает. Единодушно сошлись, что лучше шифровальщика и снабженца никто с этими пунктами не управится.

— Я пузырь у жены стяну, — простодушно выдал военную тайну снабженец. — Она на новый год припас сделала и в погребе спрятала.

Мужики снова одобрительно загудели, а Матвеевна испугалась, что сейчас разговор свернет на излюбленную колею о бабах-дурах. Но обошлось. Так что, к тому моменту, как заголосили первые петухи, мужики подвели итоги. Операция назнача-

лась на завтра. А чего тянуть? К тому же именно завтра Галка Дерюгина едет на службу в паспортный стол. Выдвигаться решили в десять утра, когда все бабы разбредутся по домашним делам: кто с коровой в поле, кто на работу, кто по ягоди — чтобы не вызывать лишнего интереса у этой ненадежной части населения. На трактор садиться будут по отдельности. Сперва Калинкин зароет Мишу в сено и доедет до селю. Там подберет Ивана Степановича, якобы подбросить до дому.

— Только ты меня громко проси, чтобы вся очередь слышала, — наставительно дудел Калинкин. — Так и говори «Отвези меня, Паша, домой». А то односельчане наши как начнут задумываться, куда это Калинкин с Корзинкиным с утра пораньше поехали, как разведут разговоры на полдня — проблем не оберемся.

Сразу за домом Степаныча их будет дожидаться Дерюгин. Пряхин присоединится у коровника, а шифровальщику и снабженцу придется протонать до дуплистой елки, что растет на краю капустного поля.

— Постоите, — изумилась Анна Матвеевна. — Вы что же, всем составом в райцентр поедете?

Партизаны дружно переглянулись, обмениваясь ехидными улыбками. Дескать, слова излишни — все бабы дуры, исключений не бывает. Матвеевна уловила неозвученную мысль и почувствовала себя глухо.

— Как же вы все в один трактор поместитесь? — выкрутилась она из щекотливого положения.

По тому, как снова переглянулись мужики, было ясно — этот аспект они упустили. Иван Степаныч хмыкнул. Дерюгин крикнул. Пряхин почесал бороду. А снабженец с шифровальщиком замтно запервничали. Только Калинкина было невозможно обескуражить.

— Да очень просто! — вздернулся он. — В прицене.

— Там же Миша под сеном лежать будет.

— Одно другому не помеха. Он внизу лежит, а мы сверху сядем.

— Все скопом?

— Не бойсь, поместимся.

— Не переживай, бабушка. Не раздавят, — вступился Миша.

Матвеевна с сомнением покачала головой, но высказать свои опасения ей не дали. Партизаны объявили собрание закрытым, и повскакали с места, подталкивая ее к выходу.

— Ты домой ступай. А то навлечешь на нас лишние подозрения. Мы после выполнения задания тебя на собрание вызовем и подробно отчитаемся.

Матвеевна прорвалась через партизанские заграждения назад в комнату и крепко, по-родственному обняла Мишу.

— Я за тебя помолюсь, Мишенька. Не обессудь, больше ничем помочь не могу. А ты, как домой придешь, сразу мать бери, и к отвыкату ступайте. Никому не верь — ты не убийца. Я это сердцем чувствую, а оно меня ни разу не обманывало.

Миша в ответ обхватил Анну Матвеевну за плечи и сказал невпопад:

— Я ничего никому не расскажу, бабушка.

Глава 16

в которой Анну Матвеевну режут на кусочки

— Господи, на тебя уповаю. В руке твои передаю раба твоего Михаила. Молю тебя, господи, не остави его своим благословением, — бормотала Матвеевна, отмеряя ногами обратный путь до дома.

Самодельная молитва началась почти по-писаному, но потом Анна Матвеевна увлеклась и стала сбиваться на обычную речь.

— Я знаю, господи, что ты очень занят. Злодейства в мире развелось столько, что земля стонет. Люди друг дружку поедом едят. Но этого им мало, они еще и постоянно просят чего-то у тебя, господи. Молятся по воскресеньям, на праздники, перед едой, на сон грядущий и просто, когда приспичит. Не дают тебе покою ни днем, ни ночью. Я очень хорошо понимаю твою ситуацию, господи, потому что мои односельчане точно так же досаждают мне. Только тебя просят, а у меня — требуют и стекла бьют. Тыфу, чтоб они все пропали, прости господи. Свиныю вылечить, мужика приворожить, от пьянства избавить — все ко мне. Дураки. Ты-то хоть можешь не отвечать, или молнией кинуть, чтоб сгорели к черт... — Матвеевна спохватилась, что в своей молитве дошла до крамолы — до чертова поминовения, и, испуганно закрыв рот рукой, смущенно каплянула. — Ну, есть у тебя методы, чего и говорить. И, опять же, не достать им тебя — высоко сидишь. А я — вот она, всегда под рукой. Торчу на белом свете, как поганка-мухомор. Всяк, кому не лень, бери и жри меня, старую ведьму, с говном. Ну, ты не подумай, я не жалуюсь. Мне выпал крест, и я его несусь. Но если бы меня так теребили, как тебя, да еще и разными языками, честное слово, я бы залила себе уши воском.

Она задумалась, зацепившись взглядом за крону раскидистой сосенки. Попыталась представить себе, как может звучать многоголосый гул молитв и покаяний. Должно быть, звешит он у бога в ушах, как комариный рой в душный летний вечер. Сосенка согласно кивнула ветвями: именно так, мол, Анна, и есть — комариным писком мольба человеческая вверх возносится. Матвеевна приуныла на мгновение — стало быть, и ее голос звучит ничуть не громче, и где ей, неграмотной старухе, одиноко шагающей по дороге, пробиться к богу в уши. С другой стороны, комаром больше, комаром меньше — не велика беда...

— Ты уж прости меня, господи, что и я с просьбами лезу-надоедаю. Я ведь не за себя молюсь, а за дитя безвинное. Чист он пред тобой и нет на нем злодейства. Ты помоги ему дойти до дому, ладно? Его мать ждет. А я тебе тоже помогу, чем смогу. Об этих... О людях, до которых руки у тебя не доходят, позабочусь.

Матвеевна смекнула, что молитва ее незаметно перешла в торг, и поспешила исправить оплошность.

— Ты не думай, господи, я с тобой не торгуюсь. Я бы твое поручение и так выполнила. Но, коли дело так обернулось, ты уж пособи... А я, клянусь тебе, больше ни о чем просить не стану.

Тут Матвеевна поняла, что погорячилась — кое о чем еще надо бы бога попросить. Но слово-воробей уже выпорхнуло и улетело. Стало быть, придется обещание держать

и самой как-то выкручиваться. Мысли убежали вперед, к дому, в котором досыпали последние ночные минуты зэки. И потекли по проторенной дорожке: к председателю со статуей, к лопате и бескрылому ангелу, к психопату-Ряженке и страшному в своей слепой злобе Николаю. А ноги сами собой несли и несли Матвеевну к дому, как везет спящего хозяина старая лошадь, выучившая внимания на набивший оскомину пейзаж из темных изб, корявых яблонь и неприступных заборов, пейзаж, составляющий оба Кривина и десятки окрестных деревень. В домах спали враги-односельчане, за каждым забором настороженно звенели цепями их прихвостни-собаки, и рыскали по кустам серые кошачьи тени, охраняя от крыс хозяйское добро. Весь мир, казалось, был в это утро особенно враждебен к деревенской ведьме, и даже дорога с коварством Иуды послушно стелилась под ноги только для того, чтобы в конце концов привести к дому — краксивой бревенчатой крепости, сдавшейся врагу безо всякого сопротивления. Впрочем, дом поступал так всегда, как только находились желающие в него проникнуть. Подставлял окна под камни, которые швыряла истеричная почтальонша. Доверчиво отворачивал доску забора соседским пацанам, которые не столько яблоки рвали — бог с ними, с яблоками, — сколько бездумно вытапывали вынолостые грядки. А в те времена, когда Анна Матвеевна была совсем девочкой, дом распахнул калитку и на три года приютил четверых немецких солдат, занесенных в Кривино грохочущим половодьем войны. Они ввалились в сени, наполнив дом запахом пыли, нота и железа, прошли, рокая на бабушкины тканые половики жирную грязь, бросили на родительскую кровать сырые шинели и улеглись сверху. Панцирная сетка прогнулась почти до пола, придавив спрятавшуюся под нею девочку. Один из солдат свесился с кровати, отогнул длинный край покрывала и уставился на плачущую Аню настороженными и прозрачными, как подтаявший снег, глазами. От этого ледяного взгляда слезы замерзли прямо на ее щеках, и Аня, окаменев, смотрела в ответ на немца безразлично и молча.

Что там Миша плел про взгляд василиска? Легенды о рыцарях и драконах — не светлая чушь. Настоящие василиски на двух ногах ходят, и Матвеевна их к себе притягивает, как магнит — железный хлам. Злая судьба в очередной раз показала свой нор: на родительской кровати в избе Анны Матвеевны, храпя перегаром, спит сейчас угрюмый василиск Коля-Николай, а в подполе извивается змеиным телом еще один, с нелепым именем Ряженка. Зачем она идет туда? На кой ляд тащится в змеиное логово, бывшее еще совсем недавно родным домом? Потому лишь, что ноги все отмеряют дорожные метры, отрезая ломтями-шагами оставшийся путь. Да еще потому, что больше ей идти некуда.

Так она и добрела до дому, говоря словами соседа — алкоголика и механика — на автопилоте. Автоматически отперла дверь, зашла в сени и задвинула за собой засов. Не замечая странной тишины, царившей в доме, прошла на кухню.

— Вот она, — Анна Матвеевна, наткнувшись на вытянутый палец Ряженки, инстинктивно сделала шаг назад. — Вот она, сука старая! Явилась — не запыхалась.

Тишина, словно вырвавшись из плена, треснула сухим стуком опрокинувшегося стула, злым клекотом, топотом ног. Матвеевна успела лишь беспомощно ойкнуть,

как на ее плечи обрушился Лосось. Сбил с ног, скрутил за спиной руки, придавил коленом спину так же, как шестьдесят лет назад прижала ее к полу панцирная сетка кровати, прогнувшаяся под тяжестью немецких солдат.

— Ну, пришла, стало быть, поговорим — проинпел Лосось, низко склонившись к ее уху. — Куда Ботаника дела? Ментам сдала?

От испуга голос Матвеевны застрял в гортани, она лишь тупо смотрела на ботинки суетящегося Ряженки, выптербинки в половицах, побитые пожки стола и косяк двери, за которой бесновался, шипя и звеня чешуей Вася.

— Что молчишь? Тебе с нами говорить в палду? — завизжал Ряженка, первню поддевая носком Матвеевну под ребро. — Думаешь, мы тебя не разговорим? Лосось, а давай ее по-нашенски, а?

Матвеевна почувствовала, как дрогнула сжимающая ее запястья рука. Всего на мгновение, для того, чтобы сжать еще сильнее, до мучительных толчков крови в венах.

— Ну что ж, сама попросилась. Неси, Ряженка.

Вася, словно поняв грозившую хозяйке опасность, глухо захрипел и остервенело ударился о дверь. Дверь треснула. Ряженка метнулся в сени. Матвеевна слышала, как испуганно заскрипели половицы, беспомощно клацнул засов, стукнула входная дверь. И снова в обратном порядке: бац, клац, ой-ей-ей. Перед носом и пол вонзился топор.

— Ну, сейчас ты у нас запоешь, — гоготнул Ряженка. — Лосось, с чего начнем? Сперва костыли подровняем, а потом клепни? Или тебе, бабка, наоборот предпочтительнее?

— Дай сюда, — Лосось вырвал у Ряженки топор. — Я рубить буду. А ты поддержишь.

— Это как скажешь.

Ряженка дернул Матвеевну вверх и попытался поставить на ноги, но ватные от страха ноги ее подкосились, и старуха тяжело завалилась набок. Ряженка тихо ругнулся и, ухватив за подмышку, потянул опять. Матвеевна, оказавшись с ним лицом к лицу, подметила, как от пуги вздулась жилка над его носом и дрожит под носом прозрачная сопелька — значит, и ему тоже страшно. По-другому, первню, но и он тоже боится! Матвеевна собрала во рту все свое презрение и, изловчившись, плюнула Ряженке прямо в глаза.

— Сука! — взвыл мучитель. — Падла старая! Лосось, дай мне топор, я ей банку оттяпаю!

Но Лосось лениво, словно играючи, отпихнул его прочь.

— Без тебя управлюсь. Руку ей держи!

Матвеевна непостижимым образом увидела вдруг одновременно и свою руку, распластанную на табуретке, и противоположную часть избы, где бился в яростной агонии Вася. Видела, как он снова ударился о дверь. Видела, как прогнулась филенка и выклопулась в ней дырочка с острым кончиком клюва.

— Эй, мать, не вынуждала бы ты меня на крайности. Скажи, куда Ботаника дела, и разоидемся краями.

Матвеевна молчала, не сводя глаз с крохотного отверстия в двери. Вася с силой тюкнул снова, наружу отвалилась щепка. Нет, так ломать долго придется — не успеть ему... Она закрыла глаза, будь что будет. И потому не видела, как Лосось, ми-

молетно подмигнув Ряженке, занес топор. Она лишь услышала свист, с которым топор рассек воздух и вонзился в табурет.

— Так как? Будем говорить? А то в следующий раз я не промахнусь, аккуратно по пальцу жажну. Ну?

— Не зли его, дура! — вцепился в волосы Ряженка. — Я его знаю, он шальной!

— А когда пальцы кончатся, — спокойно продолжал Лосось. — Перейдем на кости. Страшная смерть тебя ждет.

— А я легкой и не просила, — просинела Матвеевна.

— Ну, раз так, то крыть нечем. Прости, мать. Не понимаешь по-хорошему, будет по-плохому.

Он снова занес топор. Дверь под Васиными ударами затрещала, лопнула щепой, и василиск вырвался наружу — всклокоченный, налитый бешеной злобой.

«Вася, зырь!» — хотела крикнуть Матвеевна, но вместо этого беспомощно закричала:

— Мама!...

Глава 17

В которой все расходятся в разные стороны: Ряженка в дурку, а Матвеевна — на тот свет

Ряженка потом много раз восстанавливал в памяти происшедшее, но разумного объяснения ему найти так и не смог. Он помнил, как Лосось поднял топор, поугаать хотел бабку. Видел, как чертов бабкин петух выбил филенку и выскочил в кухню. Колени Ряженки испуганно дернулись. Сами собой. Ноги кожей помнили петуший клюв. Дальше — все, как в карусели. Бабка закричала, топор пошел вниз, и вдруг Лосось, застыв, рухнул навзничь. Половицы дрогнули, словно на них упала скала. Опрокинулась табуретка. Старуха метнулась к петуху, обхватила его за крылья и заверещала:

— Вася, стой!

И бешеный петух затих, вклеившись когтями в пол, не сводя настороженный взгляд с лица Ряженки. И стало эку так вдруг мутно, так сосуе странно и тошно, что руки его сами собой поднялись вверх. А старуха нервно погладила петуха по истрепанным перьям и судорожно выдохнула:

— Все, Васенька, успокойся. Нам две статуи не заказывали.

Но, поскольку от Ряженки объяснения и не требовали, а требовали откровенной и беспристрастной правды, то он, не придумав ничего более разумного, так и рассказывал. Одно и то же уже три дня подряд. И всякий раз итог беседы был одинаковым.

— То есть ты, Пряхин, продолжаешь утверждать, что своими глазами видел, как гражданин Морозов Н. А. необъяснимым с научной точки зрения образом превратился в камень?

— Как это — необъяснимым, начальник? — взвился Ряженка. — Я ж тебе сто раз говорил — его петух в камень превратил.

— Петух?

— Петух.
— В камень?

— В камень. Ты что, начальник, мне не веришь? Думаешь, я фуфлю гоню, да? Да я, мамой клянусь, никогда еще так не исповедовался — петух Лосося в статую превратил. А старуха про это заранее знала, потому нас к себе и заманила! Падла буду, если горбатого леню!

Майор Пронкин тяжело вздохнул. Давно ему не попадалось такое дурацкое дело. Вроде, все понятно: сбежавший из колонии строгого режима гражданин Пряхин Андрей Павлович, шестьдесят восьмого года рождения, скрывался в деревне Нижнее Кривино в доме гражданки Коростылевой Анны Матвеевны, тридцать четвертого года рождения и, по истечении двух суток, был сдан ею органам милиции. Но уж слишком идиотична была эта ясность, а потому не укладывалась ни в какие рамки богатого следственного опыта Пронкина. Было здесь, как минимум, две странности. Во-первых, отчего Пряхин два дня просидел в погребе, а на третий — решил сдаться и явился в местное отделение милиции с поднятыми руками, в сопровождении безоружной пожилой женщины? Во-вторых, куда исчезли остальные участники побега — Морозов и Бажанов? По показаниям Пряхина выходила полная ересь: дескать, Бажанова М. В. гражданка Коростылева сдала в милицию накануне, а Морозова Н. А. превратила в камень. Самое странное, что статуя действительно имела место быть, но в деле не фигурировала, не пристегнуть было ее к делу. По утверждению жителей Нижнего Кривина, Коростылева Анна Матвеевна являлась скульптором-самородком и в данный момент готовила свои работы к областной выставке народных достижений. А два дня назад она подарила родному колхозу статую лесоруба, выполненную из белого мрамора, поразительно напоминающую пропавшего без следа Морозова. Протоколировать эту хрень даже выдавшему виды майору милиции с опытом работы в органах более пятнадцати лет было как-то неловко: не только коллеги — секретарши засмеют.

— Погоди, не тарыхти. Как же Коростылева могла заманить вас к себе домой, если вы, как ты сам утверждаешь, взяли ее в заложницы сразу же после совершения побега и три дня плутали с ней по лесу?

— А черт ее знает, начальник! — Пряхин горячо постучал себя кулаком в грудь, и на глазах его от волнения выступили слезы. — Черт ее знает! Ведьма она, это и младенцу понятно! Да что я говорю! Вы ее сами допросите!

Пронкин опять вздохнул и задумчиво покрутил в руках карандаш. Гражданку Коростылеву — божий одуванчик, допрашивали уже дважды. Но она только округляла глаза и твердила, что сама ничего не понимает. Да, Пряхин действительно захватил ее в день побега и три дня таскал по лесу, требуя вывести его в деревню, но старушка, будучи под воздействием сильного стресса, забыла дорогу домой и заблудилась. Это все еще можно было понять, но дальше выходила полная ерунда. По показаниям свидетельницы, Пряхин отсидел в ее доме два дня, а после, вместо того, чтобы пытаться скрыться из области, попросил старушку сдать его властям. Что она и сделала, услужливо проводив эскадру до отделения милиции. Никаких других участников побега гражданка Коростылева, по ее клятвенным утверждениям, никогда не видела.

Карандаш с сухим треском сломался. Пронкин раздосадованно откинул обломки и отодвинулся от стола.

— Все, Пряхин! Мое терпение кончилось. Завтра пройдем психиатрическую экспертизу, и будем тебя оформлять — достал, сволочь! Сидоркин, — крикнул он в дверь. — Уведите задержанного.

— Ты что, начальник, думаешь, я стукнутый? Да ты сам-то этого петуха видел? Он на четырех ногах, огнем плюется, и вместо перьев у него чешуя. Ты закатай туда баллоны, если мне не веришь! Пускай они сами убедятся.

В коридоре постепенно затихали возмущенные вопли Пряхина. Пронкин снова вздохнул: никаких распоряжений отдавать ему не хотелось, но интуиция подсказывала, что полученные сведения нужно проверить.

— Сидоркин, — снова крикнул он, собравшись с духом. — Ты, Саня, это... смотайся в Кривино, глянь, что за петух там у старухи. Ну, неофициально пока, сам понимаешь... Машину возьми, чтоб побыстрее.

Сидоркин обернулся за три часа.

— Да нормальный у бабки петух, Борис Ильич. Белый, перьевой.

— Двуногий?

— А как же! Психопат ваш Пряхин! Шизофреник. И чего вы с ним столько времени возитесь — не пойму никак.

— А чего тут понимать? И так все понятно. Вызывай завтра экспертов, будем удалять этот геморрой.

Чтобы понять, что происходит, Анне Матвеевне не надо было обращаться к специалисту. Ей хорошо были знакомы эти симптомы: отсутствие аппетита, общая физическая слабость и внезапное выпадение перьев. Выводы напрашивались сами: купленный в спешке верхнекривинский петушок рекордными темпами отдавал концы. Вася-подлец крутился возле подыхающей птицы с плохо скрываемой радостью. За ту неделю, что новичок провел в их доме, Василий успел известить от ревности. Он ни на шаг не отходил от Матвеевны, внимательно ловил каждый брошенный ею на куренка взгляд и презрительно шипел, когда хозяйка пыталась запихнуть в немощный клюв моченую булку.

Анна Матвеевна смела осыпавшиеся с петушка перья в совок и по привычке отместила: жить бедолаге осталось от силы пару дней. И впервые эта мысль доставила ей не сожаление, а тихую радость. Не беда, что помрет, в конце концов, к этому ей уже не привыкать. Главное, что продержался-таки этот задохлик положенный срок, дождался милицейской проверки. И хоть молоденький милиционер слова «проверка» так и не произнес, а всего лишь справился о здоровье ценного свидетеля, потоптлся по комнате и со скрытой брезгливостью погладил полысевшего петуха по спинке, Анна Матвеевна сразу смекнула, зачем на самом деле наведывалась в ее дом милиция, и порадовалась своей предусмотрительности.

Она отнесла переполненный совок в огород, где под яблоней уже была готова свежая ямка, и вытряхнула на ее дно перья. Пускай безвременно преставившийся петушок явится в свой петушиный рай со всем оперением, а не оципан-

ным уродцем. За околицей завизжала бензопила. Матвеевна вздрогнула, звук отчетливо напомнил ей влажное утро, сосны по колено в тумане, моховую кочку с блестящими бусинами черники и резкий треск автоматной очереди. Пережитый страх выскочил из прошлого, словно сокрытый в шкапулке черт, и закачался на визжащей стальной пружине, скалясь в лицо. Матвеевна рефлексивно схватила себя за одуревшее сердце — тихо, глупое, уймись. Попыталась вздохнуть поглубже, но вздох застрял в горле, дошедшая до иступления пила вдруг взвыла и захлебнулась громким треском выстрела. Сердце ойкнуло, дернулось в сетке сосудов и затихло.

На этот раз не было никакой лестницы в небо — была отворенная в сени дверь с пятном дневного света в конце. Но Анна Матвеевна все равно сразу же поняла, куда попала, потому что там, в конце странно длинных и узких, как заводская сточная труба, сеней загораживал свет родной и памятный с детства силуэт маменьки. Маменька поманила, и Анна Матвеевна радостно ступила во тьму трубы. Сделав второй шаг, она вдруг застеснялась своего огромного старого тела — маменька-то вон какая, тоненькая и юная. Точно такая, как была в тот день, когда ее в любимом платье уложили в гроб и осыпали цветами. А на третьем шаге Матвеевна испугалась, что нынешнюю ее, превратившуюся в толстую старуху с разбухшими ногами и корявыми от постоянной работы с землей руками, матушка может и не узнать. Она попыталась крикнуть что-то, знакомое им обоим с детства, но матушка приложила палец к губам — тише, Аннушка, не шуми, на небесах шуметь не следует — и снова махнула рукой, иди, мол. Но Анна Матвеевна застыла на месте, как приклеенная. Какая-то неведомая сила не давала ей сделать шаг — спутала ноги и тянула за плечи вниз. Кажется, матушка тоже это заметила, потому что ласково улыбнулась и показала жестом — ничего, мол, Аннушка, не спеши, я тебя подожду — присела на корточки и, поглаживая по выгнутой спинке невесту откуда взявшуюся полосатую кошку, запела.

— Баю-бай, баю-бай, спи, Анюта, помирай. Помри, детка, поскорей, похоронят веселей, прочь с села повезут да святых запоют, захоронят, загребут и с могилы прочь уйдут. Там, в могилушке темно да есть в могилушке окно. Баю-бай, баю-бай, спи, Анюта, помирай да в окошко вылетай...

Сила, сковавшая ноги, потащила Анну Матвеевну прочь.

— Маменька! — закричала Матвеевна и попыталась зацепиться за стены, но пальцы соскользнули, и она полетела вниз. — Мама!..

Матушка помахала рукой, словно провожая в дальнюю дорогу. Светлое пятно стремительно уносилось прочь, мамин силуэт истончился и растаял в нем, как льдинка в стакане кипятка. Лишь ее песенка продолжала звучать. В незамысловатый мотив вмешался какой-то тонкий писк и, набирая силу, стал забивать голову, заполнять все тело, заглушая мамины слова:

— Баю-бай, баю-бай! Чего встала, как трамвай! Похоронят Аню с миром, на поминках блины с пивом. Дай разряд, баю-бай. Еще дай, баю-бай. Разряд! Еще! Еще! Есть пульс...

Глава 18

Прощальная, с очередным сном Анны Матвеевны

— Ну и напугала ты нас, Анна Матвеевна! — хохотнул председатель, и вывалил на прикроватную тумбочку апельсины из авоськи. — Особенно Митрича, который о твоём петухе, как оказалось, и слыхом не слыхивал. Вся деревня об этом уродце знает, а старый хрыч только познакомился — и чуть концы не отдал. Представь, спилил он в своем огороде сухую яблоню, сел перекурить, папироску размял. Только в рот потянул, глядь — прет на него твой петух на всех четырех ногах. Глаза красные, шипит, хвостом по земле бьет. Крайне взволнованный, словом. Митрич только и успел, что матюгнуться, а петух... До чего умный, зараза!.. Накось, дольку пожуй, я уже почистил. Ешь-ешь. Врачи говорят, тебе витамины нужны. Твой петух-то, говорю, давай вокруг Митрича крути нарезать и к твоему дому манить. Отбежит на пару шагов, оглянется и снова подскочит. Митрич так удивился, что и вправду за ним пошел. А там ты в своем огороде на грядке загораешь. Врачи сказали, опоздай мы еще на часик — не откачали бы тебя, мать.

— А кто вас просил меня откачивать? — Матвеевна раздраженно выплюнула дольку и отерла рот рукавом больничного халата. — Вечно вы в чужую жизнь лезете! Ни житья от вас, ни смерти...

Петр Алексеевич неожиданно заржал и сгреб ее в охапку. Обнял крепко, аж суставы хрустнули:

— И за что я тебя люблю, ведьма ты старая? Ведь от тебя слова доброго век не дождешься! И будем в твою жизнь лезть! Все будем! Ты у нас теперь знаешь кто? Ты у нас на всю страну известный мастер-самородок! Во как! После того, как на смотре твой лексус в нокдаун всю комиссию положил, такая шумиха вокруг поднялась — тебе даже в реанимации такого не снилось. Сперва статья в областной газете вышла. На первой странице во такими буквами заголовок: «Золотой самородок Нижнего Кривино» и твоя фотокарточка крупным планом. Мы, не обессудь, у тебя дома ее со стены сняли.

— Ну и дураки! Я ж там молодая совсем...

— Неважно, мать. Гении не стареют — журналистка так и сказала. Потом из города телевизионщики приехали. Записали на видео твой дом, работы твои, у всей деревни интервью взяли. Эх, мать, весь свой триумф ты пропустила...

— Погоди, какие телевизионщики? Они по дому моему шарились, что ли?..

— А чего тебе от страны скрывать? Гении они не себе принадлежат, а всему миру. Ничего, привыкнешь еще к славе...

Как это — нечего скрывать, охнула про себя Матвеевна. А Васенька? Видимо, последнее она произнесла вслух, потому как председатель тотчас откликнулся:

— Ты это о ком? О петухе, что ли? Не расстраивайся, ничего с ним не случилось. Его еще до всех событий Сашка Сыкин на постой взял. Сказал, что присмотрит в лучшем виде. Эй! Ту куда это собралась?..

Матвеевна шустро откинула одеяло, сбросила ноги с кровати и отпихнула заботливые председательские руки.

— Пусти! некогда мне тут разлеживаться!

— Тебя еще доктора не выписали.

— И не надо меня выписывать, сама уйду. Отстань, кому сказано, не зли! А если помочь хочешь, до дому подвези.

О последних своих словах Анна Матвеевна здорово пожалела. За время, которое она провела в больнице, столько всего случилось, что председатель всю дорогу тархтел, не умолкая, аж уши от его разговоров заболели. Под конец, когда грузовик уже остановился, и Матвеевна сошла возле Ссыкиного дома, Петр Алексеевич огорошил еще одной новостью.

— А, черт! Самое-то главное забыл сказать — повышают меня! В область переводят. Теперь, как возьмусь порядок наводить — ух! Но тебя, мать, не забуду. Выбью тебе ресурсы, твори всем на радость!

— Иди к черту! — оценила заботу Матвеевна.

— Хоть к черту, хоть к дьяволу! — рассмеялся председатель. — От тебя, мать, принимаю любые директивы! Ну, бывай, родная. Не поминай лихом.

— Петр Лексеич, — крикнула Матвеевна, когда председатель уже захлопнул дверь кабины. — А вместо тебя кто будет?

— Это вам решать. У нас нынче демократия. Выборы проведем.

— Придумали... — ворчала Анна Матвеевна, открывая калитку. — Дрёмократию какую-то... Выборы-шмыборы. Эй, Ссыка, отдавай маво петуха, пока я тебе по шее не накастыляла!

Ее дом был пуст. Таким гулким и обветшалым Анна Матвеевна его никогда не видела. Половицы под ногами жаловались на старость, опрокинутая табуретка протянула стреноженные паутиной ножки, горбушка хлеба на столе засохла в камень, а на окошке умерла герань, свесившись из горшка, как мировая скорбь. Матвеевна застыла на пороге, не зная, за что в первую голову хвататься. А Вася со своими куриными мозгами не заметил ничего необычного. Он радостно вскочил на лавку, и, вытянув шею, заглянул в печь, где обычно Матвеевна держала его миску. Ткнул клювом присохшую ко дну макаронину и разочарованно оглянулся. Стало быть, с него и начинать. Анна Матвеевна зажгла газ, поставила на огонь кастрюльку с водой и взялась за тряпку. До ночи кашеварила, шуршала веником, смахивала пыль, сметала в совок пауков и скребла пол. Спать улеглась за полночь, когда дом лоснился, словно заласканный кот, а сама она едва переставляла ноги от усталости.

«Докатила — тяжело думала Матвеевна, кутаясь в одеяло. — За всю жизнь ни одной курице шею не свернула, ни одну мышь не придавила, а на старости — на тебе! — человека грохнула. И как теперь помирять? С таким-то грехом...»

Пружины покряхтели и затихли. В ногах свернулся Вася, затянув лиловой пленкой глаза.

— До того, как помру, — продолжала грызть себя Матвеевна. — Сколько всего может произойти... С Васей спокойной жизни не получится. Он ведь не курица, он змей.

Анна Матвеевна протянула руку и погладила Васю по чешуйчатой спине. Василиск, не открывая глаз, блаженно засопел и перевернулся, подставляя желтое брюхо.

— И что мне с тобой дальше делать? Как жить?

В эту же ночь Анне Матвеевне приснился еще один сон.

Все было по-другому — без лестницы, без темных сеней. Крыльцо из трех ступенек да запертая дверь. Анна Матвеевна огляделась, нет ли поблизости апостола Павла. Не увидев его, решила постучать.

— Чего тебе? — не слишком любезно отозвались из-за двери.

— Мне бы с богом переговорить...

— Его всемогущество сегодня не принимают. У нас чрезвычайная ситуация. Слышала, что в Америке творится? Ураганом три города смыло.

— У нас тоже дождь с градом прошел, — уперлась Матвеевна. — Ничего, пережили, не велика беда. Мне бы спросить, что дальше делать?

— А то тебе не известно, что делать. Жить, как все живут. Соблюдая заповеди.

— Я не могу соблюдая, у меня василиск.

— А-а... — протянули за дверью. — Хорошо, постой тут, я спрошу.

Ждать долго не пришлось.

— Слышь, старушка, тебе велено передать, что план действий остается прежним. Бог тебя навестит, как только освободится.

— Но я больше не могу! — закричала Анна Матвеевна. — Я не хочу! Я... я...

Она в волнении взмахнула руками, словно нужные ей слова можно было поймать в поздухе. И, действительно, в ладони сама собой появилась мятая бумажка, на которой корявым почерком Анны Матвеевны было написано: «Заявление. Я, Коростылева Анна Матвеевна, прошу уволить меня из божьих солдат по немоции».

— Я увольняюсь! — Обрадовалась Матвеевна. — У меня и заявление есть. Открывай, кому говорить!

Но за дверью молчали. Матвеевна снова постучала. Потом еще раз. Потом сильнее. Она заколотила в дверь кулаками, и, в отчаянном желании достучаться до небес, вдруг начала выбивать странный ритм: два отдельных удара, три смежных, пауза, четыре смежных, два отдельных... На втором этаже мелькнула за занавесками ехидная физия святого Петра, и Анна Матвеевна вдруг увидела себя в строю с барабанными палочками в руках. Солнце пекло макушку, ныла царапина на коленке, а палочки азартно лупили по натянутой коже. Повинуясь ритму, боковые пятки товарищей по отряду дружно выколачивали из дороги пыль, а чей-то локонный голос скомандовал:

— И — начали! Раз-два!

— Три-четыре! — подхватили шагающие.

— Три-четыре!

— Раз-два! — снова рявкнул строй.

— Кто мне скажет, что случилось?

— В мир опять пришла беда! Нам беда — не беда! Мы ребята хоть куда!

— Раз-два, три-четыре! Три-четыре, раз-два! Кто шагает дружно в ряд?

— Это ангельский отряд! — Матвеевна, не снижая темпа, удивленно огляделась. Рядом плечо к плечу действительно топали румяные ангелы, старательно отмахивая руками каждый шаг. — Сильные, смелые, ловкие, умелые!

Барабанный бой перерос в грохот. Руки едва поспевали за палочками. Матвеевна запыхалась, ангелы раздумянулись еще больше и затрепетали крыльями. Заявление выпорхнуло из кармана и, сделав в воздухе кульбит, развернулось. На глазах у Матвеевны буквы вытянулись в струнки и, попрыгав друг дружке через головы, сложились в текст: «Повестка. Выдана Коростылевой Анне Матвеевне с приказанием срочно вернуться к исполнению божественной воли». И длинная уверенная подпись: Бог.

Барабан зашелся дробью. Ангелы, суматошно курлыкая, взмыли вверх, осыпая Матвеевну белыми перьями. Мгновение, и она уже в одиночку выбивает из барабана яростный ритм. Без дружного топота дробь звучала зловеще, поэтому Анна Матвеевна преодолела свою робость, шагнула по облачной дороге и неуверенно начала.

— Раз-два. Три-четыре... — Голос выплес в барабанный рокот, Матвеевна выпрямила спину и шагнула решительнее, взметнув ногами облачко звездной пыли. — Три-четыре, раз-два! Кто идет один, как палец? Не девушка, и не малец. В белом платье из шелка, Анна — старая кошелка.

Эпилог

Выборы нового председателя назначили на первое воскресенье сентября, когда солнышко было еще теплым, а листва кое-где уже успела подернуться желтизной. Палисадники, принеся жертву первому сентября, опустели, воздух засеребрился тонкими нитями пауков, озабоченных поиском зимнего пристанища. К выборам Кривинцы подошли ответственно: мужики с утра напились, а бабы нарядились, как на свадьбу. Из домов выходили чинно, собирались по дороге в стайки и, судача о достоинствах и недостатках кандидатов, направлялись к школе, в которой разместились счетная комиссия.

— Машь, ты за кого голосовать надумала?
— Никитихе крестик поставлю. Она баба толковая, с образованием.
— Ой ли! Видала я, как эта толковая капусту квасит!
— Так ей же не квасить, ей руководить.
— Вот и я о том: прежде чем руководить, научилась бы сначала квасить.
— Ишь! А ты кого ж предлагаешь?
— Как будто у нас выбор большой! Никитиха да Балакин. Коль не за одного, так за другого.

— А я за себя буду, — вмешался в бабий разговор Ссыка. — Там, говорят, строчка есть: ваш кандидат. Вот туда себя и впишу. А чё? Из меня хороший председатель выйдет.

— Ой, уйди, Ссыка, не смеши!

Анна Матвеевна тоже вышла, накинув на плечи цветастый платок и втиснув ноги в парадные туфли. Туфли немилосердно жали, под платком было жарко, но торжественный случай требовал жертв. На развилке ее догнал полный состав партизанского комитета. Пенсионеры приосанились, напустили на себя таинственного тумана и, усиленно подмигивая Матвеевне, как шесть поставленных в ряд семафоров, кивали на обшлепанный почтовыми печатями конверт.

— Письмо тебе, Матвеевна. Сама знаешь, от кого. Мы в целях конспирации отговорили его на твой адрес писать — слышали, как тебя милиция шерстила.

Матвеевна, не скрывая волнения, ухватила конверт и суетливо сунула за пазуху. Мужики деликатно отвернулись.

— Так мы к тебе после голосования зайдем. Расскажем, как дело прошло...

— Трактор у меня едва по дороге не встал! — не выдержал секретности Калинин. — Заскрипел, как елка-пень! Ну, думаю, капец на холодец — придется за механиком бежать. А тут...

— Ты не трюнди, черт косой! — одернул его Дерюгин. — После расскажешь. Будет еще возможность. Ну, попли мужики, чего встали! — и добавил так громко, что идущие неподалеку бабы вздрогнули и посмотрели с живым любопытством. — Так мы вечером к тебе зайдем, посмотрим твою проводку.

— Какую проводку? — не поняла Матвеевна. — У меня с проводкой все в порядке.

— А Степаныч сказал, не в порядке, — упорствовал Дерюгин. — Эх, что с тебя взять!..

Партизаны ехидно переглянулись и бодро зашагали вперед, оставив рядом с Матвеевной Ивана Степановича. Он смущенно пошарил в кармане и вынул две пары крохотных меховых рукавиц.

— Это тебе, Аня, от меня подарочек. Куклам твоим, короче...

В школе, где разместились счетная комиссия, еще была жива атмосфера недавнего праздника. Она целаялась за стены цветными плакатами «С новым учебным годом!», обильякала залахом свежей краски, и подбочивалась ведрами, забитыми вместо привычного школьного мусора стрельчатыми гладиолусами и лохматыми хризантемами. В школьной столовой на скорую руку организовали буфет с бутербродами и лимонадом. Буфет привлекал людей намного сильнее, чем красный голосовательный ящик.

— Люсенька, тебе какого лимонаду купить — буратиновку или колокольчик?

— Все г'авно, дедушка.

— Тогда держи.

Люсенька двумя руками ухватила за стакан и, булькая и обливаясь, выпила лимонад залпом. Дедушка поощрительно потрепал ее по соломенным волосам и обтер кулаком лицо.

— Ну, вот и умница. Теперь пойдем, проголосуем. За кого голосовать-то будем, лючка? За тетю или за дядю?

Умненькая Люсенька ухватила дедушку за полу пиджака и, выковыривая пальцем застрявшую в зубах ириску, произнесла, картавая, всем на радость.

— Все г'авно, дедушка.

Матвеевна, старательно шевеля губами, внимательно прочитала бюллетень. Помимо строчки «ваш кандидат» была еще графа «против всех». Вот туда-то она, не колеблясь, и поставила жирный крест. Потом, решив, что этого может быть недостаточно, приписала: «идити все к чорту!» Долгие годы жизни в качестве деревенской медсестры отучили ее относиться к людям по-доброму.

АНДРЕЙ ЛЯХ

СИНЕЛЬНИКОВ НА ТОМ СВЕТЕ

СМЕРТЬ МОЯ ПРИМЕЧАТЕЛЬНА ТОЛЬКО ОДНИМ — Я УМЕР ОДНОВРЕМЕННО С ВЫСОЦКИМ. Хотя и этого, пожалуй, не скажешь — он приказал долго жить ночью, а я утром, так что выдающегося совпадения все равно не выходит. Да-с, звонил матери из автомата, она как раз говорила, что я, как идиот, загубил и ее, и свою жизнь, и тут у меня внутри что-то оторвалось. Прямо по-чеховски. Что уж случилось, не знаю, но с другой стороны, сколько же можно пить. Короче, прострелило снизу доверху, и привет, а дальше уже вижу все со стороны — телефонная будка, утреннее летнее солнышко, трубка висит и курлычет что-то маминим голосом, моя запрокинутая небритая рожа, глаза остановились, рот открыт так, что слюны видно, тело съехало на пол, дверь открыта, нога с задранной штаниной торчит наружу и являет миру изрядный кусок волосатой шкуры.

Тут все пошло очень быстро — патноморт этот провалился вниз, Москва одним махом превратилась в нестрое пятно, потом — в точку, я пропизал какие-то сферы и понесся в космическом пространстве среди звезд. Никаких тебе девяти, никаких сорока дней. И то верно, чего тянуть.

В конце концов очутился я среди облаков, у райских Врат. Да, высоченная стена и громадные золотые ворота. Распахнуты настежь. Я вошел.

Рай не опишешь. Есть там улицы, есть дома, хотя и не совсем улицы, и не совсем дома. Народу много — люди, ангелы, кто с крыльями, кто просто так. На всех такие белые балахоны — что-то среднее между ночной рубашкой и римской тогой. Глядь, а на мне точно такая же. Что ж, очень даже неплохо.

Я выбрал парня посимпатичней, подошел, объяснил, что вот только что прибыл, и хотел бы знать, куда положено поначалу явиться. Тот довольно вятно растолковал, что к чему.

Запомните на всякий случай — как войдете, прямо и сразу налево. Там еще облачность погуще, другими словами, дымина — хоть топор вешай, и за ней — двухэтажное здание барачного типа. Что на втором этаже, до сих пор не знаю, а на первом в конце длинного коридора — кабинет первичной регистрации.

Хотя публика на Земле мрет, я думаю, немереными толпами, в раю у них как-то так устроено, что ни толчеи, ни даже очереди в этом коридоре нет. Я, во всяком случае, вообще никого не встретил — постучал и вошел.

За столом у окна сидел добродушного вида толстоногий ангел, который для какой-то сообразной важности нацепил очки с квадратными стеклами. Он предложил мне сесть и устался прямо-таки с отеческой лаской. Надо было что-то говорить.

— Здравствуйте, — начал я без всякой уверенности. — Синельников, Владимир Викторович. Вот... ну... Словом, готов предстать перед Создателем. Эээ... не совсем, конечно, готов, но, в общем... согласно процедуре.

— Перед Создателем? — задумчиво переспросил ангел, и вдруг перед ним появилась толстенная книга, старинная такая, переплет с застешками, и он стал ее листать. — Да, вижу... Владимир Викторович... Но почему же так сразу перед Создателем? Признаюсь, тут первый раз с самой смерти мне стало жутковато.

— Ну, вы знаете, там, на Земле, нам говорили... то есть бытует мнение, что... душа предстает перед Богом. Я ведь не ошибаюсь, я и есть эта самая душа?

Он сложил руки одну на другую поверх книги и доброжелательно улыбнулся в ответ.

— Не ошибаетесь, Владимир Викторович, вы действительно эта самая душа, но зачем вам Господь? Как бы это объяснить... Ну вот у вас, в России, — кто главный? Президент? Ах да, до президента вы не дожили... Генеральный секретарь. Согласитесь, он далеко не Бог, рангом, так сказать, сильно ниже... но скажите мне — вы часто видели его вблизи? Как меня сейчас? Часто он решал ваши проблемы? Лично он?

— Да нет... Я вообще ни разу его живьем не видел.

— Ну вот видите. А вы сразу к Всевышнему. Вы кто — премьер, папа римский, апостол? Согласно этим записям, вы бывший научный работник среднего звена, а в последнее время — сантехник не слишком трезвого образа жизни... и-да. Утешьтесь тем, что ваше дело разбирает ангел четырнадцатой категории, а вам по вашему статусу старше двенадцатой не полагается.

Дело. Мне стало еще больше не по себе. Да уж, господни жернова мелют медленно, но верно. Никто еще не слышал про адвокатов на Страшном Суде. Но тут ангел снова ободряюще улыбнулся.

— К сожалению, Владимир Викторович, пока ничего радостного сообщить вам не могу. Видите ли — он бережно прикоснулся к книге, — ваши посмертные документы еще не пришли. Это случается. Нет постановления. Придется немного подождать. Но спешки ведь никакой нет. У вас впереди вечность, не так ли? Обживитесь пока, освоитесь... Засим более не задерживаю. Заходите, не стесняйтесь.

И после этих его слов дверь у меня за спиной открылась сама собой. Я поднялся, ангел еще раз приветливо кивнул, и я очутился на улице.

А там творилось какое-то смятение. Народ бежал со всех ног. Куда бежал? Это не вдруг поймешь... Здешние улицы идут, как бы это назвать, секторами, и сходятся эти секторы к еще одной высокой оgrade, можно сказать, стене, по вершине которой прогуливается Небесное Воинство — о нем речь впереди — и посматривает, чтобы из наружных секторов за стену никто не сунулся. Там обитает публика более высокого ранга, и жизнь у нее отдельная. Сдается мне, за той, второй стенкой, есть следующие этапы, для деятелей покруче, совсем уж святых, и так еще много раз, поскольку предела духовному совершенствованию не существует.

Так вот, над всеми этими секторами и заборами открылась вдалеке сверкающая не то сцена, не то арена, и на нее, без всяких метафор, буквально потоками откуда-

то сверху лился свет. На сцене стоял человек — крошечная темная фигурка, и можно было разобрать, что в руках у него гитара, и что он поклонился, и грянул не то рев, не то овация, и сейчас же опустился какой-то исполинский занавес, и вся картина скрылась из глаз. Толпа еще постояла, повздыхала и начала расходиться.

— Что это было? — спросил я.

— Высоцкий сейчас будет выступать перед Господом, архангелами и Высшим Синклитом, — ответил мне почтенного вида старичок. — Сподобился.

— А нам нельзя посмотреть?

Он покачал головой.

— Сказано тебе, чадо неразумное, — перед Господом и архангелами.

— Отец, да ведь мы тоже люди (чуть было не сказал — «живые люди»), нам ведь тоже интересно. Устроили бы трансляцию — что же тут такого?

Он посмотрел на меня как на психа и ушел. Я побрел куда глаза глядят, в чувствах, надо сказать, самых противоречивых, и тут только заметил, что уже смеркается, народ расходится по домам, и улицы постепенно пустеют. Вот ведь дурак, надо было спросить у этого толстоноса четырнадцатого разряда о ночлеге! Но вообще-то здесь рай, особых трудностей вроде не должно быть. Я завернул за угол и постучал в первую попавшуюся дверь.

Открыл мне какой-то дядька начальственного вида, ростом метра под два, за спиной у него, в глубине, расположилась небольшая, но, похоже, веселая компания.

— Прошу прощения, — начал я, чувствуя себя полным идиотом. — Мужики, я только сегодня прибыл, определиться пока никуда не успел, не пустите переночевать? Или скажите, может, тут гостиница, или что-то в этом роде...

Дядька избавил меня от необходимости заканчивать фразу, попросту захлопнув дверь — я еле успел голову отдернуть. Впрочем, поиски мои тоже быстро пришли к концу, потому как меньше чем через минуту передо мной предстало Небесное Воинство.

• Небесное Воинство — это ангелы, самые крутые ребята в раю. Все они писанные красавцы, носы у всех прямые, глаза серые, кудри выются мелкими кольцами, брови вразлет, на подбородках — ямочки; одеты в золотые кольчуги на манер рыбьей чешуи, в красные плащи, а за спиной крылья — самые большие крылья в раю, на голове шлемы — тоже золотые и тоже с перьями. Являются они всегда, точно с неба валяются, с шелестом и ангельским дуновением.

Я и ахнуть не успел, как очутился в кольце этой гвардии, и какой-то ангел — различить их нет никакой возможности — грозно спросил:

— Какие проблемы?

Я стал объяснять, что вот, мол, такие дела, по не зависящим причинам оказался без жилья и документов, и нельзя ли... Но и эти дослушивать меня не стали, а подхватили под белые руки и понесли куда-то, да так лихо. Краткое время я стелился по ветру, как паровозный дымок, затем мы подлетели к Райским Вратам, и дальнейшее путешествие я продолжил уже один, проскакав в силу инерции по облакам, а Врата за моей спиной с лязгом захлопнулись, и внутри загрохотал, судя по всему, весьма солидный засов.

Наступила ночь, засияли звезды, и тут обнаружилась неожиданная особенность моей бессмертной сущности — она явственно начала подмерзать. Ни есть, ни пить, ни всего прочего мне не хотелось, но космический холод ощущался вполне конкретно. Сперва я прыгал и поеживался рядом с Вратами, надеясь неизвестно на что, потом принялся двигаться перебежками вдоль стены и боксировать с тенью. Все это мало помогало. Тогда я попробовал зарыться в облака, и здесь убедился, что мне не первому пришла в голову эта счастливая мысль. Из недр особенно привлекательной на вид тучки, похожей на русскую печь, раздался незнакомый голос:

— Эй, братан, подгребай сюда!

В некоем подобии пещеры уютно устроились четыре человека. Двоих я разглядел плохо — какие-то смутные фигуры в полумраке — помню, валялись они, задрав ноги, как солдаты на привале, а ближе ко входу, в позе патриция на пиру, со вкусом разлегся чубатый парень с длинной шеей и оспенимыми рытвинами на лице, и чуть дальше — величественный старик с бородой и лысиной, как у Льва Толстого. Смотрели все вполне дружелюбно.

— Привет, — сказал я, усаживаясь. — А меня из рая вышибли. Только что. И на засов закрылись.

— Эка невидаль, — хмыкнул парень — он-то меня и позвал. Говорил он с каким-то едва уловимым акцентом. — Привыкай. Засова тоже не бойся — утром откроют, опять зайдешь... Ты, браток, как я понимаю, вроде нашего, без аттестата?

— Ну да.

— У Иннокентия был?

— Это кто?

→ На регистрации, в очках такой, интеллигента из себя, сволочь, строит.

— Был. Велел ждать, пока документы придут. Впереди, говорит, вечность.

— Это точно, вечность, — кивнул чубатый. — Тебя как звать-то?

— Володя. Я из Москвы.

— А я Витаутас. С сорок шестого года тут околачиваюсь. Возле Кохтла-Ярве энкаведешник, морда вертухайская, пол-диска из «папаши» на меня не пожалел... вся наша пятьдесят восьмая статья у меня на спине прописана.

— Так ты что же, из этих, из «лесных братьев»?

— Ух ты, — восхитился Витаутас, — в восьмидесятом в Москве про «лесных братьев» знают! Неплохо... Да, только это не рекорд. Вон Митрич, Тамбовской губернии — кстати, познакомься — с шестнадцатого года кукует, постановления от Иннокентия ждет.

Я поскреб в затылке.

— Здорово... Впрочем, оно бы и ничего, но уж больно зябко. Если так каждую ночь выкидывать будут, замерзнуть недолго.

— Зябко? — вступил тут Митрич — кроме внешности иконописного пророка, у него оказался еще и щалапинский бас. — Зелены вы, молодой человек, сейчас видно, что новичок. Теперь, доложу я вам, лето. Теплынь. А повернет на зиму — вот тут-

то не приведи Господь. Про Цельсия забудете, по Кельвину мерить начнете, если понимаете, о чем я говорю.

— Что, еще хуже станет?

— Слабо сказано, слабо сказано, — махнул рукой Митрич. — Позвольте, Владимир — не имею удовольствия знать вашего отчества — дать вам совет, как старожил этих мест. Во-первых, попытайтесь найти кого-то из родственников, или друзей, или знакомых — да не из первого, ближнего круга, а второго-третьего, а по возможности, еще выше — пусть попросят за вас, тут подобные протекции весьма в ходу...

— Да как же туда пробраться? — растерялся я. — Там забор, и Небесное Воинство стережет...

— Вот с этими постарайтесь не ссориться. Строги. А пуще всего опасайтесь угодить к их начальнику, архангелу Михаилу...

— Чистый зверь, — вздохнул кто-то из тех, что сидели сзади.

— Да-с, этот церемониться не станет. Ко всему прочему, он еще временами не в себе, и такое может удумать, что не возрадуется. А во-вторых, батенька, буде представится такая возможность, попробуйте пристроиться к тому месту, где дают нектар. Это в здешних палестинах великое благо и много, много способствует.

— Нектар?

— Жидкость такая, — вмешался Витаутас. — Гонят они ее из чего-то. Сто грамм — и полдня хоть горы двигать, хоть море по колено. Ни привыкания, ни похмелья. Райская штука. Одна капля...

Но что именно производит эта самая капля, мне так и не суждено было узнать.

Послышался знакомый шелест, ангельское дуновение, и пещера наша облачная развеялась под взмахами крыл Небесного Воинства; среди звезд грянул трубный глас: «У Врат Небесных засели, охальники? Прочь, бесстыжие!», и вся наша компания бросилась врассыпную. Нигде я с тех пор не встречал ни удалого лесного брата Витаутаса, ни премудрого Митрича.

Утром, едва отворились Златые Врата, я помчался к Иннокентию. Ангел четырнадцатой категории, как всегда, приветливо улыбался.

— Ваше превосходительство, — заговорил я (на это мое обращение он хмыкнул, но ничего не сказал), — сами понимаете, я тут человек новый... в деталях не разобрался. Возможно, есть какой-то способ ускорить ход моего дела... Я готов приложить все усилия... посодействовать насколько смогу... Не знаю, правда, чем, но готов от чистого сердца.

— Другими словами, — перебил меня Иннокентий, — вы предлагаете мне взятку?

Собственно, так оно и было, но я слегка струсил.

— Ну... не совсем. Я, например, могу писать — сочинял для студенческого театра... Могу рисовать — и довольно неплохо... Я грамотный сантехник, опрокинутые системы, то да се... Да много еще чего...

— Почтеннейший Владимир Викторович... Святая простота. Если нам потребуются вдруг сочинить пьесу, здесь нет нужды звать сантехника, пусть даже самого грамотного — к нашим услугам Шекспир и Мольер. Что-то нарисовать могут Ремб-

рандт и Веласкес — за ними, как вы понимаете, тоже далеко идти не придется... Однако, я оценил ваше несколько... ммм... наивное предложение. Весьма трогательно. Но увы — помочь ничем не могу.

— Да я там околею от холода за этими воротами! Вашего постановления, говорят, по сто лет приходится ждать!

Он даже брови поднял от удивления.

— Владимир Викторович! Да кто же вам обещал, что будет легко? Нет, нет, ступайте, вы меня огорчаете такими разговорами!

И потянулась волюнка. Каждую ночь Небесное Воинство выставляло меня за ограду, и для начала я подхватил мерзейший насморк, который из жидкой формы быстро перешел в какую-то твердокаменную, а еще недели через полторы я закашлял. К концу августа в моих духовных легких хрипело и квакало так, что я едва говорил, да и ноги переставлял с трудом. Бородатый Митрич и впрямь оказался пророком — холод на райскими стенами медленно, но верно превращался в лютый мороз, и передо мной лишь обрисовывалась перспектива загнуться по второму заходу.

Но тут моя загробная судьба выкинула очередное коленце. Дело было первого сентября, я сидел у ограды сектора и грел на солнышке свою бессмертную сущность — озноб и кашель не отпускали меня теперь ни днем, ни ночью. И вдруг я обратил внимание, что на стене, где обычно знаменами реяли красные плащи Небесного Воинства — они там бродят, как тень отца Гамлета в известном фильме Козинцева, — никого нет. Пусто, разбрелась куда-то райская гвардия. Я не стал долго думать. Стена сплошь покрыта барельефами — фигурки каких-то святых в полукруглых нишах — так что даже для такого полуживого доходяги, как я, сложности никакой. В один миг я уже был на другой стороне, тем более, что оттуда забор намного ниже.

Подробностей я разобрать не успел, уж очень торопился, потому что знал — времени у меня едва ли минута. Померещилось или нет, но вроде там побольше зелени и публика одета поразнообразней. Даваясь кашлем, я дико озирался, высматривая какое-нибудь знакомое лицо, и неожиданно чуть не прямо перед собой увидел Выsockого. Великий бард с какими-то людьми сидел за столиком с закусками прямо на улице, под тентом. Помню, была на нем черная водолазка, джинсы, и взглянул он на меня с веселым любопытством — что это за бомж в балахоне тут разбегался?

Я понял, что ждать больше нечего, бухнулся на колени у этого столика и заговорил, стараясь пересилить кашель:

— Владимир Семечка, ради Бога, помогите, на вас вся надежда. Я Володя Синельников, из Москвы, земляк ваш, попал в эту хиву без документов, и они меня теперь каждую ночь за ворота выбрасывают, а колотун страшнейший, совсем мне хана настает. Владимир Семенчик, дорогой, если будет случай, не считите за труд, запомните словечко...

И тут за спиной, слышу — шелест и ангельское дуновение. Я и оглядываться не стал, а вцепился в стол обеими руками, как только мог.

...попросите, вас-то послушают, век буду молить...

Здесь они меня рванули, но стол я не выпустил.

— ...Синельников моя фамилия... уж как-нибудь...

Стола, я думаю, эта братия поначалу вовсе не заметила, и метров десять волокла меня вместе с ним. В рожу мне посыпались салаты, плеснуло чем-то горячим, наверное, кофе, на один глаз я временно ослеп, а вторым еще успел увидеть, что Высоцкий стоит и с изумлением смотрит нам вслед. Дальше мне врезали по рукам, стол улетел, и мы понеслись — но уже не к Вратам, а к неизвестному красивому дому, затем внутрь, и ходами-переходами, через лестницы, коридоры, казематы — пока не очутились в сравнительно небольшой комнатке со сводчатым потолком, где из обстановки присутствовал только громадный стол на когтистых лапах. Меня шваркнули на пол, как мокрую тряпку, а из-за стола поднялся еще один Небесный Воин.

Он был такой же красавец, как и все эти крылатые добры молодцы, но явно постарше, а кроме того — выше, да и пошире в плечах; вообще весь какой-то огромный и массивный. Ни алого плаща, ни крыльев, весь в белом, и не кольчуга была на нем, а золотой панцирь в узорах, и все это, до последней пряжки с львиной головой, сияло и сверкало так, что блеск, по выражению классика, выедал глаза. Тут-то до меня и дошло, что передо мной архангел Михаил собственной персоной. Взор его был ужасен, а голос подобен грому.

— Червь! — начал он, и я увидел, что лицо у него дрожит. — Вы, рабское отродье, почему, как вы можете не ценить милости господней... созданные по образу и подобию... не могу постигнуть глубины мерзости вашей!

Я кашлял минут, наверное, пять, не меньше. Следовало бы встать, но силы у меня кончились, и пришлось оставаться на полу как раз в положении того сына, которого в Третьяковской галерее убивает Иван Грозный. Умом я понимал, что стоит ангельскому атаману щелкнуть пальцами, и моей души на попох не останется, но уж не знаю отчего, но вдруг сделалось мне не страшно, а невыносимо тошно и противно от всего этого цирка. Я докашлял и сказал так:

— Ты бы, дядя, потрясся от холода одну ночь там, за воротами, так быстро бы пропала охота орать.

В ответ он шагнул ко мне с такими глазами, что я решил: все, кранты. Будь здоров, Володя, страдал ты от своей глупости на этом свете, она же тебя и на том погубила.

Но где-то в полутьме от меня Михаил внезапно остановился и затрясся плече прежнего, сжав кулаки и закрыв глаза; лицо он запрокинул, и я машинально отметил, что шея у него толще головы; архангел что-то быстро-быстро шептал, и можно было разобрать слова: «Гордыня, гордыня, гордыня, гордыня...», и потом так же торопливо: «Грех, грех, грех, грех...»

Немного успокоившись таким странным образом, он открыл глаза, глянул вниз и обнаружил, что я все еще самым бессовестным образом валяюсь у него под ногами. Тогда он взревел так, что прежние вопли просто в счет не шли:

— Воооооон!

Ну, тут, ясное дело, шелест, дуновение, и белоперые ухари потащили меня на выход. Уж не знаю, специально или нет, но на обратном пути они шибали мной обо все встречные углы и косяки, и большинство дверей открыли моей головой, от чего из

Райских Врат я вылетел в состоянии глубокой контузии и думал, что хуже не бывает. Сильно, однако, опибался.

Русский человек многое может выдержать, но на следующее утро я еще переполз через Небесный порог, на четвереньках добрался до столба в двух шагах от входа, где с утра приятно так припекает, и там остался сидеть. Пропала у меня охота куда-то ходить и добиваться справедливости. Все во мне ныло, как один больной зуб, поллица занимал исполинский синяк, а вместо двух глаз было полтора.

И вдруг подлетает ко мне маленький такой ангелок с крылышками, как у цыпленка, и цыплячьим же голосом объявляет, что регистратор Иннокентий сей же час требует меня к себе. Доигрался, подумал я, потом разлепил губы и с трудом ответил:

— Я бы рад, старик, да вот беда — идти не могу.

Но это его не смутило.

— Не беспокойтесь, — говорит, — мы вас вмиг доставим.

Подлетели еще два таких же, и действительно, через пять секунд я уже сидел на стуле напротив моего старого знакомого четырнадцатой категории. Как всегда, Иннокентий сиял, будто начищенный пятак.

— Ну-с, драгоценнейший мой Владимир Викторович, сегодня у меня есть чем вас порадовать. Постановление, правда, еще не пришло, но Синклит счел возможным учесть некоторые ваши обстоятельства... У вас, как я посмотрю, нашлись заступники! — и даже лукаво погрозил мне пальцем — ну, дескать, вы у нас и проказник!

Перво-наперво, у меня появилось жилье. Впритык к наружной Райской Стене, рядом, кстати, с конторой самого Иннокентия, находится не то склад, не то пакгауз; в нем есть полуподвал, и в этом полуподвале мне отвели комнатку, небольшую, метров десять, зато с отдельным входом. Там было крошечное оконце, выходящее все на ту же стену (в него можно было видеть босые ноги и сандалии проходящего народа), а также стоял топчан, застеленный овчиной. На Земле я бы царским хоромам так не обрадовался, как этой каменной норе — но этим дело не кончилось.

Меня определили на работу — в штат обслуживания одного довольно продвинутого по здешним меркам типа. В раю неукоснительно соблюдается табель о рангах, и иерархия очень строгая — такие-то привилегии у пророков классов низших и высших, то-то и то-то положено угодникам таких-то категорий, отдельные права у блаженных, и только попробуй перепутать! Мой клиент как раз и числился блаженным, с очень хорошими, как говорили, перспективами — лет через пятьсот мог запросто перейти в разряд угодников. Имен у него была целая гроздь — он и Алехандро, и Гонсалес, и Рамон, и еще не знаю кто, я для краткости называл его дон Педро. Родом он из Лимы, где жил при церкви, и там, во время выноса на празднике статуи какого-то святого, его в толчее случайно задавили. В раю по такому случаю он получил очень теплое местечко, включавшее, в частности, отдельный садик для молитв.

Фокус в том, что моленные настроения нашего дона Педро были каким-то таинственным образом связаны с погодой и атмосферными явлениями вообще. На кака-те его обуревали сомнения, и он молил о вразумлении, ночью одолевала соблазны, и он бил поклоны, на заре он буйно славил веру и всячески ликовал, днем, слава Бо-

гу, в основном спал. В этот же список входили всевозможные ненастья, грозы, ливни, затмения, туманы и так далее.

Так вот, устроение всех этих явлений природы было возложено на одного ангела и трех человек, в том числе и меня — в роли техника-осветителя-громовещателя-поливальщика. Вторым техником был Пип — совсем еще мальчишка, слабоумный дурачок, он все время знай себе посмеивался и потирал руки, а главным режиссером — толстобрюхий усач Вернер из Дюссельдорфа. Порядок был такой: сначала ангел-хранитель выяснял у дон Педро, какое у него в данный час настроение, потом отдавал приказ Вернеру, и мы принимались ворочать светилками и гонять облака. Оборудование, надо сказать, очень громоздкое и тяжелое, первое время я откровенно выбивался из сил, да и потом выматывался на всю катушку. Но и тут Бог моей гибели не допустил, потому что на этой работе нам полагался нектар — пол-литра в сутки на всех троих. Гениально прав оказался пророк Митрич — вещь это и впрямь необыкновенная. Через два дня у меня прошел кашель, через четыре — зажили все ушибы, и я стал молодцом хоть куда.

К хорошему привыкаешь быстро. Без нектара, думаю, мы не протянули бы и дня — дон Педро, пробиваясь к вожделенному угодничеству, колотился на своих бдениях все иступленнее и иступленнее — даже и с нектарной подпиткой мы во время редких перерывов валились с ног. Скоро стало ясно, что при такой нагрузке и постоянном недосыпе норма в пол-литра — это катастрофически мало. Что обидно, самому Педро вся эта кутерьма ровно ничего не стоила — у него-то нектара было хоть залейся. Ангел-хранитель ходил за ним с целым жбаном — протянул руку, опрокинул стакан, и опять бейся в экстазе и завывай, сколько хочешь.

И вот однажды, когда мы присели перевести дух у наших труб и кабелей, я сказал: — Слушай, Вернер, давай попробуем с этим Педро договориться по-людски — пусть нам хоть литр отольет. Ему ущерба никакого, только выгода — мы же вокруг него резвей запрыгаем со всякими ураганами.

Пип захихикал и потер руки, а Вернер посмотрел на меня с некоторой оторопью.

— Володя, позволь тебе напомнить, что нам этого не положено.

— А ноги здесь протянуть нам положено? Давай поговорим, что мы теряем?

Вернер на несколько секунд скорбно опустил веки.

— Володя, ты должен понять, что здесь осуществляется воля Божья, из которой происходит закон и порядок. Ты прилетел сюда из России, где хаос и беспорядок, и от этого происходит безобразие. Здесь нет хаоса и беспорядка, поэтому нет безобразия. Если каждый начнет устанавливать собственные законы, это будет иметь очень плохой конец.

Что ж, действительно, что это я лезу со своим уставом в чужой монастырь. Но тут мне пришла в голову еще одна мысль.

— Так давай не будем ничего просить, а просто расскажем, как мы тут карячимся, он ведь ничего об этом не знает. Мол, старик, как насчет христианского милосердия?

— Он все очень хорошо знает, — возразил Вернер. — Если бы ты прислушался к его словам, то заметил бы, что он молится и о нашем благополучии.

У меня прямо нижняя челюсть отвалилась.

— Чего же молиться? Пригласи к столу и налей всем по стопке — отдохните, ребята.

Пип снова захихикал и потер руки, а у Вернера если и не глаза, то брови точно полезли на лоб, но он справился с собой и, прежде чем открыть рот, вновь сделал многозначительную паузу.

— Володя, давайте прекратим этот разговор. Хочу предупредить, что такие разговоры очень не нравятся архангелу Михаилу.

Вот это да. От этих его слов у меня спина похолодела.

— Вернер, а откуда архангел Михаил узнает про наши разговоры?

— Он узнает об этом из моего доклада, — отвечал Вернер.

Если бы я не сидел, я бы точно упал.

— Вернер, так ты что же, стучишь на нас этому громобою? Мы тут вместе с тобой все это таскаем, пьем нектар из одной баклаги, а потом ты бежишь и доносишь на своих товарищей?

— Я лояльный и законопослушный житель, — с гордостью заявил Вернер. — Я исполняю возложенные на меня обязанности, и так образуется порядок. И ты, Володя, должен стать лояльным и законопослушным жителем. Если же ты станешь нарушать правила, то и через тысячу лет будешь носить этот шланг и рутать свою судьбу.

Пип, естественно, потер руки и захихикал. В это время наш подопечный опять грохнулся на песок, воздел руки к небу, и нам пришлось прервать беседу. Но я остался в совершенно обалделом состоянии.

Действительно, в конце концов, плевать на нектар, перебьемся — жили без него и проживем. Но если этот готический моралист прав — а похоже, так оно и есть — то поселенная меня ждет перспектива! Пусть даже не тысячу, пусть хотя бы триста лет без сна и отдыха скакать вокруг бесноватого Педро? Весь запал у меня прошел, руки опустились, и обуяла страшнейшая тоска. Во время следующего перерыва я не утерпел и снова спросил Вернера — правда, без всякой надежды:

— Вернер, ладно, допустим, все это правильно, но просто так, по-человечески, ты меня понимаешь?

Но упертого немца было не своротить.

— Володя, я понимаю все, кроме одного — как ты получил эту работу?

Вскоре в наших трудах наступил перерыв. Дон Педро то ли перебрал нектара, то ли не рассчитал силы, но только скрутил его припадок с судорогой, а после он радикально и, видимо, надолго отключился. Его унесли, ангел-хранитель сокрушенно покачал головой и до особого распоряжения распустил нас по домам.

Я допелся до своей конуры и уснул мертвым сном. Как сказал поэт, «странное готовилось ему пробуждение».

Что-то было не так. Я заворочался, замычал, и, наконец, открыл глаза. Комната менялась с поразительной быстротой. Потолок уплыл вверх и выгнулся сводом, словно в той камере у Михаила; за потолком вытянулось и окно, сделавшись стрельчатым, да еще отрастив колонну посередине, и в него заглянули звезды — значит, была ночь — а стены раздвинулись, прибавив, наверное, метров тридцать площади.

Я сразу сообразил, что эти перемены не к добру. Точно. Вошли сразу два ангела, и с ними еще какой-то субъект — возраста загадочного, лысый, борода клинышком, в белой рясе, и весь просто светится от счастья.

— Оставьте это помещение, — с порога объявил мне один из ангелов. — Теперь здесь будет жить брат Диего.

У меня во рту пересохло.

— А со мной как? Куда?

— На этот счет распоряжений не поступало, — ответил ангел ледяным тоном.

Я все никак не мог поверить.

— Подождите, так нельзя, у меня работа, как же я буду...

— Вы временно освобождены от ваших обязанностей. Поторопитесь.

Мне стало дурно. Что же, опять на мороз? Тут не без скотины Вернера... Я бросился к лысому.

— Слушай, брат Диего, это моя комната, получается, ты меня на улицу выставляешь. Тут понимаешь как, они меня сейчас же за ворота выкинут, закон здесь такой, а там стужа страшнейшая, зима уже, я там не протяну. Слушай, брат, попроси, а? Пусть мне тут хоть раскладушку поставят, или, уж Бог с ней, одеяло на полу постелят, я парень спокойный, уживемся, я все делать буду, выручай, брат...

Диего засиял еще более умильной улыбкой и заговорил нараспев:

— Сочувствую, брат, горестям твоим, но возрадуйся тому, что можешь пострадать во имя веры нашей святой, и не ропщи, а молись, молись, и увидишь, что милосердие господне безгранично.

Я, на свою беду, начал озверевать:

— Оставь Ег в милосердие, у своего спроси! Что же ты, сволочь, человека в открытый космос замерзать выгоняешь?

Он опять мне улыбнулся улыбкой слегка утомленного олимпийского медведя и повернулся к ангелам:

— Время молитвы...

Стало ясно, что меня замечать он больше не желает. И я не выдержал. Знаю, что был неправ. Знаю, что так нельзя. Но нагорело на душе. Тут и Иннокентий, и Михаил, и эта паскуда Вернер... короче, развернул я этого преподобного обратно к себе, и что было сил заехал по улыбочивой его морде. Не пожалев руки. С чувством и переносом центра тяжести.

И складно так вышло. Сандалии его, помню, остались стоять на полу, а сам он воспарил, перелетел через мой топчан и там приземлился с кошачьим мявом.

Что было дальше, представить нетрудно. Шелест, ангельское дуновение, и пожаловало Небесное Воинство. Тут уж они взялись за дело по-серьезному. Во первых строках они вышвырнули меня на улицу. Дверь, как вы, может быть, помните, была прямо против райской стены, чуть не в трех метрах, а силища у них кошмарная, так что хрястнулся я — не приведи Боже, и по стене этой не то что сполз, а просто-таки стек. Дух из меня вышибло начисто — воздух со свистом выходит и выходит, а вдохнуть не могу. Они подоспели, подняли, и один двинул куда-то под ребра, а второй —

по спине и, по-моему, обеими руками сразу. На этом мои связные воспоминания кончаются, и дальше все как-то смутно. Вроде бы меня традиционным маршрутом проволокли до ворот, и после хорошего пинка я провалился в облака, не взвидя света.

Когда пришел в себя, не знаю, но очнулся уже простуженный, и начались великие муки — раздрает кашель, а кашлять-то и нельзя, потому что болью везде отдает нестерпимой. Знатно они меня приложили. Если у человеческой души есть ребра, то пару они мне точно сломали, и с ногой, в тазобедренном суставе, тоже неприятность вышла — и по сию пору носок наружу не разворачивается. Остальное, правда, потом поджило.

Отлеживался я не меньше месяца, и как почувствовал, что могу ходить, так из берлоги своей облачной вылез, и как был, полуживой, побрел подальше от Райских Врат куда глаза глядят, по космическим высям.

Планы у меня были самые неопределенные. Предполагал я, если еще в солнечной системе нахожусь, дойти до Меркурия — из школьного курса астрономии я помнил, что жара там несусветная и, значит, можно согреться. Позже мне пришло в голову, что есть еще Венера — там как будто бы тоже тепло, а климат получше, чем на Меркурии. Да если на то пошло, думал я, и на Землю можно завернуть, скажем, на Гавайи, подучить английский, авось подвернется что-нибудь, поработаю призраком...

Беда только в том, что где искать эти Венеры и Меркурии, у меня не было ни малейшего представления. Шагал я наобум за каким-то светилом, а Солнце это, или нет, спросить было не у кого. Проносились кометы и астероиды, вдали плыли разноцветные галактики... красиво, но непонятно. Я шел, надрывался кашлем и думал о разных разностях.

Все-таки это свинство, что на Земле нас никто не предупреждает о порядках в раю. Сплоховал я, что и говорить. Не потянул духовного совершенствования. С другой стороны, если меня опять занесет нелегкая в те края, то я мог бы теперь для вновь прибывших читать лекции на тему «Рай, его опасности и стукачи». Правда, скорее всего лектора вместе со слушателями выгонят на холод, да еще побьют вдобавок. Да и сами слушатели, как только сообразят, в какие неприятности я их втрашил, тоже, пожалуй, устроят мне «темную». Тьфу ты, получалось, что так ли, эдак ли, но меня все равно отлупят. Да, нагнало на меня страха Небесное Воинство.

Итак, я рассекал пространства, в голову мне, как видите, лезла всякая чепуха, и вот как-то однажды, слева от моего сомнительного маршрута я увидел далекое зарево, похожее на красную мохнатую шапку. Бешеной собаке сто верст не крюк, спешить вроде некуда, почему бы не взглянуть поближе?

Зарево стояло над громадной железной стеной — черной, с вмятинами, потеками и заклепками, как на Крымском мосту, и была это стена теплой! Меня затрясло, я прислонился, прижался, распластался, и так застыл, не веря счастью, — даже глаза закрыл.

А как открыл — вижу, прямо передо мной — здоровенный рыжий черт, с рогами, хвостом, все как положено — и хохочет.

— Володя, — говорит, — какая встреча!

Ну не везет, да и только! Ну, чтобы ему еще через полчаса появиться? От такой несправедливости мне стало обидно до слез, но в рай меня уму-разуму уже научили.

— Дядь, ты не трогай меня, — сказал я как можно вежливей. — Я малость погрешу, и сам уйду, ладно?

Но не тут-то было. Черт даже удивился.

— Вов, ты что, сдурел? Пошли со мной!

Делать нечего, пришлось идти. Что я против него один, с голыми руками, да едва дышу?

По дороге он страшно веселился и трепал меня по плечу:

— Володь, да ты не узнаешь меня! Это же я тебя подзуживал за Нинкой Семеренковой подглядывать!

Застрелите, если я помню, что за Нинка, но чем кончаются споры в этих краях, мне уже было доподлинно известно, и я смиренно кивал:

— Премного благодарен, а если что было не так, извините великодушно.

Он только строил рожи и качал головой:

— Да, брат, я смотрю, ты здорово переменялся — ишь как заговорил!

Здесь тоже есть ворота — узорные, литые, очень красивые; мы их проскочили, и дальше я понесся над адскими просторами, как кузнец Вакула в Петербург. Рассмотреть успел немного — все громадные, еле глаз хватает, площади со статуями, вдалеке — мрачноватые дворцы с колоннами, людей не видно, но и заборов, кстати, ни одного. Влетели мы в какое-то мраморное жерло и припустили по широченным тоннелям, все глубже, глубже и вот, наконец, очутились в зале, размеров тоже циклопических и тоже с колоннами. Тут на возвышении стоял черный готический трон, и чуть подальше — длинный стол, на котором была расстелена вроде бы карта, и над ней склонились несколько человек в длинных, до пола, парчовых одеяниях. Лиц не разобрать, но и так видно, что авторитеты.

Черт, который меня притащил, заорал во всю глотку:

— Глядите, кто у меня тут есть!

От компании у стола отделился один и подошел к нам. Я только взглянул, сразу понял, кто это — тут подсказки не нужно, не ошибетесь — сам Вельзевул, Владыка Ада. Был он роста высокого, на плечах — этот складчатый плащ, прихваченный пряжкой с тусклым камнем и, как где-то сказано, «ликом темен и прекрасен». Верно. Смугл до чрезвычайности, а лицо узкое и длинное, будто нож.

Руки у меня свесились, как у старого орангутанга, и весь я окостенел от страха. Если в рай порядки такие строгие, то что же здесь? Без разговоров на сковородку? Еще почему-то я ожидал, что, посмотрев на меня, он непременно рассмеется сатанинским смехом, потому что вид у меня после всех приключений был, мягко выражаясь, причудливый.

Однако ничего этого не произошло. Вельзевул довольно долго разглядывал меня, потом сказал:

— Да, его хорошо отделали. — Затем чуть отвернулся в сторону и приказал: — Дайте парню стул, он сейчас упадет. И налейте чего-нибудь, он чуть живой.

Тотчас же меня посадили на табуретку и сунули в руки стакан — по-моему, с коньяком. Я настолько оторопел, что сел и выпил. Прогло, я вам доложу, насквозь — но дышать стало легче. Вельзевул надвинулся на меня, как черная скала.

— Ну, Володя, что же ты из рая ушел?

— Выгнали. Я одному их хитровану по морде засветил.

— И ты не попросился обратно? Не валялся в ногах у Михаила?

Я помотал головой, как усталая лошадь.

— Не могу я там. Воля ваша, делайте, что хотите.

Вельзевул посмотрел на меня еще некоторое время и негромко скомандовал:

— Герду ко мне сюда.

В ту же секунду перед нами явилась девица спогсшибательного обличья. Здоровая, ноги от шеи — натуральный циркуль, вся в черных кожах, как американский байкер, сплошь бахрама, бляхи, цепи, пины и еще не знаю что, каблучки такие, что даже со стороны смотреть страшно, на голове — взрыв сверхновой, а размадевана!.. Вокруг глаз — синие треугольники с зеленой каймой, в ноздрях пламя — слов нет, и при этом жует, кикимора, жвачку. Но Вельзевул и бровью не повел.

— Что на семнадцатом? Течет?

— Течет, — с приятной хрипотцой отозвалась девица.

— А Моуди?

— Моуди? — она пожала плечами. — Моуди — отрезанный ломоть.

Вельзевул вдруг впал в необычайное раздражение.

— Гнать его в три шеи! — взревел он. — Все, лопнуло мое терпение, оно у меня не ангельское! И пусть эта скотина на глаза мне не показывается!

Вельзевул повернулся ко мне.

— Вот, человек к нам пришел... Володя, пойдем ко мне в сантехники?

Я встал, и табурет за моей спиной с грохотом опрокинулся.

— Ва... Ваше величество, я без документов...

Тут-то, наконец, он и проделал то, чего я так долго ждал, — расхохотался громовым сатанинским смехом. Такие выпили раскаты, что мое почтение, следом, естественно, засмеялся тот черт, на котором я, можно сказать, приехал, за ним — Герда и все остальные, и я сам не удержался и улыбнулся.

Вельзевул даже слезинку с глаза смахнул:

— Ну, Володя, насмешил... На кой хрен здесь документы, тебя последний черт у салотопки в лицо знает... Короче, так: есть у нас тут семнадцатый участок — заколоченный, что ли, кто там разберет — надо его привести в порядок. Ты когда-то в своем деле понимал. Справишься — сделаешь карьеру. Так что постарайся. Это Герда — генеральный инспектор Котлонадзора. Она тебе все покажет, объяснит... Да, Герда, жилье ему какое-нибудь определи... Давайте, молодежь, я на вас надеюсь.

Вельзевул вернулся к столу и карте, а Герда, окинув меня меланхолическим, как показалось, взглядом — пойми-ка чего за этой боевой раскраской — не переставая жевать, пробурчала: «Пошли, чего там...»; мы куда-то провалились, и опять понеслись по тоннелям и коридорам неведомо куда. Держала меня эта

расписная ведьма так неудачно, что кроме ее окованного серебром сапога я толком ничего и не видел.

Но вот прилетели. Здоровенная бойлерная, все как положено — котлы, трубы, приборы. Зеленобровая Герда молчала, но по-прежнему смотрела на меня скептически. Я поскреб в затылке и вздохнул.

— Герда, давай сразу выясним отношения. Самый Главный там сказал про карьеру, так вот ты знай — мне карьеры не нужно. Как все есть, так все пускай и остается. И вообще, я в Москве один из самых тихих, понятно?

Герда уставилась куда-то вбок.

— Ты, значит, из Москвы.

— Ну да. А ты что, москвичей недолюбливаешь?

Она снова призадумалась и неожиданно изрекла:

— Ты ничего, симпатичный.

На это я уже не знал, что ответить, и потребовал у нее схему. Схема паплась, но составлял ее, судя по всему, еще Юлий Цезарь на свином пергаменте, и потом римские легионы десять тысяч лет ходили по ней в римских сандалиях — пятно на пятне и дыра на дыре. Понять ничего нельзя, пришлось разбираться так.

Разобрались.

— Черт-те что, — подвел я итог. — Значит, так. Эту магистраль мы перекрываем и срезаем. Сварка у вас тут есть?

— У нас все есть, — с мрачной гордостью отозвалась Герда.

— Чудесно. Муфты эти на пеньке выбрасываем и везде ставим шарово-конусные соединения. И задвиги шаровые — можно сделать?

— Можно.

— Какие?

— Любые.

— Постой, постой. И инструмент тоже любой?

Герда только хмыкнула. Я даже замер, ослепленный открывшимися перспективами.

— Тогда так... Задвиги «Бутатти», полнопроходные, со встроенными фильтрами. Перфоратор «ДеВалт», «болгарку» «крессовскую», трехпозиционную, плюс полный набор «Хилти». Манометры — «Тоledo». Этот стояк заменяем на медный, с компрессионным переходником, а вот отсюда врезаем резервную магистраль. Давление дадим сначала в основную, затем в резервную и здесь вот сравним. Все дела.

— И ты все это можешь сделать? — недоверчиво спросила Герда.

— С инструментом и поддержкой — вполне.

— Если ты самый тихий, — полубопытствовала она, — какие же в Москве бойкие?

Итак, мы с Гердой и полдюжиной подсобных чертей принялись гнуть и варить трубы, нарезать резьбу и долбить стены. Дела пошли нормально, к вечеру второго дня дали давление, опрессовали, и семнадцатый участок утратил весь свой гнилой и подтекающий романтизм. Прилетел даже Вельзевул, похлопал меня по плечу и сказал:

— Ну что же, Володя, замечательно, по такому случаю ты повышен сразу на два звания и получаешь чин инспектора. Герда, продолжайте, продолжайте в том

же духе, сколько нам мучаться с этой рухлядью, переходите на двадцать шестой, и вперед...

И умчался. Герда, черти и я отметили это дело с достойным перебором, и дальше мое загробное существование потекло стандартным порядком. Кашель понемногу отпускал, поселили меня во вполне приличной хибаре, Герда притащила целую кипу каталогов с мебелью и одеждой и сонно предложила выбрать что угодно, поскольку всего навалом, а публике глубоко плевать, как я выгляжу. Мы крушили кирпич, тянули магистрали, наворачивали вентиля, ломали головы над старой схемой и рисовали новую, а в остальное время бродили по здешним этажам, подкрепляли силы спиртным и ужасно резались в покер со всеми чертами и такими же, как мы, наемниками.

Герда вела себя все загадочней и загадочней. Как-то с пьяных глаз я выразил сожаление, что не могу увидеть ее лица и волос в натуральном виде, после чего закономерного ожидал получить по морде разводным ключом. Но вместо этого моя начальная долговязина вдруг отмылась и явилась в довольно милых косичках на школьный манер. Открылось, что это весьма юное создание, вовсе не лишнее привлекательности. Я заплотировал и заявил, что в таком формате руководство мне нравится намного больше. Герда странно покивала и, по своему обыкновению, склонив голову на плечо, уставилась куда-то в угол слева от себя. В результате этих преобразований она вдруг начала ревностно следить за тем, чтобы я много не пил.

И вот как-то однажды мы сидели в колодце на пятьдесят втором участке на противных ржавых скобах из гнутой арматуры, в руках у нас была все та же драная схема, и ругались мы нехорошими словами, потому что ничего не могли понять.

— Так, подожди, — говорил я. — Вот наши заглушки — тут и тут, все правильно; вот, по идее, вентиль, хорошо, а куда же тогда делась магистраль? Куда, интересно, мы давление дали?

Герда, пребывая в неизменном полусонном состоянии, смотрела почему-то не на схему, а на меня и, как всегда, уронив голову влево, наматывала волосы на палец.

— Не знаю, — протянула она. — Может, они так вентиляцию обозначили?

И в этот самый момент перед нами выскочил черт, и объявил, что Главный требует меня сей же час к себе. Я никакого подвоха не ожидал, сказал: «Ладно, чертила, давай копыто», зато Герда вдруг встрепенулась и взглянула с тревогой, и тогда я тоже насторожился, и с этим беспокойным чувством, держась за чертову ногу, влетел все в тот же парадный зал, и там действительно увидел такое, что без всяких инсказаний остолбенел от страха.

Из кого хочешь цикорий посыплется. Посреди зала стоял самолично ангел четырнадцатой категории Иннокентий со своей громадной книгой под мышкой и улыбался вечной сладкой улыбкой.

— Вот, Володя, — с усмешкой произнес Его Величество Вельзевул — он устроился тут же, небрежно привалившись плечом к собственному трону, — к тебе гости. Давай, Иннокентий, расскажи, с чем пожаловал.

Иннокентий приосанился и открыл книгу.

— Дорогой Владимир Викторович, — почти торжественно заговорил он. — Пришли ваши документы. Согласно постановлению, вы являетесь угодником четвертого разряда со всеми полагающимися правами и привилегиями. Поздравляю от души, поздравляю. Готов препроводить вас немедленно.

Едва миновал первый шок, я бочком, бочком, начал продвигаться ближе к Вельзевулу, и в конце концов оказался рядом, причем по какой-то причине уже стоя на карачках. Немного приподнявшись, я уткнулся ему в бедро и прохрипел:

— Ваше Величество, что хотите, все исполню, отслужу, только не отдавайте меня...

В ответ он положил мне руку на голову, а рука у него горячая, без малого уют, но мне сразу стало легче — и сказал едва слышно: «Не трусь и не трясись так», затем перевел взгляд на Иннокентия:

— Видишь ли, Иннокентий, тут человек мне говорит, что не хочет он с тобой идти. Боюсь, в этот раз не выйдет у тебя ничего.

Иннокентий от негодования даже весь вытянулся.

— Как же так, Владимир Викторович? Вы что же, отвергаете благодать небесную? Отвергаете рай? Не верю, не верю, подайте голос, под моим покровительством вы можете смело изъяснить свою волю!

Большая злость меня разобрала, но я сдержался. Гонор в этих краях недорого стоит, но и совсем уж ползать на брюхе тоже смысла нет. Я встал и сказал вполне интеллигентно:

— Я вам не собака, господин Иннокентий, чтобы голос подавать, но говорю серьезно: ни вам, ни вашим сволочам я по доброй воле не дамся.

Тут Вельзевул захохотал своим дьявольским смехом, и потом очень ласково обратился к Иннокентию:

— Ну признайся, Кеш, обосрался... — и махнул мне. — Володя, все, иди, работай... Кеша, глушьшка-дурашка, как же Он там тебя еще держит?

И что там было дальше, я уже не слышал, потому что черти унесли меня прочь.

Я завернул домой, достал из буфета флягу, хлебнул как следует и сел на кровать. Руки дрожали, как у эпилептика. Тут вбежала Герда и уставилась на меня безумными глазами.

— Слушай, чего сейчас было, — проговорил я нетвердым голосом. — Еще бы немного — и загремел. Хорошо, Главный отстоял, а то бы как... Представляешь, чуть не обделался от страха. Этот Иннокентий... я-то на ихнюю крутизну посмотрелся...

Она облегченно вздохнула, на секунду прикрыв глаза, и сказала:

— Я все знаю, — после чего подошла и отобрала у меня бутылку. — Снимай куртку, майку, и разворачивайся ногами вот сюда.

Герда вытряхнула меня из рабочих шкур, сама тоже вылезла из своих черных кож, и мы уселись на кровати спиной к спине. Спина у нее была почти такая же горячая, как рука у Вельзевула.

— Это что значит? — поинтересовался я.

— Площадь контакта больше, — туманно пояснила моя начальница. — Знаешь, как воины пожимали руки перед Куликовской битвой? Возле локтя, так что не толь-

ко ладони, но и предплечья соприкасались. Между людьми были другие отношения... Ты о чем думаешь?

— О Высоцком. Он же там за меня заступился. Боюсь, влетит ему за мои выходки...

Герда фыркнула, шевельнув лопатками.

— Твой Высоцкий давно здесь, раньше тебя пришел. Поднимись на девятый уровень, да посмотри.

— Ух ты, — восхитился я. — И что он там делает?

— Вроде кино какое-то снимает... Бабы всякие бросаются на него, как сумасшедшие... Кстати, спрашивал про тебя.

Мы помолчали.

— Знаешь, Герда, — сказал я, — в тебе что-то есть.

Она сделала спиной неопределенное движение и ответила почему-то шепотом:

— Никакая я не Герда... Меня Светлана зовут, я из Свердловска... Ты тоже мне нравишься...

Мы снова помолчали, и я спросил:

— А магистраль куда делась?

— Не знаю.

Я покачал головой и вздохнул:

— Ладно, разберемся...

Июль 2004 г.

ЕВГЕНИЙ БЕНИЛОВ

«НА МОРЕ И НА СУШЕ»

1

Я ПРИХОЖУ В СЕБЯ И СЛЫШУ ГРОМКИЙ, РОВНЫЙ ГУЛ. Я открываю глаза и вижу песок... он почему-то в сантиметре от моего носа. Ага, понимаю: я лежу ничком, уткнувшись лбом в подвернутую руку... кажется, на пляже.

На пляже?

Я поднимаю голову и вижу полоску желтого песка, отороченную вереницей шевелящихся на ветру пальм. Справа от меня бьются волны, выбрасывая длинные пенные языки. Сверху висит темно-синее, южное небо. Яркое солнце жжет спину.

Я встаю на ноги и с удивлением рассматриваю свой купальник: красный треугольник внизу, два крошечных лоскутка наверху. Совершенно не в моем стиле! Как я могла такое купить?..

А где Димка?

Я смотрю по сторонам, но на пляже — до самого горизонта — никого. Я оборачиваюсь, но моего жениха нет и там... зато я вижу Арабеллу. Стрекоза парит перед моим лицом: полуметровые крылья слились в кисейную пелену, в огромных фасеточных глазах блестят солнечные блики. Я хлопаю в ладоши, и она послушно садится на мое плечо... от прикосновения цепких лапок становится щекотно.

И тут, словно по волшебству, у меня в памяти оживает целый пласт событий: вот мы с Димкой приезжаем на курорт, вот грузим чемоданы и клетку с Арабеллой в такси, вот селимся в отель...

Но как я оказалась одна на пустынном пляже?

Я на мгновение задумываюсь, и в памяти всплывает еще один пласт: мы уже неделю отдыхаем, таскаясь каждый день на городской пляж — и вокруг люди, люди, люди... прямо как сельди в бочке. Тогда я предлагаю съездить в южную часть полуострова. Мы берем напрокат машину: Димка ведет, я смотрю по карте и говорю, куда ехать; Арабелла стучит крыльями в своей клетке. Наконец мы приезжаем на место, выпускаем Арабеллу, оставляем машину на обочине и пробираемся по дюнам к пляжу.купаемся у самого берега (нас предупредили, что здесь, на юге водятся водометки и прочая морская нечисть). Потом закусываем бутербродами, пьем холодный сок из термоса и идем гулять вдоль моря.

Что дальше?..

Арабелла трется о мою щеку, ласково покусывает за ухо. Ветер ерошит волосы, небожно бьет песком по ногам. Легкие перистые облачка летят по синему небу. Я в растерянности выдергиваю из памяти разрозненные картинки: вот Димка от избыт-

ка сил встает на руки и идет, оставляя на мокром песке смешные лапчатые следы. Вот он пытается научить меня ходить на руках — я отбиваюсь и пронзительно визжу, а Арабелла мечется над нами, не зная, нужно ли зациповать хозяйку...

А что было потом?

Я прислушиваюсь к себе: потом произошло что-то плохое.

Сердце мое замирает, словно сжатое чьей-то холодной, костлявой рукой... я опускаюсь, почти падаю на песок. Арабелла взлетает, затем опять пристраивается мне на плечо.

Я закрываю глаза, вспоминаю.

Взявшись за руки, мы идем по пляжу, и вдруг на горизонте возникает точка. Мы подходим ближе — точка превращается в катер: он стоит у самого берега, с высокого борта на песок брошен трап. Когда мы подходим еще ближе, по трапу спускается статная, высокая брюнетка в ярко-синем платье и идет нам навстречу. Взгляд ее прикован к Димке — я немедленно беру его за руку и, склонив голову, касаюсь виском его плеча (что на женском языке означает: «Руки прочь от моего жениха!»). Однако бесстыжая брюнетка продолжает таращиться на Димку. Я скашиваю глаза и обнаруживаю на лице последнего глупую ухмылку: рот до ушей, хоть завязочки пришей... ну, погоди — вечером на дискотеке назло пойду с тем спортсменом танцевать, что вчера домогался. Тут-то ты и сгоришь от ревности, женишок!.. Димка оборачивается ко мне, и я поспешно отвожу глаза.

Брюнетка приближается, так что я могу разглядеть ее как следует: надменное охотное лицо, длинная шея, шикарное платье (совсем простое, но видно, что стоит кучу денег); крошечные босые ступни с фиолетовыми ногтями тонут в песок. Руки она держит как-то не по-женски: левая прижата к телу, правая — за спиной.

А когда до нас остается метров пять, ее правая рука выныривает из-за спины: я вижу направленный на меня пистолет. Вернее, не пистолет, а парализатор, ибо заканчивается он не дулом, а двумя электродами.

Мы с Димкой врастаем в песок... краем глаза я замечаю на его лице недоумение.

Тр-р-р...

С электродов парализатора слетает молния и ударяет меня в грудь: ноги подламываются, я валюсь вперед, лицом вниз. «Вы что, рехнулись?» — слышу я Димкин голос... но тут еще один разряд бьет меня в спину.

Поток воспоминаний обрывается...

Я открываю глаза, и мой взгляд натывается на отпечаток ноги на влажном песке. След намного больше моего: здесь ступил Димка. А вот еще один отпечаток, поменьше... от злости у меня кружится голова. Проклятая брюнетка!.. Я иду по ее следу, как ищейка — но вскоре он теряется. Ага, здесь они взойшли на катер.

Я поднимаю глаза, но катера нет: пока я валялась без сознания, тот, ясное дело, уплыл. Я всматриваюсь в море и вижу остров; рядом — маленькое белое пятно. У меня на глазах катер приближается к острову, сливается с белой полосой прибоя и исчезает. Наверное, причаливает к берегу.

Неужто брюнетка столь глупа? Неужели не побоялась, что я приду в себя и прослежу, куда она отправится?..

Наверное, она остановилась на этом острове ненадолго — ну, там подобрать соборника или еще что-нибудь. А потом двинется дальше... надо немедленно оповестить полицию! Пока брюнетка не скрылась!

Но как я доберусь до полицейского участка? Ведь я не умею управлять машиной! В глазах у меня закипают слезы: дура я, дура, дура, дура! Ведь предлагал же Димка научить меня водить!

Что ж, придется идти к дороге и голосовать.

Я делаю несколько шагов и... останавливаюсь. Пытаюсь вспомнить, много ли видела машин по пути сюда — две-три, не больше. Насколько я помню карту, в этой части полуострова селений нет.

В отчаянии я валюсь на песок. Пока я буду мотаться за полицией, ненавистная брюнетка увезет моего жениха неизвестно куда. И убьет его, наверное... или соблазнит! Ведь мужики такие слабые: увидят смазливую бабенку и сразу пускают слюни — отчаяние у меня сменяется злостью. Я представляю, как подкрадываюсь к гадине и, прежде чем та хватается за парализатор, вцепляюсь ей в волосы!..

Господи, на что я теряю драгоценное время?!

Я вскакиваю на ноги и пытаюсь оценить расстояние до острова: может, километр, а может, и все три... ориентиров нет, понять трудно. Ладно, разберемся — ведь я хорошая пловчиха, даже выступала за сборную МГУ. И, в любом случае, выбора нет: если бежать за подмогой, брюнетка улизнет — и кто тогда спасет Димку?

Я подхожу к линии прибой и пробую ногой воду.

2

Я открываю глаза и медленно, с усилием сажусь — в задницу впивается что-то острое. Внутри черепа бьют колокола... я пытаюсь встать, но голова кружится, и я валюсь набок.

Черт!.. Что со мной?!

Упираясь руками в битый кирпич, я встаю на четвереньки. Справа от меня высятся развалины церкви, слева — выгоревший сквер (от деревьев остались обугленные пеньки: видать, кто-то поработал огнеметом). Прямо по курсу я вижу кучу мусора и, на самой верхушке, муравья. Несколько секунд я тупо разглядываю его, потом, наконец, понимаю: это — Чапай. «Чапай! — зову я хрипло. — Иди сюда, насекомый!»

Муравей подбегает и, негромко стрекоча, тычется мне в лицо.

Преодолевая головокружение, я встаю и ощупываю череп. На лбу обнаруживает огромная шишка.

А где Нюта?..

С криканием сажусь на поваленный столб, закрываю глаза и массирую веки. Пытаюсь вспомнить... в голове мелькают лишь разрозненные картинки: вот мы с Сергеем копаемся в развалинах музыкальной фабрики, вот находим почти неповреж-

денную арфу... нет, это было утром. Вот обмениваем арфу на мешок турнепса и двух копченых улиток... в памяти всплывают бородастые рожи крестьян и запах навоза — это на Тамбовском рынке, ближе к вечеру, часов в пять.

Что было потом?

Потом наступают сумерки. Бездомные зажигают свои костры — если смотреть с холма, костры складываются в цепочки, повторяя сетку улиц. Мы с Нютой идем по Оружейному — Чапай то забегает вперед, то отстает, роясь в развалинах. Вдруг Нюта испуганно хватается за мою руку: «Дима, пойдем домой!» Из сумрака выступают смутные фигуры... я с удивлением чувствую исходящую от них угрозу. Что за чушь?.. Ведь мы у себя в районе, нас тут знает каждая блоха. «Не бойся! — я обнимаю Нюту, пытаюсь ее успокоить. — Мы ведь у себя в районе, нас тут знает каждая блоха». Мы подходим ближе: незнакомцев пятеро, все в темной, влажно блестящей одежде (кажется, резиновой), на головах шлемы и сдвинутые на лбы защитные очки.

Дети подземелья!..

Нютино плечо дрожит у меня под рукой. Я хватаюсь за пистолет.

— Стоять.

В глаза нам ударяет луч фонарика, рядом с которым (так, чтобы я видел) — оружейное дуло. Я прищуриваюсь, стараясь разглядеть, что находится позади фонарика, и вижу высоченного детину с калашом. Ствол автомата направлен мне в живот.

— Федор, Кирюха.

Двое громил подходят к нам: один забирает у меня пистолет; другой хватается Нюту за руку и тащит в темноту.

— Дима! — истерически кричит девушка.

Я кидаюсь вслед... но тут же останавливаюсь, получив сокрушительный удар в лоб — очевидно, рукояткой моего же пистолета. Мир озаряется снопом вылетевших из глаз искр, а потом становится темно...

Стук мотающейся на ветру форточки в доме напротив возвращает меня в настоящее. Чапай растянулся на земле и грызет найденную в мусоре консервную банку. Могучие жвалы с легкостью прокусывают проржавевшую жесть, из банки лезет густая бурая масса.

«Вот ведь идиот! — клянусь себя я. — Зачем полез на рожон?! Будто вчера родился!» Досада и злость охватывают меня... нет, не только досада и злость — в левой части груди я ощущаю резкую, почти физическую боль: у меня отняли Нюту! Что делать? Кого звать на подмогу?.. Я судорожно перебираю в памяти знакомых и понимаю, что обратиться могу лишь к Сергее: остальные рискуют ради меня не станут. А к Сергее обратиться не хочу я сам: у него жена и трое детей; если с ним что-то случится — кто будет их кормить?

Я достаю из ножной кобуры (не замеченной бандитами) второй пистолет. Проверю обойму — вроде полная.

Я вскакиваю с поваленного столба — Чапай вопросительно поднимает голову. «Ищи! — говорю я. — Нюта!» Муравей носится зигзагами: голова опущена, антенны

непрерывно шевелятся — ощущают землю, пробуют на вкус воздух. Наконец, он берет след и устремляется в темноту; я зажигаю фонарик и, спотыкаясь о битые кирпичи, кидаюсь вдогонку. Сначала Чапай бежит по улице, потом сворачивает в какую-то арку; мы оказываемся во дворе, окруженном непонятно как уцелевшими многоэтажками. В центре двора темнеет что-то большое. Следуя за Чапаем, я подбегаю ближе и вижу памятник: одетый в борцовское кимоно президент гордо выпячивает усыпанную орденами грудь. Рядом с памятником обнаруживается канализационный люк — муравей скребет его лапой.

Поводив лучом фонарика по земле, я нахожу обрезок трубы и подцепляю крышку люка. Раздается скрежет. Мало помалу крышка съезжает в сторону.

«Вперед!» — команду ю я.

Чапай исчезает в темном отверстии. Светя себе под ноги, я слеую за ним.

3

Я плыву уже с полчаса... а может, и час, не знаю. Пятиметровые волны то бросают меня в небо, то валят в узкие ущелья между гребнями. Арабелла висит в метре над водой и чуть впереди; я держу курс на нее — что очень удобно, ибо начинаются сумерки, и остров с катером брюнетки виден плохо. Брызги хлещут меня по лицу, соленая пена лезет в рот... с начала моего заплыва волнение заметно усилилось.

Хорошо, хоть вода теплая — намного теплее, чем в северной части полуострова.

Или, вернее, плохо. Потому что в теплой воде могут быть опасные обитатели... я остро ощущаю свою незащищенность.

Перед тем, как отправиться в путешествие, я подобрала обломок раковины с острым краем и спрятала в трусы (я вспоминаю, насколько они крошечные, и озабоченно проверяю, на месте ли осколок — слава Богу, на месте). И все-таки непонятно, о чем я думала, когда покупала этот блядский купальник!

Меня выносит на очередной гребень и...

Я не сразу понимаю, что это: склон следующей волны усыян ярко-красными пятнами... красное на синем — очень красиво.

Водомерки!

Я выхватываю осколок раковины иставляю перед собой. На мгновение все вокруг застывает, как на снимке: висящая в воздухе Арабелла, летящие по ветру клочья белой пены, круглая луна плывет над темной горой острова. И водомерки: растопыренные лапы, широко раздвинутые жвалы, лаково блестящие панцири — примерно метр в диаметре.

А потом...

Потом я преодолеваю гребень волны и, вытянувшись в струну, скольжу вниз — быстрее, быстрее, быстрее... Осколок раковины зажат в вытянутой руке. Я вижу, как водомерки летят навстречу, расходятся веером и пропускают меня, чтобы напасть сзади. Я пролетаю сквозь них — сделав кувырок, поворачиваюсь — как раз, чтобы успеть полоснуть раковинной по сунувшейся ко мне морде.

Водомерка заваливается набок с распоротым глазом и судорожно бьет ногами. Ее товарки отскакивают в стороны... но тут же бросаются на раненое насекомое. Раздается громкий, неприятный хруст: жвалы раздирают хитиновый панцирь.

Однако досмотреть представление мне не удастся: незаметно для себя я переваливаюсь через очередной гребень и, потеряв равновесие, падаю спиной назад. Волны крутят и вертят меня; я не понимаю, где верх, где низ. В нос набирается едкая, соленая вода.

А когда я вынырываю, то вижу летящую на меня водомерку — насекомое катится, как лыжник, по склону волны. Я отмахиваюсь раковинной, но попадаю в пустоту... вернее не в пустоту, а в широко разинутые жвалы. Ладонь пронизывает острейшая боль: раковина выскальзывает из моих пальцев. Я чувствую, как две пары когтистых лап хватают меня за плечи и бока; к лицу приближается бородавчатая морда — превозможая боль в прокушенной руке и отвращение, я пытаюсь морду эту оттолкнуть...

Но тут что-то большое падает водомерке на спину: раздается хруст, лапы насекомого разжимаются. Меня относит в сторону, а водомерка, вздымая тучи брызг, погружается в воду. Я вижу в спине у нее дыру, в которой пузырится густая белая гадость.

Арабелла висит в воздухе и плотнодно щелкает испачканными жвалами.

4

Я осторожно спрыгиваю на пол и свечу фонариком вперед: коридор уходит в бесконечность. От стены до стены примерно четыре метра, от пола до потолка примерно три. По стенам тянутся ржавые трубы. Воздух едкий — глаза мои начинают слезиться... здесь не помешали бы защитные очки.

Чапай стрекочет и гарцует от нетерпения.

«Ладно, пошли», — прыгая от стены к стене, мои слова вереницей уносятся в бесконечность. Муравей бросается вперед, я за ним.

На раскисшем бетоне пола — лужи, на влажном бетоне стен — разводы плесени. Иногда в стенах коридора открываются боковые проходы, но Чапай бежит прямо... равномерные движения его ног действуют на меня отупляюще. Острая боль из-за утраты Нюты чуть ослабела: вовлеченность в действие — вопреки логике — внушает ложные надежды.

Мои ботинки шлепают по лужам; лапы Чапая цокают, как подкованные.

Вдруг муравей останавливается и поднимает голову, не то прислушиваясь, не то приносясь. Я тоже встаю — вокруг висит тишина... не знаю, как Чапай, но лично я слышу лишь собственное хриплое дыхание. Впрочем (я жду еще несколько секунд), сзади доносится еле слышный гул. Я ощущаю еще и вибрацию: пол под ногами дрожит, будто сюда мчится стадо буйволов — в смысле, если б буйволы еще водились на Земле...

Если мы будем стоять, как стоим сейчас, нас неминуемо затопчут.

Чапай возбужденно мечется взад-вперед; я пытаюсь вспомнить, когда мы миновали последний боковой проход... кажется, давно. Я пробегаю вперед, но ответственный нет и там — деваться некуда!

Неожиданно Чапай прыгает на стену и лезет вверх — долезает до потолка и повисает там вверх ногами. Он глядит на меня и тревожно стрекочет.

А куда прикажете деваться мне?

Топот бесчисленных ног становится громче и отчетливей, я уже различаю звуки отдельных шагов. Подо мною дрожит пол.

По стене коридора тянется труба — я пытаюсь взобраться на нее, но проржавевший металл ломается, и я падаю. Я пробую залезть в другом месте, но труба ломается опять.

На мгновение меня охватывает паника — по спине градом катится пот, сердце колотится где-то в горле. Слушая нарастающий гул, я свечу фонариком в черную глубину коридора — луч выхватывает глазастую, усатую морду... и еще одну. Ноги тараканов сгибаются и разгибаются, как рычаги машин; трехметровые усы непрерывно шевелятся.

Сейчас они опрокинут меня — и тогда конец!

Я цепляю фонарь за пуговицу, бросаюсь к висящему на потолке Чапаю — подпрыгиваю и хватаюсь за него, поджав ноги. Истощенно стрекоча, муравей держится за изъеденный коррозией бетон... не дай Бог, насекомое разозлится и цапнет меня за руку!

И вот первый таракан пронесется под нами... еще один... еще один... вот они уже несутся непрерывным потоком. Десятки тонких, дрожащих усов скользят по мне, ощущивая на ходу, под их прикосновениями тело мое медленно раскачивается. «Чапай, дружище, потерпи!» — умоляю я муравья.

Наконец последний таракан исчезает в глубине туннеля. Я разжимаю затекшие пальцы, спрыгиваю на пол. Рядом шмякается Чапай и, упершись передними лапами мне в колено, сердито стрекочет — ругается на меня. «Спасибо, насекомый! — я чешу у него под подбородком. — Спас своего хозяина!» Я смотрю на истоптанный тараканами бетон пола и озабоченно говорю: «Чапай, след!»

Несколько секунд муравей щупает антеннами пол, потом бросается в темноту туннеля.

5

Я плыву вдоль острова. Справа от меня каменная стена, о стену с ревом бьются волны — от нее надо держаться подальше. Но и далеко от стены отплывать нельзя, иначе я не замечу проход внутрь острова, куда зашел катер брютетки. Солнце давно село, единственный источник света — луна.

Волны мотают меня вверх и вниз, в руках и ногах клубится усталость. Сколько я плыву — час? полтора?... Прокушенная водомеркой ладонь быстро наполняется тупой пульсирующей болью.

Проход в скалах открывается внезапно: он узок — метров двадцать, не шире. Меня подхватывает сильнейшее течение и тянет внутрь — очевидно, сейчас прилив. Ага, понятно: прилив, наверное, и помешал брютетке покинуть остров.

Я перестаю работать руками: течение само затаскивает меня в пролив... чуть не ударив головой о скалу. Корректируя курс гребками, я несусь по узкому извилистому коридору и, наконец, оказываюсь в лагуне.

Волны и ветер стихают, будто их и не было.

Лагуна представляет собой круглое озеро с крутыми скалистыми берегами. Выбраться на сушу можно лишь на дальней стороне — я вижу там цепочку фонарей... похоже на набережную. Откуда? Разве здесь кто-то живет?... Удивиться я, однако, не успеваю, ибо замечаю катер: он пришвартован в дальнем конце набережной. В иллюминаторах горит свет.

У меня заходит сердце: цель близка, теперь все зависит от меня. Стараясь не шлепать по воде руками, я плыву к берегу. Арабелла неслышной тенью скользит впереди. Лунные блики играют на воде.

Вдруг стрекоза притормаживает и поворачивается ко мне... нет, не ко мне, она смотрит на что-то позади меня. Я тоже оборачиваюсь и вижу на поверхности воды, метрах в десяти от себя длинный извилистый след.

Пиявка!

Изо всех сил плыву к берегу... у меня есть шанс, ибо пиявки — тихоходы; если б я не вымоталась, то легко уплыла бы от нее. Но руки и ноги мои налиты свинцом, сил и дыхания почти не осталось.

Арабелла носится над водой — но что она может сделать? Нырять она не умеет. Вот если б пиявка оказалась на поверхности...

Правой-левой, правой-левой — руки мои рубят воду, как пропеллеры. Цепочка фонарей на набережной быстро приближается. Вот я уже вижу место, где можно выбраться на сушу: там к воде сбегает широкая лестница...

И в тот момент, когда я касаюсь нижней ступеньки, мягкие губы охватывают мою левую ступню, в кожу впиваются десятки маленьких, острых зубов. Руки мои соскальзывают с мокрого мрамора — пиявка тянет меня в черную глубину. Глотнуть воздуха я не успеваю.

Не знаю, как мне удастся сохранить присутствие духа... причина тому, наверное, отсутствие Димки, мне не нужно изображать из себя слабую женщину.

Извернувшись, я вонзаю ногти в скользкую массу, охватывающую мою ступню. Меня резко дергает вбок, потом переворачивает: пиявка извивается и бьется, пытаясь вырваться из моих когтей — но я держу крепко! Держу до тех пор, пока она не разжимает зубы... задыхаясь, я пробкой вылетаю на поверхность и барахтаюсь по направлению к берегу.

Я выбираюсь из воды, ползу, оставляя кровавый след, вверх по ступенькам и, оказавшись на набережной, проваливаюсь в обморок.

6

Я сижу на полу, подложив под зад тараканье крыло и привалившись спиной к стене. На коленях у меня лежит пистолет. Как только я сел, Чапай канул в темноту, но, если его позвать или просто свистнуть, он немедленно прибежит.

Я нахожусь в боковом коридоре, метрах в пятидесяти от выхода из туннеля. А может, входа в какое-то помещение, не знаю... так или иначе, там есть источник света и пост детей подземелья: два парня в резиновых комбинезонах. Слава Богу, я заметил их раньше, чем они меня, и свернул в удачно подвернувшееся ответвление.

Пол вокруг меня завален разложившимися, полуразложившимися и совсем свежими тараканьими трупами — вонь стоит невыносимая... Панцири тараканов испещрены пулевыми отверстиями: видать, насекомые часто сюда лезут, а охранники их расстреливают. Между трупами неслышно передвигаются слизняки: сползлись на бесплатное угощение.

И что теперь? Может, охранников удастся обойти?

Несколько секунд я размышляю... нет, не получится. Если даже найдется обходной путь — он тоже охраняется. А если не охраняется и там можно пройти — то где Чапай будет искать Нютин след?

Может, сделать вид, что я сдаюсь — а, как подберусь к охранникам поближе, тут их и положу!

Несколько секунд я размышляю... нет, не получится. Близо они меня не подпустят — изрешетят из автоматов, как таракана, а потом уж будут разбираться.

Тук. Тук. Тук. Тук... -

Вздвигнув, я осторожно поднимаюсь на ноги. Сжимая в потной руке пистолет, подхожу к входу в главный туннель. Оттуда доносится громкий стук... я всматриваюсь в темноту и различаю лежащего на спине таракана: он монотонно бьет ногой в стену. Видать, недавно подстрелили (я вспоминаю стадо, чуть не затоптавшее нас с Чапаем).

Вдруг муравей материализуется у моей ноги и застывает в «позе кентавра»: передняя часть туловища приподнята, передние лапы сложены на груди.

Он почувал что-то опасное.

Замираю, но слышу лишь стук тараканьей ноги по стене коридора и стук собственного сердца о стенки грудной клетки. Последний кажется намного громче.

Я различаю звуки шагов и голоса. По стенам коридора мечутся лучи фонарей.

Прижимаюсь спиной к стене и взвожу затвор пистолета — раздается громоподобный щелчок... я в ужасе приседаю. Но охранники щелчка не слышат: они минуют меня и останавливаются около недостреленного таракана. «Говорил я тебе, мюдилла! — у того, что повыше, сильный французский прононс. — У меня ухо — алмаз». — «Не ухо, а глаз, — поправляет другой. — Учи русский язык, чурка парижская». Француз передергивает затвор калаша, а я тем временем целюсь ему в спину.

Тра-та-та-та-та...

Выстрел пистолета теряется в автоматной очереди — как, собственно, и было задумано; француз без звука валится вперед. Наступает тишина. Второй охранник с удивлением таращится на мертвого. «Пьеруха, ты чиво?...» — он осторожно касается лежащего ногой. «Не шевелись! — говорю я, выступая из бокового туннеля. — Одно движение — стреляю». Парень застывает в неловкой позе. Я подхожу, стаскиваю с

него автомат и вешаю себе на плечо: «Повернись». По-хорошему, его сразу б надо было завалить... вот только комбинезон портить неохота.

На физиономии охранника — насколько это позволяют разглядеть защитные очки — заискивающая улыбка. Голубые кудри выбиваются из-под шлема и липнут к потному лбу. «Не убивай! — молит парень. — Я никому не скажу!..» Тон его настолько жалок, что я теряю бдительность...

Тут-то он и кидается на меня.

Пистолет и фонарик вылетают у меня из рук, автомат слетает с плеча. Мы катимся по полу; тараканьи панцири хрустят под нашими телами. Я оказываюсь сверху и изо всех сил быю парня по скользкой морде — раз, другой...

Ох-х-х!!!

Я получаю удар в пах и валюсь набок. Охранник оказывается сверху и хватает меня за горло — я пытаюсь разжать его руки, но мои пальцы соскальзывают с потных запястий. Он бьет меня затылком о пол; в глазах начинают плавать круги...

Вдруг хватка у меня на горле слабеет... парень падает вперед, головой мне в лицо. Я сталкиваю его с себя и сажусь, воздух булькает у меня в горле.

Чапай стрекочет, ласково онцупывает антеннами мое лицо. В свете валяющегося на полу фонарика я вижу, что жвалы муравья испачканы кровью.

7

Я прихожу в себя от холода: зубы стучат, ноги и руки — ледяные. Правая ладонь и левая ступня налиты болью... от жалости к себе я начинаю плакать.

Впрочем, для кого я плачу?... Рядом — никого, никто не пожалеет!

Я вытираю глаза, сажусь, осматриваю раны. Прокушенная рука распухла, вокруг сквозного отверстия образовались темно-красные круги — причем с обеих сторон. Не дай Бог, началось заражение... черт эту водомерку знает: может, она перед тем, как кусаться, дохлятины нажралась?

Впрочем, нога беспокоит меня больше: циклотку, как браслет, охватывает цепочка небольших проколов — и из каждого течет алая струйка. Не сочтется, а именно течет; я слышала, что пиявки впрыскивают жертве какую-то гадость, чтобы не сворачивалась кровь. Необходимо немедленно наложить жгут.

Несколько мгновений я размышляю, потом смотрю на свой купальник. Размышляю еще несколько секунд. Выбора нет: я снимаю верх купальника и перетягиваю циклотку выше укуса. Кровь сразу останавливается — будто я завернула кран.

Я отжимаю волосы и встаю.

Передо мной — широкая улица, отгороженная от лагуны невысоким (мне по пояс) парапетом. Тротуар вымощен плитам, образующими красивый и довольно сложный узор. Противоположная сторона застроена двух-трехэтажными домами: внизу магазины и кафе, верхние этажи — очевидно, жилые. В ярко освещенных витринах стоят шикарно одетые манекены, ярко освещенные залы уставлены накрытыми столами. И ни одного человека...

Оставляя кровавые следы и дрожа от холода, я пересекаю дорогу, подхожу к первому попавшемуся ресторану, дергаю дверь — заперта. Внутри — ни души. Я перехожу к соседнему зданию, там магазин женской одежды. В витрине — потрясающе красивое вечернее платье, с пучками сборок по бокам... очень оригинально, нужно запомнить. Справа и слева от платья стоят зеркала; я делаю шаг вбок и вижу свое отражение...

Господи, какой ужас! Вся в крови, волосы слиплись от морской воды, голые сиськи мотаются, как колокола на колокольне. Передернувшись, я отворачиваюсь.

Ближайший ко мне конец набережной заканчивается памятником: одетый в борцовское кимоно президент гордо выпячивает усеянную орденами грудь. Стуча зубами от холода, я смотрю на него...

Господи, что это я? Почему теряю время?!

Я поворачиваюсь и решительно иду к катеру. Арабелла летит надо мной — ветер от ее крыльев холодит мокрую спину. Я хлопаю в ладоши, и стрекоза опускается мне на плечо. Воздух приходит в состояние абсолютного покоя; вокруг царят тишина и безлюдье. Вот ведь странное место!.. Яркое освещенная набережная, кафе, магазины — на пустынном острове. Бывает же такое!

Катер уже в ста метрах от меня, становится неудобно: а вдруг гадина заметит меня?.. Однако выбора нет: набережную ограничивает сплошной ряд домов, не обойдешь. А в море я больше не полез — пусть уж лучше меня застрелит бронека, чем утащит пьявкам!

Последние метры я ползу на четвереньках, скрываясь за парашютом (Арабелла перебирается с плеча на спину и щекочет между лопаток). Я доползаю до выхода на причал, осторожно высовываюсь: на палубе никого нет. В будке на носу катера (кажется, она называется рубкой) горит свет, но людей не видно.

Я поднимаюсь на ноги и, пригибаясь, крадусь к катеру. На борт ведет узкий трап, и вот я уже на палубе. Миную вход в рубку и вижу еще одну дверь: она приоткрыта, позади — ступеньки вниз. Не прикасаясь к двери (та может закрипеть), я боком проскальзываю внутрь, спускаюсь по винтовой лестнице. Под моими ступнями мягко пружинит ковер.

Лестница заканчивается еще одной дверью, в центре которой — круглое окошко в блестящей медной раме. Стоя сбоку — так, чтобы меня не было заметно — я осторожно заглядываю в него.

Вижу большую, роскошно обставленную комнату: слева расположена широкая кровать под бархатным балдахином, справа — красного дерева стол с резными ножками. На столе — остатки ужина: тарелки из тонкого фарфора, антикварного вида ножи и вилки; из серебряного ведерка торчит бутылка. У стола сидит одетая в узкое кружевное платье бронека — в руке у нее бокал шампанского... по сравнению с ней, я чувствую себя грязной, полуголой дикаркой.

А в середине комнаты я вижу Димку.

Он стоит у колонны, поддерживающей потолок, и как-то странно вытягивает вверх руки... я не сразу понимаю, что он привязан к вбитому в колонну крюку. Мой жених все еще в плавках, босые ноги тонут в ворсе ковра.

Вдруг бронека встает, подходит к Димке, поднимается на цыпочки и... впивается ему в губы!

Сердце взрывается в моей груди; чтобы удержаться на ногах, я упираюсь рукой в стену, Арабелла цепляется за мое плечо.

Поцелуй длится чуть ли не две минуты; наконец, гадина отрывается от моего жениха... тот лишь молчит и тяжело дышит. Почему не плюет ей в лицо? Почему не пинает — ведь ноги-то у него свободны?

Чувство потери валится на меня, как гряда камней. Оглушенная, я стою на темной лестнице.

Проклятая бронека ласкает Димкину грудь, рука ее спускается к его животу... затем, опустившись на колени, гадина резко спускает с него плавки.

И прежде, чем я успеваю отвернуться, я замечаю, что у моего жениха — чудовищная эрекция.

Несколько секунд я гляжу в стену... потом для верности еще и зажимаюсь. Арабелла щекочет усами мою щеку. Я вслепую поднимаюсь на палубу — открыв глаза, иду к катера прочь. Губы мои почему-то шевелятся... я вдруг понимаю, что монотонно шепчу: «Меня предали... Меня предали... Меня предали...»

Но вдруг едкие, злые слезы брызгают у меня из глаз, пальцы скрючиваются... Какого черта? Почему я без борьбы отдаю этой гадине своего любимого?! Мало ли, на кого у него эрекция... то есть, не мало, конечно — но с ним я разберусь потом!

Я поворачиваюсь и решительно иду к катеру.

8

Комбинезон покойного охранника мне мал — сразу видно, что с чужого плеча, а сзади еще и залит кровью. Однако делать нечего, я выхожу из туннеля и оказываюсь в широком коридоре. Пол и стены здесь не бетонные, а земляные, потолок поддерживают деревянные колонны и балки.

Снятый с предохранителя автомат висит у меня на шее; мой указательный палец — на спусковом крючке. «Чапай, след!» — командую я, и муравей бежит вперед. Онасливо озираясь, я следую за ним.

Первое дитя подземелья встречается минуты через две: из бокового коридора вываливается коренастый, бородатый мужик... оружия у него вроде бы нет. Пока я прохожу мимо, он подозрительно таращится, потом плетется следом — может, ему надо в ту же сторону? Некоторое время мы идем как бы в связке... спина моя покрывается испариной.

Наконец мужик сворачивает в боковой проход. Я облегченно вздыхаю.

Вскоре начинаются жилые помещения. Становится светло: в стены там и сям воткнуты горящие факелы, фонарик я прячу в карман. Вокруг снуют пешеходы и двигаются повозки, запряженные волосатыми, коротконогими жуками; коридор расширяется и становится улицей. В стены вделаны двери (из тараканьих панцирей) и окна (из мушиных крыльев). На меня никто не обращает внимания: ну, залита у мужика спина кровью — эка невидаль! А я верчу головой и глазами по сторонам: в селениях детей подземелья я раньше не бывал.

И тут со странным щелчком — будто кто-то перекинул тумблер — события останавливают свой ход: ночные птицы умолкают, кусты перестают шелестеть, ветер замирает. Нюта каменеет в моих объятиях; пытаюсь встряхнуть ее, привести в чувство, но у меня не получается.

В чем дело?.. Почему мы не в силах двигаться?!

Мир вокруг нас подергивается извилистыми струйками и стекает вниз — как дождь по стеклу окна.

9

Я лежу в капсуле миро-имитатора. Окуляры уже сдвинуты с моих глаз — я вижу лунообразное лицо доктора Кузьмина.

— Как чувствуете себя, Дима?

— Спасибо, хорошо! — я снимаю наушники, отцепляю от висков липучки гипно-контактов.

В кабинете доктора, как всегда, включено радио: «Теперь, когда количество родов достигло 97 процентов, — гудит вальжанный баритон, — гипно-тренировка брачующихся имеет колоссальное значение!» Похоже, это интервью с новым министром семьи.

— Как я выступил, доктор? — спрашиваю я.

— Неплохо, молодой человек, очень неплохо! — Кузьмин подслеповато щурится и указывает мне на стул в углу кабинета. — Но это всего лишь первое, самое легкое упражнение. Дальше будет трудней.

Я вылезаю из капсулы и сажусь. «Самое важное в браке — это умение прощать и желание бороться за свою любовь, так что тренировке этих качеств мы будем уделять как можно больше внимания!» — гудит министр.

— А зачем понадобились все эти насекомые, развалины, подземелья?.. — спрашиваю я. — Почему нельзя было провести упражнение в нормальных условиях?

— Когда человек женится, он оказывается в абсолютно новом для себя мире — но при этом ошибочно полагает, что сможет там легко сориентироваться, — Кузьмин назидательно качает пальцем у меня перед носом. — Именно эти обстоятельства мы и моделируем, помещая пациента в непривычные условия и снабжая его лишь самой поверхностной информацией.

В противоположном углу кабинета стоит еще один миро-имитатор.

— А как дела у Нюты? — я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на экран монитора. Но тот повернут ко мне вполоборота, так что я различаю лишь смутное мелькание.

— Неплохо, но все же не так хорошо, как у вас, — на лице доктора появляется виноватая улыбка. — Не исключено, что это упражнение ей придется повторить.

ВЛАДИМИР ДАНИХНОВ, АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ

ПЛАСТИКА

*Кративину Владиславу,
с чувством глубокой признательности.*

Родители

ВОЗЬМИ МОЙ ПАЛЕЦ, МИЛЫЙ, Я МНОГО ПАЛЬЦЕВ ВЫРАСТИЛА за последнее время, можно поделиться. Возьми палец, разомни его в руках. Он приятного желто-зеленого цвета. Замечательное лицо получится у нашего малыша.

Возьми.

Лишний жир скопился на животе, возьми и его тоже. Да, я знаю, это не жир, но наши хозяева называют его так. Пускай. Жира много, хватит на ручки для маленького. Левая пусть будет розовой, правая — синей.

Прости.

Извини меня. Не ругайся, умоляю, не надо! Я знаю, я забыла, симметрия, да. Хозяева всегда правы. Симметрия — это замечательно. Пускай тогда обе руки будут розовые. Как небо. Тебе ведь нравится наше небо, милый? Розовое днем, красное на закате, темно-бордовое ночью...

Я знаю, когда-то оно было темно-синее. Потом пришли хозяева. Им не выжить под темно-синим небом, они построили Купол.

Не смотри на меня так, милый. Что? Повтори еще раз — я плохо слышу. Ты решаешь мне вылепить руки нашего малютки разноцветными? Спасибо. Ты такой добрый. Возьми еще один палец. Он темно-синий, как прошлое небо.

Сделай лицо малышу.

Корабль

Корабль летел домой уже третьи сутки, все больше и больше удаляясь от Планеты Красного Неба.

Делать было абсолютно нечего, скука бродила по кораблю на мягких пыльных лапах, заглядывала в комнаты, грустно качала головой и тихонько присаживалась в уголке. Смотрела оттуда тусклыми — тоскливыми! — глазами. Родители не разговаривали с сыном, и между собой тоже, только ругались иногда, но уже не так сильно, как раньше. Фальшиво, не по-настоящему, без гневного блеска в глазах и истерических выкриков. Будто сценки какие разыгрывали, пытаясь вернуться в пакатанную колею.

Мишка тяжело вздыхал, искоса поглядывал на отца с матерью: те притворялись, что не замечают. Занимались своими делами. Чаще молча лежали в койках, нацепив на голову узкий экранчик-обруч голоплеера. Видео смотрели, новости, музыку

слушали. Иногда выходили в кают-компанию. Или в столовую, которую все называли камбузом. Хотя камбуз — это кухня, думал Мишка. Старинное слово, оно означает место, где люди готовят пищу, а не едят ее. Кажется, так.

Родители молчали. День, второй, третий... Чувствовали себя виноватыми, но не хотели признаться в этом. Поэтому и ссорились, наверное.

Мать разгадывала кроссворды — всякие, какие только под руку попадались: японские, русские, английские. Отец хмуро глядел на звезды в обзорный видеоэкран-иллюминатор. Звезды были ненастоящие — псевдопроекция проносящегося мимо космоса. Отец прекрасно знал это, но все равно смотрел. Как какой-нибудь зеленый турист-новичок. Слово ни разу не летал за пределы родной солнечной системы.

Изображение в иллюминаторе частенько барахлило, покрывалось черно-белой рябью, похожей на снег, и тогда разозленный отец стучал по видеоэкрану кулаком. Громко-громко ругался. Как ни странно, помогал.

Мать деланно прикрывала уши ладонями, не желаю, мол, слушать твою брань. Морщилась, но молчала.

— Лучше бы настоящие окна соорудили, — бурчал отец. — Да! Вдруг в подпространстве тоже кто-то есть? Кто-то живет? Вот стою, допустим, я, смотрю...

Папа упорно называл иллюминаторы окнами, и Мишка сто раз уже хотел поправить его. Но так и не решился — было страшно.

Сказать что-нибудь не так.

Сделать что-нибудь не то.

Он невольно вскрикнул, быстро — чтоб никто не заметил — достал носовой платок, утер предательски слезящиеся глаза. Потом подхватил с койки рюкзачок с личными вещами, присел за раскладной столик в углу каюты. Достал из сумки ручку (обыкновенную гелевую ручку с черной пастой, а не ультрасовременный электронный карандаш-стило) и самую настоящую бумажную тетрадь — подарок бабушки. Открыл ее ближе к концу, засунул колпачок в рот, принялся задумчиво грызть и мусолить его.

— Немедленно вынь колпачок изо рта, — потребовала мать. — Там же грязь, микробы!

Мишка не послушался, дернул плечом: колпачок, ха! три дня ни о чем не спрашивали, не разговаривали, не замечали даже, а тут — колпачок. Он демонстративно отвернулся к стене, не желаю, мол, с вами общаться... с такими.

Мать промолчала.

Дневник

Когда-то я вел дневник. Записывал в него аккуратным почерком, что интересного случилось за день. Например, так: «*Пятое апреля*. Сегодня опять ничего не случилось».

Позднее стал выдумывать различные истории, записывал их в дневник, будто они случились вправду. О злобных шпионах-чужих, жаждущих выведать земные

секреты, о лихих приключениях пиратов-внезаконников в поясе астероидов, о контактах с параллельным миром, где живут прекрасные эльфы. Вранье, правда? Никаких пиратов давно уже нет; чужие, настоящие чужие — хозяева галактики, а не всякий сброд с третьесортных планет, высокомерно усмеваются, глядя на наши «чудотехнологии». Наставительно хлопают по плечу и за определенное количество кредитов предлагают купить собственные разработки. В параллельные миры никто не верит, а остроухих эльфов можно встретить только в мультиках для самых маленьких.

Поэтому дневник я забросил, хотя истории получались складные. Но ведь все равно — выдумка, ложь, иллюзия. Не более. Обидно было это сознавать. А грубая житейская правда заключалась в одном-единственном предложении.

Мама ругалась с папой.

Постоянно. Неизменно. Вечно.

Родители бранились, ссорились, грызлись друг с другом по любому поводу. И даже без такового.

Недавно я нашел свой старенький потрепанный дневник — бумажную тетрадь в толстом картонном переплете, разрисованном моими инициалами, — и теперь записываю в него все подряд. То, что было. Отмечаю ссоры и примирения родителей, интересные события, произошедшие с другими людьми — не обязательно моими приятелями или знакомыми. Фиксирую разные забавные случаи.

Я буду рад, если потомки прочтут его, узнают обо мне, о нашей семье, но, впрочем, все равно, пускай они ничего не узнают. Так даже лучше. Потому что, начиная с этого момента, я буду писать в старой тетрадке-дневнике не о себе, а о Той. Я хочу, чтобы потомки узнали о ней. Или о нем, я ведь не знаю, какого пола был (была?) Той.

Той — инопланетянин. Чужой. Не повелитель или господин могущественной расы, не уважаемый и богатый галактический торговец, и не военспец-наемник, нет. Он — с третьесортной планеты.

С третьей Бетельгейзе, которую люди называют Планетой Красного Неба. Говорят, когда-то небо здесь было глубокого темно-синего цвета. Потом инженеры-Буриды построили Купол.

«Мерзкие, гадкие, уродливые полиморфы! — плевались, дрожа от возмущения, туристы. — Почему правительство не согнало их в резервации?»

Той с планеты, которую покорили люди.

Все началось с того, что в нашей семье стало невозможно жить — папа ссорился с мамой, мама с папой, а я ругался с ними обоими или вообще убегал из дома. Когда это случалось, родители, будто опомнившись, мирились, а затем вместе — дружно! — шли меня искать. Искать приходилось недолго — я скрывался у друзей, которые жили в соседней двадцатизатке.

На короткое время родители становились «настоящими». Внимательными, заботливыми, любящими. «Прости, сынок, мы больше никогда... Обещаем».

Я не верю обещаниям.

Однажды я так на них разозлился, что сел в аэробус и удрал в областной центр. Без денег, без документов... Меня искали три дня. Объявили в розыск, и моя, давнишняя еще, старенькая фотография плялилась на людей со всех инфозэкранов. А внизу, привлекая внимание, мерцала надпись: «Пропал ребенок, возраст — 15 лет, телосложение среднее, волосы русые, особых примет нет. Кто может что-нибудь сообщить о...»

— Ребенок, — фыркал я, разглядывая, крупные рыжие веснушки и топырящиеся в стороны уши. — Скажете тоже. Через год буду совершеннолетним! Паспорт есть... дома.

К счастью, я-на-фотографии совсем не походил на себя-теперешнего и поэтому спокойно, без всякой опаски проходил мимо сканер-роботов, милиционеров и прочих стражей порядка. Мыкался по каким-то притонам и помойкам, жрал всякую дрянь. Ночевал в пустых пластиковых коробках, замерзал в своей тоненькой, успевшей уже изодрататься футболке, и тихонько плакал. Иногда.

Редко.

Нашли меня случайно. Сосед, который жил с нами в одном подъезде, приболел ангиной: то ли мороженым объелся, то ли еще что. Ну и, естественно, решил показаться врачу — тот отправил его в областную больницу. А я в это время бродил по коридорам той же больницы, уныло разглядывая таблички на дверях. Никак не мог осмелиться подойти к доктору или медсестре. Попросить их осмотреть вздувшуюся и начинающую опухать ногу, за которую меня укусила злобная лохматая шавка.

Трогательная встреча произошла в вестибюле. «Мишка! — закричал сосед. — Ах, негодник! Все тебя ищут, родители с ума сходят!»

«И вовсе не Мишка, — отбрехивался я, пытаюсь убежать от него, неловко подволакивая больную ногу. — Вы кто? Что надо? Я вас совсем не знаю! Милиция!»

Милиция подросла вовремя.

Жаль.

Как ни странно, мать с отцом меня не ругали. Кинулись — вдвоем, вместе! — обняли счастливо. Заплакали, ничуть не стыдясь обступивших нас милиционеров.

Горе сплывает.

Горе — это хорошо.

Целый месяц все было замечательно.

Нет, что-то я не то говорю, неправильное. Не так все началось, по-другому — с маленького пластилинового человечка, которого я смастерил год назад. Мне было четырнадцать, и я здорово увлекался лепкой. Жить не мог без пластилина, хотя отец не раз намекал, мол, взрослый уже, я вот в твоём возрасте и работал, и с девчонкой встречался, да. В кино ее водил. Цветы, конфеты, то, се. Обнимались на скамеечке. А потом, гм, целовались, в общем...

Отец увлекался и рассказывал дальше: как они плевались в роботов-дворников. Как катались на аэродосках — прямо по улицам города. Наперегонки, представля-

ешь?! Уворачивались от флайеров, сматывались от роботов воздушной автоинспекции. Разрисовывали стены ненавистной школы несмысленным разноцветным спре-ем. Граффити — папа ввертывал старинное словцо — вот так это называется. Всякие картинки, надписи и прочие украшательства.

Девочка — моя мама? — спрашивал я.

Отец не отвечал.

Злился. Хлопал дверью.

А я все равно лепил. Большею частью разных тварюшек: птичек, букашек, ежей — этих лепить интереснее всего. И никогда — людей. Даже не знаю — почему. Однажды подумал: может, попробовать? Звери получаются неплохо, люди разве сложнее? Чем они отличаются?

Я принялся за работу. Как раз оставалось несколько разноцветных кусков пластилина — и я решил потратить их на игрушечного пупса.

Человечек получился уродливым — лицо непропорциональное, похожее на большую тыкву желто-зелено-бурого цвета (если взять несколько разных кусков и долго перемешивать, получится сероватый такой цвет), тело пестрое, неоднородное, с вкраплениями, руки разной длины. Ноги, словно лягушачьи лапы. Шляпа фетровая на голове — не знаю, зачем я ее сделал. Просто так, наверное, взял и вырезал из куска старой ткани.

Потом я, конечно, наловчился, лепил этих человечков в невообразимых количествах. Целые скульптурные группы сооружал. «Эй, мастер, — смеялась мама, — иди обедать. Остыло все». Я улыбался в ответ: сейчас, подожди еще пять минут.

Когда родители не ругались, они были самыми замечательными, самыми классными родителями в мире. Поэтому я быстренько доделывал очередного человечка и бежал мыть испачканные пластилином руки.

Впрочем, и это неважно. Никакого отношения человечек к истории не имеет, просто-напросто так совпало, получилось, вышло — будто предзнаменование. Или предупреждение? В общем, знак.

Я не верю в приметы.

Родители

Здравствуй, Той. Ты меня понимаешь? Господи, какой он симпатичный, правда, милый? Вот, возьми кусочек от мамы. Синенький кусочек. Зачем ты прилепил его к руке? Ведь мы сделали тебе ротик. Глотай.

Вот так, да.

Он чудо, милый.

У него ротик, как у хозяев, и он им так смешно чавкает.

И имя мы выбрали ему прекрасное. Той. Я слышала, как ребенок хозяев, девочка, так назвала нашего соседа. Нет, она назвала его по-другому, что-то вроде «Ицэ-той», но просто «Той», по-моему, красивее.

Той, солнышко ты наше.

Дневник

Ссоры родителей продолжались. Друзья посоветовали обратиться в «Семейный центр», говорили, что тамошние специалисты многим уже помогли. «Да идиотизм какой-то, — привычно ворчал отец. — Кому они там помогли? Дайте взглянуть хоть на одного человека! Стоит, опять-таки, сколько, а? Я спрашиваю, между прочим!» И сам же отвечал: «До хрена и больше! Деньги на ветер, тьфу!»

Это продолжалось около недели: мать уговаривала, отец упирался, я глядел на них и думал, может, снова сбежать из дома? Тогда они помиряются. Потом отцу надоело упрямствоваться, и он сказал: «Ладно, записывайся на прием к своему психиатру».

«Он не психиатр», — возразила мать.

«Какая разница...»

Через несколько дней мы молча поднимались по широким мраморным ступеням мимо стрелки-указателя с надписью «ЦСО».

Врач предложил слетать куда-нибудь. На другую планету, например. Отправиться в галактический круиз. Смена обстановки должна помочь вашей семье, сказал он. Вы сейчас концентрируетесь на привычной жизни, понимаете?

В его глазах, скрытых за изящными позолоченными очками — дань моде, не более, — светилась внимательная доброжелательность.

Крайне рекомендую, сказал он.

Папа угрюмо смотрел в окно.

Он считал путешествия пустой тратой времени и денег. И визиты к психологу тоже. Но мама согласилась с врачом. Мы попробуем, сказала она. Спасибо. Всего хорошего вам. Я обрадовался — вдруг правда поможет? Я ведь все-таки люблю родителей.

Иногда.

Мы вышли из «Центра семейных отношений», присели на лавочку, развернули купленную в киоске «Круиз-газету». Она сразу же заискрилась всеми цветами радуги — туристические фирмы наперебой предлагали свои услуги.

— Куда летим? — раздраженно поинтересовался отец.

— Опять ты начинаешь, — пахмурилась мама.

— Я ничего еще не начинаю.

— Да ну?

— Напомнить? Кто привел нас в этот дурацкий центр? А? Еще и лифт сломался на десятом этаже, пришлось топать пешком. Кр-расота!

— Его починили, — парировала мама. — Через пять минут.

— Ага, когда мы были уже на двадцатом. В очереди мурыжили полчаса — и это называется прием по предварительной записи! Ну, чем тебе не путешествие?!

— Прекрати, Виктор! — сорвалась на крик мать. — Перестань немедленно!

Но он ее совсем не слушал, орал, брызгал слюной, размахивал руками.

— Чертов горе-доктор содрал с меня половину месячного оклада. Да за такие деньги можно полгалактики облететь!

— На твою-то зарплату? Как же!

Глаза у родителей горели. Отец сжал кулаки, мама стиснула губы в тонкую линию. Как бы не подрались.

Чтобы снять напряжение, я ткнул пальцем в первое попавшееся объявление. Не самое яркое и красочное, не самое большое, не ослепительно-броское или эффектное. Оно действительно было первым попавшимся.

Судьба?

Я не верю в судьбу.

— Давайте полетим сюда! — выкрикнул я, стараясь привлечь внимание.

— Планета Красного Неба? — буркнул папа, всматриваясь в рекламку. — Слышал, слышал. Местечко еще то.

— Зато там пиво местное... очень вкусное, — вмешалась мама.

— Правда? — заинтересовался отец.

— Ну... мне подруга рассказывала.

Это все решило.

Родители

Той, молчи. Тебе только три месяца, дети в этом возрасте не умеют разговаривать. Ты умеешь? Нет. Тебе это только кажется. Ты произносишь странные звуки, которые случайно *слитаются* в слова. Такое бывает, правда, милый? По теории... э-э... по теории вероятности... или как ее...

Я не дура. Милый, почему ты бранишься? Я стараюсь... просто стараюсь быть похожа на наших хозяев.

И ты тоже, родной мой. Да, это так. Иди сюда. Иди, я обниму тебя. Вот так. Все хорошо. Не плачь. Твои слезы липнут к моему платью. Оно перестает быть модным. Мода — главное у человеческих женщин.

Той, заткнись, пожалуйста.

Дневник

Планета выглядела угрюмой и мрачной. По крайней мере, город сначала казался мне именно таким. Местные жители, приезжие, экипажи транзитных грузовых лайнеров: они были какими-то злыми, недоверчивыми, сердитыми. Все вокруг — здания, деревья, люди — имело тусклый красноватый оттенок. Будто смотришь на мир через очки с цветными линзами. Или бутылочный осколок.

Только бутылки не делают из стекла цвета крови.

Это сравнение сразу же лезло в голову. «Купол, — объяснил портень, когда мы вселялись в гостиницу. — Для защиты от излучения местной звезды. Его Буроиды строили. А у них в мозгах вообще хрен знает что — кремнийорганическая форма жизни. Вот, живем теперь, да. Живем...»

Откуда взялся «чертов Купол», нам стремился растолковать каждый встречный.

Они словно оправдывались. Буроиды, мол, к-козлы, не учили специфических особенностей человеческого восприятия. Да. Вот и получили вечнокрасную планету.

Аборигены-чужие здорово походили на людей. Вернее, на кукол, разноцветных уродливых пластилиновых кукол. У одних были синие ноги, у других — розовые, у третьих — вообще коричневые. Руки у некоторых состояли как бы из нескольких кусков — черных, зеленых, желтых.

Все вперемешку.

А еще здесь было скучно. Красное небо? Уже на следующий день оно перестало меня интересовать. Родители поначалу вели себя тихо — обедали в гостиничном ресторане, бродили по местному парку — «Ах, какое дерево, дорогой! Смотри. — Угу, вижу. Мерзкое и корявое». Затем пошли в кинотеатр, посетили исторический музей и художественную выставку, даже в казино заглянули. Зря, наверное: отец проиграл двести кредитов. Не такая уж большая сумма, но вечером они основательно поругались.

— Мот! Транжира! — кричала мать. — Азарт в нем проснулся, видите ли! Отыгаться решил!

— Не твое дело. Сколько захочу, столько и потрачу.

— Ах ты!..

Начинается, подумал я. Опять.

Как мне это надоело.

Ссоры. Скандалы. Ненавижу.

Я оделся и выбежал на улицу.

Родители только глазами хлопали. Ну и правильно — меньше лаяться надо. Не собаки все-таки.

Я решил прогуляться по городу — немножко, часика два. Пусть эти двое остынут, успокоятся.

Вечером тут было тихо — народ сидел дома. Или в барах, казино, клубах. А на улицах — пустынно, глухо, нет никого. Лишь изредка шуршали по тротуарам проворные роботы-уборщики, похожие на мохнатых паучков. Иногда встречались чужие.

Я брел долго. Шел куда глаза глядят, засунув руки в карманы вельветовых джинсов. Насвистывал мелодию популярного веселого шлягера. И, наконец, добрался до района, где дома, фонарные столбы, даже скамейки были разноцветными и кривыми. Здесь тоже было тихо и безлюдно. В смысле, людей не было. А чужих — полно. Они молчали, сбившись в кучу. Не двигались, настороженно разглядывая меня. То есть, мне показалось, что настороженно — разве поймешь что-нибудь по их выпученным глазам?

— Привет, — я опасливо помахал рукой. Чтоб не подумали, будто я агрессивно настроен.

А то вон их как много!

— Здравствуй, человек, — сказал «почти оранжевый» чужой. Ноги у него были зеленые, голова — черной. — Ты один? Почему?

— Да, один. Вышел... э-э... прогуляться. Я турист вообще-то, вчера утром прилетел на вашу планету.

— Почему один? Люди боятся и презирают нас. Никогда не заходят сюда. Если появляются, то обязательно группой в сопровождении гида-охранника. Тебе страшно?

— Вот еще! — фыркнул я. — Вы такие нелепые, будто клоуны в цирке. Словно арлекины или шуты, кривляющиеся на манеже. Чего вас бояться?

Чужой не ответил. Отошел в сторонку.

От толпы не осталось и следа. Аборигены разбрелись, кто куда.

Я бесцельно шлялся по искривленным запутанным улочкам, а потом, устав, присел на скамейку, мягкую с виду, но удивительно твердую на ощупь. Пригляделся к чужим повнимательнее: они уже не казались такими уродливыми, как раньше. Большие игрушки, слепленные из пластилина, подумал я, вот они кто.

— Эй, — послышалось из-за спины, — привет! Ты зачем сюда пришел?

Я дернулся. Обернулся, растерянно моргая.

Он был высоким, может, чуть ниже меня. Желто-зеленое лицо и коричневое туловище, одна рука — синяя, другая — розовая.

В ту минуту он показался мне просто огромным: нависал над скамейкой, словно древняя статуя.

Позже я узнал, что рост чужих никак не соответствует их возрасту.

— А-а... — промычал я, струсив. — Э-э...

— Помогите! — пискнул, когда тяжелая синяя лапа легла на плечо.

— Кто-нибудь... — прошептал я.

Сжал кулаки, приготовившись дорого продать свою жизнь.

А он спросил:

— Можно с тобой... поиграть?

Так я познакомился с Той.

Родители

Той, солнышко, ты подружился с ребенком хозяев? Он хороший?

Ох, милый, это так здорово!

Да, прости. Я знаю. Веду себя глупо. Но я слышала, читала: так должны вести себя человеческие женщины.

Той, ты умница. Дружи с ним.

Может быть, он примет тебя, как равного?

Дневник

— Гляди, — говорит Той.

Он собирает кожу на руке в горстку и отламывает кусочек. У меня почему-то сводит зубы, будто лимонную дольку в рот кинул, — жутко неприятно на это смотреть. Кажется, что сейчас хлынет кровь. Однако ничего не происходит, разорванные края мягко пульсируют, срастаются — на руке остается лишь маленькая, чуть заметная вмятинка. Той аккуратно разглаживает ее пальцами.

— Наверное, страшно быть... таким, — вырывается у меня.

Ой, дурак. Зачем сказал? Вдруг обидится?

— Почему? — улыбается Той. Поглядывает хитро, массирует запястье гибкими пальцами.

— Ты такой мягкий. Наверно, если споткнешься, от тебя... что-нибудь отвалится. Чужой хохочет. Долго. Взахлеб.

— Ой, не могу! Уморил! Что за глупости, Мишка! Ты чего? Я могу оставаться твердым. И размягчаю тело самостоятельно, когда захочу... вот, посмотри лучше сюда.

Мы садимся на корточки, рядом. Касаемся друг друга, это приятно: мой знакомый теплый и гладкий, он ничуть не похож на жидкий студень или жесткую холодную резину, как утверждают многочисленные туристы. Они вообще все врут, эти ветрогонно-путешественники, мающиеся от безделья и не знающие, чем заняться. Прилетели, послонялись по окрестностям, ткнулись в каждую урну голокамерой, поскакали с администрацией гостиницы, скупили оптом дешевые сувениры — на этом культурная программа исчерпана. Вот и начинают выдумывать всякую ерунду.

Той внимателен и сосредоточен: он придает форму оторванному кусочку, так похожему на обыкновенный пластилин. Ручки, ножки, головка. Шляпа, вспоминается мне, черная фетровая шляпа, вырезанная из старой материи, я ведь тоже мастерил куклу. Давно, год назад.

Предзнаменование?

Я не верю в знаки.

Чужой ставит человечка на большой плоский камень, заботливо поддерживает его, не дает упасть.

Мы смотрим.

Через какое-то время куколка оживает. Сначала шатается, пытается выровнять тщедушное тельце, потом делает шажок. Другой. Третий... Я замираю: потому что это очень похоже на чудо. На волшебную сказку. Почему-то вспоминаю об эльфах из параллельного мира и тихо смеюсь, прикрыв рот ладонью.

— Ты чего? — с подозрением спрашивает Той.

— Ничего. Не обращай внимания. Все здорово. Он ведь настоящий, да?

— Да, — отвечает чужой. — Иди, малыш, — он помогает человечку спуститься на песок. Тот медленно и неуклюже семенит по мокрому песку.

Позади шумит море, волнуется, бьется о камни, а прибой напевает, мурлычет под нос никогда не меняющуюся вечную песенку: ш-шух, ш-шурх. Позади местное солнце заходит за горизонт, и ярко-алое небо становится гранатово-красным. Позади — только песок и море, вокруг, по сторонам — узкая полоска пляжа, людей нет, ветер тербит, перекачивает отблескивающие киноварью песчинки.

Это все из-за красного неба, на самом деле они желтые.

Ш-шух, — плещут волны, — ш-ш-шух.

— Хорошо! — кричу я и хлопаю Той по плечу, а рядом смешно вышагивает крошечный волшебный человечек.

— Мой малыш, — нежно шепчет чужой.

В этот момент игрушечный пупсик спотыкается о подвернувшийся под ноги камешек. Падает.

Той подхватывает его, помогает подняться:

— Он глупый еще. Ему надо есть. Много. Питаться, так?

Инопланетянин вопросительно смотрит на меня.

— Да, — соглашаюсь я. — Питаться. Ты правильно сказал.

— Мне вообще-то запрещено иметь детей, — говорит Той. Лицо у него становится грустным.

— Почему?

— Потому что мне всего лишь пять лет. У пятилетних не может быть детей.

— Так ты особенный? — не понимаю я.

— Глупый, глупый Мишка! — смеется чужой. — Это не я — особенный. Это люди такие. Неособенные.

На Той невозможно обижаться. Поэтому я спрашиваю:

— Что ты будешь делать с человечком? Прилепишь к себе обратно?

Он молчит. Вдыхает. Тоскливо глядит на море, на фигурку, что неуклюже копошится на его ладони.

— Не знаю. Если я поступлю так... он потеряет себя.

Я сижу тихо-тихо. Потому что надеюсь, что Той, наконец, скажет *это*. Иначе, зачем он вообще сделал кроху?

— Если ты обещаешь, что... что будешь заботиться о нем — я подарю... отдам его тебе.

— Спасибо, Той! — кричу я восторженно.

Родители

Меня обозвали, милый. Мне сказали, что я не человек. Они сказали: ты — жуткий, ублюдочный полиморф. Они назвали нашу планету третьей Бетельгейзе. Все эти туристы... хозяева, да, я знаю. Они лучше нас.

Они знают, что нам надо.

Они сказали, что наш ребенок — урод. Что лица не бывают желтыми, а руки — ярко-розовыми. Или синими.

Но я ведь старалась... я... я лепила его по образу и подобию...

Прости, милый... я плачу, да... я плачу, потому что женщины хозяев плачут. Знает и мне надо.

Но как же это сложно!

Да.

Да, милый, я знаю, что все это значит.

Дневник

— Я ухожу, — говорю я. — Пока, ма. До вечера.

— Опять с пластилиновым уродцем играть будешь? — зло спрашивает отец. Он сидит в кресле, напротив бормочущего головизора, смотрит какую-то идиотскую передачу. Мать рядом — разгадывает очередной дурацкий кроссворд.

«Уважаемые зрители, — интересуется ведущий ток-шоу, — что вы думаете о полиморфизме вообще и о полиморфах в частности?»

«В резервации! — дружно ревет зал. — Резинки! Студни! — слышатся отдельные выкрики. — Мерзкое колышущееся желе!»

— Слышишь? — осведомляется отец. — Что люди говорят? Мерзкое колышущееся желе. Урод.

— Он не урод. И вовсе не похож на желе. Врут они все. Он мой друг, и его зовут Той.

— Той, ха... Игрушка.

— Не игрушка, — насупившись, говорю я. — Ты ничего не понимаешь, папа.

Мать отрывается от кроссворда, карандашик-стило покачивается в ее руке в такт словам. Взмах — остановка. Взмах...

— Мишенька, мальчик мой, пойми нас, мы страшно обеспокоены. Ты связался с инопланетной тварью, которая...

— Ну и что? Может, и вам надо с кем-нибудь связаться? — спрашиваю я. — Вы же в отпуске? Почему тогда почти все время сидите в номере? А? Как мыши в норе. Какого черта?!

— Не ори на мать! — отец в ярости. Он топаёт ногой. — Ишь, вымахал. Указывать вздумал!

— Вы же не пытаетесь ничего сделать! — кричу я, потому что если не кричать, останется только одно — плакать. А плакать нельзя. Ни в коем случае.

— Михаил!

— Пятнадцать лет уже Михаил. Надоело!

Дверь хлопает — разговор окончен.

— Салют, Той!

Он приветливо машет рукой, но ничего не произносит — занят: грызет пластилиновое яблоко. Никакое оно не пластилиновое, конечно. Но здорово напоминает.

— Тебе грустно?

Мы сидим на песочке, бродяга-ветер, словно веселый беспшабашный пес, мечется по побережью, сначала сметая песчинки в кучи, а затем — раскидывая. И бескрайнее море шумит рядом: ш-шух, ш-шух... Под светом красного Купола вода кажется багровой, страшной... мрачной. Будто не вода это вовсе, а кровь, целый океан крови.

Несчастливая планета. У тебя отняли небо. У тебя отнимают жизнь.

— Не знаю, — говорит Той. — Нет, наверное. Хотя иногда бывает.

Ш-шух... ш-ш-шух...

— Когда-то все было иначе, — он задумчиво рисует на мокром песке что-то причудливое. — Семей в нынешнем виде не существовало. Были предок и потомок. А сейчас — ребенок и родитель. Двое родителей, — поправляется он, — мать, отец... Вместе — семья. Раньше предок старался отдать потомку все самое лучшее, а когда наступало нужное время, он уходил. Теперь родители делают малыша сообща. У меня два... родителя. Они все время ругаются. Так принято в человеческих семьях.

Я подбираю с песка гладкий округлый камешек, пуляю его в море. Камешек подпрыгивает на волнах: плюх, плюх, плюх. Раз, два, три... — считаю я. Шесть... Пос-

ледный слабый всплеск — и тишина. Только где-то далеко-далеко шумят звездолеты: в двадцати километрах южнее — космодром.

И яркие искры-кометы чертят в небе прямые линии.

— Когда пришли люди... хозяйева, — рассказывает Той, — мы пытались сопротивляться. Но проиграли. Слаборазвитая раса, — добавляет он чужие, заемные слова. — Ничемные аморфные куклы.

— Нет, — шепчу я. — Не говори так. Пожалуйста. Это же неправда!

— А проигравшие, — продолжает он, — они ведь должны подчиниться. Принять чужие правила. Если старые правила уже не действуют, надо выдумать другие, *слепить* новую жизнь. Похожую на жизнь победителя — потому что, раз он взял верх, значит, устойчивее. Стабильнее.

Той вдруг улыбается, хватая меня за руку и кричит:

— Глудости это все! Забудь, ладно? Ты просто хороший, Мишка, и мне нравится с тобой дружить. Давай наперегонки до утеса?

Он резво срывается с места — я за ним. Чужой бежит не сказать, чтобы медленно, но как-то неуклохе. По его телу иногда проходит разноцветная пластилиновая рябь. А голова потешно мотается из стороны в сторону, наверное, шея слишком тонкая, вот и заносит.

Я специально стараюсь бежать не слишком быстро: зачем обгонять, показывать свое превосходство? Пусть выиграет, звонко хлопнет ладошкой по утесу первым, это его право, его планета, этот мир принадлежит ему!

Когда-нибудь здешнее небо опять станет темно-синим, я вырасту и позабочусь об этом!

Я верю в себя.

Родители

Здравствуйте, инспектор.

Мы очень рады видеть *хозяина*! Правда, милый?

Проходите-проходите, пожалуйста. Я пеку яблоки. Да, готовлю их с... с соусом. Да. Не хотите?

Простите. Я знаю, что для вас они несъедобны. Простите. Забыла. Я — обычная женщина, мы такие забывчивые...

Так что вы хотели?

Дневник

На пластилиновом дереве росли мелкие красноватые яблоки. Я сорвал одно, принюхался — оно не пахло. Совсем.

— Хм, — сказал я. — Как ты это ешь?

— Обыкновенно ем, — растерялся Той. — Вот, смотри, — И он смачно надкусил плод. — Вообще, мне жевать необязательно. Могу просто прилепить к руке.

— Правда, что ли? — недоверчиво спросил я. — Выглядит не очень-то... съедобно.

— Попробуй, — чужой протянул мне «фрукт». Улыбнулся проказливо.

— Да нет, спасибо, наш... э-э... метаболизм...
 — Отличается от вашего, — закончил за меня Той.
 — Совершенно верно, — я покатал яблоко в ладонях, с трудом подавляя желание слепить из него забавную тварюшку. Таким оно было мягким и податливым.
 — А звери у вас тоже... пластилиновые? — пустой какой-то разговор, не о том, подумал я. Зачем он меня позвал?
 — У нас нет зверей. Только питательные растения и мы, — Той грустно уставился в землю. — Мишка...
 — Да?
 — Я хотел попрощаться...
 — А что случилось?
 — Ты ведь... улетаешь.
 — Через два дня, глупый. Ты даже не представляешь, как это много — целых два дня! Мы будем гулять по побережью, кидать голыши в море, бегать наперегонки до утеса. Разговаривать с утра до вечера, здорово, правда? Обменяемся голографиями на память. А потом, скоро, я опять приеду, ты только жди, ладно? У меня еще никогда не было такого друга, как ты, Той.
 — Самого лучшего на свете друга? — спросил инопланетянин. — Самого-самого?
 — Конечно, — подтвердил я. — И не сомневайся. Ты что — думал иначе?
 — Ну... — он замаялся. — Я считал... и вот... ты...
 — Что — я?
 — Ничего. Приходи завтра, Мишка. Наверное, завтра все уладится.
 — Что-то случилось?
 — Пока ничего. Они... — Той запнулся. — Я попытаюсь объяснить... докажу... Они неправильно поняли и сделали неверные выводы. Иди, Миш. Ты же не побоишься сказать родителям, что я — твой самый лучший друг? Скажи им это.

— Да, обязательно, — я кивнул. — Непременно скажу.
 Чужой молча похлопал меня по плечу, развернулся и пошел прочь.
 — Завтра, Той. Завтра я приду сюда и буду ждать. Слышишь?
 Он не оглянулся, но вскинул вверх руку с оттопыренным большим пальцем. Да, Миш, конечно, слышу, ты можешь вообще ничего не говорить и не обещать. Слова — пусты. Просто я знаю: ты — сделаешь. Настоящие товарищи, они понимают друг друга с полувзгляда, верно?

Я не верю в слова.

Я забыл.

Родители

Иди сюда, Той. Иди сюда, мальчик мой.

Ты должен *вернуться*. Я знаю, это нечестно. Но хозяева часто убивают своих детей — нускай и морально. Я знаю, что для этого нужно. Сначала — оправдание. Чобы не было... мук... совести.

Твой отец прав. Я не знаю, что такое совесть. Я слепила из себя плохого человека.

Но я попытаюсь найти оправдания.

Итак.

Ты плохо себя вел. Не как человек. Ты рано заговорил. Рано начал ходить — хозяева в полгода ползают. Не более. И это не все. Ты вырос большим, тебе всего пять лет, но ростом ты превосходишь многих хозяйских детей. Ты неправильный, Той.

Мама любит тебя.

Но ты должен *вернуться*.

Иди... иди к маме, мой маленький. Ты же знаешь, это не больно. Твой разум останется во мне... в нас с папой — я и ему отдам кусочек тебя. Поделюсь.

Может, потом, когда-нибудь мы снова слепим крошечного малыша. Частью его будешь ты.

Я не знаю, кто такой Миша. Это сын хозяев?

Не думаю, что он захочет видеть тебя.

Ты уверен? Странно. Инспектору позвонила его семья. А ведь его семья — это он сам, правильно?

Извини, милый, я такая глупая. Все время забываю, что у хозяев не так. И никогда не было так. И никогда не будет.

Как и у нас теперь.

Так иди же сюда, Той.

Забудь о Мише.

Тебя надо переделать...

Ты плохой.

Подойди сюда, любимый.

Гостиница

— Что вы сделали?! Что?!

— Эта мерзкая резиновая тварь совсем свела тебя с ума. Этот уродливый...

— Зачем?!

— Мы позвонили местному инспектору. Не волнуйся, пожалуйста, — здесь это обычное дело.

— Я...

— Чужой не умер. Он просто... как это... слился с матерью. Вернулся, гм... в нее...

— ...вас...

— Завтра мы улетаем. К черту оставшийся день, он не стоит того. Слышишь, Мишка, билеты заказаны — мы покидаем эту проклятую планету.

— ...ненавижу!!

Корабль

— Знаете, — неожиданно сказал Мишка. — Я хотел от вас убежать. Опять. Как тогда, год назад. Остаться навсегда на Планете Красного Неба. А если б не вышел там — все равно бы удрал. Уже на Земле. Но потом подумал: так нельзя. Мы ведь семья, правда? И должны быть вместе, — он сжал пальцы в кулак, энергич-

но мотнул головой и повторил: — Вместе. Решать наши проблемы сообща, а не по одиночке. Правильно? Пусть наша семья не самая хорошая на свете, но ведь все-таки семья, да?

Мать молчала. Отец смотрел в «окно», не оборачиваясь, не отрывая взгляд, но плечи его едва заметно вздрогнули.

— Вы поступили мерзко. Я не обвиняю вас — большинство мерзких поступков совершаются с благими намерениями и от чистого сердца. Все самое ужасное рвется из самой сердцевины души, скрываясь под маской доброты. Вы не виноваты. Наверное, вы ревновали меня к Тою... к Той. Да?

Ревность — это тоже любовь. Это страх... Страх потерять кого-то, боязнь, что сейчас все разрушится. Я понял это. Если бы я убежал, стало бы только хуже. Да, это было бы красиво: мальчишка бросил своих жестоких родителей. И все бы обвиняли исключительно вас.

Но это неправильно.

Давайте... давайте попробуем начать жизнь сначала. Сейчас. С этого момента.

Мишка залез с головой в сумку — рылся там с минуту, что-то искал.

— Вот.

Он открыл небольшую пластиковую коробочку. Оттуда, настороженно озираясь, выглянул крохотный розовый человечек.

— Это кусочек Тоя. Давайте вместе поможем ему вырасти... Стать равным нам. Это будет правильно. Понимаете? Как память... о нем.

Мама заплакала: горько, безудержно, не стесняясь, — уткнулась в подушку, всхлипывая и что-то беззвучно шепча.

Отец тихо спросил:

— Той слепил тебе человечка?

Миша помотал головой:

— Нет. Той слепил человека из меня.

Земля

Я вспоминаю своего первого, вылепленного из пластилина человечка. Он был страшненький, уродливый. Сначала я его любил — первый все-таки.

Потом сломал: смял в кулаке и выкинул в мусорку.

Так было.

Я смотрю на смешного розового пупса, на частичку Тоя в моих руках. Он ползает по ладони, шекочется, пытается встать. Он еще не умеет говорить.

Я не верю в приметы.

29.11 — 03.12.04

Рассказ Дмитрия Тарабанова понравился мне деталями, юмором, обдуманном взглядом на историю, наконец, интуитивным пониманием правильных литературных ходов. Хроновоз, конечно, не ахти какой новый аппарат временной связи, но гопники-сарматы вызывают улыбку. А это уже немало даже для такого авторитетного мероприятия, как мастер-класс «Портала».

Новых удач вам, Дима! — Геннадий Прашкевич

ДМИТРИЙ ТАРАБАНОВ

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ВОЙН

СОЛОМЕННЫЕ ВОЛОСЫ, ТОРЧАЩИЕ ИЗ-ПОД МЕДНОГО ШЛЕМА. Завораживающий взгляд немигающих, похожих на старинные хрустальные протезы, глаз. Руки, усиленные мускулами из мешочков с песком; ноги, толщиной с хорошую дренажную трубу; заметный, но определенно функциональный в бою живот; огромные ступни, защищенные многокилограммовым слоем металла. Медные и бронзовые кольца, свинцовые пластины, вделанные в кольчугу в уязвимых местах, неровные квадратики железа...

— Это кто? — вжав голову в плечи, спросил Гоша.

— Сармат, — с гордостью ответил плешистый и щуплый Олег Степанович. Он здесь, на кафедре истории, как Гоша понимал, был за самого главного. Может, лаборант, а может, и профессор. Как ни зайдешь — или пыль с антресолей стирает, или стучит узловатыми пальцами по клавиатуре цвета слежавшегося снега.

— Сармат, значит... — повторил аспирант, и если б мог, то потер бы в задумчивости подбородок.

Сармат Гоше не понравился. Сразу. С первого взгляда. У Гоши внутри все похолодело, к щекам прилила кровь, захотелось бросить коробку и вмазать сармату по единственной незащищенной части тела. Но Гоша не мог этого сделать по той же самой причине, по которой не мог потерять подбородок.

— Осторожно, тут линолеум отклеился... Не запнитесь... Так, поверните... — физически не помогающий, а лишь командно-административно мешающий Олег Степанович на секунду задумался. Он встал посреди захламленного кабинета, как Ульянов в революционном Петрограде, и стал соображать, как дальше выполнять свою большевистскую программу «максимум». — Прямо перед вами стол. Чтобы не перепрокинуться, поверните ровно на два часа!

Гоша повернул с припуском. На целых два с половиной, почти на три. Так, чтобы наверняка обогнуть препятствие. Нежно прижимаясь к коробке левой щекой, он ничего, кроме сармата и нарисованной на картоне рюмочки с пояснительной надписью «Осторожно, стекло!», не видел. Покорно, под весом ноши засеменял вперед, обиженно взыв, задев бедром угол древесностружечного лакированного рифа, и остановился, чувствуя, как немеет нога.

— Долго еще?

— Вы почти на месте! — радостно ответил Олег Степанович. — На одиннадцать часов сделайте два шага и медленно опускайте. Нет, нет, еще мале-енький такой шажок. Микро. Вам, наверное, так понятнее, вы же физик...

Гоша только вздохнул и, наконец, опустил запакованное устройство на одну из двух таких же коробок. Внутри ящика что-то звякнуло.

— А работать будет? — поинтересовался Олег Степанович.

— Если собрать, то должно... — ответил Гоша.

— Так давайте собирать! Чем быстрее закончим, тем раньше будем дома.

Нет, чтобы принести из буфета булочку или угостить подогретым на электроплитке борщом из банки... Хотя, если судить по сгущающимся сумеркам за окнами кабинета, из буфета уже выметено все до крошки, а содержимое пол-литровой банки с борщом стало историей.

Смирившись с судьбой, Гоша подстелил под колени какую-то распечатку и начал вытаскивать из коробок детали Хроновоза. Той самой машины времени, о которой уже два месяца шептались студенты в заполненных табачным дымом туалетах. Все знали, что в шестнадцатой лаборатории физфака имеется временной агрегат в полной готовности. У какого-то заочника даже хватило наглости использовать Хроновоз для трех подходов к столу с экзаменационными билетами. Подумать только: ради «уда» в зачетке трижды гонять сложнейшую высокоточную технику, на которую всего две недели назад оформили техническую документацию, а патентовать собираются лишь послезавтра... Чтобы машина в сохранности дождалась патента, пришлось ее под покровом позднего вечера тащить на кафедру истории.

Угадайте, кому была поручена эта секретная операция?..

Гоша вздохнул, примеряясь отверткой к шурупчику. Шуруп выскальзывал из рук, словно был червячком, по ошибке заползшим в хромирующую камеру. После нескольких неудачных попыток вернуть мастера мимикрии, Гоша выронил его из рук. Червячок спрыгнул на пол и замер, прикидываясь мертвым. Намагнитить отвертку, чтобы сама шурупы держала? Нет, нельзя. Строго запрещено. Электроника Хроновоза чертовски чувствительна к магнитным полям. Как верблюд. Говорят, что верблюды свои маршруты в пустынях прокладывают именно там, где минимальна напряженность магнитного поля.

Гоша опять вздохнул — и вдруг поймал себя на мысли, что зачистил со вздохами. Такая же мысль посетила и чуткого Олега Степановича, который начал успокаивать Гошу.

— Не переживайте, — сказал он. — Машина здесь будет в полном порядке. Никто не додумается искать ее на кафедре истории. Вы же знаете, как наши студенты любят историю!

И не только студенты, подумал Гоша. А вслух, желая угодить Олегу Степановичу, сказал:

— Это не потому, что историю не любят. Она, правда, очень интересная. Просто все боится... — он кивнул в сторону металлопластикового манекена в дальнем углу. — Сармата.

Сармат, как показалось Гоше, угрожающе блеснул в его сторону хрустальным глазом.

— О да! Его кто хочешь испугается, ха-ха... — Угодил, называется. — А как сарматов боялись скифы, которые, между прочим, населяли эти самые территории! Поселение сарматов нашли, когда закладывали фундамент этого университета, — Олег Степанович отвлёкся, наблюдая, как Гоша извлекает из коробки серебристую пружину и ловко прилаживает ее к разрастающейся конструкции. — А знаете, почему их зовут сарматами?

Даже если Гоша сейчас промолчит, ему все равно впарят историю происхождения противного имени...

— Почему?

— Еще в работах римских историков имеется несколько упоминаний о них. Сарматы были воинственными кочевниками и, так сказать, с разгону «набегали» на поселения скифских земледельцев. Некультурные, зато... — Олег Степанович закатил глаза. — В лагах, с ног до головы увешанные оружием, зашитые в кольчуги и звенящие, как... Как ведро с гвоздями! Слово «сармат», как и «арматура», происходит от латинского слова «арматоре», «вооруженный». Чувствуете сходство? До зубов вооруженная армия сарматов две тысячи лет назад стерла в порошок чахленьких скифов. Не плутами же скифам было отмахиваться, ха-ха!.. Хотя, если верить теории Тредьяковского, слово «сармат» пришло к нам из Заволжских земель, что наводит на мысль о перемещении... перемещении...

Олег Степанович на глазах съезживался, превращаясь в детекторный радиоприемник с телефонным динамиком, вещающий негромко и неназойливо. Приемник лопотал голосами министров, никому не известных деятелей культуры, синоптиков с устаревшей техникой предсказания погоды, олимпийских чемпионов 72-го года и их заслуженных тренеров. Когда пошли статические помехи, Гоша понял, что средоточие историографии прикорнуло на стульчике и мирно сопит. А через десять минут Хроновоз уже был собран и приветливо подмигивал лампочками, сообщая, что все разъемы вставлены правильно, и Гоше пора отправляться домой.

Вот только отряхнуть с курточки пыль, забрать заветный конверт и занести ключи сторожу...

— А прибор разве не проверите? — прозвучал в спину крадущемуся к двери аспиранту голос из нацупавшего эфир радиоприемника.

— Олег Степанович! — взмолился Гоша, чуть не плача.

— Ну, вы быстренько покажите, как что... и можете восвояси, — подзадорил его проворный старикашка. — Все-таки не ведро с гвоздями, а машина времени...

По пути к Хроновозу, кабинке из оргстекла и алюминия, Гоша незаметно лягнул коварный стол-риф. От сатисфакции аспиранту немедленно полегчало. Гоша зашел в кабинку, постучал по клавишам и обрадовал историка:

— На Октябрьскую революцию, к сожалению, мы посмотреть не сможем. Так далеко наш Хроновоз не возит.

— Жаль... А на что сможем?

— Ну, на вчерашний день, на позавчерашний... Ой, нет... Я не назначал в эти дни ни одной точки сохранения! В общем, единственное место, куда мы можем прокатиться на Хроновозе, это — будущее.

— Будущее? — переспросил Олег Степанович. — Замечательно!

— Будьте готовы к тому, что я на некоторое время исчезну. Так надо. Точнее, без этого никак. Или даже — именно так и выглядит путешествие в будущее.

Олег Степанович всплеснул руками и затаил дыхание. А Гоша нажал кнопку с такой небрежностью, словно включал не самое претенциозное изобретение, а электрочайник вьетнамского производства. Потом развернулся, и вышел из кабинки.

— Надеюсь, вам понравилось! Желаю самого наилучшего!

И быстрым шагом устремился к выходу.

— Все? — пришибленно спросил Олег Степанович. — Но вы не исчезали! Вы, наверное, вообще машину не запускали!

— Вы не правы! — крикнул аспирант через плечо, даже не утруждаясь повернуться. — Я перенеся в будущее ровно на одну тысячную секунды. Это очень маленький прыжок. Человеческий глаз не способен уловить столь кратковременное изменение...

Шагая по темному коридору университета, Гоша думал, на что потратит содержимое бумажного конверта. Спускаясь по лестнице, он уже составил план расходов, точный до последней копейки.

Ботинки вязли в ноздреватом и слоеном, как пирожное, снегу по самую меховую опушку. И чавкали. Да так аппетитно! Гоша прошагал мимо булочной и приютившегося около нее хлебного киоска с видом человека, который может позволить купить себе всю имеющуюся в наличии сдобу, включая напигигованные чесноком пампушки, острые и пряные хлебцы, французские булочки и болгарские батоны и съесть все за один присест. Гоша непременно бы так и поступил, если бы не строгий режим экономии и не позднее время — после семи часов вечера обнаружить что-нибудь, кроме сушек, на полках этих диплоидных магазинов было невозможно.

Перебежав дорогу, Гоша свернул в подворотню. Он не сразу заметил стоявшую под дверью своего подъезда группу. Только когда подошел ближе, увидел абрисы темных фигур в облачках пара. Подогретые уже... Гоша замедлил шаг, сунул руки поглубже в карманы, и, не глядя в сторону незнакомцев, потопал к двери подъезда.

— Закурить не будет?

Гоша обернулся с самым доброжелательным видом, сказал:

— Не курю...

— Че, совсем? Даже не пробовал?

Тут Гоша впервые взглянул в лицо говорящего и понял: попал. Узкий лоб, сломанный нос, черная шапочка, тупые глаза и прыщавый подбородок. Типичный гопник. Самое страшное существо, которое можно встретить на ночных улицах. А когда их много... Да, Гоша действительно попал.

— Да почему же... — реплика «на автомате». — Пробовал, не понравилось...

Гоша затравленно оглянулся, но, как назло, никого из нормальных людей поблизости не оказалось.

— Купи нам сигарет, слышишь, — из темноты выступил еще один, с черными щелями между кривых зубов, в каждую из которых можно было вставить спичку. — Вот таких...

Он сунул Гоше под нос помятую пачку в целлофановой обертке.

— Дорогие? — зачем-то спросил Гоша.

— Обычные, — пожал плечами тот, что со спичками между зубов. — Ну че, покупаешь?

— А мы тебя домой пропустим... — сказал кто-то третий.

Сколько же их, ужаснулся аспирант. Четверо? Пятеро?

Гоша полез в карман и тут же одернул себя: что он делает? Дает им понять, что у него в правом кармане... Ничего там нет! Ровным счетом ничего! Особенно — конверта...

На улице было градуса три, но Гоша вспотел.

— Ну? — поторопил индивид со спичками.

— Ты че, непонятливый? Деньги гони! — тьма разоплась в стороны, и на сцену вышел четвертый.

— Ты вообще откуда будешь? Ты чей вообще?

— Я здесь живу... Нет, — Гошу замутило. — Я сюда пришел, у меня здесь дядя...

— Ты че, школьник, да?

— Аспирант... — Гоша почему-то вспомнил латынь: «Dum spiro spero». Пока живу — надеюсь.

— Что за хрень вообще? Ас... Апи...

— Я в университете работаю...

— Тогда гони зарплату.

— Зарплату? — Мир пошатнулся. — Да это...

— Ты руки из карманов вытащи, да? Мы тебя ща вообще ногами запинаям, вот тут прямо...

— Ты здесь живешь?

— Я...

— Зарплату гони! Те че, тыкву покрасить, да? Спиртант, да?

— Не надо!

— Тогда бабки гони! И руки вытащи...

Перед носом снова мелькнула помятая пачка.

— Ты здесь живешь, да? Ты че, тупой вообще?

— Руки вытащи, я сказал! Р-р-руки!

— Ребята, ну что вы...

Руки Гоши выпали из карманов. Потом одна из них распрощалась с бумажным конвертом, а сам конверт секунду спустя уже открывал один из гопников, самый высокий. Его пороссячи глазки бежали из стороны в сторону.

— Ну, ты, мужик... Ну, ты вообще... Спасибо, да! Ну, ты прямо... супер!

Кто-то из гопников сунул Гоше пачку сигарет, и через пятнадцать секунд грабителей в подворотне не было. Там был только Гоша, который запоздало осознал... Нет, еще не осознал. Он вздохнул с облегчением: «Жив!» Потом поднялся на третий этаж, отк-

рыл дверь, вытер ноги, глянул в зеркало, тупо улыбнулся, выбросил пачку, словно она была до отказа набита пожеванными зубочистками... И лишь тогда запоздало осознал: только что он отдал всю свою месячную зарплату.

Без боя. Без сопротивления. Сам! Собственными руками отдал...

Стоило Гоше закрыть за собой дверь и сделать несколько шагов, как он нос к носу столкнулся с сарматом. Древний воин прищурился, проникая гипнотическим взглядом в сознание аспиранта, прочел лежащие на поверхности мысли и медленно покачал головой. В его хрустальных глазах зажглась первобытная ненависть. Бежать с поля битвы — немислимо! Умри в бою, как настоящий мужчина! Рука манекена, вся в буграх от бутаторских мешочков, потянулась к булатному мечу...

— Полегче! — остановил его Гоша. — Ты тут вообще на правах анахронизма.

Сармат неохотно вернулся в исходное положение. Хрустальные глаза агрессивно поблескивали.

— Кто здесь? — Олег Степанович с тряпкой в руке выглянул из-за книжного шкафа. — А, это вы... Рановато вы сегодня... Чем обязан?

«У меня украли деньги. Всю месячную зарплату. И, чтобы ее вернуть, я хочу воспользоваться Хроновозом!»

Вслух Гоша, как обычно, сказал другое:

— Вы извините, что я вчера так бесцеремонно сбежал. Просто... Ну, просто...

— Вы извините, что я вчера так бесцеремонно сбежал. Просто... Ну, просто... — Вы извините, что я вчера так бесцеремонно сбежал. Просто... Ну, просто... — Так что — в

Петроград?

Гоша вздрогнул. Так далеко Хроновоз не забрасывал. Да и вряд ли кого-то могла прельстить идея оказаться в незнакомом времени без надежды на возвращение. Ведь точки сохранения там не назначены. А без них — не вернешься...

— В декабрь... — секундная заминка, — тысяча девятьсот... — вещал Гоша, как ему казалось, вполне невозмутимо, — четырнадцатого!

— Какого-ого? — возмущенно переспросил Олег Степанович, который, как любой канонический историк, терпеть не мог искажения общеизвестных дат. — Тысяча девятьсот семнадцатого! В четырнадцатом Ильич даже шалаш не успел построить...

— Ну, я с запасом, — Гоша улыбнулся и бочком прополз к машине. — Чтоб уж наверняка... Билеты на поезд... то есть, паровоз — купить... До Петербурга вас никто даром не провезет. Кстати, вы запаслись деньгами? Ну, ходовой валютой того времени?

Гоша почему-то не сомневался, что историк сейчас начнет рыться в ящиках стола и вместо обычных, без проблем уместяющихся в конверт и чужой карман (у-ухх!) купюр, достанет потертые облигации, больше напоминающие ваучеры «МММ». И, действительно, плешивая голова Олега Степановича скрылась в недрах одного из секретеров, наверняка тающего множество секретов.

Пока профессор (для удобства Гоша уже не думал о нем иначе) копался в своих богатствах, аспирант с дипломом физика настроил электрошину Хроновоза на

вчерашний день и незаметно... Ой, курточку надо снять, а то — что это получится? Парадокс!

В общем, снял Гоша курточку и совершил скачок.

Олег Степанович, в лучших традициях японских фильмов ужасов, рывком переместился к кабинке Хроновоза, а в помещении заметно посветлело. Почему так светло, Гоша сначала не понял. А потом посмотрел на желтые потолочные плафоны и плотные шторы, не дающие злобещей темноте зимнего вечера проникнуть в помещение, и ему все стало ясно.

— Ну и как там — в будущем? — злорадно, как показалось Гоше, спросил Олег Степанович.

— Бывает и лучше, — отвечал Гоша. Потом добавил оптимистично: — Будет лучше!

И запагал в сторону выхода.

— Погодите! — попытался остановить его Олег Степанович. — Вы же...

— Я все продемонстрировал! — огрызнулся Гоша. — Хотели, чтобы я прокатился в будущее, так вот — я прокатился...

— Нет, я не поэтому, — профессор чем-то зашуршал. — Вы конверт какой-то оставили... И курточка на вешалке висит. Или вы еще не уходите?

Гошу на секунду посетила мысль: что если оставить деньги на сохранение Олегу Степановичу? Он подумал о потрепанных облигациях, возможно, спрятанных в сейфете и лежащих там целое столетие. Ведь их туда кто-то положил, надеясь позже забрать, но так и не забрал... Гоша мотнул головой:

— Ухожу.

— Но ваше исчезновение...

— Так. Я перенесся на одну... миллионную секунды. Заметить это глаз не способен.

— Какой глаз? — не понял Олег Степанович.

Гоша покосился на немигающего сармата.

— Человеческий.

Он забрал деньги, накинул курточку, сбежал вниз по лестнице, занес сторожу ключи и вышел на улицу.

Ботинки снова зачавкали по мокрому снегу. Но чавкали уже не аппетитно, а пресыщенно — Гоша совсем недавно завтракал. На часах было полседьмого, но не утра. Вечера. То есть осталось двенадцать часов до его отправления в прошлое. И полчаса происшествия.

По пути домой Гоша забежал в оружейный магазин. К счастью, тот работал до десяти — на сумерки полагался и предприниматель, расписывая свой график.

На стеклянных полках лежали стволы. Гоше никогда в жизни не приходилось лицезреть столько разнообразного оружия. Конечно, он видел его в руках героев и злодеев американских боевиков, но чтобы так — в одном месте... Несмотря на то, что многие из этих поблескивающих холодной сталью монстров принадлежали к классу газовых и газово-дробовых, выглядели они внушительно. Стоили — тоже.

Вздыхнув, Гоша грустно посмотрел на продавца с ежиком седых волос.

— Дайте газовый баллончик.

— Какой? «Черемуху»? «Терен»?

— «Терен»! — выбрал Гоша. Он всегда покупал моющие средства с ароматизаторами: лимон, яблоко. Первое дикорастущее растение, предложенное продавцом, доверия не внушало. А вот «терен»... Даже название было колючим.

— Знаете, как пользоваться?

— Там кнопка должна быть...

Продавец улыбнулся:

— Против ветра не распыляйте. Держите на вытянутой руке. Перед применением взболтните, — Гоша кивнул. А продавец уточнил на всякий случай: — За вами гонятся?

— Подкарауливают... Спасибо. — Гоша расплатился и вышел на улицу.

Это еще кто кого подкарауливает, подумал он. И вдруг ощутил странную уверенность. Она вместе с холодом сжатого газа исходила от тяжелого цилиндра в кармане. Разливалась по пальцам, наполняя его силой, делала походку упругой, а взгляд осмысленным и гордым. Вот, наверное, что чувствовал доисторический варвар, сжимая в руке верный меч.

Гоша больше не боялся. Он представил, как поганные хулиганы корчатся во взвеси слезоточивого газа, хватаются за обожженные глаза и режут во все свои тридцать щелей между зубами...

В приподнятом настроении Гоша дочавкал до диплоидных хлебных магазинов. Сбавил шаг. Перешел дорогу и заглянул в подворотню.

Там никого не было. Никаких черных абрисов. Путь к подъезду был чист.

Радуюсь, что не придется никого обезвреживать, Гоша побежал к стальной двери. Притормозил, завожился с ключами...

И услышал голос за спиной:

— Не будет закурить?

Вот и все.

Гоша медленно повернулся. Откуда они взялись? Как и вчера, гопники появлялись из темноты. Короткие ноги в спортивных штанах, натянутые на глаза шапочки, недобрые ухмылки...

— Не курю, берегу здоровье.

— Ты че — умник, да? — сценарий изменился, и хулиганы перешли в наступление.

— Пожалуй, — Гоша еще держался, но смелость его была на исходе.

— Бабки гони...

— И сигареты купи, вот такие... — перед носом мелькнула знакомая пачка.

Гоша спрятал руки в карманы. Сжал заветный баллончик. Большой палец удобно лег в ложбинку на «курке».

— Не буду покупать, — сказал Гоша.

— Умный, да? Ты вообще откуда? Ты кто вообще?

— Руки вытащи, я сказал!

— И бабки гони...

Вот чем они берут — количеством. Рубленными и понятными фразами. И давлением. А так они совсем нестрашные — гопники как гопники. Ничего они тебе не сделают, если ты вовремя примешь меры.

— Ладно, — Гоша пожал плечами. Выдернул руку из кармана и нажал кнопку.

Баллончик зашипел, источая слезоточивую аэрозоль. Гопники, попавшие в область распыления пронзительно закричали и схватились за обожженные глаза. А потом...

Гоша так и не понял, как его средство самообороны оказалось в руке противника, и в какой момент оно превратилось в оружие нападения. Зажгло в глазах, во рту, в горле, в носу... В бронхах застряла сухая верблюжья колючка, мешающая легким сделать выдох... Через несколько секунд Гоша понял, что его повалили на землю и бьют. Бьют с усердием. Ногами.

Видимо, в какой-то момент из кармана курточки вывалился конверт с деньгами. Удары прекратились. Провалившись минут двадцать в полной беспомощности, Гоша протер снегом онемевшее и одновременно зудящее лицо. Разглядев на снежных комках собственную кровь, с утробным хрипом вздохнул. Да и как тут не вздохнуть? Его чуть не убили перед подъездом собственн... о дома. Дважды.

Первым делом, подумал он, нужно починить курточку. Она, наверное, вся в грязи. Завтра утром опять идти в университет к Олегу Степановичу...

Зря он вчера отдал сторожу ключи... Гошин непрезентабельный вид вызывал недоверие: хорошо хоть в университет пропустили... Ладно, у него имелся план, как добыть ключи от склада.

Сармат стоял на привычном месте. Увидев лицо Гоши, покрытое ссадинами и кровоподтеками, потянулся к мечу. Гоша пресек его намерение, изо всех сил пнув воина в подъем ноги. В то место, которое не было защищено латами. Немигающие хрустальные глаза варвара округлились, из-под шлема посыпалась солома, сармат зашатался, пытаясь сохранить равновесие. Гоша добавил воину кулаком между нахальных глаз.

— Кто здесь? — Олег Степанович оторвался от клавиатуры. Заметив Гошу, коротко вскрикнул. Потом справился с эмоциями и спросил: — Это вы?.. Кто же вас так?.. Я имею в виду, что с вашим лицом?

— Перепрокинулся, — сопя, сказал Гоша. И осторожно шагнул через язык отклеившегося линолеума.

— Через что?..

— Через ведро с гвоздями. — Любезничать, как вчера, у Гоши не было ни малейшего желания. Он сразу направился к машине.

— Что вы собираетесь делать? — в голосе Олега Степановича звучало подозрение.

— Отправляюсь в прошлое.

— Зачем?

— Изменю его немного.

- Но ведь нельзя! Парадоксы...
- Да мне только ключи забрать...

Гоша быстро настроил аппаратуру и отправился к вчерашней точке сохранения. Олег Степанович, тот, что жаждал попасть в Петроград, закричал. Его можно было понять. Еще секунду... нет, тысячную долю секунды назад профессор видел обычное, чисто выбритое лицо Гоши, и вдруг это нормальное человеческое лицо превратилось в итальянскую пиццу с разноцветными ингредиентами.

— Нет! — Олег Степанович попятился назад. — Вы плохо выглядите! Идите домой! Я вас отпускаю. Забирайте свой конверт и идите домой! Выспитесь... Какой кошмар. Вы видели себя в зеркале?..

Гоша, не обращая внимания на его крики, подошел к бюро и взял ключи. Конверт с деньгами не тронул. Вдруг действительно начнутся парадоксы?

Хлопнула дверь. Гоша оглянулся: в кабинете он остался один. Может быть, у профессора сдали нервы, и он решил двинуть домой, от греха подальше? Или, как честный человек, решивший, что из-за его прихоти и плохо настроенной аппаратуры травмирован аспирант, Олег Степанович ринулся звонить в милицию, скорую, будить охранника и обеспечивать Гоше сопровождение для безопасности?

Гоше не нужна была безопасность. Он планировал мстѣть.

В этом варианте «вчера» ему уже нечего было ловить.

Аспирант шагнул в Хроновоз и перенесся в будущее, в утреннюю точку.

— Забрали? — поинтересовался «утренний», спокойный Олег Степанович.

Гоша позвонел ключами в высоко поднятой руке.

— Позвольте поинтересоваться...

— Я их потерял, — соврал Гоша. — Ну, когда перепрокинулся.

— И вы решили отправиться назад, чтобы... — Олег Степанович, истинный историк, вошел в раж и пытался реконструировать последовательность запутанных событий.

— Вы абсолютно правы! — радостно провозгласил Гоша и похромал к двери, возле которой стоял, перекосившись, недовольный варвар.

В коридорах университета появились люди, и Гоше пришлось поторопиться. В его состоянии это было сложно: все тело ныло и требовало немедленной медицинской помощи... Превозмогая боль, Гоша таки добрался до противоположного крыла корпуса и открыл тяжелую дверь склада шестнадцатой лаборатории. Да, это о ней шептались в задымленных туалетах: «Вы знаете, в шестнадцатой хранятся все перспективные разработки университета!..»

Запершись изнутри, Гоша включил свет. Так-так... Вчера (или не вчера?) он видел здесь магнитный молот. Чертовски полезная штука, если ее правильно применять!

Молот, громоздкая конструкция из стальных скоб, напоминающая оружие будущего из научно-фантастических фильмов, лежал на одном из дальних столов, посреди полуразобранных опытных образцов и экспериментальных аккумуляторов. Гоша

осторожно поднял устройство, взявшись одной рукой за приклад, а второй — за массивный ствол. Вес молота сразу придал ему уверенности. Что там — газовый баллончик! Что — пистолет! Вот оно — оружие! И пусть его создавали лишь для обыкновенных монтажных работ...

Выходя, Гоша прихватил подвернувшуюся под руку металлическую банку. Думал, шутки ради, использовать ее под гвозди вместо излюбленного метафорического ведра Олега Степановича, но на подобные шалости уже не оставалось времени.

В коридоре он поставил банку на табурет и отошел на пару десятков метров, посчитав это расстояние достаточно безопасным. Чтобы подстраховаться, сделал еще три шага. Включил тумблер. Пушка зарокотала, ее ствол несколько раз дернулся, словно нос шенка, по ошибке заползшего в... в... какую там камеру?

Взяв цель на мушку, надавил курок.

Банка беззвучно исчезла. Через секунду, расплюснутая, она звенела и дребезжала на противоположном конце коридора, рикошетила от стен и танцуя на полу. Заспанный студент, неосторожно выглянувший из-за угла, в ужасе спрятался обратно.

Работает, заключил Гоша.

И хорошо работает! Хватило же ему осторожности не вытащить ведро... Магнитное поле молота устроило бы такую гвоздевую турбулентность, что ни в чем не повинного студента еще долго бы отковыривали от стенки. И аспиранта, наверное, тоже...

Гоша посмотрел на часы. Если его застанут с устройством в руках — не отвертеться. Полетит из университета, как... как эта банка по коридору! С молотом под мышкой Гоша заторопился на кафедру к Олегу Степановичу.

От удара прикладом в живот сармат сложился вдвое.

— Что вы делаете? — возмутился историк, бросаясь на помощь воину. — Это же ценнейший экспонат!

Тут он заметил Гошину пошу.

— А это что такое?

— Как вам сказать... — промычал аспирант, пробираясь через баррикады фурнитуры к Хроновозу.

— Это оружие?

— Да какое оружие... — отмахнулся Гоша свободной рукой.

— Оружие! — настаивал Олег Степанович. — Вы хотите отомстить! Вас избили на подступах к собственному дому, и вы мечтаете отомстить обидчикам! Но не просто отомстить, а — во времени! Стойте, где стоите, молодой человек: вы совершаете преступление против истории! История такого отношения к себе не простит!

Гоша уже протиснулся в кабинку Хроновоза и готовился совершить временной скачок. Пусть Олег Степанович бежит в милицию, скорую, к охраннику, извлекает из недр секретера наган или «ТТ» ему все равно не успеть за Хроновозом. Ха-ха!

А Гоша успеет сделать все, что надо. Магнитный молот дрожал в руках аспиранта. Гоша представлял, как невидимая сила далеко уносит обидчика с ножом в руке,

вот летит в сторону другой гопник, с украденной серебряной зажигалкой в кармане... Молот дрожал в его руках. Магнитный молот.

Магнитный!

Гоша с опозданием понял, что кнопка, приводящая в действие Хроновоз, уже нажата. По панели и деталям машины времени огненной вереницей забегали искры. Как он мог забыть? Ведь электроника аппарата реагирует на воздействие мощных магнитных полей! Аспирант попытался выбраться из Хроновоза, но ему мешал застрявший в тесной кабине молот.

А искры тем временем бегали все быстрее.

Гоша щурился от яркого света. Теряя равновесие, он отступил на шаг, коснувшись спиной чего-то мягкого и упругого. Вытянул назад руку. Солома. Много соломы. Целый сноп.

Когда глаза адаптировались, Гоша понял, что стоит посреди открытого поля под жгучим белым небом, а вокруг — ничего, лишь кое-где валяются снопы.

— Жарко... — вздохнул Гоша и снял куртку.

Он попытался обдумать ситуацию. Жара и стога свежесрезанной соломы недвусмысленно намекали на то, что сейчас — лето. А лето — это антипод зимы, из которой только что стартовал Гоша. Горячо стартовал, ничего не скажешь...

Боясь расплавиться, Гоша стянул и свитер, оставшись в прозрачной сетчатой маске.

Так. Антипод зимы — это, как минимум, пять-шесть месяцев назад. Пять месяцев! Его забросило так далеко!..

Уже через минуту Гоша понял, что пять месяцев — это при самом оптимистическом подсчете. Хотелось бы, чтобы это были только пять месяцев, потому что Хроновоз, блуждая по Каракумам времени, мог переместить его и на два года и пять месяцев, и на десять лет и пять месяцев, и на (только не это!) сто лет и пять месяцев назад!

Ужаснее всего было то, что Гоша знал — Хроновоз не перевозит в пространстве! Не зря он намекал Олегу Степановичу, чтобы профессор запасся валютой, имеющей хождение в соответствующем времени — для приобретения билетов на поезд. Если отправляешься в путешествие из университета — то в университет и прибудешь. Сейчас аспирант не видел ни универа, ни примыкающих построек — ничего, кроме поля и снопов на его гладко выбритой поверхности. А ведь Гошиной «альма-матер» было уже более сотни лет.

Гоша еще только начинал серьезно паниковать, когда услышал голоса за стогом. Он осторожно обошел препятствие и выглянул из-за кучи пахучей соломы.

Картина была странная, но знакомая.

На поле неподвижными группами стояли люди. В каждой группе — один светлый человек, его обступают трое-четверо смуглых. Присмотревшись, Гоша заметил, что белые одеты в длинные льняные одеяния, лица их симпатичны и покрыты золотистым загаром, а светлые волосы собраны в замысловатые прически. Скифы...

Их всегда так изображают. Смуглые (Гоша не сомневался, что это сарматы) были полной противоположностью скифам: коротконогие, небольшого роста, в грязных кожаных куртках с заклепками и натянутых на глаза кожаных же шапочках.

Скифы и сарматы о чем-то переговаривались. До аспиранта доносилось понятное и без перевода:

— Эй, ты! Да, я тебе говорю! У тебя соломки не найдется?

— Э-э-э... Какой соломки?

— Обычной! В зубах поковырять. Ты че, тупой да? Обычной соломки! — наседал на скифа сармат. — Ты чых будешь? Да ты откуда вообще, а?

— Я здесь... Живу...

— Да? Я тут тоже живу. Тогда почему я тебя не знаю?

— Ты че, тупой вообще?

— Гони нам весь свой урожай! Нет, золото! А мы тебе домик не сожжем!..

Гоше не потребовалось много времени, чтобы сообразить, как далеко его забросил Хроновоз. На добрые пару тысяч лет назад! Прямоком к мирным скифам и воинственным сарматам, зашитым в доспехи и «с разбегу набегающим»...

Аспирант расхохотался, спрятав лицо в солому — чтобы на смех не сбежались... Сарматы? Ему стало еще смешнее. Сарматы не были хорошо вооруженными опытными воинами, как их изображали в исторических хрониках — они были обычными гопниками. Предками жалких хулиганов, подкарауливающих мирных граждан в темных подворотнях. А все разгромные набеги сарматов — это мелкое разводилово, страшное для тех, кого разводят, и неинтересующее стороннего наблюдателя. Неинтересующее, пока наблюдатель сам не окажется перед пороссячими глазками бандита и не почувствует зловоние, сочащееся сквозь щели между его зубами...

«Арматоре»... Гошу осенило: историю мировых войн всегда делали хулиганы! Сидящих в Академ-роще греческих мыслителей обступают ранние римляне и начинают разводить «на бабки», а уже через пару столетий самих римлян, зазнавшихся и подружившихся с «умными» свитками, топчут ногами грязные и дурно пахнущие готские варвары, родственники которых — саксы. Те, в свою очередь, научившиеся к 1060-му году читать церковную латынь, получают по зубам от «неместных», но «с понятиями» норманов. И так далее...

Всегда и везде.

И этому нельзя помешать?

Гоша вскинул магнитный молот и взял противников на мушку. Конечно, можно. Ведь история ничего не имеет против? А если возмутятся историки...

Тогда мы отзовем историков в сторонку и хорошенько с ними *ти-па-па-гха-ва-рим-да?*

ЮЛИЯ ЗОНИС

ДВОРЖАК

У

ПАГАНИНИ БЫЛА СКРИПКА. У СТРАДИВАРИ — ТОЖЕ СКРИПКА. Или альт. У Окуджавы — гитара. А у Тошки нашего не было даже паршивого пианино. По всему его надо было отдать в музыкальную школу, и учился бы он там по классу фортепиано, как его знаменитый тезка. Но не отдали. Поэтому играл он на чем придется.

Во дворе у нас всякой твари было по паре. Я и Митяй — русские, Вован — украинец. Шнир носатый, понятно, еврей. Он, кстати, учился играть на скрипке и часов по шесть каждый вечер пиликал на балконе. Тетя Рая развешивала внизу белье и орала на дядю Абрашу: «Ребенок хочет есть! Ребенку надо побегать! Подышать свежим воздухом! Нет, этот ненормальный заставляет ребенка каждый вечер пилить и пилить, чтобы у этой скрипки струны полопались!» Дядя Абраша резонно возражал, что ребенок вдоволь дышит свежим воздухом, упражняясь на балконе, а бегать с нами, дворовой шпаной, ему вовсе не интересно. Шнир тоскливо косил черным глазом, и скрипка его выла, как Аделаидин кот.

В общем, интернациональный был двор, как в песне поется: «Широка страна моя родная». В соседних домах то же самое. Но Тошка, Антонин Дворжак, был нашей достопримечательностью. Не в каждом дворе встретишь настоящего чеха. Чехом он был или поляком, я, если честно, так и не понял. Судя по ночным разговорам родителей на кухне, Тошкин дядя был расстрелян под Катынью. Сейчас я думаю, что родители ошибались. Как бы тогда Дворжак-отец очутился в Союзе? Скорее всего, Тошкины предки давным-давно прикатили из сказочной Праги, да так и завязли в нашем Н-ске.

Ни с каким расстрелом или другим героическим прошлым Дворжак-старший не ассоциировался. Был он рядовым инженером, из тех, что каждое утро спешат в свои учреждения с потертым портфелем под мышкой. Портфель Тошкиного отца казался особенно потертым, а сам Богуслав Дворжак был особенно рядовым и незаметным. Помню, как он втягивал голову в плечи, стоило его окрикнуть погромче — к примеру, чтобы пожелать доброго утра. Втягивал голову, подбирался и спешил-семенил куриной пробежкой прочь со двора. Тошкина мать от него сбежала, когда Тошка был еще младенцем. По официальной версии, ее сердце пленил работник передвижного цирка. Моя мать, слушая пересуды дворовых сплетниц, усмехалась и говорила: «В Череповцы она уехала. В Череповцы». Череповцы для мамы были символом окончательного поражения в борьбе с жизнью. Череповцами она угрожала мне и сестре, если мы приносили из школы двойки.

«Куда вы учиться пойдете с такими табелями? — возмущалась она. — В Череповский заборостроительный?» При упоминании Череповцов следовало скромно молчать, иначе раздражалась буря. Только спустя много лет я узнал, что никаких Че-

реповцов не существует, а есть старинный городишко Череповец, располагающийся где-то в Вологодской области. Я все хочу съездить туда и посмотреть, что же так напугало мою неустрашимую матушку, но никак не соберусь.

Так вот о Тошке. Наш чех, полный тезка знаменитого композитора, к музыке тянулся с младенчества. На чем он играл в первые свои годы, я не знаю — сам тогда разбегался в коляске и пачкал подгузники. Но отчетливо помню, как он начал играть на столбе.

Покосившийся железный столб стоял посреди двора. Был ли он раньше фонарным столбом или предназначался для иных нужд, никто не знал. Зимой мы кидали в него снежки. Как-то летом Митяй попробовал на него влезть, но скатился вниз в облаке ржавчины. Базиль, зловредный Аделаидин кот, ухитрился вскарабкаться на вершину, если за ним гнались соседские псы. В целом же это был абсолютно бесполезный столб. Старый Аркаша, малость чокнутый ветеран трех войн, любил стучать по столбу костылем и выводить пьяным тенором: «Хей-хей, на фонари буржуев вздернем». Смотрел он при этом почему-то на Шнировские окна. Не знаю, Аркашино ли музицирование навело Тошку на мысль, или его просто осенило, но однажды вечером мы услышали. О, как мы услышали! Базиль взвыл и вывалился из окна. Митяй подавился орехом. Я как раз обкатывал новый Шнировский велик и влетел прямо в бордюр. Когда я встал, потирая разбитую коленку, все жильцы уже были в сборе. Выяснилось, что это — не землетрясение. И фашисты не сбрасывали бомб на город. А всего лишь Тошка раздобыл где-то железный прут и дурил им со всей дури по столбу. Столб мелодично отзывался. Аделаида, адская женщина, вырвала у Тошки прут и дала ему по заднице. Дворжак-младший уселся в пыль и зарыдал.

В следующие месяцы мы убедились: с талантом совладать непросто. Тошка играл на всем, что попадалось под руку. Я не говорю про банальные карандаш и иголку — этому меня научила сестра Ритка, у них в школе все так развлекались на уроках. Я показал фокус всем нашим. Но Тошку этим было не удивить. Он играл на кастрюльных крышках. На бельевых веревках. На старой бадминтонной ракетке. На жестяной крыше сарая. На нардовой доске. Он играл на губах и на расческе, на волосе, на бритвенном лезвии. Адская женщина Аделаида возненавидела Тошку всем сердцем, когда тот стянул плоско Базилия и принялся играть на плоске.

Вскоре стало понятно, что спасения нет. Моего папу, как самого дипломатичного из жильцов, отправили к Дворжаку-старшему. Вернулся отец озадаченный. На вопросы соседей пожимал плечами и отвечал: «Пусть малый играет, лишь бы стекло не бил». Мать в сердцах отправила его в Череповцы.

Шнир пробовал спасти положение. Он предложил Тошке скрипку. Я и сейчас думаю, что Шнирка поступил так не от добросердечия. На самом деле ему вконец обрыдли занудные упражнения, и он увидел отличный способ избавиться от ненавистного инструмента, а заодно и человечество облагодетельствовать. Скрипку Дворжак взял. На следующее утро нас разбудили страшные звуки. Как выяснилось, Тошка разломал скрипку, натянул струны на старый обод от велосипедного колеса и водил по ним ножом. Когда дядя Абраша узнал в жуткой штуковине Шниркин инструмент («Сто рублей, и то по большому благу!»), Череповцы показали нашему скрипачу раем.

Нет, потом мы привыкли. Человек — не кошка и не блоха, он ко всему привыкает. У моей знакомой дом стоит аккурат за железнодорожной насыпью, электрички ходят каждые полчаса. Стекла звенят, с полок посуда валится. А ей хоть бы что. Привыкла. Привыкли и мы.

В школе Тошку пробовали пристроить в музыкальный кружок, но голос у него оказался неприятный и пронзительный, слуха и вовсе не было. Так он и продолжал играть на чем ни попадя. Адская женщина Аделаида драла его при случае за уши, Базиль был, дядя Абраша высовывался в окно и кричал тете Рае: «Вот с этим шли-мазлом, по-твоему, должен бегать Григорий?» Григорий — это Шнира так звали. Шнир закатывал глаза и добросовестно выводил свои рулады.

А потом, в один прекрасный день... Нет, не так. Все началось со старого дурака Аркаши. Ему сократили пособие — то ли поругался он не с тем, с кем надо, на очередной встрече ветеранов, то ли костылем кого-то отдубасил. Короче, на пол-литра ему уже не хватало. Тогда Аркаша стал промышлять в парке. Собирать бутылки и сдавать их в ларек, по десять копеек за бутылку. Бутылок в парке было много, там каждое воскресенье гуляли рабочие с фабрики. И их подруги. И старшеклассники из нашей 13-й. В общем, после выходных о бутылки разве что не спотыкались. Наверное, Аркаша мог бы разбогатеть, если бы не был так ленив. Собирать-то он собирал, но донести собранное до ларька уже не мог. Бутылки пылились у сарая, сваленные в кучу. Иногда, если нам хотелось мороженого, мы сдавали десяток — все равно разницы никто не замечал.

В то утро солнце окрасило нежным цветом стены сарая, голуби миловались и ворковали на крыше, а Аделаидин кот зевнул и спрыгнул во двор. Базиль намеревался поохотиться. Он прищурил глаза, повел носом. Взор Базиля привлек непривычный блеск, кот выгнул спину дугой и зашипел. А потом раздался звук. Нежный и дрожащий сначала, он перерос в бурное стаккато, завершившись металлическим лягом. Кот вытянулся в струнку, распушил хвост и завыл.

После того, как к концерту подключились коты со всех окрестных дворов, мы поняли, что дело плохо. Меня послали на разведку. Естественно, я обнаружил Тошку. Он угнезвился на кирпичной стенке за сараем, в окружении двух десятков бутылок разного калибра. Одни стояли на каменной кладке, другие висели, привязанные за горлышки к торчащим из кирпичей прутьям. Тошка бил по бутылкам металлической линейкой — в старину, наверное, такими наказывали учеников в гимназиях. Производимый бутылками звук мне показался отвратительным, но коты думали иначе. Стая за стасей сбегались они из подворотен и скоро заполнили двор. Солировал Базиль, чей мощный бас перекрывал баритоны и теноры собратьев.

Аделаида вывалилась из подъезда и попыталась взять своего котика на руки. Базиль зашипел и оцарапал хозяйку.

Тошке сделали строгое внушение и предложили играть на чем-нибудь более безобидном — на бадалайке, к примеру. Тошка серьезно кивнул. Сквозь его розовые уши приветливо просвечивало рассветное солнце.

На следующее утро все повторилось. Коты шли стадами. Заслышав издали бутылочный зов, полосатые орды наводняли наш двор и принимались подпевать му-

зыканту. Много позже я читал о крысолове из Гаммельна. Замените крыс на котов — и вы получите нашего Дворжака.

Соседские псы сначала ошалели от радости при виде столь обильной добычи, а потом перепугались. Даже Матрос, здоровенный Шнировский водолаз, отказывался выходить на прогулку и гадил прямо дома. Котов возглавлял Базиль, прочно занявший в хоре должность солиста и дирижера одновременно. Он раздобыл, в походке его появилась необыкновенная важность, разбойничья рожа залоснилась. Впрочем, счастье Базиля длилось недолго. Как-то днем, когда мы были в школе, обеспокоенная судьбой своего любимца Аделаида сдала все Тошкины бутылки. Тошка сиротливо побродил вдоль стены и вроде бы успокоился. Кошачье нашествие прекратилось. Двор вздохнул с облегчением.

На этом бутылочная история и закончилась бы, если б не мой дружок Митька. Митька мечтал о голубях. В нашем дворе, как и во всех дворах в те времена, имелась голубятня. Жили в ней обыкновенные сизари. Проходя мимо голубятни, Митяй каждый раз пренебрежительно оттопыривал губу. Порой он взбирался по шаткой лесенке, будто надеялся, что в стаю грязнохвостых сизарей затесался кудрявый дутыш или тонкотелый почтовик. Митяй упрашивал отца подарить ему дутыша на день рождения. Митькин папаша каждый раз обещал, а потом благополучно забывал о своем обещании. И дарил Митяю машинки. Митька горестно передабривал машинки младшему брату и продолжал мечтать о дутыше.

Тошка и думать забыл о бутылках, когда Митяй подкатил к нему со своей идеей. Тошка вообще все быстро забывал. В его кладовке валялись бадминтонные ракетки с оборванными струнами, старая домра Вовкиного брата, дюжина дудок, автомобильный клаксон. Тошка играл на чем-нибудь, пока не извлекал из инструмента все возможные звуки, а потом никогда к нему не возвращался. Но у Митяя был план.

Однажды утром я увидел Митьку и Дворжака вместе. Они волочили авоську с двумя десятками бутылок. До этого Тошкины затей меня мало волновали, но Митяй был мой друг — значит, должен был поделиться своей задумкой. Я подошел к ним, когда они втаскивали авоську на крышу сарая: Митька подавал, а Тошка, стоя наверху, принимал. Я помог невысокому Митьке подпрыгнуть авоську, а потом спросил:

— Чего это вы? Опять котов приманивать хотите? Аделаида тебя приберет.

— Каких котов? — Митька презрительно сплюнул. Базиля и весь кошачий род он и в грош не ставил. — Коты мне ни к чему. Тошка новую штуку настраивает. Когда настроит, будем голубей приманивать.

— Так они же тут все загадят! Мама и так ругается, что все белое в голубином дерьме.

— Во чудак.

Митька посмотрел на меня так, будто я был особенно невзрачным сизарем.

— Мы ж не всех. Тошка настраивает так, чтобы голубей у куликовских переманить. Знаешь, какие у них там голуби! Я видел, как их Гришка куликовский гонял. Белые, до самой земли кувьркаются. Мне бы только двоих сманить, голубя и голубку, остальных здесь разведу.

Я уважительно вздохнул. Сам бы я до такого не додумался, даром, что тоже завидовал куликовским с их роскошной голубятней.

— А мне дашь потом парочку?

Митяй великодушно кивнул. Я полез на сарай помогать Тошке.

Бутылки мы собирали долго. Подключился весь двор: Вовка таскал у отца бутылки из-под портвейна, и даже Шнир приволок одну пузатую, заграничную — из-под ликера. Тошка отбирал тщательно. Простукивал, долго вслушивался в стекольный звон. Большую часть бутылок он сразу отдавал Аркаше. Тот очень одобрял наше предприятие, ведь теперь ему самому не надо было таскаться в парк.

Апофеозом бутылочной кампании стала ночь на Ивана Купалу. В нашем городе почему-то принято отмечать Купалу не в июле, а весной — в конце мая. Девки из станкостроительного разводили костер в роще, на берегу реки. Набегали фабричные парни. Говорят, парочки прыгали через костер в чем мать родила, а потом долго шептались по прибрежным кустам. Вот в такую ночь Тошка и повел нас к реке. Если честно, мы с Митяем так и не решились подойти ближе и ничего толком не увидели — так, мелькали огни среди деревьев, да девчонки визжали где-то неподалеку. Мы торчали в кустах, и нам было холодно и мокро. А Тошка попер прямо к костру и кинул туда свои бутылки. Утром мы разгребли здоровенное кострище и собрали урожай. Часть бутылок полопалась, а часть расплавилась. Были среди оплавившихся и вовсе странные. Помню, я нашел в еще теплом пепле одну, горлышко которой в точности напоминало морского конька. Этого конька я храню до сих пор.

Наконец настал день Испытания. До этого Тошка уже несколько раз экспериментировал с бутылками, но только с одной или двумя — на случай, если что-то не сработает, и к нам снова нагрянут коты. Результатами он был доволен. Накануне пообещал нам, что голуби точно прилетят. Вечером, после школы, мы собрались у сарая. Митяй откуда-то добыл хрустальную ножку от бокала и торжественно вручил ее Тошке. Играть надо было на закате, когда куликовская стая возвращалась на голубятню и пролетала над нашим двором. Я не раз с завистью следил за белыми птицами, зажигающими розовые искорки на крыльях. Сегодня они станут нашими. Что делать с куликовскими, когда они обнаружат пропажу, мы еще не придумали.

Тошка залез на крышу, где в два ряда стояли на кирпичках бутылки. Некоторые из них он подвесил к старой вешалке, которую Вовка приволок с помойки. Низкое солнце било Тошке в спину, бутылки просвечивали зеленью и янтарем, Тошкины уши пылали розовым, а глаза возбужденно сияли. Он набрал полную грудь воздуха и дотронулся ножкой бокала до бутылки.

Над двором поплыл тонкий, прозрачный звук. Это было похоже на звон капели, и на треск лонающихся льдинок, и, немного, на гудение проводов. Сердце у меня в груди стукнуло, а потом взмыло куда-то к горлу и там затрепетало. В голове стало легко, звонко, пусто, будто мысли разбежались, оставляя место для Тошкиной музыки.

Вован прошептал под ухом:

— Думаешь, прилетят?

Я отмахнулся. В тот момент мне было наплевать на голубей.

Так бы я и стоял, зачарованный, если бы Митяка не ткнул меня локтем в бок. Я обернулся. В вечернем небе показалась белая стайка. Она приближалась стремительно, отблескивая крыльями, кувыркаясь в воздушных потоках... А потом мы поняли, что это не голуби.

Первый из них неуверенно покружился над двором и уселся на старый тополь. Через секунду его собраты заполонили двор. Они сидели повсюду: на проводах, на крыше Аделаидиной пристройки, на голубятне и даже на кривом столбе. Казалось, должно было стемнеть, ведь стая закрыла солнце. Но вокруг посветлело.

Они были белые, ярко-белые, размером с собаку. У них были плотные тела, покрытые пухом, и большие крылья, вроде гусиных. И лица у них были. Не мужские, не женские, грустные лица.

Когда они расселись, первый из прилетевших — тот, что устроился на Аделаидиной крыше, — повел головой, будто прислушиваясь к мелодии. Он переступил по карнизу толстенькими лапами, глянул вниз, на Тошку. Тошка играл. Тогда белокрылый поднял голову. Высокий, звенящий и радостный звук слился с Тошкиной музыкой. Белокрылый пел. Он пел в такт Тошкиной игре, и за ним вступили остальные. Когда захлопали окна и двери, и взрослые высыпали во двор, пели уже все пришедьцы.

Старый Аркаша, шурясь, выполз из своего подвала, задрал голову, да так и остался стоять. Мой папа судорожно копался в кармане, наверное, искал очки. А Аделаида, адская женщина, уселась на траву посреди двора, всплеснула руками и выдохнула:

— Ой, ангельчики!

* * *

Ангелов мы решили никому не показывать. Это была наша тайна, даже взрослые — на что уж болтливый народ — согласились. Папа сказал маме ночью на кухне:

— Зачем нам эти сенсации? Налетят сюда газетчики, туристы какие-нибудь из области. Или даже из Москвы. Им же мало просто смотреть и слушать, им все препарнировать надо. Поймают ангела и сдадут в институт зоологии на анализы.

— А мы не дадим, — решительно ответила мама.

— Не дадим! — папа засмеялся и обнял маму. Она взъерошила ему волосы, будто они были совсем молодыми, чуть старше меня.

Вообще взрослые сильно изменились за те дни. Аркаша бросил пить. Он сидел на солнышке, улыбался чему-то и терпеливо ждал вечера, когда Тошка начнет играть. Папа Митяя стал возвращаться домой раньше и даже починил кухонную дверь. Мои папа и мама перестали ругаться и часто стояли обнявшись, когда думали, что я их не вижу. И ангелов так слушали — обнявшись, замерев у окна. А когда кошмарная женщина Аделаида однажды выставила на подоконник блюдо с молоком и со смущенной улыбкой сказала:

— Им ведь долго сюда лететь. Изголодались, поди. Пусть вот молочка попьют, — тогда мы окончательно поняли, что мир изменился. Молоко, впрочем, выпил равнодушный к ангелам Базиль.

Но больше всех переменялся Тошкин отец. Нет, он по-прежнему ходил каждое утро на работу, зажав под мышкой портфель. Только голову он держал теперь высо-

ко, не вжимал, как прежде, в плечи и не семенял по-куриному. Однажды утром я подсмотрел, как они шагали вместе с Тошкой. Прежде Дворжак-старший никогда не провожал сына в школу. Наверное, думал, что Тошке стыдно за него перед одноклассниками. А сейчас они шли вдвоем. Дворжак обнимал сына за плечи, и Тошка совсем не стеснялся. Я бы на его месте уже сквозь землю провалился. Они обогнали меня и остановились в подворотне, у поворота к школе. Проходя мимо, я услышал, как Тошка спрашивает отца:

— Думаешь, мама вернется?

Тот ничего не ответил, только потрепал сына по макушке.

Что еще я помню о том времени? Помню, как приходил священник. Не знаю, откуда он прознал о наших гостях. Мы, мальчишки, удивились приходу батюшки больше, чем ангелам. Нет, теоретически мы знали о существовании Троицной церкви. Она стояла на самой окраине города, за рекой, рощей и Володиной горкой. Вроде бы там проводились службы, а одна девчонка из класса Соньки-косой, старшей сестры Гирша, даже втайне хвасталась нательным крестиком. Но в нашем дворе священник был чужим. Он стоял у сарая, лысенький, невысокий, скрыв руки в рукавах сутаны. Стоял и слушал Тошку и ангелов.

Аркаша подобрался к нему сзади, шепнул доверительно:

— Ну? Ангелы, батюшка?

— Птицы, сын мой, конечно, птицы, — как-то слишком торопливо и уверенно ответил святой отец.

Аркаша плюнул в пыль и похромал в свой угол. Священник послушал до конца, а потом ушел — черненький, сутулившийся и маленький.

А, в целом, жизнь текла по-прежнему. Мы ходили в школу, взрослые — на работу. Иногда мы гоняли мяч на пустыре дотемна, или убегали в кино, или толкались возле танцплощадки в парке. Гремела музыка, девчонки лужгали семечки, их ноги белели в темноте. Я забывал об ангелах.

В то лето я влюбился. Впервые, по-настоящему. Втюрился по уши в девчонку из Сонькиного класса. В ту самую, с крестиком. Она была на год старше и совсем не обращала на меня внимания. Вечерами, когда в окнах загорался свет, Тошка переставал играть и ангелы улета́ли, я думал: «Ну, какая от них польза? Вот книжные ангелы — им помолишься, и они исполнят твоё желание. А этим, молись — не молись...» Однажды я поймал Светку после школы и рассказал ей об ангелах. Я думал, ей будет интересно — если сестра Гирша не соврала про крестик. Света фыркнула, обозвала меня вралем и пошла догонять подруг.

Короче, ангелы оказались не столь уж важными. «Жили и без них», — как однажды заметил отец. В тот вечер ангелы почему-то не прилетели, хотя Тошка забрался на крышу сарая и старательно звенел бутылками. Нам, пацанам, ближе к лету стало не до ангелов — началась подготовка к ежегодной гонке на самокатах. Каждую весну, перед концом учебного года, наша сторона выходила против фабричных. Самокаты мы мастерили сами: воровали из мастерских подшипники, сколачивали доски. Особым шиком считалось покрыть самокат лаком. В этом году Митяй клятвенно заверил нас,

что — кровь из носу — добудет лак. И добыл. Стапил у своего дядьки-краснодеревщика. Мы сидели в сарае и мазали доски темным лаком. У лака был приятный резкий запах, доски становились гладкими, скользкими на ощупь, хотелось их лизнуть. Тошка возился наверху с бутылками. В гонках он участия не принимал.

Самокаты у фабричных обычно выходили лучше. Оно и понятно — и подшипники у них были новенькие, и доски, и старшие им помогали. В этом году у Митяя созрел коварный план. Он вообще был горазд выдумывать всякие каверзы, взять хоть тех же голубей. Когда не получилось приманить их с помощью Тошки — а Тошка наотрез отказался переделывать свой инструмент под голубей — он взял у фабричного Сеньки голубицу-подманку в обмен на орудийную гильзу и все же разжился парочкой турманов. Куликовские потом долго подстерегали его по дороге в школу, но мы всегда ходили большой компанией. Вот и сейчас Митька придумал, как нам обойти фабричных.

Маршрут гонок всегда был один и тот же — вниз с Володиной горки и до Майского Торжка. Горка звалась Володиной потому, что, вроде бы, когда-то в наш городок приезжал в гости к двоюродной тетке сам Володя Ульянов. Гимназист Володя стоял на горке и любовался рекой, почти как на знаменитой картине. Правда это или выдумки, была ли у Ленина тетка в нашем Н-ске или нет, сейчас уже никто не мог сказать с уверенностью. Но горка так и осталась Володиной. А Майский Торжок был обычным базарчиком, где торговали яблоками, арбузами и черешней, а позже, в августе, абрикосами и виноградом. Спуск был крутой, вымощенный брусчаткой, с четырьмя перекрестками на пути. Ехать предстояло мне. Конечно, отчасти я гордился этим, но отчасти и дрейфил. Во-первых, если вы когда-нибудь ездили на самокате по брусчатке, то знаете — дело это не слишком приятное. А во-вторых, я знал: если мы продаем — все шишки обрушатся на меня. Так что, когда я узнал о Митькином плане, тут же на него согласился. Задумка была вот такая: мне надо было во что бы то ни стало обогнать фабричных на первом перекрестке. Если я проскочу первым, в дело вступит резервная бригада. В резервную бригаду отрядили Вовку, как самого из нас симпатичного.

К Вовке чуть ли не с детства клеились девчонки, некоторые из них были намного старше его. Не удивительно. Все мы были черноволосые, темноглазые и смуглые, скуластые, как татарчата. А Вовка был светленьким — белокурый, голубоглазый, не пацан, а купидончик с дореволюционной открытки. Вовка получил инструкции от Митяя, два рубля на представительство от меня и хмурый взгляд от Шнира. Вовкиной целью была Шнировская старшая сестра, Сонька-косая. Она у нас в школе возглавляла велосипедную секцию и была центральной фигурой в Митькином плане.

Вовка вернулся вечером, как раз к прибытию ангелов, но мы попросили Тошку подождать с представлением и потащили Вована в сарай. Гордо улыбаясь, он сообщил, что дело на мази. Вовка пригласил Соньку в парк, угостил мороженым и ознакомил с нашим планом. Девчонка поломалась для приличия, но, за две порции сливочного и обещание прокатить ее на самокате, согласилась. Оно и понятно. Фабричные не раз кидили наших парней, когда те вечерами гуляли в парке со старшеклассниками. И хотя у косой Соньки парня не было, за подруга она болела. В общем, к дню гонок мы разработали детали операции. Теперь успех зависел только от меня.

Утром в субботу мы взобрались на Володину горку. Шнир и Митяй тащили самокат, я гордо выпешивал за ними. Фимка Кныш — гонщик от фабричных — со своей командой уже поджидал нас наверху. Фимка был старше меня на год и килограммов на десять тяжелее. Но и его приятели были покрупнее Шнира с Митяем и могли сильнее разогнать самокат. Было прохладно, солнце еще только поднималось из-за реки. Обычно мы стартовали ранним утром, до открытия Торжка, чтобы не пришлось уворачиваться от ящиков с помидорами и разъяренных теток-торговок. Фимка лениво осмотрел мой самокат, презрительно хмыкнул и закурил. Подошел ко мне, глянул сверху вниз:

— Хочешь курнуть?

Я еще не курил, но мужественно взял сигарету и затянулся. И, конечно, раскашлялся. Фимкины приятели заржали. Кныш отобрал окурочку и похлопал меня по плечу:

— Буду ждать тебя внизу, курилка.

Я бы с радостью заехал ему в глаз, но сейчас надо было сдерживаться. Так что я лишь скинул его руку с плеча и пошел к самокату. Моя месть была впереди.

Кто-то из фабричных притащил флажок. Мы выстроили самокаты вдоль прочерченной мелом линии. Я сел, взялся за руль. С взмахом флажка приятели Кныша толкнули его самокат, а Шнир и Митяй пихнули меня. Митяй еще успел шепнуть мне в ухо: «До первого перекрестка!» — и я полетел вниз. Здорово трясло. Я едва удерживался на скользких лакированных досках. Самокат грохотал, подшипники выбивали из камней искры. Рядом гремел Кныш. Почти у самого перекрестка мне удалось ловко вильнуть, так что Кныш чуть не влетел в поребрик, и ему пришлось притормозить. Я проскочил перекресток. Что было дальше, я не видел и с лязгом скатился с горы. На ровном самокат шел тише, и уже у самого рынка я чуть не влетел в подводу — на таких частники возили в город арбузы. И эта была нагружена зелеными шарами. Лопатка шарахнулась от меня, возница выругался, два арбуза с верха кучи свалились и разбрызгали розовую мякоть по брусчатке. Но я уже был далеко. Я выиграл гонку.

Митяй потом рассказывал, как ругался Кныш, как лез с кулаками и требовал повторить заезд. Наш план прошел, как по ниточке. Когда я срезал Фимку у первого перекрестка, в действие вступил резерв. Десять девчонок-велосипедисток вырулили на дорогу, пересекающую спуск. Их вела торжествующая Сонька. Медленно, степенно прокатили они через перекресток, не обращая внимания на беснующегося Кныша и бегущих с горки фабричных. На радостях мы потом каждой девчонке купили по мороженому. Была среди них и Светка. Теперь, когда я выиграл гонку, она уже не отворачивалась и не фыркала. Вечером мы пошли в парк большой компанией. Тошки с нами не было. Он объявил, что мы смухлевали, и такая победа не считается, так что и праздновать нечего. Зато с нами отправились старшеклассники, на случай, если фабричные вздумают нас поймать и отыграться за поражение. Но, как ни странно, никого из Фимкиных приятелей мы в парке не встретили. Митяй объявил, что они уползли в нору и зализывают раны. Девочки потащили нас к танцплощадке, и я пригласил Светку на медленный танец.

Возвращались мы поздно. Была теплая ночь. С реки тянуло прохладой, в зарослях на берегу заливался коростель. Я держал Светкину руку в своей, и Светка шла

со мной рядом тихо и покорно, будто я был не я, а кто-то взрослый, красивый и сильный. На школьном перекрестке мы разделились. Митька и Шнир пошли домой, а я отправился провожать Светку. Она жила на Куликовке. Поэтому-то я ничего и не увидел. А когда вернулся, скорая уже уехала, взрослые разошлись по домам, и только Аделаида бродила в потемках, плакала и собирала осколки. Я залез к Митьке через окно, и он рассказал мне, что произошло.

Кныш не стал подстерегать нас в парке. Он решил поймать нас в переулке у дома и явился туда с друзьями еще засветло. Так он и увидел ангелов. Когда стемнело, ангелы разлетелись, и Тошка пошел домой, Кныш залез на сарай и принялся бить бутылки. Тошка услышал. Отец-Дворжак еще не вернулся с работы и не мог остановить сына. Тошка выбежал во двор. Там его встретили приятели Кныша. Не знаю, как Тошка справился с двумя здоровенными бугаями, но он все же пробился и полез на сарай. На крыше его ждал Кныш. К тому времени всполохнулся уже весь дом. Взрослые принялись звонить в милицию, мама и тетя Рая окатили Фимкиных дружков водой. Те бежали. А Кныш с Тошкой дрались на сарае, катались по битым бутылкам. Я видел потом Тошкины порезы. Их зашивали в больнице, и Тошка еще две недели не ходил в школу, пропустив конец четверти, так что летом ему пришлось пересдавать математику. Когда подоспевшие Митяй и Вовка пришли на помощь Дворжаку, все, считай, было кончено. Уцелели только две бутылки — та, с горлышком-коньком и Гиршева, изпод ликера. Потом приехала скорая, Тошку увезли в больницу, а я вернулся домой.

Вот и все. Нет, мы потом хотели заново собрать бутылки. На следующий день после того, как Тошку выписали, я отдал ему бутылку-конька. А он шваркнул ее о землю и ушел к себе. Он вообще перестал играть. Когда Аркаша принес ему в подарок губную гармошку — старую, красивую, с перламутром — Тошка равнодушно повертел ее в руках и вернул старику. Он записался в секцию бокса, а с нами не разговаривал до зимы.

Что было потом? Мы окончили школу. Митяй удивил всех, поступив в художественную академию. Талантом оказался. Даже какие-то госпремии получал, за границу ездил. Шнир тоже всех удивил, не поступив в консерваторию. Он пошел на мехмат. Вовка подался в сельскохозяйственный. А я, раздолбай, пролетел на экзаменах и загремел в армию. «В Череповцы — рыдала мать, провожая меня на вокзале. — В Череповцы!»

Вместо Череповцов я отправился в Чехословакию, оказывать интернациональную помощь братьям по соцлагерю. Мы неплохо провели время, разбивая витрины магазинов и гоняясь за визжащими чешскими девчонками. А Тошку Дворжака там убили. Как могли его убить на этой дурацкой войне, где почти никто из наших не то что не пострадал — даже ни одного выстрела не слышал?! Не понимаю.

Иногда я достаю из ящика со старыми рукописями морского конька, кладу его на стол, так, чтобы солнце просвечивало сквозь зеленое бутылочное стекло, и думаю об ангелах и о Тошке.

КАРИНА ШАИНЯН

КАРПЫ В МУТНОЙ ВОДЕ

А

АНДРЕЙ ПРИЕХАЛ В АМПАНУ В СЕЗОН ДОЖДЕЙ. ЖИРНЫЙ пряный дым от уличных жаровен растворялся в мороси, морщинистые стряпухи натягивали над столиками полосатые тенты. Уличный шум казался приглушенным — все тонуло в дожде, промокшие дома валились в ущелья улиц хлопьями плесневелой штукатурки. В душевной конторе смуглый человечек в отсыревшем костюме окинул опытным взглядом джинсы Андрея и принялся перебирать адреса, то и дело протирая очки.

— Что-нибудь вдали от цивилизации, да? Простая жизнь, народные обычаи, отрезанность от мира? Подальше от курортов? Я понимаю. Сейчас это в моде — туристы хотят забраться в глушь. Они не боятся малярии, не боятся застрять где-нибудь из-за селей — им подавай романтику. И все едут в сезон дождей — надеются, что остальные приедут в сухое время. Пляжи всем надоели... Вы из России, да? На Прудах Небесного Дракона уже неделю живет русская девушка, красивая. Художница. Хотите туда?

— Подходит, — улыбнулся Андрей.

Джип с трудом пробирался по разбитой дороге. Несколько часов тряски — и Андрей оказался у Прудов Небесного Дракона, а попросту на хуторе, немногочисленные обитатели которого разводили карпов в прямоугольных, мутных, полужаросших прудах. Машина остановилась у главного дома — дерево и немного жести; его окружали несколько бамбуковых хижин для туристов. Из дверей выглядывал взъерошенный подросток. Встретившись с Андреем взглядом, он застенчиво улыбнулся и нырнул в дом. Встречать вышла хозяйка, высохшая, желтолицая, со скорбно поднятыми бесцветными бровями, в полинявшей футболке и резиновых галошах. Госпожа Ли была образованной дамой — когда-то прогрессивно настроенные родители отправили ее в Харьков учиться на инженера. Выйдя замуж, она с толком употребила мелиораторские знания, устраивая пруды на мужниной земле. А когда начался туристический бум и сумасшедшие европейцы пополнили с пляжей и заповедников и заброшенные сельские районы, госпожа Ли снова заговорила по-английски и по-русски, построила несколько нарочито простых бамбуковых хижин и оставила свой адрес в одном из турагентств Ампаны. Госпожа Ли была деловая женщина, и с этим никак не вязалось ее испуганное и несчастное лицо.

Бросив рюкзак и покончив с формальностями, Андрей пошел прогуляться. С первого взгляда было ясно, что приключений не предвидится: прогулки по прудам

да и катание на лодке по медлительной мутной реке — вот и все развлечения. Разве что выбраться на пару дней в горы. Андрей был человеком, преуспевающим настолько, что мог уже позволить себе потертые джинсы, длинный отпуск и экзотически унылое захолустье. Но здесь на него нахлынуло возбуждение, смешанное с тревогой, как будто он вновь превратился в застенчивого, не в меру начитанного студента, верящего в предчувствия. Андрей знал: здесь — конечная точка пути. Он долго шел, карабкался наверх — и все для того, чтобы в конце концов оказаться на этих прудах. Здесь, среди дождя и тростников, в зажатой горами долине, распахнутся все двери. Но, скорее всего, окажется, что этих дверей и не было никогда. Главное — не упустить долгожданный шанс, проверить, избавиться от многолетнего наваждения.

Проходя мимо соседнего домика, через раскрытое окно Андрей увидел сохнувшее белье — среди гигантских шорт и футболок висели изящные женские маечки. Похоже, художница приехала не одна. Андрей вздохнул: он бы предпочел одинокую туристку, одуревшую от скуки. Как раз то, что нужно для романтики. Просто курортный романчик, и тот, скорее всего, не удастся, напомнил он себе. Но тревожный зуд не утихал.

Андрей брел по посыпанным гравием тропинкам между прудами. Промозглая морось пропитала одежду. Несмотря на духоту, Андрея начало познабливать, и он хотел уже вернуться, но тут на узкой перемычке между прудами мелькнуло ярко-красное пятно — кто-то стоял там под большим зонтиком. Подойдя ближе, Андрей увидел невысокую тонкую девушку: прикусив губу, она старательно водила кисточкой по листу бумаги, приколотому к мольберту. Девушка не слышала шагов, даже когда Андрей подошел совсем близко и уже мог рассмотреть рисунок. Сквозь дождевую вуаль поблескивал перламутр мутных прудов; светлая зелень с вкраплениями охры, нарезанная квадратами, — вокруг лежали тростниковые заросли и редкие рисовые поля. Акварельные тени гор висели над горизонтом. В манере художницы было что-то от импрессионистов — впрочем, Андрей не разбирался в живописи. В мирном, на первый взгляд, пейзаже было что-то тревожное, и только присмотревшись, можно было увидеть: тучи, поля, пруды — все вместе складывалось в фигуру огромной рыбыны, угрожающе раскрывшей пасть.

— Карп? — спросил Андрей.

Девушка, вздрогнув, резко обернулась — прядь рыжеватых выющихся волос прилипла к щеке, карие глаза широко распахнуты. Сердце пропустило удар, Андрей с трудом сохранил невозмутимый вид.

— Вы, наверное, моя соседка? Я приехал только сегодня. Андрей, — представился он.

Девушка подала ему руку. Пальцы были испачканы зеленой акварелью.

— Надя, — ответила она, рассматривая новичка и слегка хмурясь. — Хорошо, что вы приехали, — по ее лицу скользнула улыбка. — Здесь ужасно скучно.

— Именно этого я и искал, — ответил Андрей, — собираюсь вкушать лотос...

Лотос рос тут же, в канаве, протянувшейся вдоль дорожки, — под широкими листьями не видно воды, острые бутоны выстроились рядами. Похоже, его действительно ели — кое-где в розово-зеленой массе виднелись прорехи, как на грядке с поспевшей редиской.

— Ужасно некрасиво, — дернула плечиком Надя и задумчиво посмотрела на рисунок. — Здесь верят, что один карп плыл против течения так долго, что забрался на небо...

— И стал небесным драконом, — подхватил Андрей.

— Ага. Драконов здесь любят, но мне кажется — они все-таки страшные... — смущенно улыбнулась Надя и вдруг вся подобралась: — Смотрите! Это муж нашей хозяйки, господин Ли.

Из зарослей тростника за прудом вышел человек, волокащий за собой бамбуковый шест. Со своего берега Андрей видел только силуэт: сторбленную спину, нелепо болтающиеся, длинные руки, вытянутую голову с приплюснутыми ушами. При всей несуразности этой фигуры от нее веяло жестокой силой. Господин Ли с размаху ткнул шестом в воду, и до них донеслось невнятное бормотание.

— Мальчишка, который здесь работает, сказал, что Ли умеет говорить с духами, — сказала Надя. — А по-моему, просто немного того. Ким его ужасно боится, и госпожа Ли — тоже. Наверное, он ее бьет.

На том берегу появился новый человек, крупный загорелый блондин. Андрей вопросительно повернулся к Наде.

— А это Стив, — ответила она и слегка покраснела. — Он из Австрии, полицейский. Гулять ходил...

Стив остановился рядом с Ли и, уперев руки в бока и подавшись вперед, с недобрым интересом стал наблюдать за шестом, шарящим в воде. Господин Ли, казалось, еще больше сторбился, или, скорее, пригнулся — по крайней мере, так показалось Андрею. Как перед прыжком. Полуобернувшись, Ли что-то сказал Стиву — теперь мужчины смотрели на Надю.

Андрей почувствовал, как она напряглась.

— Надеюсь, они не... — она оборвала сама себя. — Боюсь, что Стив уже надрался.

— Здесь можно добыть спиртное? — обрадовался Андрей.

— Он запасся еще в Ампане. Но с такими темпами ему скоро придется ехать за добавкой. Вот уж не думала...

— Не думала, что твой парень пьет?

— Он не мой парень, — ответила Надя. Андрей усмехнулся, и она сразу ошенилась:

— Мы познакомились в Ампане и решили ехать вместе. Что тут такого?

— Ничего. И часто ты так... решаешь поехать вместе?

— Да пошел ты... — Надя отвернулась и раздраженно сорвала с мольберта рисунок. — Пора идти, скоро обед. Стивиив! — закричала она, размахивая коробкой с красками.

На веранду влетела Надя, и Андрей, уныло сидевший за пустым столом, оживился.

— Ждешь кормежки? — спросила Надя. — А вот и Ким!

— Карп и рис, — торжественно объявил Ким, и Надя насмешливо сморщила нос:

— Каждый день карп и рис. И немножко овощей, когда кто-нибудь приезжает из Ампаны, — объяснила она Андрею. — Уже из ушей лезет.

— Пахнет аппетитно... А знаешь — один французский граф, чтобы стать бессмертным, ел сырые потроха карпа.

— Фууу... — сморщилась Надя. — И что, стал?

— Бессмертным? Стал. Правда, превратился в обезьяну. Жестокою, злобную обезьяну.

— Глупо, — отрезала Надя.

— Не так уж глупо. Просто открой двери восприятия, — улыбнулся Андрей, и Надя снова нахмурилась, точно так же, как тогда, на пруду.

— У меня такое чувство, что мы где-то встречались раньше, но забыли, — неуверенно сказала она.

— Ну что ты, Надя, я не мог забыть, — ответил Андрей. — А где Стив?

— Он спит. Напился и спит, — мрачно ответила Надя, ковыряя палочками рис. Кинула в рот кусочек рыбы, скривилась. Андрей молча жевал, сочувственно поглядывал. — Достал уже, — пожаловалась Надя. — Все время пьяный, а вчера подрался с Ли. Видеть его не могу уже, не знаю, как отделаться...

Она резко встала, отодвинув тарелку с изуродованной рыбой.

— Пойду еще порисую, пока светло.

— Можно с тобой? Посмотреть? — попросил Андрей. Надя заколебалась на мгновение, но потом кивнула.

— Пойду тогда переоденусь, — ответил Андрей, показывая на джинсы. — Жарко.

Раскрытый зонт валялся на перемычке между прудами, краем уйдя в воду, рядом лежал мольберт. Нади не было видно, и на секунду Андрея охватила мучительная тревога. Он испуганно завертел головой, но тут рядом с зонтом зашевелилась. Надя сидела на корточках у пруда, почти скрывшись за куполом. Зеленые шорты и серая майка делали ее совсем незаметной. Андрей весело помахал ей рукой, но девушка не ответила. Подойдя ближе, Андрей увидел закрытое ладонями лицо. «Неужели плачет?» — подумал он.

— Что-то случилось? — Андрей отодвинул зонт и осекся.

На дорожке, подтянув колени к животу, лежал Стив. Его голова свесилась с берега, почти полностью скрывшись под водой.

— Черт... — обалдело прошептал Андрей, — захлебнется же!

Он рванул блондина за плечи, пытаясь вытащить его из воды. Надя, опустив руки, смотрела на него пустыми глазами.

— Да помоги же! — крикнул Андрей, выдергивая Стива на дорожку. Надя покачала головой. Только теперь Андрей заметил, что плечи и шея австрийца испачканы

красным. Еще не веря, он провел ладонью по границе волос и вздрогнул: из основания черепа что-то торчало.

— Щепка... Бамбуковая щепка, — наконец заговорила Надя. Слезы текли по ее щекам, оставляя блестящие дорожки.

Андрей растерянно молчал. Все казалось диким сном: запахи травы и тины, рябая поверхность пруда, в которой извилисто отражались тростники, водяная взвесь в воздухе, неестественное спокойствие Нади. Он внимательно посмотрел на девушку. Надя сидела на корточках, устремив взгляд на пруд, и шептала что-то. Андрей прислушался.

— Я... Под Москвой, несколько лет назад, на дне рождения подруги в лесу... ну, на даче, но там такая дача, считай, что в лесу. Я приехала с приятелем... Мы все напились, и поссорились, я убежала в дом с одним парнем... опять забыла, как его зовут, — нервно хихикнула Надя, повернувшись к Андрею. — А Леа обиделся и пошел гулять один... Нашли... точно так же. Какие-то бомжи позарились на кошелек, — она с ужасом посмотрела на Андрея, словно только сейчас осознала случившееся. — Как же так... Они просто подрались, он же... Стив не хотел, он просто пьяный был! Извинялся потом! А он убил его...

Надя, наконец, разрыдалась, ерзая по гравию голыми коленками, уткнувшись в плечо Андрея. Лепетала что-то о Ли, о том, что он чокнутый, она сразу поняла, что он маньяк, опасный маньяк... Андрей гладил влажные кудри, чувствуя, как дрожат руки. Потом осторожно отстранил Надю, заглянул в покрасневшие глаза.

— Надо сказать госпоже Ли, — взял Надю за плечо, не давая возразить, — надо сказать ей и вызвать полицию.

Он взял Надю под руку и повел к дому.

Госпожа Ли нашла на кухне — чистила очередного карпа. Ее глаза были заплаканы, на руке виднелись синяки.

— Стив и ваш муж вчера подрались, — с ходу начал Андрей. — Почему?

— Мой муж сказал мистер Стив — Надя плохая женщина. Мистер Стив рассердился и ударил, — Ли замолчала, орудуя ножом.

— Где сейчас ваш муж?

— Не знаю. Ушел, — ответила хозяйка. Андрей раздраженно прошелся по кухне.

— Откуда у вас синяки?

Госпожа Ли невозмутимо чистила рыбу.

Андрей задумчиво взъерошил волосы. Было ясно, что синяки на руке хозяйки оставил господин Ли, и так же ясно, что она об этом не скажет. Нужно зайти с другой стороны, ошарашить.

— Мистер Стив умер. Надо вызвать полицию.

Госпожа Ли задрала бесцветные брови, по ее лицу промелькнула тень. Андрей наблюдал за хозяйкой, ожидая испуга, удивления, но госпожа Ли оставалась спокойной.

— Телефон не работает. Машина не ездит. Сель. Очень мокро, — сказала госпожа Ли и, подумав, добавила: — Ким пойдет, завтра, послезавтра приедет.

Андрей бродил по дорожкам, пытаясь отвлечься. В конце концов, говорил он себе, что тебе за дело до какого-то алкоголика из Австрии? Наслаждайся пейзажем, жуй лотос. Откройся — и смерть пройдет мимо. Правда, полиция сильно помешает, но, надо думать, они в первую очередь займутся поисками господина Ли. Конечно, остаться в стороне не получится, будет большой шумер. Никто не хочет, чтоб приезжала полиция... Андрей брел по тропинке, ведущей к дороге на Ампану. Гравий похрустывал под ногами, осыпались под дождем пурпурные цветы бутенвиллии. Андрей поднял голову и увидел Надю, идущую навстречу.

— Я прошлась по дороге, — сказала она. — Ни одной машины. Наверное, и правда сошел сель. Меня еще в Ампане предупреждали... — Надя слегка хмурилась и покусывала губу. Похоже, ее одолевали те же мысли, что и Андрея. Она неторопливо пошла рядом, погрузившись в молчание.

Задумавшись, Андрей споткнулся так, что пришлось пробежать несколько шагов — восстановить равновесие. Возмущенно оглянулся и замер: из кустов торчали тощие смуглые ноги. Надя остановившимся взглядом смотрела на резиновый шлепанец-вьетнамку, свисающий с пальцев правой ноги.

— Нет. Он не мог... — она подняла глаза на Андрея, и он явственно услышал, как стучат ее зубы.

Ким был убит точно так же, как Стив — в основание черепа загнана острая бамбуковая щепка, незаметная под шапкой густых черных волос. На лице мальчишки застыла застенчивая улыбка — он явно не ждал ничего плохого, когда на него напали. Андрей огляделся. Вторая вьетнамка, испачканная в глине, валялась рядом в кустах. Андрей зачем-то подобрал ее, крепко взял дрожащую Надю за локоть и почти волоком потащил в дом.

Госпожа Ли выслушала весть о смерти Кима, не изменившись в лице. Казалось, эту женщину невозможно было вывести из равновесия. Она присела, спокойно сложив руки на коленях, и раздумывала некоторое время. Потом решительно кивнула.

— Знаю, где прячется господин Ли. Пойду, скажу, чтобы выходил.

— Это может быть опасно, — ответил Андрей.

— Мой муж не убивал, — ровным голосом ответила хозяйка.

— Не убивал, говоришь? — выкрикнула Надя. — Два трупа! Здесь никого больше нет! Может, ты убила? — желтое лицо госпожи Ли ничего не выражало. — Может, Андрей? Или я?! — Надя кричала уже в истерике. — Почему он прячется, если не убивал?

— Господин Ли боится. Он умеет говорить с духами и поэтому боится, — ответила хозяйка и добавила: — Я тоже боюсь. Нужно полицию.

— Отправьте кого-нибудь, — предложил Андрей.

— Нёкого. Я, госпожа Надя и вы.
 — Ну нааадо же, — протянул Андрей, — как все удачно, да?
 — Не удачно. Плохо. Утром сама идти.
 — Хороший способ смыться вместе с муженьком, — пробормотала под нос Надя.
 Но госпожа Ли то ли не услышала ее, то ли не поняла.
 Андрей нервно побарабанил пальцами по липкому столу.
 — Так. Сегодня никуда не расходимся, сидим в одной комнате, ночуем здесь же.
 Завтра... завтра решим, кто пойдет в Ампану.
 Надя сморщила нос, но, взглянув на согласно кивающую госпожу Ли, промолчала.

За окном стужались влажные сумерки, запах мокрой земли становился сильнее. Госпожа Ли, печально покачивая головой, штопала куртку мужа. Надя раздраженно перебирала краски, за которыми они с Андреем сбегали после ужина. Андрей, мрачно чертя что-то на листе бумаги, пытался сообразить — где прячется господин Ли. Хозяйка обещала позвать его завтра... Но до завтра надо бы еще дожить, переждать ночь. Тягучую, чернильную, пропахшую зеленью и рыбой ночь. Андрей начал было задремывать, и тут Надя, резко отбросив кисточку, встала.

— Ты куда? — вскинулся Андрей.
 — В сортир! — вызывающе ответила Надя. За дверью в темноте мерцали капли дождя.
 — Я тебя провожу, — поднялся Андрей.
 — И не вздумай даже! — глаза Нади налились слезами. — Не смей! — она оттолкнула его и выбежала на улицу. Андрей растерянно отступил.
 — Очень плохо одна, — заметила госпожа Ли, оторвавшись от шитья. — Опасно.
 Андрей медленно обернулся. Бешеное раздражение захлестнуло его, ненависть к дождю, к сырости, к глупой девчонке, за которой теперь надо бежать на улицу, и больше всего — к госпоже Ли, невозмутимой, высохшей, желтолицей госпоже Ли. Андрей сжал кулаки, чувствуя, как из горла рвется рычание.

Очнувшись, он выскочил под дождь. Тропинка к туалету вилась среди темных низких пальм, раздваивалась, огибая пышный куст бугенвиллии. Справа мелькнула светлая тень. «Надя!» — окликнул он, но услышал в ответ лишь шорох дождя. Оскальзываясь, он побежал по тропинке, но тут со стороны дома раздался невнятный шум, а потом отчаянный, истошный визг. Задышавшись, Андрей вбежал в комнату, чуть не сбив Надю с ног. Девушка заходилась в крике, а под ее ногами, скорчившись на боку, лежала госпожа Ли — ее футболка была порвана, а из основания черепа торчала длинная бамбуковая щепка. Андрей склонился над хозяйкой. Госпожа Ли была еще жива — она тихо хрипела, веки дрожали.

— Это он! — вскрикнула Надя, — он пришел сюда и убил! — Она упала на колени рядом с Андреем, цепляясь за его рукав. — Он, он! Она хотела идти в Ампану...

— Тихо ты! — шикнул Андрей. Госпожа Ли пыталась что-то сказать, и он мучительно напрягал слух. Под ухом раздавались истерические всхлипы Нади. Андрей поморщился.
 — Муж прятать... — прошептала госпожа Ли, — третий пруд, доро... малая дорожка... тростник. Найди... — глаза хозяйки закатились, под веками видны были лишь желтоватые белки.

Они шли вдоль пруда — того самого пруда, на котором встретились сегодня днем, третьего по счету от дома. Дождь пошел сильнее, в свете фонарика сверкали золотистые нити. Надя отчаянно цеплялась за Андрея, спотыкалась, всхлипывала, просила вернуться. Андрей раздраженно подхватывал ее под локоть, бормотал успокаивающе, но продолжал идти дальше. Это было глупо, но он не мог больше сидеть в доме — ужас захлестывал его, страх сползал в мозг, как сель сползает на дорогу, — еще немного, и разум смоем мутным потоком. И Андрей предпочел шагнуть навстречу страху — найти сумасшедшего господина Ли, причуждшегося в тростниках. Андрей не знал, что скажет и как спросит. Не знал, что будет делать, когда услышит ответ. Он просто не мог больше сидеть на месте. А Надя... не мог же он оставить ее без присмотра!

— Там, — прошептала Надя, показывая на проход в тростниках. Тропинка... Малая дорожка. Андрей кивнул. С узких листьев за шиворот полилась холодная вода, и он вздрогнул.

— Андрей... Давай вернемся, я не могу, мне страшно!

Он положил руку на плечо девушки. Под мокрой тканью ощущалась горячая кожа, дрожащее тело. Хотелось обнять, шептать, что все будет хорошо.

— Мы пройдем еще немного и сразу вернемся, — пообещал Андрей, обводя фонариком тростники.

— Не надо, — всхлинула Надя, но он уже шел по тропинке. Под ногами хлюпало, но скоро они ощутили, что идут по сухому. Андрей посветил вокруг. Они стояли под небольшим навесом, сплетенным из сухих листьев; такие же листья были набросаны внизу. Тут же валялись темные тряпки, закопченный чайник. Убежище господина Ли окружала стена тростников, в одном месте измятая и изорванная — как будто туда ворвался кто-то большой и тяжелый. Например, господин Ли. Андрей устремился к пролому, но Надя впиалась ногтями в его ладонь. Он оглянулся, увидел бледное, прозрачное лицо, полные ужаса глаза.

— Я не пойду туда! — прошептала Надя. Ее губы дрожали. — Андрей, милый, пожалуйста, давай вернемся, не надо туда ходить...

Андрей нерешительно топтался на месте. Запал прошел, и было понятно: лучшее, что сейчас можно сделать, — вернуться в дом, переждать ночь, а утром идти в Ампану. Андрей понял, что ему по-настоящему страшно встретиться с Ли лицом к лицу — это была не просто адреналиновая волна, а глубокий, почти животный ужас. Страх затаился в душе Андрея много лет назад, задавленный, задуманный почти насмерть, но теперь воскрес — и готов был взломать хлипкие зам-

ки здравого смысла и рациональных отговорок, которыми Андрей когда-то закрылся от жуткой догадки. Двери готовы были раскрыться. И Андрей не выдержал, решительно повернул назад, поддерживая норовящую упасть Надю — ее колени ходили ходуном.

Рядом с верандой стояла бочка, заполненная дождевой водой. В тусклом свете фонарика Надя отмывала заляпанные глиной руки, и по воде расплывались оранжево-розовые пятна охры. Подпрыгивая и держась за плечо Андрея, болтала в бочке измазанными ногами. Края шорт темнели, намокая, и точно так же темнели глаза Нади — когда она смотрела на Андрея, в них был не только ужас. Когда, вся мокрая и дрожащая, девушка забралась на кровать, прижавшись горячим боком к Андрею, он уже не удивился. Утро приближалось, и ладонь бродила по мягким густым волосам, по прозрачной беззащитной шее.

Все, как тогда, в подмосковном лесу — шелест дождя по крыше, сырая узкая кровать и огромные глаза Нади, в которых плясали золотые искорки, и ее рассеянная, довольная улыбка. Только теперь...

— Теперь-то ты не спросишь, как меня зовут? — мрачно усмехнулся Андрей, и Надя отшатнулась.

— Ты... Я же знала, что мы где-то встречались!

— У тебя очень плохая память на лица, Наденька. И на имена.

Надя морщила лоб, натягивая простыню на грудь. Даже сейчас она была прекрасна — Андрей молча рассматривал ее, удивляясь тому, как долго не верил сам себе. Ему не нужно уже было спрашивать господина Ли, безумного собеседника духов — Андрей знал все сам, двери раскрылись, и застарелый темный ужас, расплескавшись, обернулся покорным изумлением.

— Сейчас... — протянула Надя. — На том самом дне рождения в лесу...

— Да.

— Мы тогда...

— Да.

— Ты обиделся на меня почему-то.

Андрей потянулся, улыбаясь.

— Потому что ты меня обидела, Надя. Спросила, как меня зовут. После всего... — Надя мучительно покраснела, и Андрей с болезненным удовольствием продолжал: — Конечно, зачем тебе помнить имя случайно подцепленного самца... Я был тебе неинтересен — не тот, не то, слабый, вялый, слишком мало силы, слишком мало жизни. Мне повезло — я годился лишь на то, чтобы избавиться от возбуждения. Так? — Андрей взглянул на нее. Надя, закусив губу, мотала головой. — Но карп, долго плывущий против течения, превращается в дракона, да? Теперь я для тебя гожусь... Не хуже Стива, а? Тем более что Стив обманул тебя, оказался слабаком, пьяню, никакого толка... А мне долго пришлось плыть, чтобы снова с тобой встретиться... Я нашел тебя, Наденька. Почти случайно, но нашел. Я все про тебя знаю.

— Ты маньяк, — прошептала Надя, торопливо одеваясь, путаясь в брюках. — Сумасшедший, сумасшедший!

— Да, маньяк. Столько времени убить, чтобы вновь встретиться с такой... «Плохая женщина» — так тебя господин Ли назвал? Очень мягко, Надя. Я бы назвал тебя лярвой. Знаешь, откуда произошло это слово?

— Не знаю, и знать не хочу. Ты свихнулся, — холодно ответила Надя.

— Я тоже так думал, — улыбнулся Андрей. — Валил на разыгравшуюся фантазию... Видишь ли, Надя, Лека был моим другом... бывшим, мы разошлись, потерялись, но он был моим другом. Ты даже не заметила этого по пьяни, да? Я захотел отомстить. За себя и за Леху. Добиться, чтоб ты выбрала меня. — Андрей остановился — давно отрепетированная речь не радовала. Все слова были заготовлены на случай, если догадки не оправдаются, и потому не годились. А что он скажет, если почудившееся когда-то окажется правдой, Андрей никогда не думал.

— Ладно уж, хватит притворяться, — буркнул он. — Ты попалась, Надя, — он вытащил из-под подушки острый обломок бамбуковой палки и демонстративно помахал им. — Интересно, сколько тебе лет на самом деле...

Он не успел договорить: Надя, оскалившись, бросилась на него, пытаясь вырвать из рук щепку.

Надя стояла над кроватью и рассеянно улыбалась.

— Нет, это ты попался, — весело сказала она. Все вышло даже лучше, чем она рассчитывала. По телу разливалось сытое тепло, и золотые искры в глазах наконец-то гасли. Подманивший когда-то в подмосковном лесу мальчик оказался сильнее, чем она думала. Надо запомнить на будущее: можно ловить карпов на удочку в диких озерах, а можно специально выращивать. Такие крупнее и вкуснее, надо только дать корм, на котором они наберутся сил. Неуместный вопрос может стать отличным кормом — главное, вовремя его подбросить. Выбрать подходящий момент. А потом просто ждать. Надя сладко потянулась и потрепала лежащего ничком Андрея по голове. Случайно мазнула ладонью по темному ручейку, стекающему по шее, и небрежно обтерла руку об простыню. Покусала губу, пытаясь сосредоточиться.

— И знаешь, Андрей... Карпы никогда не превращаются в драконов, это все сказки. — Она вдруг передернула плечами, лицо исказила брезгливая гримаска. — И очень глупо есть сырые рыбы потроха! Есть способы понадежней.

Хихикнув, она выдернула из шеи Андрея щепку и вышла под дождь. У нее были еще дела: сжечь в печи одежду и обломок бамбука, а главное — надежно перепрятать труп господина Ли. Бедный Ли. Умение говорить с духами делает человека похожим на опасного сумасшедшего. С утра она пойдет по разбитой дороге в Ампану. Тридцатимильная прогулка под дождем — хороший способ стереть с лица улыбку и выглядеть измученной и беспомощной.

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

ТЯЖЕСТЬ РЫБ

ТРУДНО СКАЗАТЬ, ЧЕМ ПРИВЛЕК МАРШАЛА ТОТ ЗАЛИВ. ОН выехал из Хобарта, намереваясь за пару дней добраться до Кокл-Крик, а уже оттуда к заливу Прайон — фотографировать китов. Но когда за очередным поворотом показалось море, Маршал, неожиданно для самого себя, остановил машину.

Залив был самым обычным — узкий фьорд, глубоко врезавшийся в берег, каких немало на южном побережье Тасмании. С дороги открывался в меру живописный вид на тягучее серо-зеленое море и крутые скалы. При желании на их вершинах можно было разглядеть изломанные ветрами эвкалипты и южные буки. Над деревьями кружила пара черных буревестников, выглядевших зловеще на фоне серого неба. Пряди утреннего тумана, уже слишком тонкие, чтобы казаться таинственными, тянулись над водой. Легкая морось на ветровом стекле «Хонды» делала их почти невидимыми.

Взяв с заднего сидения камеру, Маршал вышел из машины. Он еще не понимал, что именно хочет сфотографировать, однако ощущал смутное беспокойство, охватывавшее его всякий раз, когда должно было случиться что-то важное. Похожее чувство посещало его на Суматре, когда на лесной тропинке он столкнулся с тигром, и на Аляске, когда, готовя материал по морским котикам, успел снять атакующую косатку. Работа фотографа-анималиста во многом состоит из подобных случайностей, и Маршал привык доверять своим чувствам.

Он подошел к обрыву. Море внизу лениво лизало узкий пляж. Маршал различал тонкую полоску серой пены, извивающуюся между обглоданным волнами плавником и зарослями сухой травы. Несколько растрепанных чаек прохаживались по краю воды в поисках моллюсков и плоских червей. Настроив камеру, Маршал сделал пару пробных фотографий. Глядя на залив через видоискатель, он тщетно силился увидеть что-нибудь необычное — быть может, блестящую китовую спину или ската, на мгновение вырвавшегося из воды... Но море было спокойным и пустынным.

У самого обрыва стоял старый трейлер. Давно снятый с колес, он почти врос в землю. Из-под днища неряшливыми пучками выбивалась желтушная трава. Белая краска на боках трейлера пузырилась, лопаясь, и слезала жуткими струпами. Прорехи краснели пятнами ржавчины. Стекла выходящих на море окон были выбиты, вместо того, чтобы вставить новые, их просто заменили толстой вощеной бумагой. На двери черной краской кто-то написал, что трейлер является собственностью управления природных ресурсов. Похоже, Маршал далеко не первый, кто здесь останавливается, если уж они позаботились

хоть о каком-то жилище. Поразмыслив, Маршал решил, что разрешение на съемку китов, полученное в том же управлении, дает ему полное право поселиться здесь на некоторое время.

Каплевидные очертания трейлера напоминали старого кита, уставшего ждать в пучине своего Ахава и выплзшего на берег. Шутки ради Маршал назвал его Пекодом. Внутри было холодно, сыро и пахло плесенью. На вторую ночь он перебрался на заднее сидение своей «Хонды» — спать приходилось согнувшись в три погибели, к утру затекали ноги и ныла спина, но, по крайней мере, в машине не было сквозняков.

Погода стояла гадкая. Небо затянули плотные тучи. Резкий южный ветер приносил ледяное дыхание Антарктики, наполняя воздух капельками воды и крошечными льдинками. Над морем клубился туман, скрывая залив и оседая белесым инеем на прибрежных кустах. По ночам температура опускалась ниже нуля, к утру мелкие лужи на пляже покрывались ледяной пленкой. Сентябрь подходил к концу, а потепления не предвиделось и, судя по метеосводкам, такая погода могла продержаться вплоть до середины октября.

В то утро Маршал курил, сидя на ступеньках трейлера. На фильтре сигареты черными крапинками выступила горькая смола. В стылом воздухе дым извивался тонкими петлями, похожими на татуировки маори. Туман понемногу рассеивался, уползая в сторону океана. Время от времени издали доносился одинокий гул туманной сирены.

Маршал встал и, засунув руки в карманы, спустился к морю. На пляже ветер был заметно слабее. Рассеянно глядя по сторонам, Маршал направился в сторону скал. На морском берегу иногда встречаются интересные вещи — раковины, странные камни, отшлифованные морем осколки стекла. Пару лет назад Маршал нашел старую куклу Барби. Ее искусственные волосы переплелись с морской травой, а в пластмассовом предплечье застрял акулий зуб. Из уважения к игрушке, не побоявшейся встретиться с опасным хищником, Маршал забрал куклу домой и поставил на книжную полку.

Но в этот раз сокровища не попадались. Маршал шел медленно. Маленькие волны заливали его следы, и за спиной образовалась цепочка крошечных луж, заполненных мутной жижей. Маршал заметил, что в одной из них уже обособился ярко-красный краб. Впереди по песку прыгали чайки. Повинуясь внезапному порыву, Маршал разбежался, чтобы напугать птиц. Чайки взлетели, но через пару метров вновь опустились.

Побережья всегда манили Маршала. На границе воды и суши было что-то чарующее, задевавшее неведомые струны его души... Находясь на берегу, он каждый раз ощущал, будто стоит на краю нового удивительного мира, полного чудес и загадок.

Пляж резко заканчивался, упираясь в стену черного камня, покрытого блестящей пленкой водорослей. Кое-где на скальных выступах пестрела охра, росли клочки мха. Обернувшись, он разглядел рядом с трейлером крошечное желтое

пятнышко своей машины. Маршал хотел было уже вернуться, но в этот самый момент его внимание привлек странный узор на камнях метрах в пяти от берега. Ожидая увидеть очередное творение моря и ветра, он подошел поближе и с удивлением обнаружил, что рисунки, без сомнения, сделаны человеком. Волны не рисуют на камнях рыб.

Картинок было не меньше десятка. Крупные и удивительно точные изображения рыб, вырезанные на камне и обведенные по краям охрой. Маршал сначала решил, что это дело рук аборигенов, но, подумав, отказался от этой мысли. На Тасмании уже лет двести, как нет коренных жителей — за это время волны давно бы стерли картинки, не оставив и следа. Наверняка, работа какого-нибудь местного чудака-художника...

Маршал сделал несколько снимков, чувствуя нарастающее напряжение и смятение. Ему вдруг стало не по себе. В рисунках было что-то неестественное, неукладывающееся в голове. Должно быть, подобное чувство испытывали папуасы Новой Гвинеи, когда Маршал показывал им их фотографии — аборигены никак не могли понять, как можно находиться в двух местах одновременно.

Ему вдруг захотелось увидеть рисунки как можно ближе, прикоснуться к ним. Набежавшая волна скрыла камни, а когда вода отхлынула, Маршал был готов поклясться, что рыбы изменили свое положение.

Сняв ботинки, он закатал брюки до колен и, опираясь рукой о стену мокрого камня, шагнул в море. Накативший вал хлестнул Маршала, едва не сбив с ног. Медленно, то и дело останавливаясь, ощупывая ногой дно, Маршал побрел к камням. Там оказалось немного глубже, чем это представлялось с берега и, когда он добрался до рисунков, вода доставала Маршалу до груди. Море было настолько темным, что он практически не видел дна и боялся провалиться или напороться на острый камень или раковину. Камеру приходилось держать высоко над головой, чтобы, не дай бог, ее не накрыло волной. Водонепроницаемый чехол остался в машине. Маршал выругал себя за то, что не догадался захватить чехол, но возвращаться и не подумал.

Волны толкали его к скалам, он едва держался на ногах. Страшно было подумать, каких усилий стоило художнику, изображавшему рыб, находиться здесь. Вблизи картинки изумили Маршала еще больше. Солнечник, морской конек, тунец и глубоководный удильщик были вырезаны с точностью до последней чешуйки. Маршал провел рукой по одному из рисунков, почти ожидая, что вместе скалы под ладонью окажется скользкая рыбья плоть. Но камень остался камнем. К пальцам прилипло немного охры.

Маршал никак не мог уследить за рисунками. Ему казалось, что рыбы все время двигаются: то — чуть шевельнется плавник, то — на мгновение откроется рот. Но стоило ему начать присматриваться — рисунки замирали. Рискнув испортить камеру, он все же сделал несколько фотографий и только после этого выбрался на берег.

Оставшийся день он провел в трейлере. К счастью, там обнаружилась маленькая железная печка. Задувавший в щели ветер сводил на нет попытки обог-

реть помещение, но одежду Маршал все-таки высушил. Заодно он обшарил все углы, в надежде найти хоть что-нибудь связанное со странными рисунками, но его единственной добычей стал ежегодник двухлетней давности, разбухший от влаги. Шесть страниц, посвященных рыбалке, были вырваны.

Ночью ему не спалось. В толстом спальнике было душно и жарко, но без него Маршал тут же замерзал. Он ворочался на неудобном сидении, попеременно считая то овец, то кенгуру, но неизменно возвращался к рыбам.

В конце концов, Маршал не выдержал. Натянув свитер, он отправился на пляж. Ночь была на удивление ясной. Луна, похожая на измятый грязными пальцами ломоть творожного сыра, плыла над заливом. Море блестело, переливаясь в призрачном свете. Серебристая лунная дорожка тянулась к горизонту. Возможно, именно по ней и забрались на небо все эти Киты, Крабы и Летучие рыбы. Маршал усмехнулся нелепости мысли и подошел к обрыву.

Странную белую массу, извивавшуюся у скал, он заметил сразу же. Маршал уставился на нее, не понимая, игра ли это лунного света или его воображения. Десятиметровое торпедообразное тело почти не двигалось, а щупальца беспрестанно спутывались и переплетались, как клубок угрей на сковородке. Гигантский кальмар.

Маршал бросился к машине за камерой, боясь, что когда он вернется, спрут исчезнет. Но ему повезло — кальмар все так же копошился, упираясь в скалу. Толстое щупальце поднялось над водой и медленно проползло по камням. Уже не хочет ли спрут забраться наверх и прыгнуть со скалы?

Образ гигантского кальмара, ныряющего, словно заправский ловец жемчуга, показался Маршалу настолько забавным, что он рассмеялся. Сделав серию быстрых снимков, Маршал начал торопливо спускаться по тропинке.

Только на половине пути он понял, что кальмар был в том самом месте, где нарисованы рыбы. Неужели чудовище поднялось из глубин, чтобы взглянуть на рисунки?

Начался прилив, воды на пляже было уже по щиколотку. Не обращая на это внимания, Маршал встал за толстой корягой на одно колено, и как можно сильнее отжал зум. Он запоздало сообразил, что оказался слишком близко к одному из самых опасных морских созданий. С такими чудовищами сражался капитан Немо, такие монстры топили целые корабли. А если кальмар решит атаковать? У Маршала не было даже ножа, чтобы защититься. Однако спрут, если и заметил фотографа, то виду не подавал. Маршал приник к видоискателю.

В свете луны было отчетливо видно, как щупальце с роговым крюком на кончике скользнуло по камню, оставив за собой тонкую черту. Затем еще раз и еще, пока линия не приобрела нужную глубину. Другие щупальца заполнили ее охрой, соскобленной с ближайших камней, а крюк тем временем уже вычерчивал новую линию.

Маршал ошарашенно опустил фотокамеру. Он не мог поверить своим глазам. В этом было что-то чудовищно нелепое — кальмар, по ночам вырезающий

на камнях рыб. Он прочел немало статей о сообразительности головоногих моллюсков; об их невероятных размеров мозге; о лабиринтах, которые осьминоги строят на дне океана; о каракатицах, танцующих в солнечных лучах для собственного удовольствия... Но образ рисуемого кальмара не укладывался в голове. Легко поверить в разумность китообразных, особенно дельфинов. В дельфинах вообще есть что-то уютное, домашнее. Но представить сознание, скрывающееся в этой почти бесформенной массе, в этом чудовищном сплетении щупалец... Какие мысли колышутся в мозгу этого создания? Медленные, в такт приливам и отливам, подобные лентам бурых водорослей, непостижимые, как Саргассово море? Зачем оно рисует рыб? Вопросы вихрем пронеслись в голове Маршала, и ни на один он не находил ответа.

Кальмар неторопливо отплыл, на секунду замер, видимо, любуясь своей работой, а затем беззвучно погрузился в пучину. Маршал еще долго сидел на песке, ожидая, что море вспенится, и кальмар появится снова. Но спрут не вернулся. Не было его и на следующую ночь.

Спустя два дня Маршал проснулся от стука в стекло. В окно автомобиля заглядывал незнакомый человек. Прямо над головой у него висела половинка луны, будто незнакомец надел ее как шляпу. Человек поднес руку ко лбу, и Маршалу почудилось, что сейчас таинственный гость снимет луну в знак приветствия, но этого не случилось. Маршал опустил стекло.

— Доброй ночи. Я Эб, человек-морская звезда.

Маршал с удивлением смотрел на пришельца, почти ожидая увидеть признаки иглокожих. Однако в его облике не было ничего похожего — высокий, тощий и нескладный, Эб скорее походил на пожилого кенгуру.

— Морская звезда?

— Ну, не совсем, конечно. Но моя прапрабабка была морской звездой.

Эб оттопырил губу, словно это должно было подтвердить его кровную связь с аборигенами. Маршал рассеянно кивнул, плохо соображая спросонья.

— Я инспектор управления природными ресурсами, — сказал Эб. — Извините, что разбудил, но здесь нельзя останавливаться. Это охраняемая территория. Надеюсь, вы рыбу не ловили?

Маршал замотал головой.

— Нет, нет, я фотограф. У меня есть разрешение управления...

Перегнувшись через сидение, он достал из бардачка бумаги и передал Эбу. Тот бегло просмотрел их и нахмурился.

— Это же разрешение на фотосъемку китов. Здесь никогда не было китов... С тех времен, когда на этой земле жили только люди-морские звезды ни одного не видели.

— Я просто фотографировал залив. Очень красивый вид.

Эб тяжело вздохнул.

— Еще бы.

Он достал из кармана мятую сигарету и закурил. Маршал заметил, что у инспектора дрожат руки то ли от холода, то ли от волнения. Маршал вылез из машины.

— А что здесь охраняют? — спросил он. — Залив как залив...

Он не хотел говорить Эбу, что знает про кальмара, рисующего рыб.

— Это святилище моего народа. Здесь жил морской человек с десятью руками. Маршал вздрогнул.

— С десятью руками? — сказал он, как можно непринужденнее.

— Когда мир был только создан, на юге и на севере было поровну земли и воды. И жили два брата, один на севере, другой на юге. Тот, что жил на севере, украл у брата жену. Брат рассердился и начал швырять ему вслед землю и камни, так почти все и перекидал. Земли на севере стало больше, она наклонилась, и люди-морские звезды попадали в небо. Тогда человек с десятью руками сделал большую рыбу, такую же тяжелую, как вся земля на севере. Но большая рыба стала есть людей-морских звезд. Поэтому человек с десятью руками разбил ее на множество маленьких рыб и выпустил их в море. А потом нарисовал этих рыб на скале, и сказал, что рисунок рыбы — это и есть рыба, и что одна рыба — это все рыбы. И пока это так, земля не опрокинется.

— Милая история.

Эб криво усмехнулся.

— И заметьте, это — история народа, за которым не признавали способность к абстрактному мышлению. Математики совсем недавно дошли до подобных понятий, — Эб сплюнул. — А вот людей-морских звезд больше нет. Только я, да и мне недолго осталось. Уезжайте отсюда. Пять километров по шоссе, и будет другая красивая бухта. Там порой бывают киты.

Эб направился к своему грузовичку, стоящему рядом с трейлером. Маршал некоторое время смотрел ему вслед, а затем завел мотор «Хонды».

Он проехал всего пару километров и вдруг резко затормозил. По обочинам шоссе сплошной стеной росли эвкалипты и древовидные папоротники, с их ветвей свисали лохмотья мха. Луна робко пряталась в густой листве доисторического леса. Маршал не удивился бы и динозавру, появившись тот сейчас в свете фар.

Сердце бешено колотилось. Маршал чувствовал странную слабость. Навалилось тяжелое ощущение надвигающейся беды. Он закурил, но поперхнулся дымом, закашлялся и выронил сигарету. Горящий уголек упал на сидение. Маршал хлопнул по нему и тут же отдернул руку. Подул на ожог и уставился на пересекавшую ладонь полоску охры.

Взрыв он услышал, уже подъезжая к заливу. Над землей пронесся глубокий низкий гул. Закричали птицы. Похоже на раскат грома, но на небе не было ни облачка. Маршал чуть не врезался в трейлер. Выскочив из машины, он бросился к пляжу.

Спрут корчился на песке. В его боку зияла огромная дыра, из которой хлестала темная жидкость. Скалы с рисунками раскурочило так, что не осталось даже надежды, что какая-то часть изображений уцелела. Рядом с умирающим кальмаром танцевал Эб.

Маршал подбежал к инспектору. Тот ему ничуть не удивился.

— Вот он, человек с десятью руками, — хихикнул Эб, пиная кальмара. — Легенда моего народа.

В глазах Эба плясало безумие.

— Зачем? — спросил Маршал, садясь на камень.

— Зачем? А зачем вы, люди с севера, пришли на нашу землю? Зачем вы убивали людей-морских звезд и охотились на нас, как на зверей? Зачем делали из нас чучела для своих музеев? Зачем насиловали наших женщин, а потом еще живыми скармливали их собакам? Резали головы нашим детям, сотнями засаливали их в бочках и отправляли вашим ученым, а они спорили, как назвать этот вид обезьян? Теперь люди-морские звезды ответили. Теперь уже ничто не держит землю, теперь вы все попадаете в небо.

В это мгновение толстое щупальце обвилось вокруг инспектора. Он закричал. Кальмар дернул его к себе. Чудовищный клюв сомкнулся на голове Эба, раскрошив череп. Человек-морская звезда дернулся и затих. Кальмар извивался еще несколько часов, прежде чем испустил дух. Его щупальца рисовали на песке рыб: акул, скатов, мурен и звездочетов. Десятки картинок, смываемых волнами. Маршал даже не пытался оттащить кальмара к воде, в этом уже не было смысла. Он лишь сидел рядом и смотрел на исчезающие страницы книги воды и песка.

К вечеру следующего дня из Хобарта приехал грузовик. Тело кальмара погрузили в цистерну и увезли. Заодно забрали и Эба. Вопросов никто не задавал. Все это время Маршал слушал в машине радио, считая землетрясения, происходящие в разных странах практически одновременно. Когда извержение вулкана уничтожило целый архипелаг в Полинезии, Маршал уже перестал удивляться.

Он взял камеру и вышел на пляж. Отлив был низкий. Отступившее море оставило глубокие лужи и небольшие озерца. Присев на корточки перед одной из ям, Маршал долго всматривался в темную воду. Крошечные серебристые мальки шныряли меж плетей бурых водорослей. Он ждал. Прошел, наверное, час, прежде чем из зарослей морской травы, медленно, с достоинством, выплыл конек-тряпичник. Щелкнул затвор фотоаппарата. Маршал не знал, смогут ли его снимки привести планету в равновесие, но это все, что он мог сделать.

Над головой пронзительно крикнула чайка. Маршал посмотрел вверх и в ослепительном свете солнца увидел парящую птицу.

— Хороший знак, — сказал он себе.

Чайка, кружась, летела к горизонту, туда, где вода и небо, расплываясь в тонкой дымке, сливались воедино...

С КОНКУРСА «МИНИ-ПРОЗА»

АННА ИГНАТЕНКО

Я СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ

ВЕЖЛИВАЯ УЛЫБКА НАМЕРТВО ПРИКЛЕИЛАСЬ К МОИМ ГУБАМ.

— Цапале Моку, я полностью разделяю ваше волнение и сейчас же сообщу Службе контроля о пропаже вашего брата.

Рассеянный взгляд посетителя резко контрастировал с участливо-презрительным тоном.

— Этого мало, — меня убеждали будто ребенка. — Нужно запретить все вылеты с планеты. Вы же знаете. Инструкцией предусмотрено...

Я хорошо знал, что именно предусмотрено инструкцией. А еще знал, как отреагируют компании на отмену всех(!) вылетов с планеты. Плохо отреагируют. Даже, можно сказать, нервно.

— Ну, возможно, граае Ирайя просто где-то гуляет... — интересно, я уже заработал себе репутацию слабоумного? Когда грязевичок «просто гуляет», об этом знает любой родитель, любой расы, потому что все дети оказываются рядом с ним. Всегда.

— Нет, наш брат по разуму не гуляет. Его украли.

— Но тогда, возможно, его уже нет на планете... — Меня самого очень сильно испугало данное предположение. Народ цапале очень ценит своих братьев граае. Хотя я не вижу в этом никакого смысла: зачем нужно возить своих слабоумных с планеты на планету и тщательно за ними наблюдать? Ну, рождается у вас часть популяции стабильно дебильной, зачем это всем демонстрировать? У нас тоже идиоты попадают, но мы же их не расселяем ровным слоем по Галактике! Могли бы и постыдиться: самая развитая раса которое столетие не может снизить количество дефективных среди новорожденных! Еще и списки каждый год публикуют: цапале, мол, в этом году среди нас столько, а граае — вот сколько! Раньше я просто посмеивался над этой непонятной чертой уроженцев Тхукана, но сейчас хотелось плакать. Ведь придется запретить все вылеты, пока чертов грязевичок не будет найден! А если похитители уже сбежали? Ой, что будет...

— Граае Ирайя еще здесь. За последний час с планеты никто не улетал. Главный погрузчик сломался.

Я впал в ступор. Да чему там ломаться?

— Была набрана недопустимая комбинация. Система безопасности не смогла блокировать нестандартный сигнал, и теперь грузы в порту располагаются по расширяющейся спирали.

Интересно, кто тут сошел с ума?

— Цапале Моку, а кто сломал погрузчик?

— Граае Ирайя — презрительные интонации заставили меня втянуть голову в плечи. Но я решил добиться истины.

— Грязевички не умеют обращаться с техникой!

— Вот именно.

Шах и мат. Я не понимаю собеседника, но вынужден выполнить все требования.

По дороге в космопорт я попытался вытянуть из цапале какую-нибудь информацию. Мне не давала покоя уверенность белобрысого колобка в том, что грязевичок смог испортить погрузчик. «Рекомендация по работе с нечеловеческим персоналом» очень четко указывала границы пригодности милых созданий: уборщики — мы называем их «грязевичками» не только от «граае», но и потому, что им очень не нравится грязь; курьеры — ни один граае никогда не заблудился; и самая лучшая игрушка-партнер для ребенка. Именно из-за последнего таланта граае так часто пытаются украсть — рядом с ними дети всегда счастливы и богатые родители ни перед чем не останавливаются, чтобы заполучить в свой дом белого пушистика. А вот к технике граае просто никогда не подпускали, даже к самой простой.

Открыв любой из Учебно-туристических справочников, вы прочтете, что некоторая часть жителей планеты рождается с недоразвитым мозгом, но вполне здоровым телом. Наверно, в детском возрасте разницу понять невозможно, и поэтому в древности традиция убивать неполноценные особи не возникла. А взрослый грязевичок вполне милое создание. Конечно, с точки зрения любого землянина, это просто забавная зверушка, но жители Тхукана наше мнение не разделяют. Так что, вся обжитая галактика вынуждена соблюдать квоту: на каждой планете, на которой живут цапале, должны быть граае. Вот похитителям раздолье! Нужен грязевичок — бери в любом мире!

Но вот всех ли так ищут? Я не знал, но почему-то казалось диким, что из-за живой игрушки может остановиться межпланетная торговля! Может, пропавший грязевичок чем-то отличается от остальных? Какой-нибудь экспериментальный экземпляр? Должны же цапале пытаться исправить создавшееся положение?

— Скажите, цапале Моку, а вы давно знакомы с граае Ирайя?

— Два месяца.

Я молчу. Надо бы дальше спрашивать, но о чем? Моя работа не предполагает умения общаться с инопланетниками. Я инженер техники безопасности, просто заменяющий заболевшего дежурного. Космоэтику я, конечно, сдавал, но времени много прошло, да и практики никакой.

— А этот граае такой же, как и другие? Или чем-то отличается? — может сразу спросить, все ли грязевички сообщают о краже себя поломкой погрузчика?

— Нет двух одинаковых граае.

Ну, я рад, что они так ценят «братьев своих меньших», но хотелось бы понять, как был сломан погрузчик, и как мы найдем пропавшего грязевичка. Так и не придумав новых каверзных вопросов, я вызвал на экран план космопорта.

— Где мы будем искать граае Ирайя?

— В центре спирали.

Оставшиеся десять минут дороги я предпочел промолчать: не очень приятно раз за разом оставаться в дураках.

Взлетное поле напоминало громадную игровую площадку: каким-то образом робот разместил грузы по расходящейся спирали, не задев ни один корабль, но и не нарушив ли-

нии. Конечно, при таком расположении никто не мог взлететь! Погрузчик методично продолжал свою работу. Мне вдруг стало интересно: а что случится, когда грузы закончатся? Ответ на этот вопрос можно будет получить не раньше чем через неделю, а я надеюсь, что мы управимся раньше.

Уладив все формальности, я позволил цапале Моку выбрать направление движения. Ни на минуту не задумавшись, он, как и обещал, отправился к центру спирали. Это было настолько нелепо, что я не решился спорить, однако заранее настроился на неприятный разговор с командой судна. Этого не случилось — нас встретил открытый лок и тишина. Грузовой отсек, конечно, был пуст — погрузчик постарался!

Цапале аккуратно исследовал рубку, задумчиво пощелкал тумблерами и вдруг разволновался: белоснежная шерсть вздыбилась, ложноплеть взметнулась к потолку.

— У нас мало времени, очень мало! Какое количество искателей вы можете предоставить?

— Десять, — все мои подчиненные, кстати. — Ну, может, еще космопорт кого-то выделил. А что случилось?

Цапале помолчал. Ответил он настолько равнодушным тоном, что, если б не пауза, я бы ничего не заподозрил.

— Очень скоро должно кое-что произойти. Для этого понадобятся особые условия. В порту их нет.

Я окончательно уверился в том, что пропавший грязевичок особенный. Никто никогда не сообщал о том, что с граае что-то происходит. Не было никаких приступов или припадков, они не впадали в транс — то есть не делали ничего из арсенала сумасшедших людей. В раннегалактический период их сравнивали с даунами, даже считали, что причина болезни может быть подобной. Я находил описание этих больных: действительно, похоже, разве что граае интересней и ласковей. Да и не выглядят как больные, даже когда находятся рядом с полноценным цапале. Они не нарушают вашу жизнь, не раздражают; они просто живут рядом несколько месяцев, а потом кто-то из «братьев по разуму» отвозит их на другую планету. А к вам приезжает новый грязевичок.

Все эти размышления не помешали мне вызвать подмогу. Цапале заметно нервничал: он облизал все помещения судна, включал и выключал множество разных приборов, что-то бормотал. В этот момент он был просто невероятно похож на граае, с их безудержным любопытством и умением отключиться от окружающего мира. Чувствуя себя не очень уютно рядом с чужой тайной, я буркнул, что, пожалуй, начну поиски самостоятельно, и выскочил наружу. Не уверен, что он меня услышал.

На взлетном поле кое-что изменилось: теперь погрузчик строил из грузов пирамиду. Три метра новой конструкции он возвел на моих глазах за несколько минут. Что ж, скоро рядом с космопортом появится новое здание, и будет оно больше старого. Я двинулся в сторону «строительства». В этот момент погрузчик вдруг ухватил стоявший неподалеку контейнер, отъехал немного в сторону, и, размахнувшись, забросил его в середину недостроенной пирамиды. Похоже, теперь нас ожидало забрасывание мячика в корзину. Кажется, придется верить, что робота испортил грязевичок: только существо с младенческим восприятием мира могло такое придумать. Не решаясь идти мимо играющего монстра, я

уселся на подходящий по размеру ящик и, привалившись спиной к груди мешков, правильным полукругом окаймлявшей это место, задумался.

Почувствовав, что качаюсь, я оглянулся. Там происходило что-то странное: мешки подпрыгивали, но не рассыпались, будто были связаны. Или?..

Я никому из вас не советую похищать граазе: даже в этом виде они остаются представителями умнейшей расы галактики — мешки оказались зашиты и сплетены между собой сотней тончайших ложноплетей. Освобожденный из-под груди своих похитителей грязевичок радостно рассказывал:

— А потом они посадили меня в мешок и понесли в гости к маленькой девочке!

— А зачем в мешок? — я осторожно направил движение своего собеседника к тому месту, где последний раз видел цапале Моку.

— А чтоб сюрприз! А потом погрузчик стал зашивать мешок. Это было весело, я смеялся, они смеялись. И тогда я подумал, что пусть сюрприз будет больше. И мы с погрузчиком посадили их в мешки, он сажал, а я зашивал и держал! А потом мы все это расставили вокруг корабля с маленькой девочкой, и я пошел ее звать! Но на корабле ее не было, я подумал, что она ушла, вернулся и стал ее ждать! Вы ее не видели?

— Нет. Наверно, она ушла к родителям. — Куда подевался цапале, неужели ушел? Я нервно оглядывался.

Белый шарик выпустил еще пару десятков ложноплетей и закричал:

— Вирку! Вирку! Хорошая игра! А нам надо сегодня улетать! Обязательно надо! Я могу ждать, а ты уже нет!

Впереди происходило что-то странное: цапале Моку катился нам навстречу. Делал он это при помощи тысяч ложноплетей, выпущенных по всей поверхности его круглого тела. Этот способ передвижения был очень медленным, и не позволял Моку видеть, что происходит вокруг; но, похоже, его это не волновало.

— Да, Ирайя, Вирку уже не может ждать, — в этот момент я вдруг понял, что передо мной не цапале Моку, а граазе Моку. Он, наконец, остановился, но, с моей точки зрения, стоял при этом «на голове».

Неожиданно Моку убрал ложноплетей, перевернулся, и заговорил прежним, серьезным тоном:

— Разрешайте вылет, человек. Мы должны покинуть планету. Вы будете сопровождать нас.

Я от удивления кивнул, но потом спохватился.

— У меня контракт. Может кто-то свободный...

Граазе Ирайя вдруг тоже убрал свои ложноплетей.

— Соглашение о квоте, статья сто пятнадцатая. «В путешествие граазе должны сопровождаться братьями по разуму. Разумный, встретивший граазе, нуждающегося в сопровождении, и сопроводивший его, считается заключившим контракт с правительством Тхукана без ограничения разряда».

Я молчал. Эта статья в Соглашении вызывала массу споров и создавала мечту о встрече с одиноким граазе. Но мало кому это удалось — в колонке «прецеденты» стояла цифра «два». У меня появился реальный шанс немного изменить статистику!

Разговаривая с начальством космопорта и надиктовывая рапорт, я не переставал размышлять об увиденном.

Меня всегда удивляла противоположность граазе и цапале: вечные, солнечные дети, и всегда серьезные взрослые; самая неотразимая непосредственность, никого не оставлявшая равнодушной и самая востребованная в Галактике разумность. Если бы не было грязевичков, цапале вызывали бы раздражение и, возможно, ненависть — они действительно самая умная в Содружестве раса. Кстати, первые пару столетий никто не знал о существовании граазе, мы общались только с цапале. А до ненависти дело не дошло, потому что вдруг, как черт из табакерки, появились грязевички: милые, безобидные, очень оберегаемые своими разумными братьями. И, если предположить, что был изобретен какой-то способ на время превращать цапале в граазе, то становятся понятны и постоянные переезды с планеты на планету, и примерно одинаковое количество тех и других. Даже этот эпизод с погрузчиком совершенно понятен! И уж тем более понятно волнение Моку: ведь грязевичок оказался в порту именно потому, что должен был улетать на другую планету! А сопровождать его должен был именно цапале Моку! Теперь уже граазе Моку! Пожалуй, эта идея объясняла почти все! Смутное чувство зависти и восхищения к столь решительному подходу заставило меня почти стыдиться своей эгоистичной расы. В современном мире быть человеком удобно: мы легко обучаемы, не держимся за полученную специализацию, без проблем расстаемся с семейными партнерами. В моем контракте черным по белому написано, что мои дети будут обучаться по программе, утвержденной Содружеством, — то есть получают специальность, нужную в данный момент. И все же я бы никогда не согласился превратиться во что-то, подобное граазе: стать живой игрушкой, полностью довериться собрату, уменьшить свой социальный статус до минимума, пусть даже на время. Нет, такое не для людей.

Через час мы были уже на орбите. Я с некоторым страхом наблюдал за происходящими с моими спутниками изменениями: они явно что-то не угадали со сроками — два граазе хором распевали старинный государственный гимн Тхукана:

— Мы красная грязь на подошвах Тхукана

На сандалиях, в комьях земли мы пришли в этот мир

Вдруг грязевички хитро захихикали.

— Инфа! Мы должны дать тебе посмотреть инфу. Тебе будет интересно!

Я с удивлением глядел на экран. Ну что ж. Почти угадать, тоже неплохо. Нет, никаких экспериментов, конечно, не было. Просто компенсация собственной сверхразумности в случае с цапале проявлялась именно так. Они не сходили с ума насовсем, они сходили с ума по графику, на некоторое время. Где-то на полгода, раз в три года. На этот период они покидали место постоянного жительства, а потом возвращались. Сразу после образования Содружества при приближении момента метаморфозы цапале уезжали на Тхукан. Потом политическая и демографическая ситуация заставила их изменить это правило.

А почему граазе нельзя подпускать к технике, я хорошо почувствовал, когда бывший цапале Моку протянул ложноплеть к системе охлаждения и через две минуты в кабине начал падать теплый снег.

АННА ЛИ

СИНТЕЗЁР

ЭАРЕН ПРОСНУЛСЯ ЗА ДВЕ МИЛЛИСЕКУНДЫ ДО БУДИЛЬНИКА. Рванулся хищными пальцами ухватить будильник за хвост — и, как обычно, не преуспел. Вредная птичка вспорхнула с тумбочки, взмыла под потолок и заорала во всю глотку.

Живые птицы размером с воробушка не способны издавать звук такой силы. Да и вообще *такой* звук. Утренний вопль будильника был собран из классического «кукареку», брачного крика павлина и воя полицейской сирены образца XX века.

Птичка моталась по квартире, делала петли, бочки и другие противоракетные маневры и вопила так, что закладывало уши. Эарен потянулся, набрал на тумбочке код и достал пакетик с кунжутом.

— Цыпа, цыпа, — с ненавистью сказал он.

Будильник умолк и заложил вираж, кося на хозяина бусинкой глаза.

— Да проснулся я, проснулся, — сказал Эарен. — Альфа-ритм головного мозга проверь, чуело!

Птичка удовлетворенно каркнула и шлепнулась на тумбочку. Эарен высыпал перед будильником горстку мелких зернышек. Поглядел, как клюет. Умилился. Вздыхнул. Сдвинул набекрень мемори-блок и поскреб натертый за ночь затылок. Будильник, не прекращая склеивать кунжутинки, деловито затикал. Время поджимало.

Эарен спустил ноги с кровати, приласкал босыми пальцами травинки ковра. Ковер замурлыкал. Вот ковер у Эарена, в отличие от будильника, был живой — правда, генетически модифицированный по самое не могу. Хлопот с ним было, как с любым живым организмом, выше крыши, но Эарен его любил и лелеял. Каждый вечер расчесывал, исправно поливал и удобрял, гладил в чувствительных местах — под окном и за кроватью, и вопреки инструкции иногда баловал валерьянкой из расчета две капли на квадратный метр любимца.

Бережно ступая, Эарен прошлепал в ванную, забросил в рот зубоочистительную капсулу, сунул лицо под ионный душ. Затем нанес краткий дружественный визит в санузел. Напоследок завернул в кухонный блок, не глядя даванул клавишу пищевого агрегата. Агрегат протяжно заурчал, набирая обороты, но тут же осекся и недовольно дзынькнул: все, мол. Призывно разъехались в стороны створки. Эарен вынул чашку с дымящимся, черным, крепчайшим, раз навсегда запрограммированным утренним кофе.

— Вредно для здоровья, — грудным контрольно сообщил комбайн. — Наябедничаю диагностику.

Эарен отхлебнул кофе, сделал в сторону заботливого агрегата скабресный жест и покинул кухню. Ритуал пробуждения завершился.

Будильник встретил хозяина возбужденным чириканьем, попытался вспорхнуть ему на плечо. Эарен отмахнулся не глядя. Поставил чашку на стол рядом с клавиатурой, опустился в кресло и привычно взялся за виски, переключая мем-блок в режим воспроизведения.

— Доброе утро, Протекстор, — сказал Эарен. — Работаем.

— Здравствуй, хозяин, — мягким басом отозвался ИИИ — интуитивный искусственный интеллект. Засветились экраны, два плоских и голографический.

— Показ! — велел Эарен.

Откинувшись на спинку, он наблюдал за мельтешением картинок на экранах. Его тренированный мозг профессионала всю ночь генерил образы. Теперь нужно было выбрать. Эарен хлебнул кофе.

— Творчество, Протекстор, — сказал он, — это дикая смесь чутья, инженерного расчета и полной отсебятины. Стоп картинку. Берем наброски третий, девятый и тот, где звездолеты такие... угловатые. А там дальше посмотрим.

— Понял, хозяин.

ИИИ перевел основной экран в текстовый режим, вывел «Глава первая» и замер в ожидании. При виде плоских черных буковок на белом фоне Эарен испытал краткий прилив клановой гордости, единения с сочинителями всех времен — начиная с тех, которые еще в допечатную эпоху марали чернилами пергамент... Он опустил руки на клавиатуру, тронул букву «К».

«Космос раскрылся ему навстречу», — напечатал Протекстор.

Эарен перечитал фразу трижды, начало — это вам не продолжение, и утвердительно кивнул. Да. Именно навстречу.

— Ну — понеслась! — выдохнул Эарен, и руки его заплясали по клавиатуре.

Свежий текст на экране замелькал все быстрее, сливаясь в серое полотнище. Параллельно словам в диком вихре песлись образы на экранах визуализации. Эарен с Протектором вышли на рабочий режим.

Примерно час они творили, не отрываясь. Потом Эарен прогулялся на кухню за кофе и бутербродами, и они проработали еще час. Потом стряслась беда.

Протекстор, который фоновым процессом непрерывно мониторил Всемирную Сеть, издал негромкий, но тяжелый вздох.

— Опять?! — Эарен подпрыгнул в кресле. — Кто? Ну, говори!

— Снова Пафнук, — сокрушенно сказал ИИИ. — Идея совпадает с нашим двадцать третьим наброском. Ты ж, хозяин, на двадцать третий хотел с пятнадцатого выходить, верно? Пафнук уже в Сети, индекс популярности...

— К гейтсу его индекс! — взревел Эарен. — Подлец, скотина! Как он успел? Нет, Протекстор, не отвечай, билл с ним. Придется менять сюжет. Значит... Берем, значит, двадцать шестой набросок... Та-ак, в седьмой главе надо отсылки переправить, и в одиннадцатой, где героя на астероид высаживают... Сделал? Да, и еще во второй главе был такой эпизод...

Некоторое время они ожесточенно вносили правки, затем вернулись к основной линии. Но ритм был утрачен. Полотнище текста на экране, которое до того текло плавно и вольготно как равнинная река, теперь стало двигаться рывками, словно заело механизм.

А время угрожающе несло вперед. Взмыл с тумбочки будильник и стал, суетливо трепыхая крылышками, описывать круги под потолком. Близился расчетный срок сдачи текста.

— Ты смотри, напоминание мне на голову не оброни, — проворчал Эарен.

Птичка обиженно крикнула, но на место не вернулась.

Сюжет, из которого выдернули одну из опорных идей — Пафнук, сволоочь талантивая, терабайтчик гейтсов! — перекосялся и никак не желал выходить на финишную прямую. Эарен в отчаянии даже пару раз нажал «бэкспейс», убив несколько страниц текста. Протекстор только охнул, но не слушался. Наконец они кое-как выбрались к финалу, остались последние две главы и эпилог. Эарен перевел дух, собрался изречь что-то бодрое — и тут раздался сигнал вызова.

— Битые форточки! — выругался Эарен.

Образ Дэ-восемь возник в воздухе прямо у него перед носом. Литагент Эарена никогда не тратил времени на формальности.

— Давай текст, — сказал он. — Ну?

— Сейчас, — сказал Эарен. — Через... эээ... восемнадцать минут. Максимум двадцать.

Дэ-восемь смерил его взглядом, от которого даже вакуумная обшивка звездолета покрылась бы пупырышками.

— Ты, Эр, фантастику пишешь, верно? — сказал с обманчивой мягкостью. Эарен не обманулся. — Я ж твои тексты издателям отдаю как эти... футурастические. Так?

— Шестнадцать минут, — взмолился Эарен. — Ну ты ж меня знаешь!

— Через пятнадцать минут, — сказал Дэ-восемь с интонациями злой феи, — твоя фантастика превратится в мэйнстрим, понял? Воплотится в жизнь. Станет реальностью. В новостях пойдут твои идейки, как свершившийся факт. Знаешь, сколько за новости платят? Вот по репортерской ставке могу твой текст и пристроить... из дружеских побуждений.

— Да что случилось?! — выкрикнул Эарен, чуть не плача. — По прогнозам до воплощения моих идей еще полчаса, не меньше!

— Ежеутренний скачок информационных технологий, — хищно ухмыльнулся Дэ-восемь. — Это раз. Ты его, конечно, учел. А два — чего ты не учел — влияние на темпы инфообмена в нашем секторе Сети последнего романа Пафнука, опубликованного час назад. Молчишь? Пафнук — мой лучший автор, между прочим. И агентских он мне отстегивает на три процента больше тебя. Может себе позволить! А? Ты что-то сказал? Не слышу.

— Я сказал, не мешай работать, — с горькой гордостью произнес Эарен и сделал изображению «козу».

Дэ-восемь покрылся помехами и исчез.

— Все, Протекстор, — обреченно сказал Эарен. — Нет у нас больше литагента.

— Я не Протекстор, — отозвался ИИИИ другим голосом, повыше и с неприятно визгливыми нотками. — Я вследствие эмоционального шока перешел в режим Текстанта. Так было суждено, мой господин. На все воля Высшего Разума.

— Только фанатика в доме мне и не хватало, — с тихим отчаянием пробормотал Эарен. — Ладно, плевать. Давай закончим роман, работа есть работа. Пусть даже его не купят...

И они закончили роман. Торопиться теперь было некуда, и Эарен с Текстантом тщательно свели сюжетные линии воедино, отшлифовали стиль, придали многомерность мотивам главного героя. Отвели душу, короче. Ушло на завершение текста целых два часа — впрочем, Эарен трижды прерывался. Посмотреть в новостях, как именно реализовались его идеи и прогнозы. Засунуть в клетку и накрыть платком будильник, вставший в истерику от хозяйского небрежения. И собственноручно смешать себе бокал martinis, предварительно отключив кухонный агрегат и медицинский диагност — потому что клетки, куда можно было бы засунуть эти два устройства, если они последуют примеру будильника, у Эарена не было.

Дописанный текст Эарен цинично выложил в Сеть. В свободный доступ. Без никаких условий.

А затем он улегся на травку и под мерное мурлыканье ковра предался размышлениям о сути творчества вообще и превратностях своей профессии в частности.

«И ведь были же времена, — думал Эарен, покусывая выпавшую из ковра травинку, — когда творец мог работать над романом неделю, а то и две. И после выхода текста проходило еще несколько дней, пока прогнозы не начинали сбываться. Авторы даже успевали общаться в Сети с коллегами и читателями, а не только загружали в мозг свежую информацию... Как им было интересно жить!»

Дэ-восемь возник над ним в клубах дыма, пронизанного сполохами, как атомный гриб в миниатюре.

— Меньше полутора не возьму, — агрессивно сообщил он. — Ладно, молчи, я все понял. Один и три десятых процента. Да брось мелочиться, тебе ж такой гонорар предлагают! Хорошо, хорошо, я готов извиниться... Извини, Эр, ну ты ж меня знаешь, не первый день вместе работаем. Но один процент мой! Согласен?

Эарен сдержал эмоции. Все. Начиная с предельного изумления.

— Подробности? — подняв бровь, сухо осведомился он.

— Пришлось вводить новый алгоритм подсчета рейтинга, — довольно хохотнул литагент. — По прежнему алгоритму твой индекс популярности зашкалило. Критики вопят о возрождении жанра исторического романа. Ретро, пишут. Ностальгия. Словечки-то какие повытаскивали! Короче, если напишешь, как ты дошел до жизни такой, тебе предлагают пятьсот миллионов за издание этих... мемуаралов.

— Мемуаров, — брезгливо сказал Эарен. — Слушай, ты чего такой безграмотный? Книг не читаешь?

— Когда мне? — удивился Дэ-восемь. — А ты, что ли, читаешь?

Эарен загадочно улыбнулся. Врать не хотелось, а правда была запутанной и неоднозначной. В самый раз для мемуаров.

— Значит, так, — зачастил Дэ-восемь, профессиональным чутьем уловив, что Эарен смягчился. — Максимум читательского интереса прогнозируется на двадцать три по Гринвичу. Если успеешь раньше...

Тихая благодать снизошла на Эарена. Он закинул руки за голову, потянулся и закрыл глаза.

— Что? — всполошился литагент. — В чем дело, Эр?

— Не раньше, чем послезавтра, — с ленцой выговорил Эарен, наблюдая из-под ресниц за лицом Дэ-восемь.

Лицо ему понравилось. Хорошее лицо. Рассвет на Марсе с такого писать: постепенная смена красок в гамме от бледно-кирпичной до ало-багровой...

— Д-договорились, — мучительно улыбаясь, просипел Дэ-восемь и исчез.

Эарен вскочил на ноги.

— Текстаст?

— Твой верный Протекстор приветствует тебя, хозяин, — откликнулся ИИИИ уставным баском. — Я уже переработал все материалы по исторической и автобиографической литературе. В какой форме представить отчет? Дайджест, резюме, шаблон?

— Будем творить с чистого листа, — сказал Эарен, усаживаясь в кресло. — Как я там поутру выразился? Отсебятина? Будем отсебятничать, Протекстор!

Он долго смотрел на белый экран. Секунд сорок, наверное. Затем откашлялся.

— Режим голосового ввода, — распорядился Эарен. — «Я, писатель...» Ты что пишешь?!

В строке появились слова «Я, текстальщик». Буква «А» под взглядом Эарена замирала и сменялась буквой «И». Получилось «текстильщик». Но «И» тоже оказалась нестойкой, и на ее месте возникла «У».

— Какой такой «текстульщик»? — возмутился Эарен. — «Писатель», говорю!

— В режиме голосового ввода, — извиняющимся тоном пробасил ИИИИ, — в текст вводятся не слова-константы, а переменные-гиперссылки на события Сети. Понимаешь, хозяин? В данный момент твоя профессия называется «текстульщик»...

Буква «У» снова превратилась в «А».

— То есть «текстальщик», — поправился Протекстор. — Неустойчивая морфема, однако.

— Может, еще текстюльщиком обзовете? — проворчал Эарен. — Текстюлей! Ладно, пусть будет. Пиши: «Я, писатель-фантаст...»

На экране возникли слова: «Я, текстильщик-синтезер». Эарен окинул их недобрым взглядом, как полководец — солдат, явивших склонность к дезертирству.

— Отключи гиперссылки, — велел он. — Литературе, и особенно фантастике, чужда сиюминутность. Она обращена к вечности, друг мой Протекстор. А теперь поехали с самого начала: «Я, синтезер»...

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ПАРАЗИТЫ (ЦИКЛ «АЛХИМИЯ», №2)

КРИК, ДОНЕСШИЙСЯ ИЗ КУХНИ, ЗАСТАВИЛ ПЕТРА ИВАНОВИЧА вздрогнуть. Крик был пронзительным, точно милицейская сирена и громким, как труба Судного дня. В нем звучал неподдельный, искренний ужас...

В первые же мгновения заболело в ушах, а в позвоночнике появилось неприятное покалывание.

Крик прекратился, но не успел Петр Иванович насладиться тишиной, как с кухни явилась теща. Широкая, словно шкаф, она нарядилась в любимый бордовый халат и походила в нем на парадное знамя периода загнивающего социализма.

Лицо тещи было в тон халату — красным.

При виде зятя на нем возникло выражение гнева. Петр Иванович сжался в кресле, в котором читал газету, надеясь, что гроза пройдет мимо.

Но судьба распорядилась иначе.

— Так! — сказала теща громко, уперши в бока могучие руки. — Он тут задницу просиживает, а по кухне тараканы бегают! Огромные, страшные! Сколько раз тебе говорили — изведи ты этих паразитов, житья от них нет!

— Да я, — попытался робко возразить Петр Иванович. — Да мне некогда. На трех работах деньги добываю, в саду пашу...

— Паплет он! — прервала жалкие оправдания теща. — Плевать мне на твою пахоту! Я этих тараканов боюсь!

На шум из комнаты выглянула старшая дочь. Явно только что красилась — лицо размазано, словно у клоуна. На щеках — пятна румян, на губах жирно блестит помада. Тени наложены так густо, что глаз почти не видно.

И это в семнадцать лет!

— Да-да, папа, — капризным голосом сказала дочь. — Эти ужасные тараканы! А вчера вечером я видела на кухне мышь! Весь дом забит паразитами, а тебе на это наплевать!

— Молчи уж, Люба! — попытался Петр Иванович осадить чадо. — Без тебя разберемся!

— Нет, внучка дело говорит! — вступилась теща. — Сделай что-нибудь, а то усду я от вас! К сыну!

Петр Иванович хотел брякнуть что-то вроде «Ну и уезжайте!», но прикусил язык, понимая, что такое высказывание превратит банальную семейную перебранку в грандиозный скандал, отголоски которого затихнут не раньше, чем через полгода.

— Но я же пытался, — сказал он заискивающе, — пробовал всякие средства. Ловушки эти, карандаш китайский. Ничего же не помогает! Тараканы от них только толще и красивее делаются!

— Найди такое средство, которое подействует! — теща была непреклонна. — Житья от этих тварей нет!

Хлопнула дверь в прихожей. Пришла из магазина жена. Теща отвлеклась и ушла разбираться с тем, что куплено не так, дочка усакала к себе — завершать раскраску, и только Петр Иванович остался в кресле. В самом мрачном настроении, забыв про газету в руках.

В системном блоке что-то издевательски щелкнуло, и на мониторе высветилась оранжевая надпись: «Теперь питание компьютера можно отключить». Рабочий день закончился.

За спиной послышалось сопение. Подошел Сидор Григорьевич — старый сослуживец и друг, похлопал по плечу.

— Ну что, Петя, отмучились на сегодня! Пойдем по пивку?

— Нет, я не могу, — Петр Иванович пытался протестовать, но друг был неумолим. Огромный, точно медведь, с лохматой седеющей шевелюрой, он был для Петра Ивановича почти непререкаемым авторитетом.

— Да ладно тебе, — пророкотал он басом. — Успеешь домой-то еще! Пойдем!

Более сопротивляться Петр Иванович не смог.

Киоск гостеприимно блеснул навстречу шеренгами пивных бутылок. От обилия разноцветных этикеток рябило в глазах. После недолгого раздумья приятели остановились на «Балтике». Недорого, да и марка проверенная...

С бутылками присели на лавочку в скверике. Сидор Григорьевич закурил.

— Что-то ты мрачный сегодня, — сказал он, выпустив облако едкого сизого дыма: — Давай рассказывай, что там у тебя стряслось!

Деревья мелодично шелестели листвой, щебетали на ветвях птицы, пиво развязывало язык, и Петр Иванович поначалу отрывочно, а потом все более связно, поведал историю о случившемся из-за тараканов скандале...

— Ума не приложу, что делать! — закончил он горькое повествование. — Где взять такое средство, чтобы всех паразитов извести?

— Ха! — Сидор Григорьевич рявкнул так, что со старой липы с всполошенным карканьем взвилась огромная ворона. — Так тебе к племяннику моему, Антошке, надо сходить! Он этой, как ее, химией увлекается! Наверняка знает, каким ядом можно пакость эту вывести! Я ему позвоню вечерочком. Так что не робей, улестим твою тещу, будет как шелковая!

Он воздел бутылку пива, ободряюще улыбнулся. Петр Иванович, от заявлении друга проникшись оптимизмом, поднял свою бутылку. Сосуды с треньканьем соприкоснулись, пиво булькнуло и полилось в глотки.

Дверь Петру Ивановичу открыл изможденный молодой человек. Впалые щеки, горящий взор, кучерявые патлы до плеч.

— Добрый вечер, — поздоровался он. — Вы от дяди?

Петр Иванович несжиданно оробел.

— Вы Антон? Сидор Григорьевич говорил, что вы химик...

— Не химик, а алхимик! — глаза юноши оскорбленно вспыхнули. — Проходите!

Он посторонился, пропуская гостя, а Петр Иванович судорожно пытался осознать, что же такое «алхимик»? Выходило нечто средневеково-таинственное, связанное с золотом, пыльными манускриптами и плохо освещенными лабораториями.

Запахи в доме витали соответствующие. Пока Петр Иванович переобувался в предложенные тапки, от резкой вони у него засвербело в носу. Он сморщился, прилагая титанические усилия к тому, чтобы не чихнуть. Сия борьба не прошла мимо внимания хозяина:

— Прощу простить, — развел руками юноша. — Ничего не поделаешь, я вот привык.

Улыбка на его усталом лице была немного виноватая.

Комната встретила их странными звуками, и не менее странной обстановкой. На огромной каменной (каменной!) плите, поставленной на ножки, пытела, словно толстяк, пытающийся забраться в гору, необычная кривобокая печка. Отводная труба кишкой уходила в форточку, отблески пламени гуляли по гладкой поверхности камня. Рядом, в многочисленных сосудах, спиралях, и прочем, что напомнило Петру Ивановичу самогонный аппарат, текли, смешивались, бурлили, нагревались и охлаждались разноцветные жидкости. Один сосуд светился. Зеленая взвесь в нем бросала дрожащий свет в стороны, придавая странные оттенки всему в комнате. Лицо хозяина, например, казалось желтым.

Стену напротив целиком занимал огромный книжный шкаф. Раскрытые книги оккупировали стол, нагло топорщили листы на подоконнике, бесстыдно валялись на полу.

— Присаживайтесь, — сказал Антон, с грохотом освобождая стул от нескольких толстых томов. Поднялось облако пыли.

Петр Иванович осторожно сел.

— Так в чем состоит ваша проблема? Дядя упоминал о ней, но как-то невразумительно, — поинтересовался хозяин, опускаясь на потертый палас цвета пожухлой зелени. Ноги юноша сложил по-турецки. Со вниманием выслушав Петра Ивановича, спокойно сказал.

— Что же, я смогу вам помочь. Зайдите ко мне дня через три. Будет вам состав от паразитов!

Петр Иванович принялся сбивчиво благодарить.

— Не стоит! — прервал поток славословий Антон. — Мне это не трудно. Приходите через три дня...

Гордость распирала Петра Ивановича, и он неся домой, не замечая дождливой погоды, толчеи в троллейбусе и того, что в правом боку что-то подозрительно побаливает, намекая на неполадки в печени.

Ведь он вез вещество, которое избавит дом от тараканов и сделает семейную жизнь хоть немножко легче.

Продукт алхимического творчества был затарен в обыкновенную полулитровую банку и выглядел серым порошком с какими-то черными зернышками. «Рассыпать в углах, — дал краткую инструкцию алхимик. — Результаты увидите практически сразу. Во время следующей уборки порошок можно будет вымести».

Лифт опять не работал, в подъезде воняло мочой, но Петр Иванович как на крыльях взлетел к себе на шестой этаж, не обращая внимания на мерзкий запах.

Дверь открыла теща.

— Явился, — буркнула она недружелюбно, окидывая зятя презрительным взглядом. — Шляется невесть где, словно семьи у него нету...

— Я к знакомому ездил, — сказал Петр Иванович, переступая порог. — Он мне хорошее средство от тараканов дал.

Теща скептически хмыкнула.

— Посмотрим, на что оно годится!

Когда Петр Петрович вскрыл банку с заветным порошком, в большой комнате находилась вся семья. Жена и теща смотрели телевизор, под ногами вертелся сын, а дочь что-то искала в платяном шкафу, время от времени недовольно ворча.

Алхимический порошок запаха не имел.

Петр Иванович осторожно засунул руку в банку и горстью ухватил субстанцию. Меж пальцев оказалось нечто невесомое, чуть шероховатое.

Словно маг, совершающий обряд, он насыпал немного порошка в каждый из углов. Затем повторил то же действие на кухне, в детской и малой комнатах. Семья наблюдала за странным ритуалом с некоторым неодобрением.

Порошок в банке закончился, когда Петр Иванович обработал последний угол, словно его количество было точно рассчитано на их квартиру.

— Ну, и как оно действует, твоё средство? — спросила теща, брезгливо кривя губы, когда Петр Иванович после праведных трудов появился в большой комнате.

— Да я... — начал было он, но был прерван истерическим визгом.

Теща смотрела вниз, на голове ее вставали дыбом крашенные в ядовито-рыжий цвет волосы.

А у ее ног, растерянно поводя усами, сидел таракан. Он только что выбрался из-под шкафа и не знал, что ему делать.

Наконец, таракан принял решение. Быстро перебирая ножками, насекомое застало к приоткрытой балконной двери.

Петр Иванович сделал шаг, намереваясь раздавить паразита, но остановился на полпути. Из-под шкафа вылезли еще два таракана — один большой, другой маленький — и деловито устремились вслед первому.

С кухни донесся легкий шорох.

Взвизгнула, отскакивая в сторону дочь.

Коричневый ручеек, текущий из-под кухонной двери, состоял из сотен усатых паразитов. И все в едином порыве мчались туда, куда ушли первопроходцы. Спешн

ли крохотные таракашки, родившиеся только вчера; торопились патриархи, огромные, с большими усами...

Теща возопила еще раз и глаза ее закатились. Грузное тело обмякло на диване.

Насекомые покидали квартиру.

Строй тараканов замыкала... мышь. Серая, с черными глазками-бусинами, она деловито перебирала лапками и последней скрылась в балконной двери.

Петр Иванович судорожно сглотнул и автоматическим движением закрыл балкон.

— Что это было, папка? — спросил сын, что все это время простоял, вытаращив любопытные синие глаза.

Ответить помешала дочь.

— Не закрывай дверь, отец! — сказала она нервно. — Ты чувствуешь, какой отвратительный запах?

— Нет, — покачал головой Петр Иванович и посмотрел на жену. Та недоуменно пожала плечами.

— А я чувствую! — почти выкрикнула девица. Нос ее морщился, словно сам по себе, а на лице было написано страдание. — Неужели вы не ощущаете!

— Тебе кажется, Любаша! — сказала жена, а Петр Иванович кивнул.

— Нет! — дочь неожиданно зарыдала. Слезы катились крупные, точно горошины.

— Я не могу здесь более находиться! — выкрикнула она и бросилась в прихожую. Послышался шум отпираемого замка.

— Я ничего не понимаю! — заявила жена, поднимаясь с дивана, и тут очнулась теща.

— О, какая вонь! — немедленно заявила она. — Это от тараканов!

— Их больше нет, — деревянным голосом сказал Петр Иванович. Страшная догадка о причинах происходящего начала зарождаться в голове, но он отвергал ее. Петр Иванович противился изо всех сил, не желая верить, что такое возможно...

Теща задыхалась. Лицо ее побагровело.

Кашляя и сипя, она поднялась и почти бегом, насколько позволяло тучное сложение, бросилась в сторону прихожей.

— Пойду... ххх, подышу! — прозвучало из коридора.

Хлопнула входная дверь, а Петр Иванович опустился в кресло и дико, отчаянно захохотал. Жена и сын смотрели на него во все глаза, но Петру Ивановичу было все равно.

Потому что он знал — его дом теперь свободен от паразитов.

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО-МЛАДШИЙ

ЖИЛИ-БЫЛИ...

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ ЖИЛИ-были старик со старухой. Тридцать лет и три года пытались они завести себе наследника. Каждый день старик ходил к древним курганам, приносил богатые пожертвования всем богам по очереди. Каждый день молилась старуха в храме, каждый день била поклоны.

Но наследника они так и не дождались...

Как-то раз сидели старик со старухой и разговаривали. И сказал старик старухе: «Нет у нас ни сына, ни дочери, и никогда их у нас уже не будет». Опечалилась старуха и говорит: «Нет у нас своего ребенка, так давай заведем приемного». И дед согласился.

Отправились они в путь, ребенка себе искать. Ищут день, ищут ночь. Поймали мышонка. А мышенок им и говорит: «Отпустите меня, люди добрые, к маме-мышке и папе-мышке». Старики сжалились и отпустили мышонка.

Ищут старики ребенка себе второй день, вторую ночь — нашли котенка. Взяли котенка на руки, а котенок им говорит:

«Отпустите меня, люди добрые, к маме-кошке и папе-кошке». Отпустили старики котенка.

Третий день, третью ночь ищут старики, совсем из сил выбились, в самую чащу лесную забрели. И вдруг видят они — на поваленном дереве маленькая девочка сидит. Подошли старики к девочке, а она им и говорит: «Здравствуй, бабушка, здравствуй, дедушка, проводите меня домой, а то мама с папой волнуются». Проводили старики девочку к маме с папой и снова в путь отправились.

Устали они, все ноги сбили. Присели на пенек и загрустили. Сидят, печалются. И решили старики умереть, Смерть позвали.

И пришла Смерть. Тут старикам совсем грустно стало. «Нет у нас ни одной родной души, некому нас будет хоронить», — сказал старик. «Нет у нас детей, некому нас будет вспоминать», — сказала старуха. Заплакали старики. Смерть не выдержала, скинула с головы черный капюшон и говорит:

«Жалко мне вас, дед и бабка. У вас детей нет, и у меня ни матери, ни отца нет... И мне тоже грустно». И полились у Смерти горькие слезы из пустых глазниц.

Так и плакали они втроем, обнявшись.

И назвала Смерть старика и старуху отцом и матерью, и поцеловала.

И умерли старики счастливыми.

Только так и не узнали они, сына нашли или дочь.

Этот материал представляет собой развернутую версию доклада на последнем «Портале». Когда я его готовила, то не предполагала, что столько народу будет просить «распечатку», которой у меня не было (только тезисы). Поэтому и появилась идея расширить текст доклада и превратить его в статью. Дополнительная проблема состояла в том, что сходный материал у меня прошел в 2004 году в журнале «Если» (и даже завоевал приз читательских симпатий). Поэтому я постараюсь не повторяться и рассказать здесь не столько о земных аналогах фантастических существ (как в «еслевской» статье), сколько о самых распространенных идеях, которые используют фантасты, когда речь заходит о биологии в самых разных ее аспектах — от зоологии до молекулярной генетики. Но некоторых повторений все же избежать не удастся, поскольку необходимо напомнить читателю, «с чего все начиналось».

МАРИЯ ГАЛИНА

«МЫ» И «ОНИ» ФАНТАСТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ — СТАНДАРТНАЯ И НЕСТАНДАРТНАЯ

Инопланетяне — великие и ужасные

Фантастическую биологию изобрел Уэллс, который изучал биологию реальную под руководством знаменитого Томаса Гексли, горячего сторонника теории Дарвина, блестящего теоретика и великолепного лектора. Поэтому находки Уэллса в области фантастической биологии до сих пор остаются классическими.

Кажется, Гейне говорил, что первый, кто сравнил женщину с цветком, был поэтом, второй же, воспользовавшийся этим сравнением, — обыкновенным болваном. Но идеи Уэллса до сих пор кочуют из книги в книгу, а позже — из фильма в фильм, несколько не подрывая авторитета ни очередного автора, ни очередного режиссера. В чем же загадка?

Уэллсовские марсиане — воплощение всего самого омерзительного, что может представить себе «средний» человек. Это — мерзкие спрутоподобные существа, большеголовые, безгубые, скользкие, да вдобавок еще и питающиеся человеческой кровью.

Давайте разберемся, что же в них все-таки такого ужасного.

Большая голова и хилое тело, по мнению тогдашних ученых, — неременный атрибут «человека будущего». Еще бы — интеллектуальная нагрузка на протяжении истории человечества увеличивается, а физическая — уменьшается. За тех же марсиан все делают машины — они и носят их на себе, и сражаются. Марсианам остается только нажимать на кнопки. Зубы, как полагали ученые, у человека будущего тоже исчезнут. Ведь вместо грубой пищи для мышц, он будет потреблять питательные растворы для улучшения деятельности мозга... Кишечник укоротится, а то и вовсе исчезнет, тело станет маленьким и хилым... в общем, все по науке...

Но... марсиане, напомним, питаются человеческой кровью. А кровь, как говаривал Мефистофель, «совсем особый сок». Кровь — жидкость мистическая, с ней связана жизненная сила, сама сущность человека, его душа. Недаром договоры с дьяволом подписывались кровью. Колдуны, заполучившие капелюк крови жертвы, получают жертву целиком. Вампир, насосавшийся крови, превращает жертву в вампира. Марсиане, пьющие человеческую кровь, уже не просто чуждые существа — они воплощение дьявола!

Спрут — животное морское, а вода издавна казалась человеку враждебной стихией. В мифологии вода и водные божества выступают как темная грозная сила, несущая смерть и разрушение. Поэтому со спрутами на протяжении истории человечества связано множество легенд, одна из которых как раз и заключается в том, что они... пьют кровь своих жертв! Вот, например, как описывает спрута в «Тружениках моря» Виктор Гюго:

«Множеством гнусных ртов прикипает к вам эта тварь: гидра срастается с человеком, человек сливается с гидрой. Вы одно целое с нею. Вы — пленник этого воплощенного кошмара. Тигр может сожрать вас, осьминог — страшно подумать! — высасывает вас. Он тянет вас к себе, вбирает, и вы — связанный, склеенный этой жидкой слизью, беспомощный, чувствуете, как медленно передливаетесь в страшный мешок — в это чудовище.

Ужасно быть съеденным заживо, но есть нечто еще более неопишное — быть заживо выпитым!»

Вот такая жуткая история, не имеющая, впрочем, ничего общего с действительностью. А теперь давайте вспомним, сколько раз фигурировали в научно-фантастических произведениях малопривлекательные осьминоги. Ну, конечно, в подводной эпопее Жюль Верна, где на «Наутилус» напали полчища спрутов (вероятнее всего, все же не осьминогов, а гигантских кальмаров). Но ведь и век спустя у Аскольда Якубовского в рассказе «Мефисто» (1972) и у Сергея Павлова в повести «Океанавты» (1968) спруты выступили в своей традиционной жуткой роли. Последние два автора прекрасно знали, что осьминоги в общем-то безвредны. Но оба не могли устоять перед образом «подводного кошмара». Кстати, у обоих этих авторов осьминоги не просто тупые животные — и Павлов, и Якубовский «подсадили» в тело осьминога человеческий интеллект. Что вновь возвращает нас к идее о могучем разуме в нечеловеческом теле. Кстати, сами по себе осьминоги обладают довольно сложными рефлексами, но, видимо, недостаточно сложными, чтобы как следует напугать читателя.

Наши предки — приматы — инстинктивно боятся и ненавидят змей и пауков (в Африке, на прародине человека, пауки ядовиты). А значит, и для нас эти создания будут инстинктивно неприятны и омерзительны. Вот отсюда и берут свое начало и люди-змеи Роберта Говарда, и все многочисленные рептильные и паукообразные инопланетяне, омерзительные и снаружи и внутри, в том числе и толкиновские Унголиат и Шелоб. Кстати, наружное пищеварение, столь драматично приписанное Виктором Гюго спрутам, характерно как раз для пауков — Гюго в своей ненависти к

головоногим неосознанно создал омерзительнейший, типично инопланетный гибрид спрута и паука...

Вторая неотразимая уэллсовская модель — насекомоподобные селениты из «Первых людей на луне» (1901). Они сотворены по образу и подобию общественных насекомых; четкое разделение по биологическим функциям и пренебрежение к жизни индивида ради блага рода...

Нам эти насекомые непонятны и малопривлекательны, поскольку ученые до сих пор не уверены, обладают ли отдельные особи столь сложных сообществ собственной индивидуальностью. Уже слишком эта модель напоминает «мечту диктатора», идеал любого тоталитарного режима, где каждый знает свое место и не мыслит себя вне общества.

Поэтому общественным насекомым достается от фантастов именно «в таком вот аксепте» — Теренс Уайт в «Короле былого и грядущего» на примере муравейника демонстрирует юному королю Артуру (а заодно и читателю) «нежелательную» модель государства. Часто принцип улья и муравейника фантасты применяют в сугубо «человеческих» антиутопиях, когда речь идет о генетически модифицированных расах людей — в феминистской антиутопии «Бесконечный момент» Джона Уиндема (1961) и просто антиутопии «Погоня за хвостом» Александра Громова (2002). Результат во всех случаях получается малоутешительным — индивидуальность и «закон улья» несовместимы. Кстати, у Громова генетически модифицированный «муравейный» человек предаст свою расу, как только в нем просыпается хоть что-то индивидуальное, человеческое...

Насекомоподобные инопланетяне — «жукеры» — великолепные враги. Во-первых, они лишены индивидуальности, и истребление их не вызывает ни у героев, ни у читателей, угрызения совести. Впрочем, иногда угрызения совести у людей все же просыпаются — как в «Игре Эндера» Орсона Скотта Карда (1975), но только когда цивилизация жукеров уже уничтожена. Во-вторых, жукеры по-своему кинематографичны, и благодаря определенному отрицательному обаянию сделались объектом многочисленных фантастических боевиков — от самых пафосных до пародийных, напоминая «Людей в черном».

Итак, если не слишком напрягать воображение, можно представить себе стандартный образ «плохого» инопланетянина. Это будет помесь спрута, насекомого и рептилии... То есть в чистом виде «элиен», Чужой из классического фильма Ридли Скотта (1979) — именно этот режиссер вместе со сценаристом Дэном О'Бэнном и командой оscarоносных мастеров по спецэффектам, доведя идею до совершенства, закрыл тему.

Инопланетяне добрые и пушистые

Механизм возникновения человеческих симпатий тоже имеет свои совершенно определенные резонансы. Начнем с того, что людям, независимо от пола и возраста, нравится все, что носит черты ювенильности, детскости — здесь играет свою роль мощный родовой инстинкт, призывающий опекать и защищать слабых детенышей

даже в ущерб себе. Вид малышей вызывает у нормальной взрослой особи инстинктивное умиление, запускающее механизмы родительской опеки. Соответственно, симпатичное существо будет иметь большие глаза, крупную голову, коротенькие ручки и ножки и круглое туловище с выступающим пузиком. Идеал, конечно, Чебурашка, но симпатичные лесные коротышки из фильмов Лукаса тоже сгодятся. Этот образ авторы используют совершенно сознательно — когда хотят растрогать читателя до слез. Пушистая глория в «Эпосе хищника» Лео Каганова именно поэтому нам так симпатична (она и говорит, как маленький ребенок, называя себя в третьем лице — «пушистый»). Несколько странна в этом контексте именно пушистость — но предпочтение пушистого детеныша голенькому, возможно, реликт гораздо более древних времен.

И еще, как ни странно, нам симпатичны... крупные хищники! Во-первых, потому, что их морды сохраняют определенные детские черты (круглые головы, большие глаза), во-вторых, по мнению некоторых специалистов,¹ хищники, представляющие собой опасность для высших обезьян, требовали к себе от наших предков пристального внимания, а следовательно, и эмоционально насыщенного отношения — ведь от настроения больших кошек, малейших оттенков поведения, интонаций, движений зависела жизнь приматов (не этим ли, кстати, а вовсе не «отождествлением себя с властью», как утверждают не знающие этологии² психологи, объясняется и пресловутый «комплекс заложника»?). Ведь знак сильных эмоций легко переворачивается с минуса на плюс — и наоборот.

Кошкоподобные инопланетяне весьма симпатичны фантастам. Коты (миниатюрные львы и тигры), кстати, тоже³ — не этим ли объясняется и успех проекта знаменитого «кошачьего» сборника и все дальнейшие назойливые эксплуатации «кошачьей темы» героями нашего фэндома... Я даже не буду перечислять эти рассказы — любой без труда подыщет примеры, их уже накопилось не многим меньше, чем убийств Семенового.

Инопланетяне на лицо ужасные, добрые внутри

Самые «продвинутые» авторы обманывают ожидания читателей, выворачивая стереотип наизнанку. Барри Лонгьер в повести «Враг мой» (1979) показал весьма симпатичную цивилизацию дракков-рептилий (невзирая на то, что земляне нахо-

¹ В. Дольник. Непослушное дитя биосферы (Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей). — СПб., 2003. Кстати, рекомендую всем, кто хочет чуть побольше узнать именно о человеке — очень познавательная книга!

² Этология — наука о поведении животных, с середины XX века весьма популярная на западе и совершенно непопулярная у нас, поскольку объясняет многие сложные поведенческие акты и побуждения не влиянием социальных условий, а врожденными поведенческими комплексами, доставшимися нам еще от мохнатых предков. Эти поведенческие комплексы, рациональные в определенных условиях, могут при определенных пусковых механизмах проявляться «не к месту, и не ко времени», вызывая на первый взгляд нелепые поступки. У людей они обычно «достраиваются» сверх сложными и, на первый взгляд, рациональными мотивациями, на деле не имеющими ничего общего с реальностью. Кстати, знание этого механизма помогает избежать многих житейских глупостей.

³ Кульминацией, объединением этих двух механизмов, различных по своей природе, является необоримая любовь маленьких девочек и женщин именно к котяткам.

дятся с ними в состоянии войны). Еще более привлекательны и достойны сострадания разумные рептилии Джеймса Бланта («Дело совести», 1953), мирная раса, в глазах пришлого священника-иезуита выступающая в качестве великого соблазна, исчадий дьявола...

Жукеры из «Игры Эндера» Орсона Скотта Карда искренне горюют о том, что попытались истребить человечество, впрочем, спохватываются они довольно поздно.

Можно представить себе и обратную ситуацию — добрые и пушистые микки-маусы или большеголовые медвежата оказываются сущими выродками и исчадием зла. Я, правда, навскидку сейчас не вспомню ничего такого, но уверена, что подобные произведения есть. Если нет, то какая это возможность для фантаста хорошенько напугать читателя! Ведь обманутые ожидания (особенно, когда дело касается положительных эмоций) — это серьезный стресс.

Впрочем, дети, прообраз симпатичных инопланетян, не раз выступали в разнообразных хоррорах в качестве чужой и враждебной силы (навскидку назову «Кукушек Мидвича» Джона Уиндема, 1957, или «Маленького убийцу» Рэя Брэдбери, 1946). В фильмах-ужасиках людей мучают и убивают не только дети («Омен», «Ребенок Розмари»), но и детские игрушки. Но в последнем случае параллельно со ставкой на «безобидность» и умиленность смертоносного существа отыгрывается и другой древний страх — инстинктивный ужас и преклонение перед неживым человеческим подобием. Кукла, неживая копия человека, особенно определенного человека, почти во всех культурах имеет сакральный смысл — манипулируя ею, можно убить оригинал, а можно возвысить (отсюда наша традиция ставить памятники вождям).⁴ Отсюда, кстати, и настороженное отношение к человекоподобным роботам, их потенциальная «зловредность», о которой так любят писать фантасты. Недаром еще одна популярная страшилка — подделывающийся под человека нечеловек, «нечто», которое трудно распознать с первого взгляда (как, например, в знаменитом рассказе Джона Кэмпбелла «Кто там?», 1938).

Свой среди чужих

Злодейка-разлучница и мачеха-ведьма в европейских сказках обычно темноволося, положительная героиня — блондинка. Что понятно — белый цвет традиционно сопрягается с чистотой, невинностью и кротостью. Но вот в мексиканских сериалах блондинка — как раз злодейка. А положительная героиня — чернушка. Она «как все».

Заурядность вызывает симпатию, незаурядность, непохожесть — отпугивает. Самые приятные инопланетяне — наша точная копия. Если уж мы хотим показать

⁴ Памятники «большим людям» (обычно гораздо крупнее оригинала) ставятся из «долгоиграющего» материала — гранита, бронзы. Тогда как скульптуры чисто эстетического назначения традиционно ваялись из более выигранного, удобного в обработке, близкого по виду к текстуре кожи, но более хрупкого материала. Таким образом, благодаря материалу памятников, вождям потенциально обеспечивается «вечная жизнь». Кстати, «осквернение» образа Большого Человека (например, использование «по прямому назначению» газетного листка с его портретом) могло для осквернителя очень плохо кончиться.

инопланетян особенно приятных во всех отношениях, мы слегка улучшим их, следуя тому же бесхитростному принципу, по которому художник Тюбик приукрашивал портреты малышей из Цветочного Города — глаза побольше, рот поменьше, личико сердечком. Маленькие девочки так рисуют принцесс.

Положительные инопланетяне будут походить на Аэлиту Алексея Толстого или на жителей фторной планеты Ивана Ефремова — большие глаза, белая до синевы или смуглая кожа⁷, маленький рот и совершенные пропорции. Эльфы Толкина тоже сделаны по этому трафарету. Прибавьте еще и музыкальную речь, например, «Оффа алли кор!» меднокожей ефремовской красавицы с Эпсилона Тукана, или «Эллио утара гео» толстовской Аэлиты, или «О, Элберет Гилтониэль»... В общем, понятно — гласных побольше, согласных поменьше, а шипящих и букв «ж» и «ы» вообще быть не должно.

Неприятные инопланетяне мелки ростом, крюконосы и сутулы. Это сознательная или бессознательная калька с народа внутри народа — например, с еврейской общины в христианском или мусульманском мире или любой другой замкнутой группы, где из-за близкородственных браков наблюдается определенная хилость потомства, а также наследуются повторяющиеся из поколения в поколение характерные черты. Часто у таких инопланетян длинные тонкие пальцы людей, непривычных к физическому труду, — пальцы торговцев, книжников, аптекарей и ростовщиков.

Самый драматичный пример — папа Аэлиты диктатор Тускуб. Самый забавный — злобные крюконосые и желтокожие космические карлики из советской космооперы Леонида Оношко «На оранжевой планете» (1959), напавшие на мирных коммунистических красавцев-венериан. Эти инопланетяне обычно хмурятся, кривят губы и зловеще усмеваются. Речь их полна согласных (особенно шипящих), и не брезгают они буквой «ы». У читателя такие инопланетяне благодаря своим внешним признакам сразу бессознательно ассоциируются с инородным телом, чужим закрытым и потому потенциально опасным социумом, и автоматически вызывают инстинктивную неприязнь.

Ксенофобы = ксенофилы

Ксенофобия — неотъемлемое свойство человека. Ксенофилия — тоже. В каждом человеке и в любом сообществе борются эти две склонности. При стабильном сытом и спокойном существовании у нормальных людей пресобладает ксенофилия — дружелюбный интерес к чужаку, не являющемуся в данный момент конкурентом, а скорее, источником новых возможностей для развития и самосовершенствования. При стрессах, скученности и недостатках ресурсов (в том числе и продуктов питания)

⁷Признак здоровья и аристократизма. Медно-красная (ефремовская девушка с Эпсилона Тукана) или угольно-черная (каллистяне Матрынова) кожа для положительных инопланетян тоже годится, даже желтая, только не желтая — не из-за «китайской угрозы», а потому, что желтый цвет кожи подсознательно ассоциируется с некоторыми видами тяжелых системных заболеваний. Желтая кожа, следовательно, будет, скорее, у отрицательных персонажей.

поднимает голову ксенофобия: чужаки рассматриваются как потенциальные соперники, враги. Этим древним чувством манипулируют (иногда тоже вполне инстинктивно) разнообразные идеологи. Канализированная, направленная в определенную сторону ненависть к чужакам помогает спустить вовне агрессивные импульсы и служит объединяющим началом для нации или группы людей, позиционирующей своих членов как «своих», потому что есть «чужие». Так что именно ксенофобия, как это ни грустно, способствует росту национального самосознания. Поэтому историкам так симпатичны «справедливые войны», когда ненависть к чужаку исторически оправдана и не сопровождается комплексом вины (так построены все боевые космооперы, в которых на мирных землях нападают омерзительные агрессивные пришельцы, — именно благодаря этому безотказному механизму им всегда будет обеспечен успех)⁸.

Впрочем, возможно, ксенофилия как защитный механизм просыпается и тогда, когда для какой-то группы наступают полные кранты, и выжить иначе, чем слившись с чужаками и отождествив себя с ними, уже не удастся (как в горькой притче Уильяма Голдинга «Наследники», 1955, где кроткие и туповатые неандертальцы испытывают непонятную, но мощную тягу к истребляющим их агрессивным и умным людям, или повести Владимира Покровского «Время Темной Охоты», 1983, где остатки выродившихся землян растворяются среди инопланетян-пеулов). Этим, кстати, частично объясняется и психологический механизм коллаборационизма, добровольного и радостного, *любовного* сотрудничества с сильным и процветающим врагом (хрестоматийный майор Велл Эндью⁹ Лазаря Лагина (1962) ухитрился испытать симпатию даже к уэллсовским марсианам — воплощению всего омерзительного). Любый желающий может подыскать и реальные, исторические аналогии этого явления — новейшая история (особенно российская) весьма к тому располагает.

Продолжение следует

⁸Ксенофобия (как любое отрицательное чувство), увы, гораздо жизнеспособней ксенофилии — ее испытывают даже так называемые «порядочные» люди. Вдобавок, она эволюционно древней и происходит еще из тех времен, когда любой чужак даже сходного облика, но не принадлежащий к «своему» племени или генетически родственной группе (семье, трибе) был в лучшем случае источником пищи. Поэтому у «приличных» людей, знающих, что политкорректность — это хорошо, а ксенофобия — плохо, порой наблюдается забавный перенос — они выбирают какую-то одну нацию или группу и приписывают ей все различные грехи и недостатки, а остальных «любят», признавая за ними все человеческие права и достоинства. Выбор при этом совершенно произвольный — я знала очень симпатичную, благополучную, образованную и социализированную норвежку, которая терпеть не могла исключительно... индусов! Такой «ненавистной» группой в зависимости от ситуации могут быть не только национальные меньшинства (как мы увидим дальше, есть механизм, предотвращающий ненависть, направленную на процветающие «большинства»). Это могут быть наркоманы, больные СПИДом — все, кого можно приписать по определенному признаку или особенностям внешнего вида или поведения. Вульгарно — «ну, а ты?» (англ.)

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ СЕАНС МАГИИ С ПОСЛЕДУЮЩИМ РАЗОБЛАЧЕНИЕМ, или СЕКСТЕТ ДЛЯ ЭСТЕТА

(Окончание. Начало в журнале «РФ», № 6 за 2005 г.)

4. Тезис: «Фантастика издается и продается большими тиражами. Значит, это массовая литература, попса и ширпотреб».

Суммарный тираж книг только на русском языке:

- Л. Толстой: свыше 600 млн. экз.
- А. Пушкин: свыше 500 млн. экз.
- А. Н. Толстой и М. Горький — свыше 300 млн. экз.
- М. Шолохов и А. Чехов — более 200 млн. экз.
- Д. Лондон (повторяем, речь только о переводах на русский язык): от 150 млн.

экз.

- В. Гюго и Г. Х. Андерсен — свыше 100 млн. экз.

И так далее — Тургенев, Гоголь, Мамин-Сибиряк, Бальзак, Мопассан, Диккенс... Данные взяты из официальной статистики. А теперь прибавляем каждому писателю миллионы экземпляров, изданных в переводах на другие языки: Толстые Лев Николаевич и Алексей Николаевич изданы примерно на тридцати языках народов мира, Шолохов и Горький — свыше семидесяти языков, В. Гюго — свыше пятидесяти...

Роман «Тихий Дон» Шолохова, «Мать» Горького, «Анна Каренина» Л. Толстого и «Отверженные» Гюго (только русский язык!) — у каждого тиражи переклестнули цифру в 30 млн. экз. «Война и мир» Л. Толстого — свыше 40 млн. экз. А если...

— Стоп! — возопит разгневанный оппонент, блистая очками. — Подлог! Эти тиражи накопились за годы и века! Вы еще у Гомера тиражи посчитайте, шулеры! А при жизни, при жизни, небось, классики за каждый экземпляр тряслись — не для быдла писали, для нас, продвинутых, а нас мало, нас адски мало, если верить Вознесенскому. Истинный творец должен быть сир и наг, непризнан современниками, опозорен халтурщиками, а умирает истинный творец исключительно в нищете, под лестницей, и желательно, от сифилиса!

Насчет сифилиса не знаем, а про отсутствие признания у современников приведем лишь парочку примеров из многих:

— Первый выпуск «Записок Пиквикского Клуба» Ч. Диккенса был распродан лишь в количестве 400 экземпляров, но последний из выпусков, напечатанный в октябре 1837 г., был издан уже тиражом 40 тыс. экз. Публикация же романа «Лавка древностей» подняла тираж журнала «Часы мастера Хэмфри» до 100 000 экз.

— Первое издание романа «Нана» Э. Золя вышло тиражом в 55 000 экз. — неслыханная для Франции того времени цифра.

Вот такая лестница.

Дамы и господа! Если тиражность, т. е. востребованность книги читателем — показатель ширпотреба и попсы, то вот они, главные халтурщики и конъюнктурщики — Толстые Лев с Алексеем, Гюго и Андерсен, Горький и Шолохов, Шекспир (уж поверьте, у нашего Вильяма тиражи вполне соответствуют!), Лондон, Бальзак, Диккенс...

Зато роман Дыркина Феодора Аполлинарьевича «Десантник Петров наносит ответный удар», вышедший в серии «Звезды стреляют без промаха» тиражом в семь тысяч экземпляров и никогда с тех пор не переиздававшийся, судя по указанному выше критерию, — образец высокой литературы. Наряду с матерной поэмой Вольдемара Обсценского «Секстина хренова», изданной в частной типографии «Двадцать один» за счет автора или на гранты Министерства культуры.

С чем и поздравляем.

5. Тезис: «Фантасты не знают материала, о котором пишут, и фантастика изобилует ляпами и роялями в кустах».

Однажды И. Щеглов «уличил» автора «Степи» А. Чехова в стилистической небрежности. Речь шла о бабушке Егорушки, которая «до своей смерти была жива и носила с базара мягкие бублики». Щеглов с апломбом тонкого ценителя заметил про Чехова: «Тогда он еще не достиг совершенства стиля...», забыв напрочь, что приведенный пассаж принадлежит малолетнему герою и отражает наивность его мышления. Чехов вносить исправления и не подумал, заявив: «А впрочем, нынешняя публика не такие еще фрукты кушает. Нехай!»

Вот и мы повторим: нехай!

А вслед потехи ради пустим в ход обоюдоострый принцип: «Сам дурак!»

Итак:

— Робинзон Крузо в романе Дефо, приплыв голышом на разбитый корабль, вскоре набивает сухарями невесту откуда взявшиеся карманы.

— Герой Вальтера Скотта весь день и всю ночь скачет между деревушками, расположенными в десяти милях друг от друга.

— В. Гюго в «Соборе Парижской богородицы» пишет главу «Рассказ о маисовой лепешке», в то время как действие книги разворачивается задолго до открытия Америки.

— Вес Тараса Бульбы определялся Н. Гоголем в 20 пудов (327 кг).

— Действие романа А. Дюма «Три мушкетера» начинается в 1625 году. К этому времени кардинал Ришелье уже был членом Государственного совета, но подлинную власть он обрел позже, с 1630 года; также к периоду после 1630 года относятся и контакты королевы Анны со своим братом в Испании, и франко-испанская война. Многие другие факты романа могут быть связаны в лучшем случае со второй третью, а то и с концом XVII века. Однако Дюма вписывает все события романа в период до взятия Ла-Рошели и убийства герцога Бекингэмского.

— Рецепты и способы изготовления пороха, а особенно пироксилина и нитроглицерина, описанные в «Таинственном острове» Жюль Верна, нереальны.

— А. и Б. Стругацкие пишут в «Трудно быть богом»: «Они разбредаются по всему замку, везде пачкают, обижают прислугу, калечат собак и подают отвратительный пример юному баронету». Там же: «...дюжина заезжих баронов с дубоподобными баронетами...» Но баронет — самостоятельный титул, а никак не сын барона. Этот титул, в качестве одной из степеней рыцарства, был учрежден Иаковом I в 1611 году, чтобы продажей патентов собрать деньги на оборону Ольстера, а впоследствии (при Георге IV) титул баронета перестал быть рыцарским.

Ф.М. Достоевский в «Идиоте» пишет: «десять тысяч лиц, десять тысяч глаз». Еще читаем у Федора Михайловича: «В комнате стоял круглый стол овальной формы». Тургенев выдал следующее: «Она даже бровью не повела и, когда он от нее отвернулся, презрительно скорчила свои стиснутые зубы...»

Да, разумеется, мы понимаем: Достоевский велик не десятком тысяч одноглазых лиц, Тургенев примечателен не скроченными зубами, Дюма прекрасен не историческими ошибками, а Гоголь безумным весом Тараса, скорее всего, хотел подчеркнуть мифологически-метафорический склад повествования. Но тогда давайте мерять всех по «гамбургскому счету» и не приставать к современным фантастам с обвинениями, прощая те же самые грехи гениям прошлого.

Или попробуем иначе. Вспомним Ильфа с Петровым: «Знатоки! — кипятился Остап. — Убивать надо таких знатоков!» Поскольку мы не владем иллюстративным материалом по всему фантастическому цеху, то ограничимся собой-любимыми. Уверены, наши коллеги с удовольствием дополнят этот фрагмент своими собственными столкновениями со «знатоками». Вот ряд претензий, который предъявляли читатели к книгам Г.Л. Олди, мотивируя их нежеланием (неспособностью) автора изучить описываемый тематический материал, и авторские ответы на них:

Претензия: «Песню «Їхав козак за Дунай» в романе «Рубеж» авторы точно могли бы писать на языке оригинала. Неужели технические проблемы?»

Ответ: «В романе «Рубеж» песня «Їхав козак за Дунай» изложена так же, как в оригинале: 1806 год, опера «Казак-стихотворец» князя Шаховского, текст песни Климовского (сама песня была написана лет на семьдесят раньше оперы).

Претензия: «Авторы злоупотребляют русизмами, работая с индийскими мифами: разве можно адекватно перевести на санскрит словосочетание «Черный Баламут»?»

Ответ: «Черный Баламут — адекватный перевод с санскрита имени «Кришна Джанардана». Кришна — Черный, Темный; Джанардана — Тот, кто возмущает (мутит, баламутит) народ».

Претензия: «Мне интересно, кто составляет глоссарии в конце книг. Во втором томе Черного Баламута написано: «Валин-Волосач, победитель Десятиглавца...» Я всегда был уверен, что Равану-Десятиглавца победил (убил) Рама, что и описано в «Рамаяне»».

Ответ: «Убил Равану-Десятиглавца действительно Рама. Но задолго до событий «Рамаяны» Равану побеждал в бою Валин-Волосач, сын Индры от обезьяны.

также победу над могучим ракшасом одержал Арджуна (раджа хайхаев, а не знаменитый Пандав)».

Претензия: «Конечно, каждый мир (в данном случае, речь о романе «Путь Меча») живет по своим законам, но зачем же вооружать эспадонами (кавалерийским оружием, никогда не являвшимся двуручным) панцирную пехоту? Да еще заставлять бедняг носить мечи на плечах без ножен? Это я и называю «маразмом». Кстати, у японцев но-дати и вообще любые мечи были в ножнах и крепились на поясе, несмотря на длину».

Ответ: «Достаточно просто пересмотреть фильм «Семь самураев», чтобы увидеть, как герой Тосиро Мифунэ носит свой огромный меч. Далее: конечно, эспадоном называлась разновидность английской кавалерийской шпаги, но в справочниках по холодному оружию мы легко узнаем, что задолго до этого эспадоном называли двуручный меч в рост человека с прямым обоюдоострым клинком и мощной крестовиной. Эспадон был оружием пехоты, в частности, панцирной».

Претензия: «В отрывке из «Шмагии», где «мощь всплеска лямбда равна цэ делить на ню», слышится шорох стремительно падающих домкратов. Антуражно, может, и создает, но очень уж размерности у «маговеличин» выходят чудные. Конечно, дважды два может быть равно кольдкрему и коленкорovým лошадям, но получилось таки подчеркивание нарочитой бессмысленности написанных формул...»

Ответ: «В книге В. А. Фока «Квантовая физика и строение материи» мы легко находим вышеупомянутую формулу из «Шмагии» (с поправкой на разницу терминологии в нашем мире и «шмагическом»); раздел «Неравенства Гейзенберга как граница применимости классического способа описания»».

М. Е. Салтыков-Щедрин в «Господах ташкентцах» писал: «Человек, видевший в шкафу свод законов, считает себя юристом; человек, изучивший форму кредитных билетов, называет себя финансистом; человек, усмотревший нагую женщину, изъявляет желание быть акушером. Все это люди, не обремененные знаниями...» Задумаемся о том, что мысль Михаила Евграфовича чудесно иллюстрирует творчество ряда писателей — но это оружие обоюдоострое, и оно может быть повернуто в противоположную сторону.

Да и книги в художественной литературе пишутся не для того, чтобы автор мог показать свою осведомленность в деле осады крепостей и знании таблицы Менделеева.

На этом Шахерезада прекращает дозволенные речи, переходя к недозволенным.

6. Тезис: «Фантастика — сюжетна. А сюжетная литература — это вообще не искусство, а средство развлечения».

С одной стороны, может, и прав Ален Роб-Грийе, сказавший: «Сюжетная литература меня не интересует. «Мадам Бовари» Флобера не сводится к истории принципиальной девушки, которая выходит замуж, потому что страдает от одиночества, потом заводит любовника, влезает в долги и кончает самоубийством». Да и

Лев Николаевич Толстой писал, что сюжетная литература уйдет, уступив место письмам, дневникам, запискам — но для того, чтобы создать их, нужно иметь свободный ум, не запятнанный суевериями бытовой литературы.

Чувствуете просветление?

Свободный ум, отказавшись от сюжета, ограничит себя письмами и дневниками. Так евнух, отказавшись от вульгарных страстей, спокойно и рассудительно пишет мемуар «Моя жизнь в гареме».

У этой традиции — воспринимать сюжетность как грех — многовековая история. Написанное в XV-м веке, в период творений Пахомия Логофета, «Житие Михаила Клопского» более чем сюжетно и увлекательно. Однако сюжетная занимательность «Жития...», живость сцен и диалогов — все это настолько противоречило агиографическому канону, что уже в следующем столетии «Житие...» пришлось перерабатывать. Древние рассказчики сопротивлялись, ломая каноны, бросая вызов прямолинейной дидактике: в том же XV-м веке создаются чуть ли не авантюрные «Повесть о Дракуле» (дрожи, грядущий Брэм Стокер!) или «Повесть о купце Басарге и сыне его Добросмысле».

Сюжет против дидактики: война миров.

Прильнем к обильным сосцам словаря и напитаемся мудростью. Сюжет (от *fr. sujet* — субъект, предмет) определяет последовательность событий в художественном тексте. В курсе лекций «Введение в литературоведение» П. А. Николаев (заслуженный профессор МГУ, член-корреспондент РАН, действительный член академии российской словесности) пишет: «Сюжет образуется характерами и организуемой их взаимодействиями авторской мыслью. Сюжет — это развитие действий в эпическом произведении, где непременно присутствуют художественные типы и где существуют такие элементы действия, как интрига и коллизия. Сюжет здесь выступает как центральный элемент композиции с ее завязкой, с кульминацией, развязкой. Только таким образом, установив подлинные внутренние связи между сюжетом и характером, можно определить эстетическое качество текста и степень его художественной правдивости».

Ага, значит, презренный сюжет образуется характерами и авторской мыслью. Это, конечно, очень скверно, если верить трагическому хору последователей Роб-Грийе. Вся архитектура художественной книги — экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка — всего лишь дань нашим низким инстинктам, в отличие от горних высот писем и дневников.

Устыдимся и продолжим ковырять пальцем в зияющих ранах.

Если сюжет определяет последовательность событий, то что же есть событие? Помнится, на режиссерском факультете, обучая действенному анализу пьесы, говаривали так: «Событие — поступок, явление или факт, под влиянием которого полностью или частично меняются задачи действующих лиц и их психологическая мотивация». Теперь заглянем в словарь культуры: «Событие происходит, если удовлетворяются два условия. Первое: тот, с кем произошло событие, под его влиянием полностью или частично меняет свою жизнь (тако-

понимание разделял XIX век). Второе: событие должно быть зафиксировано, засвидетельствовано и описано его наблюдателем, который может совпадать или не совпадать с основным участником события (этот новый аспект привнес XX век)».

Ну и напоследок вслушаемся в звучание: событие.

Со-Бытие.

Есть чего стыдиться?

Выходит, что без сюжета нам не определить «эстетическое качество текста», не прочувствовать динамику жизненных изменений характеров, не организовать художественную композицию текста. И Бытие пройдет мимо, не сделав нас своими соучастниками. Ау, эстеты! Отчего же вам и не полюбить вдруг сюжетную литературу? Или сочтем «sonatas da chiesa», т. е. «церковные сонаты» И. С. Баха низким жанром в музыке только на основе наличия в них внутреннего композиционного «сюжета»? — например, чередование темпов в четырех частях «Adagio-Allegro ma non troppo-Andante-Allegro moderato»?..

Игнорирование сюжета, презрение к сюжету, высылка сюжетной литературы в резервацию... Приятно, наверное, высказывая такие высокопросвещенные мнения, чувствовать себя в едином строю с Роб-Грийе и Львом Толстым. Но вынуждены разочаровать: господа, у вас есть и другие прелюбопытнейшие союзники. В частности, ЛЕФ (Левый Фронт Искусств, 1922-1929) призывал похоронить сюжет и заменить его «монтажом фактов». Такие жанры, как роман, повесть и рассказ, говорили лефовские теоретики, безнадежно устарели и не могут быть использованы в деле строительства новой социалистической культуры. На смену им должны прийти очерк, газетный фельетон, «человеческий документ». Искусство для лефовцев «успокаивает и оболванивает человека, тогда как «литература факта» информирует и воспитывает».

Жанровую литературу долой с парохода истории! сюжет — вон! увлекательность — катись колбаской! смерть безумцу, который навеет человечеству сон золотой!!! — знакомая песнь... Ее многие поют до сих пор на новый лад. Правда, от сомнительных предков открестились обеими руками.

Здравствуйте, Иваны, родства не помнящие!..

Позднее идеи ЛЕФа об отрицании сюжетной литературы подхватил в 1930-м году Литфронт. Правда, Литфронт пошел дальше: вместе с отказом от сюжета он требовал за компанию отказаться от изображения психологии в художественных произведениях, ибо психологизм — это ковыряние в самоценных переживаниях личности, взятый в отрыве от классовой практики. Лев Толстой был бы доволен: сюжетную литературу, согласно его заветам, «уходили». Правда, удовольствие Льва Николаевича слегка омрачила бы книга литфронтовца П. Рожкова «Против толстовщины и воронщины». Ну да ладно, в любом благородном деле есть свои перегибы. А милые грызутся — только тешатся.

Повторим вслед за Роб-Грийе: «Мадам Бовари» Флобера не сводится к истории провинциальной девушки... Нет, разумеется, не сводится. Но отберите у

«Мадам Бовари» эту самую историю. Что останется? — письма и дневники свободного ума, по Льву Николаевичу? Бедная, бедная Эмма Бовари! Живой человек минус скелет, минус мышцы, минус ряд внутренних органов, минус какие бы то ни было изменения жизни...

За что ж вы ее так?!

Господа, вы звери...

CODA

В финале, почесывая многострадальный затылок, мы задумались: только ли с фантастикой творится такая чертовщина? Вот светится на голубом глазу телеэкрана гордый автор книг бессюжетных, внежанровых, малотиражных и высококультурных до полной певнятицы — светится, кивает пимбом, называет себя типичным представителем мэйнстрима и клеймит горемычных фантастов на чем свет стоит.

Право первородства кто за чечевичную похлебку продал?

Фантасты.

Кто из горных высот литературы Содом и Гоморру устроил?

Фантасты.

Кто ликом черен, нравом злобен? — все они, фантасты...

Эй, гражданин мэйнстрима! В переводе с английского «мэйнстрим» — это «основной поток», «основное (магистральное) направление» в литературе (или, к примеру, в музыке). Что относят к мэйнстриму у них, которые нам не указ? А относят вполне *сюжетную*, увлекательно написанную, но при этом достаточно серьезную психологическую литературу. Очень часто — с элементами социально-политического романа, детектива, мистики, боевика, «семейной саги», иронической прозы, мелодрамы и пр. При этом ни один из элементов, как правило, существенно не превалирует над другими, мирно уживаясь в общежитии тамошнего мэйнстрима, и однозначно отнести такое произведение к фантастике, мистике, детективу или мелодраме не представляется возможным. Вот это и есть мэйнстрим — органичный сплав разных направлений и методов в литературе. И такой литературы издается действительно *большинство*, массовыми тиражами, создавая вышеупомянутый «основной поток». К мэйнстриму, в частности, относятся произведения Ирвина Шоу, Сидни Шелдона, многие книги Стивена Кинга, Роберта МакКаммона, Кристофера Фаулера и т. д.

А у нас, в родных осинах, страшный зверь «мэйнстрим» — большей частью маргинальный авангард.

Вот такая заставка.

Фантастика, право слово.

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВЕДОМЫХ НАМ ПОЛЕЙ¹

7. РОМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Вы знаете, что я терпеть не могу всех этих бредней: я в этом пошел по батюшке; ему вздумало однажды явиться привидение — и привидение во всем порядке: с бледным лицом, с меланхолическим взглядом; но покойник выставил ему язык, чему привидение так удивилось, что впоследствии уже никогда не осмеливалось являться ни ему и никому из нашего семейства. Я теперь слеую батюшкиной методе, когда мне попадается в журналах романтическая повесть ваших модных сочинителей. Только я заметил, что они гораздо бессовестнее привидений и не перестают мне соваться в глаза, несмотря на все гримасы, которые я им строю; но не думайте, однако ж, чтоб я не мог также рассказать страшной истории.

Владимир Одолевский.

Привидение.

После долгого перерыва мы возвращаемся на Неведомые Поля — вернее, на самую границу с ними.

Времена здесь стоят романтические, а значит — и яркие, и смутные. Некогда П.А.Вяземский сравнил романтизм с домовым, о котором все слышали, но никто не видел. Добавим, кстати, что и к домовым интерес пробудился во времена предромантические.

Об этой эпохе, определившей путь западной культуры на десятилетия, если не на века вперед, — о времени Кольриджа и Байрона, Пушкина и Гоголя, По и Готорна пужно говорить или очень подробно, или очень кратко. Поневоле избираем второй путь. К тому же влияние романтизма на современную фантастику огромно, однако опосредованно.

С чего же начать? Вполне по-романтически — с отступления в прошлое.

В 1760 году, за четыре года до появления первого готического романа («Замок Отранто» Горація Уолпола) вышли в свет «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии». Энтузиасты фольклористики и не догадывались, что перед ними — одна из самых талантливых мистификаций за несколько столетий. Джеймс Макферсон, педоучившийся священник и школьный учитель, был движим теми же чувствами, что и Толкин два века спустя: ему хотелось если не обнаружить, то создать национальную мифологию — в данном случае кельтскую. И ему это удалось, хотя и на краткое время. Моды вообще проходящи.

¹Продолжение цикла статей об истории жанра фантастика (начало см.: «РФ», 2004, № 1, 3, 5, 8, 10; 2005, № 1).

А мода была — и какая! Молодой Вертер, герой Гете, ставил Оссиана выше самого Гомера! Голливудская премия и кукла с голубыми волосами обязаны своими именами «Песням Оссиана»: Оскара и Мальвину создал не кто иной, как Макферсон.

Что произошло потом, хорошо описал герой «Сталкера»: «А вот стоит в музее какой-нибудь античный горшок. В свое время в него объедки кидали, а нынче он вызывает всеобщее восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью формы. И все охают, ахают... А вдруг выясняется, что никакой он не античный, а подsunул его археологам какой-нибудь шутник... Веселья ради. Аханье, как ни странно, стихает».

Гете был в восторге от Оссиана до тех пор, пока не узнал правду (а разоблачили Макферсона довольно быстро: слишком уж рьяно он взялся за «си́квелы». Урок современным литераторам). И вот уже автор «Вертера» комментирует свое творение: ну да, конечно, пока юноша был в здравом уме, он читал Гомера, а как помешался — тут и взялся за это...

«Это» оказалось весьма и весьма близко к фэнтези.

«В какой мир вводит меня этот великан! — восторгался все тот же Вертер. — Блуждать по равнине, когда кругом бушует буря и с клубами тумана, при тусклом свете луны, гонит души предков слышать с гор сквозь рев лесного потока приглушенные стоны духов из темных пещер и горестные сетования девушки над четырьмя замиелыми, поросшими травой камнями, под которыми покоится павший герой, ее возлюбленный!».

Перед нами типичный «оссианический пейзаж», который на рубеже XVIII-XIX веков эпитоны (и юный Пушкин в том числе) воспроизводили с такой же частотой, как нынешние сериальщики — средиземские ландшафты. Да и метод Макферсона не может не напомнить подходы многих позднейших писателей к историко-мифологическому материалу.

Великий король с неблагозвучным именем Фингал (он же Финн) якобы жил в III веке от Рождества Христова в королевстве Морвен на западном побережье Шотландии, сражался с захватчиками из Лохлина (викингами) и внутренними врагами, властвовал над героями, породил славного воина и барда Оссиана... Напоминает артуровские легенды — но не будем забывать, что Макферсон основывался на тех же преданиях, которые, смешавшись в Волшебном Котле со множеством других традиций, и породили Артура, каким мы его знаем.

² См.: Дж. Макферсон. Поэмы Оссиана. — Л.: Наука, 1983; Ю. Д. Левин. Оссиан в русской литературе. — Л.: Наука, 1980; Дж. Уайтхед. Серьезные забавы. — М.: Книга, 1986 (глава «Оссиан и «Фингал»). К «позднейшим писателям» некоторые исследователи относят и автора «Слова о полку Игореве», которое якобы было создано в конце XVIII в. в подражание Оссиану. Это мнение убедительно опровергнуто более сорока лет назад, о чем многие неспровергали традиций и не догадываются. См.: Ю. М. Лотман «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» памятник XII века. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

В «песнях Оссиана», впрочем, не меньшую роль, чем война, играет любовь. «Многочисленные любовные истории в поэмах почти никогда не имеют счастливо-го конца, — пишет исследователь. — Герой обычно гибнет на войне, на охоте, в плавании. Его возлюбленная, если только она не сопровождала его, облачившись в мужские доспехи, и не погибла с ним, умирает от горя». «Радость скорби» — это признак не столько древней кельтской культуры, сколько новой, sentimentalной (хотя мотивы англосаксонской поэзии присутствуют и здесь).

Описаниям битв нельзя отказать в известной выразительности; в примечаниях к ним Макферсон указывает на параллели у Вергилия и Мильтона — якобы для того, чтобы подчеркнуть гениальность певца, на деле же — чтобы указать на источники собственного вдохновения.

«Смерть вокруг подымлет вопль, мешая его со звоном щитов. Каждый герой — столп мрака, а меч — перун огневой в длани его. От края до края гремит поле, точно сотня молотов один за другим кует багряное чадо горнила...

Кухулин стоял... как гора, что хватает тучи небесные. Ветры спорят в соснах ее чела, град гремит по ее утесам. Но неколебима в силе своей стоит она, ог-раждая долину тихую Конь.

Так ораждал Кухулин сынов Эрина, стоя посреди тысяч. Горным ключом струилась кровь героев, трудно дышащих вокруг него. Но редели с обеих сторон рати Эрина, как снега под солнцем полдневным».

Образ Темных Веков, созданный Макферсоном, — не просто условный, но и лиричный (Оссиан, в отличие от Гомера, постоянно посредничает между изображаемыми событиями и слушателем/читателем), и нарочито искаженный. В мире Оссиана почти отсутствует фантастическое. Есть, конечно, тени павших — дань не только сагам, но и Шекспиру: покойный Фингал является сыну, «как дождевая туча в солнечный день»; слова «звезды сверкали сквозь призрак его» повторяются, как рефрен. Один раз появляется даже некий «дух Лоды» (бог Один), но Фингал «пронизал угрюмого духа» булатным мечом — с легкостью, достойной Конана-варвара и его наследников. У Роберта Говарда это было бы обычной подростковой безответственностью, у современных фэнтезистов — модой, у романтиков начала XIX века — гордым вызовом Небу, у Макферсона же — знак времени. Даже не времени — эпохи, эпохи Просвещения. Отвергнув христианскую фантастику, какой она была, скажем, у Мэлори, Макферсон не принял и языческую — во всяком случае, не в большем объеме, чем она была «санкционирована» хорошим вкусом и тем же Шекспиром. Это *предромантизм*.

Как все изменилось несколько десятилетий спустя! Мистика Эмануэля Сведенборга парадоксальна, но рациональна. На смену приходит его заочный ученик Уильям Блейк — и какой взрыв безоглядной, безумной, богохульной фантазии является миру! Не удивительно, что Сведенборг для современной культуры остается фигурой второплановой — несмотря на безнадежные попытки Борхесса возродить к нему интерес; несмотря на то, что идеи шведского мистика аукнулись в книгах К. С. Льюиса и Джона

³ Ю. Д. Левин. Указ. соч. — С. 11.

Краули. А Блейк — поэт, художник, визионер — является, вместе со своими творениями (а то и они одни, без творца), в фильме Джима Джармуша «Мертвец», «Сказании о Мастере Элвине» Орсона Скотта Карда, «Многорусном мире» Филипа Хосе Фармера...³ Не говоря уж о статье в «Энциклопедии фэнтези», где единственным соперником Блейка в создании чрезвычайно сложных и внутренне связанных миров назван Толкин.

Рассматривать романтическую фантастику как нечто целое невозможно; невозможно и перечислить всех ее мастеров — это означало бы назвать едва ли не всех крупных поэтов и прозаиков начала XIX века.

Напомним только некоторые принципы, важные и для современной фэнтези.

Романтик — свободный творец, чья фантазия не ограничена никакими законами. Опасность такого подхода заметил уже Вальтер Скотт, с неодобрением отозвавшийся о «фантастическом методе», который не сдерживается ни правдоподобием, ни внутренними закономерностями. «Внезапные превращения случаются в необычайнейшей обстановке и воспроизводятся с помощью самых неподходящих средств: не предпринимается ни малейшей попытки сгладить их абсурдность или примирить их противоречия...»⁴ По отношению к Гофману Скотт был не прав; не вполне прав и по отношению к романтизму в целом. Один из теоретиков этого направления, Жан-Поль Рихтер, отвергал и «фантастику» в понимании Скотта, и рациональные объяснения чудесного, которыми «грешил» готический роман Анны Радклиф.⁵ Существует и третье решение... а какое — об этом чуть ниже.

Романтизм открывает «местный колорит», ищет «душу народа» в фольклоре. Чтобы осознать значение этого, достаточно сравнить основной текст «Руслана и Людмилы», написанный в духе французских шуточно-сказочных поэм XVIII века, и пролог («У Лукоморья...»), созданный несколько лет спустя, уже в Михайловском. На месте Руслана вполне мог быть какой-нибудь Неистовый Орландо; «русский дух» (привкус «славянской фэнтези») в прологе очевиден. Древнерусский колорит поэмы — небрежно сработанный антураж; «неведомые дорожки» зачаровывают и по сей день.

Не случайно, что основатели национальных литератур угнетенных народов — Мицкевич, Шевченко — так охотно обращаются к фантастике и мифу. Миф оказывается не сказкой о былом, а сутью того, что происходило когда-то и будет происходить всегда. Создавая свою версию национального мифа, поэт как бы запечатывает, заклиняет (от слова «заклятье») судьбу народа — обрекает его на вечное пребывание в этом мифе. Разве мы не живем в «Кобзаре»?..

³ Излишне говорить, что я не уравниваю эти произведения! В. Скотт. О сверхъестественном в литературе и, в частности, о сочинениях Эриста Теодора Вильгельма Гофмана // Собр. соч. — Т. XX. — М.-Л.: Художественная литература, 1965. — С. 620.
⁴ См.: Ю.В. Мани. Поэтика Гоголя. — М.: Художественная литература, 1988. — С. 56.

Романтическая фантастика могла воплощаться в форме иронической сказки, такой, как «Крошка Цахес» Гофмана или пьесы Людвиг Тика. Она рационализировалась — и тогда возникала прото-НФ Эдгара По и Натаниэля Готорна. Оставалась вовсе без объяснений. Уходила в область символики — вспомним «Старого Морехода» Сэмюэля Кольриджа, «Приключения А.Г. Пима» Эдгара По, «Моби Дика» Германа Мелвилла, объединенные зловещим и непостижимым образом близны. Могла быть *реальностью* — особенно в поэзии: ведь поэтическое слово *реально*, действительно по природе своей, и фантастический элемент в поэзии легче принять как данность.

И был еще один, пожалуй, самый типичный способ подачи фантастического. Обычно его иллюстрируют на примере «Песочного человека» Гофмана; мы остановимся на «Лесном Царе» Гете. Вот подстрочный перевод, выполненный Мариной Цветаевой:

«Кто так поздно скачет сквозь ветер и ночь? Это отец с ребенком. Он крепко прижал к себе мальчика, ребенку у отца покойно, ребенку у отца тепло. «Мой сын, что ты так робко прячешь лицо?» — «Отец, ты не видишь Лесного Царя? Лесного Царя в короне и с хвостом?» — «Мой сын, это полоса тумана!» — «Милое дитя, иди ко мне, иди со мной! Я буду играть с тобой в чудные игры. На побережье моем — много пестрых цветов, у моей матери — много золотых одежд!» — «Отец, отец, неужели ты не слышишь, что Лесной Царь мне шепотом обещает?» — «Успокойся, мой сын, не бойся, мой сын, в сухой листве — ветер шуршит». — «Хочешь, нежный мальчик, иди со мной? Мои дочери чудно тебя будут нянчить, мои дочери ведут ночной хоровод, — убавляют, упляшут, упоют тебя». — «Отец, отец, неужели ты не видишь — там, в этой мрачной тьме, Лесного Царя дочерей?» — «Мой сын, мой сын, я в точности вижу: то старые ивы так серо светятся...» — «Я люблю тебя, меня уязвляет твоя красота! Не хочешь охотой — силой возьму!» — «Отец, отец, вот он меня схватил! Лесной Царь мне сделал больно!» Отцу жутко, он быстро скачет, он держит в объятиях стонущее дитя, доскакал до двора с трудом, через силу — ребенок в его руках был мертв».

Как заметила Цветаева, знаменитый и гениальный перевод Жуковского не вполне передает реальность происходящего («У Жуковского ребенок погибает от страха. У Гёте от Лесного Царя»). Но именно поэтому Жуковский ближе к тому *третье-*

⁵ М.И. Цветаева. Два «Лесных Царя» // М.И. Цветаева. Об искусстве. — М.: Искусство, 1991. — С. 322.

му решению, которое предложил Рихтер: «Пусть чудо летит не как дневная и не как ночная птица, но как сумеречная бабочка».

Так все-таки — забрал Лесной Царь ребенка к себе? Приходила ли к Германну мертвая графиня, чтобы поведать тайну трех карт? Подлинно ли Акакий Акакиевич после смерти повадился стаскивать шинели с ночных прохожих?

И да, и нет.

Именно такую литературу французский исследователь Цветан Тодоров называет «фантастической», в отличие от «литературы необычного» (в которой есть рациональные объяснения тайн) и «литературы чудесного» (где вмешательство сверхъестественных сил в конце концов подтверждается).

Замечательный, хотя и малоизвестный пример «фантастического» в русской литературе, — рассказ Владимира Одоевского «Привидение», цитата из которого взята эпиграфом к нашей статье. Текст построен по принципу вложенных коробочек (рассказ в рассказе в рассказе), причем в зависимости от того, чей именно рассказ звучит в эту минуту, мы склонны то верить в привидение из старого замка, то не верить, а в финале остаемся в недоумении — и понимаем, как ловко автор нас обманул. Виртуозно выстроенная история, нимало не устаревшая за полтора века.

И все же это не фэнтези. Не потому, что призраки в поисках шинелей хоббитам не товарищи. В конце концов, вампиры заявили о себе именно в романтическую эпоху (повесть Полидори «Вампир», одно время приписывавшаяся Байрону). Но в основе фэнтези, как мы уже не раз говорили в прошлых статьях, — полная и безусловная достоверность событий и мира. То есть по классификации Тодорофа фэнтези — это «чудесное», но никак не «фантастическое». И романтизм, и фэнтези создают реальности более глубокие и подлиннее, чем реальность окружающего мира. При этом миры фэнтези и романтической фантастики пересекаются, но не совпадают. Много позже придут неоромантики — и скрестят высокий *romance* (рыцарский роман) с волшебной сказкой.

Но и для современной фантастики романтический век сохранил свою привлекательность. Блейк, Байрон, Китс, Шелли, Кольридж чувствуют себя как дома на страницах твердой НФ и высокой фэнтези, паропанка и альтернативной истории. Они не создавали фэнтези — они *стали фантазией*. Завидная судьба!

История фэнтези тем временем шла своим путем, и три персонажа появляются перед нами: Альфред Теннисон, Джордж Макдональд и Льюис Кэрролл. В свой черед, джентльмены, в свой черед.

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

КЛИНКИ ЗВЕНЯТ: ПЕРЕХОДНЫЕ ВАРИАНТЫ

ТЕ ТОЖЕ ВЛАДЕЛИ КАКИМИ-ТО ПРИЕМАМИ — СЛЕГКА, А ПОТОМ один из них выволок из-под полы меч. Кривой ритуальный меч. Олег, сморщившись, сделал движение руками — будто хлестнул в ладоши, и в руках у него оказалась тонкая цепочка.

Андрей Лазарчук, Священный месяц Римь

Мы отлично знаем: меч — это то, что прямое. И обоюдоострое. Но в реальности бывают исключения. В фантастике, как видим, тоже.

Почему в данном случае перед нами меч, не сабля? Видимо, потому, что это оружие пешего бойца. Может быть, с двуручным захватом, а то и обоюдоострым клинком (кривизна с двусторонней заточкой совмещается редко, особенно для оружия класса «меч», а не «кинжал»; но, во-первых, возможны переходные варианты, а во-вторых, «редко» — не синоним «никогда»).

Привыкли же мы катаны и но-дачи называть «мечами»! Они, правда, отнюдь не только пехотные, уж катана-то наверняка. Но — возникли на «мечевом поле действия», древнем, еще на прямой клинок завязанном.

«Оружие. Узкое, чуть выгнутое лезвие синей стали. Два локтя от скоса острия до овальной гарды. Рукоять в полклинка, продолжающая общий изгиб. Обтяжка — из кожи неведомого морского зверя, шершавой, как наждак. Не скользила такая рукоять в умелой ладони, и рубил меч бронзу без зазубрин и воздух — без свиста.

Фехтовать им было нельзя. Не для того предназначался».

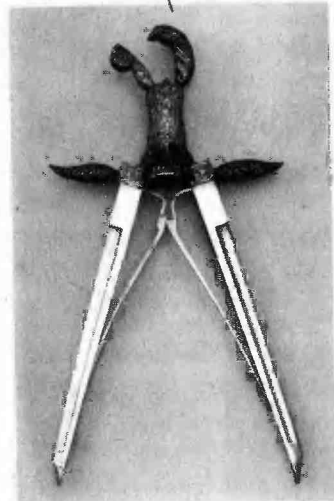
Генри Лайон Олди, Сумерки мира

До чего же интересно узнать: а на каком, собственно, поле действия развились мечи джедаев? Они-то прямые, но уже у ситхов возникает оружие нетрадиционной ориентации. То есть конфигурации. У Дарт Маула меч не просто двуручный, но еще и двуклинковый: он, кажется, происходит от масайского копыя (да и сам ситх под масая раскрашен), однако именуется «меч».

Кстати, в «Эпизоде III» древково-двуклинковой гадостью более низкого класса без особого успеха пользуются проситховски настроенные «изменники». Что подделать: двулезвийный клинок фантастика, вслед за историческими романами, считает оружием благородным, а вот двуклинковому мечу (или копыю?) уже отведена иная роль.

«— На стене меч — длинная рукоятка, очень длинная, двуручная — даже, может быть, длиннее — трех? четырех? — но лезвия короткие, их два — рукоятка

¹Ц.Тодоров. Введение в фантастическую литературу. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.

Самые «сложностопные» клинки мира были у некоторых даг. В этом случае даги становились лодыжкой для вражеской стопы не только за счет стиля боя, но и буквально

в середине — и каждое лезвие прямое, двустороннее, длиной с локоть... Рядом с ним маска. Какая? Слишком темно, трудно увидеть. Лезвия блестят; маска странная. Выглядит как букет.

<...>

— Он на Дистене, пятом мире системы Блейка, — сказал Сандор. — Сейчас ночь, значит, он на континенте Диденлан. Луна Бабри, прошедшая сейчас зенит, говорит, что он на востоке. Мелларская мечеть указывает на мелла-исламское поселение. Клинок и маска, кажется, хортанские. Я уверен, их привезли с центра материка. Известияковые вкрапления означают, что он в окрестностях Ландеара. Он мелла-исламский. Ландеар на реке Диста, северный берег. Вокруг сплошные джунгли.

Роджер Желязны, Фурии

Владелец этого древково-двойного меча, кажется, по духу в той же степени ситх, что и джедай (любопытно: не его ли экипировка всплыла в памяти Лукаса?). Но что он не всецело на светлой стороне Силы — это бесспорно. Оттого, думается, и меч у

него такой, и мечеть вместе с джунглями где-то на заднем плане присутствует.

Да и Граф Дуку пользуется мечом, по которому сразу видно: это — оружие «главного гада». То есть по клинку-то меч прям: сконструировать изогнутый меч не по силам даже ситху. Зато изогнут по рукояти. Причем так, что изгиб этот направлен в сторону, как бы это правильной выразиться, «главного» лезвия (для светового клинка термин, согласимся, условный). То есть в стиле не катаны, а скорее мелла-ислам... извините, просто исламской сабли. Или ятагана (орочьего? исламистского?). А может быть, все-таки палаша?

Кстати, о палашах, катанах и прочем. Что японские мечи во Второй мировой использовались как оружие ближнего боя — более-менее известно. Очень редко это были именно старинные катаны, но форма мечей (наши бойцы со времен Халхин Гола до 1945 года называли их «палашами») и стиль боя действительно наследуют самурайским традициям. В скоротечной пистолетной схватке, при снятии часовых и т. п. такой меч действительно бывает очень полезен даже после изобретения автомата. Гораздо менее известно, что в те же годы для тех же целей и британские десантно-пистолетные части использовали полноразмерные клинки! Не всегда, конечно, но диверсант или десантник родом из шотландских хайлендеров (любопытно: а бег-смертный горец Мак-Лауд во время войны что, в тылу отсиживался?) вполне мог взять с собой «на дело» фамильный палаш. И с толком применить его.

Так что, может быть, корни джедайской практики растут из вот таких схваток, имевших место уже почти в космическую эру. Представьте, что может натворить

мастер изогнутой катаны или прямого палаша — даже без лучевого клинка еще! — если он, мастер, наделен Силой?

Конечно, прямой клинок тоже не гарантирует принадлежности к светлым силам добра. Дарт Вейдер, перестав быть Анакином, ни на криворукоточный, ни на древково-двуклинковый вариант не перешел: только луч-клинок у него символически изменил окраску...

Ладно, это все — западные примеры. Наши писатели к евразийским (в смысле — азиопским) клинкам и древкам более терпимы:

«Я не стал дожидаться, пока в меня воткнут пожи: сделал шаг навстречу мужикам, поднимая лоргу на вытянутой руке до уровня груди. Вертикально. Не прерывая движения, положил оружие «на горизонт», внимательно следя за поведением противников. Они показали, и мне хватило времени, чтобы показать фокус, которому вашего покорного слугу когда-то учили. Рукоять лорги резко и коротко дернулась из стороны в сторону. Щелкнули пружины, высвобождая опасную «начинку» занятого оружия, и блики факелов заиграли на гладкой поверхности убийственно острых клинков, выскочивших с обеих сторон из полированного дерева. Пируэт плавного полета — и острие одного из стальных жал остановилось в дюйме от кадыка заводилы».

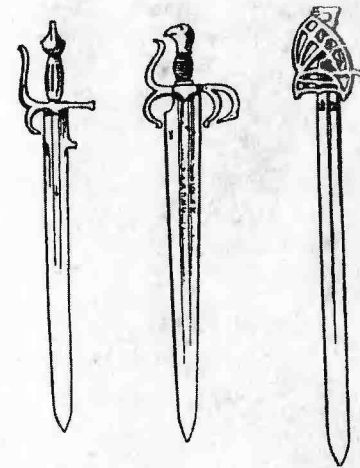
Вероника Иванова, И маятник качнулся...

Хм... На практике «выкидушки-составнушки» за пределами пожей так и остались дорогой, редкостной и малонадежной экзотикой. Впрочем, здесь — не поле боя. Да и лорга, при всей ее экзотике — не азиатское оружие...

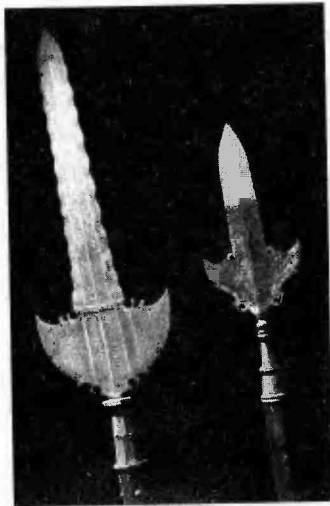
Вообще же, если совсем-совсем честно, такое сложноекомбинированное оружие (пусть и не с «выкидными» клинками) чаще возникает как «ответ» на «вызов» в виде наличия у противника тяжелой конницы или, в крайнем случае, колесниц. То есть первоначально — именно для поля боя. И уже потом, проэволюционировав, оно может стать фирменной маркой какой-либо фехтовальной школы, ренессансным козырем в руках бойца-одиночки, столь любимого фэнтезийщиками...

Есть еще один тип оружия, «забегающий» то в клинковые, то в древково-клинковые дебри. Иногда при этом довольно сильно изогнутый. Но даже в клинковом варианте его и при самом сильном изгибе саблей не называют. А вот мечом — да.

Это широкий массивный «меч» — прием уж такую версию — с односторонней лезвийной заточкой и, как правило, дополнительными «поражающими элементами» на обухе. В случае, когда он вместо обычного эфеса обретает длинное древко,

«Конструкторский поиск» приводит многие из коротких и не очень коротких клинков на путь, ведущий от классического меча к палашу и шпаге

Слева — полноразмерный протазан, справа — его «младший родственник» эспонтон

его могут и «алебардой» назвать. Хотя это как раз неправильно: даже знаменитая японская нагината — оружие скорее класса «меч», чем «алебарда».

В очень многих мирах фантастики ориентального, восточного типа мы его встретим: как оружие и пехотинцев, и всадников. В реальности такая «восточная» привязка не обязательна — например, европейские *фальчионы* в вышеописанные рамки укладываются идеально. Но фантастика для таких комбинированных схем предоставляет дополнительные возможности. Скажем, допуская их применение против нечеловека... или — нечеловеком: существом иной анатомии!

О фехтовании этим мечом-алебардой-тесаком-много-еще-чем в пределах одной статьи не скажешь: оно очень многообразно, да и от конкретного типа зависит. От длины и веса, от двуручного или обоеручного хвата (тот же фальчион в клинковом — не древковом, разумеется — варианте частенько бывал оружием парным), от всаднической

или пехотной тактики боя. В общем, возможен как солдатский «ширпотреб», так и гроссмейстерское высокое совершенство. Полосование, подрезка, работа обеими сторонами асимметричного клинка, да уж и древка, очень характерно. Но укол, решающий исход боя, будет, скорее, «рассаживающим», без глубокого проникновения. А столь же решающий рубящий взмах — скорее «разваливающим», чем режущим-секущим. Так что с саблей эти клинки правильно не отождествляют! Хотя *всегда* ли правильно — уже другой вариант: все-таки и реальность и фантастика знают массу переходных вариантов. Особенно фантастика: за счет очень сильно варьирующихся «телесных параметров» нечеловеков.

Только не думайте, что для владения самой большой версией «меча-алебарды» требуется рост и сила, как у тролля! В *нашем* мире это вообще сплошь и рядом был женский вид оружия. Хотя бы потому, что полностью проявить все достоинства он мог лишь на широком пространстве, а «мужское дело» — строевой бой, армейский.

Ну, конечно, дискриминация по половому и ростовому признаку тут не абсолютна! «Мой дед Лю — как и я — по внешнему виду был чистым южанином: невысокий, стройный, жилистый, с буйным, но отходчивым характером и способностью моментально вспыхивать по любому поводу и без повода. В его старшем сыне и моем отце, спокойном и неторопливом Янге, волею судеб повторились в основном северные черты: мощное телосложение и уравновешенный нрав, ленивая грация крупного зверя и умение незаметно избегать любых столкновений. Впрочем, отец в последние годы жизни с Единорогом в руках выигрывал у деда, вооруженного Большим Да, одну Беседу из двух.

Это было немало. Это было даже очень много. Могучий Янг с легким Единорогом и маленький Лю с огромным Да-дао».

Генри Лайон Олди, *Путь меча*

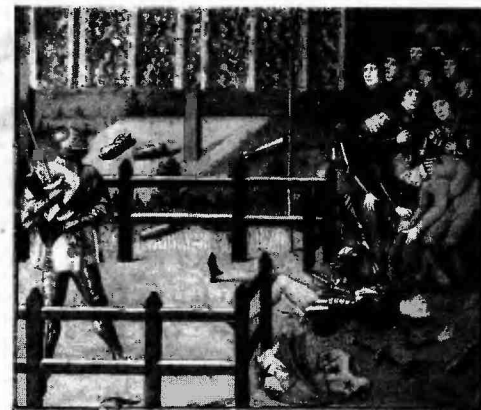
Еще один «комбинированный» класс клинкового оружия — «меч-копье». Название условное, да и попытка объединить все формы в один класс, единый по происхождению и развитию, — тоже. Вот уж чего точно не было!

Здесь основной клинок симметричен, довольно узок, рассчитан на глубокий пробив — но и рубящие функции им утрачены не до конца. Происхождение его различно. Протазан и его «меньший братец эспонтон» (почему «меньший братец» — сейчас узнаем), самые известные из таких «копейных мечей» или «мечевых копий», формально ведут свою родословную от широколезвийного копья со «стопором» за

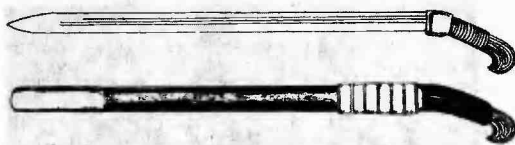
плоским колюще-рубящим наконечником. На базе этого «стопора», характерного и для охотничьих рогатин, в дальнейшем развились очень сложные «вспомогательные элементы», то боевые, то церемониально-парадные. При этом клинок протазана все-таки имеет мечевое происхождение: первые протазаны делались из отслуживших свое мечей. А алышпис, наоборот, происходит от копья с наконечником длинным и мощным, но узким, бронебойным; «законечниковая» область у него представляет собой диск-гарду. Вторая такая гарда появляется уже посередине древка (эфеса?) укороченных алышписов: оружия скорее рыцарского, рассчитанного прежде всего на «внестроевое» одоспешенное фехтование высокого уровня. В таком исполнении алышпис становится чертовски близок к двуручному мечу, и лишь опытный взгляд угадает в нем «копейные» признаки.

Помните, в одной из прошлых статей говорилось о некоторых типах пехотных копий, проэволюционировавших в сторону меча-эспадона (с эспонтоном не путать!)? Так вот, укороченный алышпис — как раз из их числа. А протазан в сторону меча-двуручника не проэволюционировал, скорее он сдвинулся в сторону алебарды. Настоящей, а не «меча-алебарды», о котором говорилось выше!

Какова роль таких «гибридов» в военной практике? Мы уже видели, что порой они становятся *оружием совершенства*. Предполагается не только поединок двух мастеров, но и, так сказать, примыкающие области. Протазанами зачастую были вооружены секунданты и «судьи поля» на формальном поединке: этим оружием сравнительно легко (то есть ОЧЕНЬ нелегко, но...) удавалось остановить, разнять, даже обезоружить зарвавшихся поединщиков, если те нарушали одно из много-

«Суд божий оружием»: конец юридических прений. В руках у истца и ответчика — алышпис. Впрочем, у одного из участников тяжбы уже возникли столь большие проблемы, что он даже уронил свой двуручный аргумент...

Грузинский (точнее, хевсурский) палаш XVIII века. Казалось бы, он столь оригинален, что в ножнах (внизу) его даже как клинковое оружие опознать не просто! Однако на клинке — золотеносное клеймо, а с другой стороны — надпись «Vitat Husar!», так что нет сомнений, где ковался клинок и кто был первым хозяином этой кавказской «переделки»

вдруг выскочил на поле и вознамерился принять участие в *судебных прениях* на стороне своего поединщика. Так сказать, юридическая апелляция по нормам XVI в. Это, между прочим, реальный эпизод описан.

Эта диковинная область применения — не случайность. Первоначально почти все разновидности «меча-копья» складывались как *оружие поддержки*. Не надо из-за этого относиться к нему пренебрежительно: танк тоже может служить средством «огневой поддержки» наступающей пехоты!

Поддержка здесь — занятие лучших бойцов. «Спецназовцев» в полном вооружении, поодиночке — по двое усиливающих группу полубезоружных фуражиров. Отборных мастеров, рассредоточенных в глубине построений и сосредоточенных на флангах пикинерских шеренг: основная масса воинов стойка, мощна, но не очень-то изоощренно орудует сверхдлинными пиками — а вот задачи «не для тупых», время от времени возникающие даже в самом плотном строю, решают именно эти «средние командиры». Элитные отряды телохранителей, прикрывающих командира высшего ранга (он вооружен штатно, по-рыцарски). Да не просто прикрывающих, но порой вместе с ним бросающихся в «ключевые моменты» боя!

(Вот, кстати, лишний повод соотнести алышпис или протазан с эспадоном. Двуручный меч на поле боя работает точно в таких же условиях!)

...Именно в качестве *оружия поддержки* протазан и особенно эспонтон сумели перейти в «огнестрельную» эпоху (алышпис, слишком «броневой», смерти доспехов пережить не смог). «Особенно» — потому что, когда доспехи и многие виды холодного оружия сошли на нет, длина и полновесность протазана понемногу стали ощущаться как излишество. Поэтому где-то вскоре после времен виконта де Бражелона в моду вошли образцы облегченные и укороченные, но... вовсе не столь декоративные, как то иногда считают.

Конечно, линейная тактика сильно меняется в зависимости от того, вооружен солдат пикой или мушкетом. Но и в последнем случае «средний командир» сумеет выполнить функции прикрытия. Да, во время муштры — зверь и держиморда, а вот на поле боя — солдатам даже не «батяня-комбат», а именно «свой брат», пусть даже брат старший (как протазан — эспонтону!). Двое-трое таких «старших» умело прикрывают «братишек» во время томительно долгих секунд перзарядки ружей перед последним залпом — почти вплотную к противнику, уже в

численных правил «божьего суда» — скорее, до начала самой схватки, так как сам поединнок был воистину *боем без правил*. Ну, еще случалось, что один секундант мог, не переступая ограды, длинным выпадом всадить протазан в щель доспехов вражеского секунданта, который в запале схватки

пределах досягаемости! — и даже непосредственно по ходу штыкового боя.

Пожалуй, лишь покончившие с линейной тактикой наполеоновские войны кладут рубеж боевому применению последних «мечей-копий». После них эспонтону место находилось уже только на параде. А протазан, между прочим, перекочевывает в руки стражей уличного порядка: то как пика стражника Хозе (не из оперы Бизе, а непосредственно из текста «Кармен», рожденного путевыми впечатлениями Мериме), то как... «алебарда» российских будочников. Опять терминологический сбой...

С этой терминологией вообще сплошные проблемы! После выхода прошлых статей я получил массу писем от «игровиков», «оружейников», читателей и писателей фантастики с просьбами дать четкое определение: чем отличается меч от кинжала? От шпаги? От палаша? Чем эсток от шпаги отличается? А палаш чем все-таки отличается от нее же? А если брать как типовой пример драгунский палаш 1750-х годов — то можно ли и правильно ли записывать в палаши любой «бродсворд» XVII века? А «дагетта» родня даге или нет? А «тесак» — это имя, фамилия, профессия или национальность? А ландскнетта, она же катценбалгер (или не она?), характер нордический, — это меч или тесак? А чинкведей, он же чинкуэда, характер романтический (или романский), — он (или она)-то кто? А...

Ряд затронутых тем постараюсь сейчас осветить, хоть и наспех. При этом однозначного ответа сплошь и рядом дать не получится: надо учитывать ряд факторов. И это не чья-то прихоть: в оружейоведении десятилетиями держатся неурегулированные терминологические разногласия.

Есть обширный класс оружия (вроде как «пистолет-пулемет» и «штурмовая винтовка»). Габариты, боевые качества и пр. порой перекрываются — но никто не объявляет из-за этого АКМСУ пистолет-пулеметом. Так и палаш российских драгун из 1750-х — частный случай того, ДРУГИМ частным случаем чего является, скажем, хайлендский бродсворд, который у нас традиционно продолжают называть «клеимор» и даже «клеймора», а не «клеибэг».

У немцев негласно (тоже боятся давать окончательное определение — и правильно делают!) принято отличать палаш от широколезвийной шпаги по степени гибкости клинка. У нее клинок при мощном пробиве вражеского тела или сильном фехтовальном соударении должен упруго дрогнуть и тут же восстановить форму. У него — остаться жестким (ну, а при сверхнагрузке — сломаться, хотя и упругие шпаги ведь ломаются...). К упругому изгибу, конечно, способен, на то и легированная сталь; но для такого изгиба требуются не фехтовальные мощности! Во всяком слу-

Генерал Иоганн фон Вертиг: не только талантливый полководец, но и один из лучших рубак-практиков эпохи Тридцатилетней войны. На многих прижизненных портретах мы видим его коронное оружие: не легкую шпажонку, а палаш с удлинённым эфесом, оставляющим место для дополнительной хватки левой рукой

Все та же Тридцатилетняя война, время шпаг и палашей. В атаку своих рейтар ведет граф Антон Гюнтер фон Ольденбург, рубака не феноменальный, но довольно-таки приличный. В левой руке у него пистолет, а в правой... даже не сказать, что. Во всяком случае, клинок этого оружия — явно мечевой двусторонней формы, гарда характерна для поздних эспадонов и некоторых ранних шпаг, а эфес тоже допускает двуручный хват. Видимо, это оружие графа в бою по руке: очень вряд ли он «по бедности» не смог позволить себе современный по тому моменту клинок!

разных социумах и эпохах — по-разному) — то это он, а не шпага и не однолезвийный меч. Прямой клинок без полной двусторонней заточки (обух может быть и откован как бы «под лезвие», но заточен лишь на последней трети; при этом в разрезе клинок обычно все же асимметричен, угол схождения к псевдолозвийному обуху больше, чем к рубящей кромке). Клинок облегчен и утончен, что называется, в меру: т. е. не по-настоящему легкий и тонок. И уж, конечно, не узок. Асимметричная гарда, почти всегда сложная, но способная при этом не только «не пущать» вражеские удары за счет конструкции, но и вульгарно останавливать прямое попадание за счет прочности.

(Скажите, что в ряде восточноевропейских и откровенно азиатских вариантов палаша гарды фактически нет? Верно; значит, там другие 2–3 признака учитываем. А какие признаки учитывать в фантастических вариантах миров — это уж самому автору решать!)

Сложный хват с заведением пальца за крестовину или за специализированные элементы гарды для палаша малохарактерен: удержание непосредственно за рукоять — «кулачным хватом» при силовой рубке, а при виртуозном бое, конечно, помягче, но все-таки более «в обхват», чем шпагу. Довольно часто (не всегда!!! Даже в кавалерийских вариантах!) рубка облегчается за счет изгиба рукояти и скольжения по

чае, при «человеческом» бое. Если один из участников схватки — фантазийный монстр, то тут, разумеется, иные мощности будут задействованы.

(Примерно по этим же параметрам в нашем, человеческом мире отличается от шпаги и колющий меч «стокко», он же эсток. Только он «сближен» со шпагой КОЛЮЩЕ-рубящей, а не колюще-РУБЯЩЕЙ, как палаш. И еще ряд нюансов: клинок, скорее, с ребром жесткости, чем с долами... абсолютно симметричная простая гарда, скорее даже мечевая крестовина...

При этом в некоторых современных языках эстоком можно назвать и разновидность шпаги! Оружиеведческая терминология здесь не совпадает с «бытовой».)

Простовато, нивелирует ряд деталей — но неглупо! Де-факто такое противопоставление «гибкость/жесткость» включает и вес, и манеру боя...

А кому надо посложнее — тогда, пожалуй, так (но, что называется, «попрошу мои слова не записывать!»). Если сочетаются несколько признаков палаша (как минимум два? три? В

нему ладони. Стилль боя предполагает изрядную долю мощных рубящих ударов (отнюдь не случайно рубящую кромку у многих палашей не стремились доводить до настоящей остроты; хотя при хорошей стали и умелой руке это все же даст ощутимые преимущества). При уколе глубокое «пронзание» — скорее исключение, чем правило: эффект достигается за счет ширины клинка и энергии удара. Не столь уж редко техника боя предполагает использование доспехов или парирующего щита (а вот кинжал или дага — скорее для шпажного боя!).

Универсальность и «выносливость» конструкции допускает бой как в пешем, так и в конном строю (включая и действия «конный против пешего»: о ездовых монстрах фантастики пока не говорим); если же кавалерийская привязка преобладает, то уж точно палаш, а не шпага. Баланс и прочность допускает «таранные» кавалерийские атаки (пусть как исключение). При рубке нередко усиливающее наложение левой руки на запястье правой, а то и вовсе на удлинненную часть эфеса. Впрочем, последнее и у отдельных шпаг случается, а уж у эстоков тем более.

Ну и эпоха вместе с социумом, фантастические, реальные или реально-фантастические (допустим, при путешествии во времени). Иные из германских скрамасаксов сошли бы за палаши — но так говорить не принято. Иные из французских палашей времен гугенотских войн, пожалуй, и не вышли бы за пределы массивной колюще-рубящей шпаги — но они явно воспринимались как оружие не «фехтовальное», а военное, кавалерийское, предполагающее схватку в доспехах. С XVI в. известна масса «нестыкковок», когда придворные хлыщии, отлично выучившиеся у лучших маэстро, вызывали на поединок ветеранов-фронтовиков — и вдруг оказывалось, что этот грубый неотесанный вояка оговаривает в условиях бой верхом, в латах и с «тяжелой шпагой». А в другом случае — не в фантастике, а в источнике XVIII в. я встречал такую фразу: «...Палашом он владеть умел, но фехтованию не был обучен». Из контекста было ясно, что речь идет о противопоставлении боя *бродсвордом* «рапируму искусству». Кстати, в том конкретном случае рапира «обученному фехтовальщику» помогла мало — но вообще-то бывало по-разному, не надо недооценивать легкий маневренный клинок.

А иные из польских палашей подверглись гибридизации уже не со шпагой, но с саблей: и эфес у них в этом смысле проэволюционировал, и клинок приобрел слабенький изгиб. Но в той воинской традиции это — палаши, и никак иначе!

Это мы все об одном типе оружия говорим, о палаше. Что, любители ясных и кратких определений разочарованы? Увы — никак не прийти к однозначности при глобальных формулировках! Зато почти в каждом отдельно взятом случае ясно: вот это, допустим, — палаш, а это — шпага.

Так же не имеет точного ответа вопрос, при какой длине следует говорить еще о кинжале, а со скольких сантиметров уже начинается меч? Тут не в одной длине дело!

Если все же во главу угла поставить длину клинка — то в некоторых оружейведческих школах вопрос решен просто. Все, что длиннее 50 см, — меч; короче — кинжал. А я бы, при всем уважении, не спешил. По мне, возможен и меч короче 50 см — если это ОСНОВНОЙ, а не вспомогательный клинок. Причем он даже может быть

не «основным оружием» (за последнее сойдет копьё, алебарда и пр.), но основным из поясных клинков. Особенно если при нем есть еще и малые клинки откровенно кинжальных размеров и функций.

Всяческие катценбальгеры бывали, конечно, на поясе и у тех, кто вооружен эспадоном. Но двурушник — совсем уж особое оружие, в том числе и по типу носки. Именно в данном случае я бы его вывел за рамки, учел «на правах алебарды». А у алебардчика или пикинера ландскнехта (или «дагетта», допустим, хотя это не синонимы, с дагой тем более) сплошь и рядом оказывается наибольшим из поясных клинков. Значит — меч. Тем более, что обычно все-таки клинок длиннее 50-ти см; а если у кого и короче — все равно ведь это оружие того же класса! В случае же с полюбившейся ландскнехтам S-образной гардой образуется целый ряд мечей, обладающих переходными половыми... пет, все-таки оружейными признаками, наибольшиние из которых вообще эспадоны. Ну и как вывести за пределы мечей их прямых родичей, пусть даже совсем малорослых?

Не говорю уж о том, что как-то трудно называть кинжалом широкое оружие с большой ярко выраженной гардой и широким, преимущественно рубящим клинком (при уколе опять-таки не предполагается глубокое проникновение).

С клинком преимущественно колющим сложнее, но все-таки чинкведей, пожалуй, тоже меч (термин «чинкуэда» более локален). По совокупности признаков. Хотя и предназначен он отнюдь не для полноценного боя, а больше для «последнего ресурса», когда надо подороже продать свою шкуру, но... факт продажи сомнений не вызывает. Либо для ситуаций, в которых рассказывать с настоящим мечом — моветон (или преступление), но при этом все же «не гоже благородному мужу быть безоружным».

А термин «тесак» указывает скорее на однолезвийность (допускающую и асимметрию рукояти, и кривизну — если не спинки, то уж рабочего лезвия). Предназначенность для рубки (не абсолютную), обычно и малую длину (хотя за полметра — запросто!). И — непредназначенность для высокого фехтования. От чего и гарды нет обычно, и сталь средняя. Когда из тесака вырастает, например, ятаган — это уже иной класс оружия; хотя врожденные черты во многом диктуют его облик и эволюцию.

А вообще-то с «эволюцией» надо быть поосторожнее. Это ведь не животные, они не размножаются буквально, так что «предковость» все равно пролегает через руки, глаза и ум изготовителей.

А интересная, между прочим, мысль! Правда, ее очень оригинально и отчетливо развили Олди — но неужели никто из фантастов не захочет обыграть иные стороны «клинковой эволюции», межвидовых, межвременных и межмировых гибридов?

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

НОМЫ И БОМБЫ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА

Терри Пратчетт. Джонни и бомба. — М.: Изд-во ЭКСМО, СПб: Изд-во Домино, 2005. — 304 с.

Терри Пратчетт. Угонщики. — М.: Изд-во ЭКСМО, СПб: Изд-во Домино, 2005. — 320 с. — (серия «Мир номов»)

Существует расхожее выражение: «Для детей нужно писать, как для взрослых, только лучше». Увы, в последние годы следовать этому правилу очень легко — учитывая то,

как пишут нынче для взрослых... Другое дело, если ты — Терри Пратчетт, автор сложных и смешных книг о Плоском мире. Тут уровень этого самого «для взрослых» будет повыше, и значит, от детских книг станут ждать очень многого.

И, похоже, ждать не зря.

Напомним: в серии детской зарубежной фантастики у Пратчетта уже выходили два тома из трилогии о Джонни Максвелле*. Теперь издана последняя (пока?) книга — а в серии, чье оформление ну очень похоже на оформление «плоскомирной», выпущен, соответственно, первый том трилогии о номы: «Угонщики». (В скобках заметим: лукавство издателей особого ценообразования не вызывает: на обложке честно указано: «Мир номов», внутри книги — перечислены названия всех трех повестей. Жаль, на форзаце мы читаем уже привычное: «...и этот самый Плоский мир полон самыми безумными обитателями...» — и т. д. Зато — книга шитая, а не клееная, в отличие от последних томов «Плоского мира».)

Сравнивая «Джонни и бомбу» (1996) с «Угонщиками» (1989), в первую очередь отмечаешь то, насколько разные детские книги способен писать Пратчетт. Даже в рамках цикла о Джонни Максвелле он ухитрился от детской фантастики, проблемной, но в чем-то простоватой, выйти на совершенно иной уровень. Джонни второй и третьей повестей — подросток, который задумывается над серьезными вещами, сопереживает людям (и покойникам), тревожится о здоровье местной полоумной, пишет реферат на тему бомбежки родного городка во время Второй мировой. И сам Пратчетт позволяет себе здесь то, на что иной писатель не осмелился бы: поднимает такие табуированные в детской литературе темы, как смерть и война. Да и его герои живут отнюдь не в благополучных семьях: у Джонни разводятся родители, Бигмак не раз угонял машины («чтобы покататься») и т. д.

* См., в частности, нашу рецензию на первую книгу, «Только ты можешь спасти человечество», в декабрьском номере «РФ» за 2004 г.

В отличие от предыдущего тома, «Джонни и мертвецы», в повести «Джонни и бомба» минимум веселых шуток. Они есть, как никуда не делся и фирменный пратчеттовский стиль, но больно уж тема деликатная. В начале войны на Сплинбери (родной городишко Джонни) немецкие самолеты сбросили несколько бомб — просто сбились с курса и «отстрелялись»; в результате обитатели улицы с «говорящим» названием Парадаиз-стрит погибли, да и саму улицу потом так и не восстановили. Но нет ничего невозможного для того, кто путешествует во времени. А миссис Тахион^{**}, местная полоумная, возит в своей тележке целые мешки со временем...

В результате Джонни с друзьями попадает в прошлое — в тот самый день, когда на Сплинбери упали бомбы. Герои повести решают классический вопрос: можно ли изменить случившееся, и как подобное изменение отразится на их собственных жизнях...

Разумеется, не единичными будут забавные ситуации, но, повторюсь, в целом книга отнюдь не веселая. Впрочем — безусловно интересная и мудрая, так что рекомендуется для прочтения не только детям, но и взрослым.

Последнее можно сказать и об «Угонщиках»... и на этом сходство двух книг закончится. Первый том трилогии о номмах — веселая, ироничная история, действие которой вполне могло бы разворачиваться в Плоском мире: здесь все та же узнаваемая стилистика, любимое пратчеттовское пародирование земных реалий... Только номмы (во многом похожие на гномов или лилипутов) живут рядом с нами: некогда, давным-давно они прилетели на Землю, но потерпели крушение и вынуждены были остаться, пока цивилизация людей не даст возможности предкам этих малышей вернуться домой, на далекую планету. Увы, тысячи лет не прошли для номмов даром: они одичали и напрочь позабыли, откуда взялись. Одни живут в лесу, в норах, сражаются с лисами, охотятся на крыс, добывают пропитание на мусорках. Другие поселились в супермаркете, разбились на отделы (Галантерейный, Дель Икатес, Слесарь и т.п.), внимают знаменам, которые появляются на рекламных щитах и веруют в создателя, Арнольда Лимитеда (осн. 1905). Магазиновые номмы искренне считают, что Снаружи — пустота, ничто, туда уходят души праведников.

И каково же было их удивление, когда Снаружи явилась семейка номмов «диких»!.. Тогда никто — ни хозяева, ни чужаки — даже подумать не мог, что вскоре их мир будет разрушен, ведь устарелый супермаркет назначили на снос...

«Угонщики» при наличии свободного времени «проглатываются» очень быстро, и заставляют читателя возмущенно восклицать: «Ну а что же было дальше?!» У повести есть финал, но история-то не закончена! Конечно, «Угонщики» не столь блестящи, как лучшие книги из цикла о «Плоском мире», но по-своему хороши.

Обе книги переведены с вниманием к авторскому стилю, с попыткой сохранить игру слов и «говорящие» названия/имена. Единственный режущий глаз минус: использование в «Джонни и бомбе» украинизмов: фразочки наподобие «бананив нэмае» выглядят в книге об английских школьниках столь же органично, как Шерлок Холмс с авоськой.

^{**} Еще одно говорящее имя, означающее в переводе с греческого «быстрый»; именно так ученые называют гипотетические частицы, всегда движущиеся со скоростью, превышающей скорость света в вакууме. Забавно, что одновременно с «Джонни и бомбой» был издан на русском первый сборник, или роман-мозаика из цикла «Дикие карты» (1986, редактор-составитель Джордж Мартин), и в романе этом есть инопланетянин, которого зовут... Тахион.

РОМАН АРБИТМАН ПРОДАТЬ ДУШУ ЗА СТИРАЛЬНЫЙ ПОРОШОК

Джо Фауст. Дьяволы Фермана. — М.: АСТ, 2005 — («Альтернатива»)

Сочетание фамилии автора этой книги с первым словом заголовка настраивает на нечто мистическое. Изображение рулончика туалетной бумаги, украшающего переплет, намекает на нечто скандальное. Наконец, серия «Альтернатива» московского издательства «АСТ», в которой выпущен этот роман, вроде бы указывает на фантастический жанр произведения. Однако ни первая, ни вторая, ни третья «подсказки» на самом деле не срабатывают: книга Джо Фауста — более чем реалистическое произведение, и посвящена она социокультурному явлению, весьма актуальному для сегодняшней России и Украины.

Нет, разумеется, минимальный элемент фантастики в романе наличествует. Действие «Ferman's Devils» происходит в самом недалеком будущем. Некоторое количество абзацев посвящено стиральному порошку «Наноклин». Это чудесное детище нанотехнологий позволяет не только отчищать испачканную одежду, но ликвидировать все ее механические повреждения. Однако сам порошок присутствует в книге Джо Фауста лишь постольку, поскольку он своим присутствием должен иллюстрировать власть рекламы. Именно она становится, по сути, главной героиней повествования и главным двигателем сюжета. Ибо мистер Бодеккер, герой-рассказчик, — не кто иной, как ответственный сотрудник крупнейшего американского рекламного агентства.

Мы застаем Бодеккера в тот не очень счастливый период жизни, когда перспективы его дальнейшего карьерного роста (и связанные с ними перспективы приобретения собственного дома в Принстоне) оказываются под вопросом. А все потому, что предложения рекламных компаний начинают опережать спрос: рынок слоганов, постеров, роликов затоварен — конкуренты из бывших стран социалгоса режут подметки на ходу. И своей, и импортной продукции больше, чем потребителей. Что хорошо для граждан, ужасно для рекламистов. «Мы стоим над пропастью, взирая на новый дивный рекламный мир, — с трагическими интонациями в голосе вещает один из директоров агентства. — Сегодня недостаточно просто поведать людям о товаре и сообщить, где его можно достать. Наша задача — заставить их захотеть этот товар, пожелать его всей душой, сходить по нему с ума. Мы должны ПРОДАВАТЬ вещи. И если вещь у потребителя уже есть, нам нужно продать ее еще раз. Нам нужно всучить еще одну пару тапочек на гидropодонше, еще один бамбуковый кораблик, еще одну картину на бархате, еще одну банку сыра. А потребители должны захотеть НАШИ товары...»

Первые отечественные рецензенты романа Джо Фауста справедливо указывали на типологическое родство «Дьяволов Фермана» с «Сагой» Тони Бенаквисты и «Generation «П» Виктора Пелевина, отмечая приоритет американского писателя: его роман впервые был выпущен на языке оригинала за два года до романа Бенаквисты и за три года до появления на наших прилавках пелевинского романа.

Согласно сюжету Джо Фауста, агентство, в котором работает мистер Бодеккер, может выжить лишь в том случае, если производители нового стирального порошка наймут именно их. Команде рассказчика поручается задача разработать оригинальный рекламный ролик, способный оставить позади конкурентов. Борьбе за доступ к тугой мошне потенциального клиента и посвящена большая часть книги.

Писатель Джо Фауст, автор сатирико-фантастической трилогии «Angel's Luck» (туда входят «Отчаянные меры», «Драгоценный груз» и «Сущность зла»), хорошо знает предмет, о котором пишет. В Огайо, как рассказывал сам автор, он всерьез занялся рекламными текстами: «Сначала я работал на радиостанции и завоевал четыре местных премии «Addy» за два года, потом перешел в маркетинговую компанию и несколько лет выпускал внутренний журнал. В то время я понял, что предпочитаю разнообразие в клиентах. Потом мою работу передали субконтрактору. Затем был хаос с продажей «Pembroke Hall», и, наконец, я оказался с моим нынешним агентстве». Наиболее смешные страницы в рецензируемом романе — это стилизованные сценарии рекламных роликов, очень похожих на те, что постоянно мелькают и на наших телеэкранах. Бодеккер убежден: потребитель его текстов — прост до дебилизма. А потому ему удастся сначала выиграть тендер на право снять клип для «Наноклина», потом убедить клиента в наилучшем качестве своей работы, а под конец стать свидетелем триумфального успеха сделанного им ролика среди широких масс покупателей порошков. Более того! Ролик начинает жить собственной жизнью, а люди, снимавшиеся в нем, обретают популярность, какая и не снилась голливудским звездам класса «А».

Об участниках съемок ролика — разговор особый. Как известно, творческие натуры способны извлекать определенную выгоду даже из неприятностей. В свое время Владимир Ильич был ограблен бандитами, которые отняли у него автомобиль, и именно этот случай вызвал к жизни один из пассажей в книге «Государство и революция». Мистер Бодеккер, который тоже стал жертвой уличного ограбления, быстро смекнул, что нет худа без добра: и саму ситуацию, и ее фигурантов можно прекрасно использовать в сценарии рекламного ролика. Вот так пятеро уличных бандог получают предложение, от которого трудно отказаться, и вскоре становятся героями дня. При этом в кадре они делают то же, что и в жизни (то есть вовсю дубасят бедного актера — единственного профессионального лицедея на съемках ролика), однако именно в таком злодейском виде они более всего ценимы публикой. «Я вынашивал идею «Дьяволов Фермана» в течение многих лет, — рассказывал Джо Фауст. — Никто не вставляет настоящую уличную банду в рекламный ролик, и они становятся столь же знаменитыми, как «Битлз», только «Битлз» не оставляли за собой след из трупов». Фантастика? Как сказать. Автор напоминает о «целой череде преступников-знаменитостей, включая Роба Лоу, За За Габора, и, конечно, О.Дж. Симпсона».

В свое время телегуру и живой телеклассик Владимир Познер объявил молодым коллегам: «Если три месяца подряд показывать на экране лошадиную задницу, то она тоже будет популярной и ее точно так же, как и вас, будут узнавать везде». В романе Джо Фауста могущественная Госпожа Реклама на роль кумиров общества назначает гнусных типов, которым самое место за решеткой. Такова сила масс-медиа. Сопротивляться этому бессмысленно, но можно хотя бы презирать. Что автор «Дьяволов Фермана» с наслаждением и делает.

АНДРЕЙ НЕЧАЕВ

БЕЗЗАБОТНЫЙ ФАТАЛИЗМ

Владимир Аренев. Паломничество жонглера: Роман. — СПб: Азбука-классика, 2005. — 640 с. — (серия «Магический портал»)

Прямо скажем, жителям Тха с высшими силами не повезло. Их боги — это не развратные эгоистичные олимпийцы и не суровые кровожадные обитатели Валгаллы. Это *зверобог*, то есть кое-кто похуже — звери с божественными возможностями.

Итак, имеем Тха Реальный, где живут обычные люди, и Тха Внереальный, обитель зверобогов. Естественность и беззаботность — таков идеал местной религии. Однако почему-то никто из населяющих Тха Реальный людей не стремится достичь этих зверобожественных свойств, они остаются уделом прозверевших («прозверение» — по аналогии с «просветлением») и самих богов. Немного странно для последователей религии? Однако если вникнуть в ситуацию...

В ситуацию действительно надо вникать. Созданный Владимиром Ареневым мир своеобразен, а дела, происходящие в нем, чудесны. Во-первых, жители Тха Реального поклоняются Сатьякалу — сонму двенадцати зверобогов, обитающих в Тха Внереальном, но периодически «радующих» людей своим *Нисхождением*. Ну а когда зверобог *нисходит*, то начинают убивать, уничтожать и крушить. Во-вторых, часть Тха Реального отсечена от мира Пеленой, природа которой никому не известна. Из-за Пелены приходят демоны и чудовища, границы ее постепенно сжимаются... В-третьих, существует некий таинственный Тринадцатый... но о нем говорить не будем, чтобы не раскрывать секреты, которых в романе хватает. Если произойдут некие события, Тринадцатый вернется, и мир начнет изменяться, а кто же этого хочет? Жизнь и так нелегка, ведь за нее постоянно приходится бороться. Давненько

под Пеленой не видели покоя. И вот когда, казалось, между государствами Отсеченного восстановился желанный мир, появляются демоны, и зловещие знаки предвещают очередное *Нисхождение*...

Немного среди современной фэнтези книг, содержащих по-настоящему оригинальный мир, роман Аренева — среди этих немногих. Хотя по большинству примет пространство «Жонглера» является обычным фэнтезийно-средневековым, религия и своеобразное чародейское мировоззрение придают ему неповторимый оттенок. А поскольку интрига закручена вокруг именно этой, религиозно-волшебной части, которая неплохо проработана, то и получается весьма оригинальный мир. С другой стороны, если приглядеться, становится очевидным, что многие параллели с нашими реалиями на самом деле и не параллели даже, а скорее точки опоры (или отталкивания) для создания собственной философии. Цитаты из главной книги чародейев напоминают учение суфиев и прочих мистиков восточного толка, явление прозрения явно указывают на них же.

Читатель погружается в мир романа постепенно, драматизм нарастает — если не от страницы к странице, то, во всяком случае, от каждого десятка страниц к каждому следующему десятку. Текст насыщен событиями и вопросами. Ну, например — с чего бы обычным жонглером заинтересовался капитан королевских гвардейцев? Впрочем, каковы бы ни были причины, Кайнор (так зовут жонглера) не собирается поступать так, как ему говорят, он сам себе голова. Однако, вопреки стараниям, он снова и снова оказывается в руках капитана гвардейцев. Что это — невезение или все же воля богов? Утопленник выбирает направление его дороги, а когда жонглер не слушается, его собираются сжечь... И пока Кайнор Рыжий Гвоздь разбирается с планидой, которая навязывает ему дурацкое и загадочное паломничество со странной компанией, по Лабиринту пробираются те, кто смогут изменить мир, — если сумеют достичь центра Лабиринта.

Шаг за шагом, без дилетантской спешки, автор разворачивает перед нашим внутренним взором картину приближающейся катастрофы. Зловещие предзнаменования, тревожные события медленно нагнетают атмосферу грядущей трагедии. Зверобог собираются *низойти*, а люди предпринимают различные шаги, чтобы не допустить этого, ведь *Нисхождение* обозначает гибель многих, быть может, даже всех. Предупреждающие знаки судьбы становятся раз от раза все тревожней, а в предотвращение катастрофы включается все больше людей на все более и более высоком социальном уровне.

Композиция романа изощрена. Хорошо известен прием параллельного повествования, когда автор прослеживает события, происходящие одновременно с несколькими персонажами или группой персонажей. Автор «Паломничества» пошел дальше: события романа развиваются не просто тремя параллельными линиями, но еще и в трех временных пластах — прошлом, настоящем и будущем. Сюжет вроде бы и безыскусный, но за сложной композицией это не заметно.

В то же время, несмотря на напряжение общей обстановки, в повествовании почти отсутствует напряжение конкретных ситуаций, захватывающего противостоя-

ния. Нет, конечно, герои не просто плывут по волнам сюжета, они активны, но впечатление по-настоящему бурных столкновений это не вызывает. Причин тут видится две. Во-первых, «конфликты» разрешаются обычно односторонним путем, то есть одна сторона более активна, другая более пассивна, одна нападает, другая подчиняется. Во-вторых, потому, что персонажи в большей степени сопротивляются, встают и ведут борьбу с самими собой.

Видимо, это же создает впечатление, что в книге нет ярких личностей. Хотя основные герои прописаны обстоятельно, характеры их пока не раскрываются, остаются в зачаточном состоянии — надо полагать, они сполна раскроются во втором и третьем томах трилогии.

Богов, как и родителей, не выбирают. Однако, пока зверобог остаются в Тха Внеральном, человечество, ограниченное Пеленой, может жить в относительном спокойствии, не забывая, конечно, задабривать идолов дарами и подношениями, и в этом спокойствии следовать заветам своей религии, главные моральные заповеди которой — подчинение, естественность и беззаботность. Но как только появляется угроза личного *Нисхождения* зверобогов на землю, в заботе о спасении жизни забывается всякий фатализм.

Пожалуй, это и есть самый интересный конфликт романа: невозможность противостоять высшим силам и постоянные попытки сделать это. Ну а кто победит — узнаем в следующих книгах.

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

СПЕТЬ С ДРАКОНАМИ

Кэрл Берг. *Песня зверя*. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 480 с. — Тираж 5 000 экз. — (серия «Gold collection»)

Казалось бы, что может быть банальней: всадники на драконах, певец, посвятивший свою жизнь богу, таинственное обвинение, из-за которого герой оказывается в тюрьме?.. Все эти «кирпичики» уже не раз ложились в фундамент фэнтези-эпопей, и в итоге росли, множились книги-небоскребы типовой постройки. Но сотни раз использованные элементы мира или сюжета у талантливого автора способны стать частью весьма незаурядной книги — и

роман Кэрл Берг «Песня зверя» (2003) ярчайшее тому подтверждение.

На счету этой писательницы не так уж много произведений. Трилогия «Рай-Кирах» («Превращение» (2000), «Разоблачение» (2001), «Возрождение» (2002)) уже известна отечественному читателю: она выходила в серии «Классика фэнтези» издательства

«Азбука». Та же «Азбука» открыла новую крупноформатную серию со «скромным» названием «Gold collection» несколькими томами разных авторов, в том числе — внециклоевой «Песней зверя». Ну а новую тетralогию К.Берг, «Мост д'Арно», выпустит уже «ЭКСМО», причем первый том, «Сын Авонара» (2004), — совсем скоро.

Вообще-то издание в коллекционной серии, среди таких проверенных хитов, как «Пропавший легион» Тертлдава и «Орден манускрипта» Уильямса, романа нового вызывало некоторое недоумение. Но все вопросы исчезли, как только «Песня зверя» была прочитана.

Кэрл Берг ухитрилась сделать то самое «невозможное»: написать хорошую, умную, живую книгу фэнтези, используя довольно стандартный антураж. Изображенный ею мир — условное средневековье, где правят семь богов, покровительствующих любви, музыке, мудрости и т.п. Здесь нет эльфов или гномов, из волшебных существ — лишь драконы, огромные огнедышащие животные, которые являются главным оружием королевств. Драконами управляют только при помощи специальных камней-кровавиков, ими обладает особая каста — Всадники, люди грубые, лишенные высоких душевных порывов и благородных помыслов. Впрочем, и работа с драконом к оным не располагает: эти животные создают массу неудобств, требуют огромного количества еды, оглушительно режут и т.п. Даже странно, что юный Эй-дан Мак-Аллистер, талантливейший певец и музыкант, увлекся этими тварями. Во время своих странствий он всегда старался останавливаться поближе к лагерю с драконами — и те, именно когда Эй-дан был рядом, жутко волновались...

Но еще больше взволновался, узнав о таком раскладе, кто-то другой. Во всяком случае, Эй-дана сперва предупредили, мол, не смей приближаться к драконам, а после, когда он — разумеется! — нарушил запрет, уперли в тюрьму. И не на год, не на два — но до тех пор, пока Эй-дан не проведет семь лет без единого звука. Для певца, с которым говорил сам бог музыки, это намного хуже, чем смерть. Десять лет Эй-дан борется с отчаянием и болью, но в конце концов сдаётся — и лишь через семнадцать лет его выпускают на волю, искалеченного, полумертвого физически и совершенно мертвого психологически. Мак-Аллистеру предстоит найти разгадку случившегося, а ведь за ним очень скоро начинают охоту!..

Кэрл Берг смешивает в удачных пропорциях основные составляющие хорошей фэнтезийной книги. Ее герои и мир — действительно живые, пейзажи буквально возникают перед глазами читающего, сюжет развивается весьма динамично, без лишних длиннот, так что оторваться от книги невозможно. При этом интрига разворачивается в двух плоскостях: собственно событийная (кто заточил Эй-дана, как Эй-дан связан с драконами и т.п.) и психологическая. Последняя в фэнтези зачастую опускается или редуцируется на уровне сочинений школьников третьего класса: герой терзается сомнениями, осилит ли он почетную роль спасителя вселенной. В случае же с «Песней зверя» все совсем по-другому. Эй-дан проходит длинный путь: от наивного юноши, «золотого мальчика», которому судьба никогда не отказывала ни в чем, до обезличенного ходячего мертвеца, от человека без цели и без сердца — до одержимого желанием понять, что же происходит, от изгоя и душевного калеки — до...

Впрочем, здесь мы остановимся, дабы не лишать читателя удовольствия самому узнать, чем и как закончился роман. Добавим, что повествование К. Берг ведет от лица нескольких персонажей, в основном — Эй-дана и Лары, строптивой Всадницы, лишенной возможности летать, но бредящей о полете. Это — два разных характера, разных мировоззрений, но у Берг оба получаются на редкость убедительными и, не взирая на все их недостатки, привлекательными.

Кстати, «Песня зверя» далека от романтической прозы: в ней есть довольно жесткие сцены, однако при всем этом обвинить книгу в чернушности нельзя. Да и «суровая проза жизни» там уравновешена человечностью главных героев.

Отдельное спасибо следует сказать Анастасии Бродоцкой, которая сделала качественный перевод, в том числе и стихотворений. Вообще издатели постарались: на обложке книги картина с англоязычного издания, внутри — иллюстрации, перед каждой главой — вставка с драконом и т.д. К сожалению, иллюстрации эти не всегда удачные (скажем, изуродованное лицо Лары на картинках выглядит вполне обычным) и, к сожалению, бумага в книге отнюдь не самого высокого качества. Но во всем остальном «Песня зверя» — весьма и весьма достойно изданный весьма и весьма достойный роман.

АНДРЕЙ НЕЧАЕВ

СОВЕСТЬ И ЕЕ НОСИТЕЛИ

Сергей Чекмаев. Носители совести. — М.: АСТ/ЛЮКС, 2005. — 336 с. — (серия «Звездный лабиринт»)

Действие нового романа Сергея Чекмаева «Носители совести» происходит в наши дни, возможно, через пять-шесть лет. Основное место действия — европеизированная столица независимой республики Североморье, когда-то одной из частей, а ныне — всего лишь осколка огромной Империи.

«Империя» — это, конечно, Советский Союз. Имена персонажей хотя и не самые распространенные — Ксения, Алина, Кира, Ангелика, Инна, Арсений, Лин, Марк — тем не менее,

явно указывают, что действие происходит где-то на просторах «великого и могучего». Империя упоминается в тексте только с большой буквы и только негативно. Североморье (а столица — в особенности) живет за счет огромного потока транзитных грузов с востока в цивилизованную часть материка. Во многом из-за этого город наводнен криминальными группировками, и обстановка в нем — хуже некуда.

Рецензии - 203

Главных героев двое — равно как и сюжетных линий. Арсений, сотрудник прокуратуры, рабочая лошадка заведомо проигранной войны с криминальными структурами, и Ксения, самая обычная девушка, студентка третьего курса мединститута (единственного в стране престижного вуза).

Роман не только фантастический, но и криминальный, соответственно, и начинается он с выезда Арсения на место бандитской перестрелки. Разборка без жертв не обошлась, среди трупов найдено тело человека, совсем не похожего на преступника. В кармане пожилого мужчины обнаружили паспорт и пенсионное удостоверение на имя Круковского Богдана Владиленовича.

Художественный текст то и дело перемежается следственными документами: протоколами осмотра места происшествия, актами медицинского освидетельствования, докладами оперативников, опросивших соседей Круковского. Погибшего пенсионера все в один голос описывают, как «очень положительного, правильного, ответственного и скромного» человека. Поначалу Арсений не знает, что и думать. А не был ли Круковский вором в законе старой, еще имперской закалки или подпольным миллионером вроде Корейки из «Золотого тельника», намеренно ведущим скромный образ жизни? Продолжая расследовать, по сути, несуществующее дело, Арсений неожиданно выходит на еще одну жертву. Два года назад погиб, замерзнув зимой в собственном загородном доме, пожилой поэт-несенник имперских времен, большой друг Круковского. После развала Империи поэт потерял смысл жизни, ушел на пенсию, продал квартиру и переселился за город. Где и погиб. При внимательном прочтении материалов следствия прокурор выясняет, что дело шито белыми нитками, скорее всего, его просто старались поскорее закрыть. Арсений упорно идет по следу, в конце концов постепенно начинает понимать, что происходит, — и сам не верит своим догадкам.

Тем временем в доселе ничем не примечательной жизни Ксюхи тоже начинают происходить странные события. С удивлением и страхом она понимает, что стала объектом чьего-то пристального внимания. На заднем плане повествования несколько раз мелькает темно-синяя «астра», а однажды, вернувшись домой, девушка обнаруживает, что ее квартиру кто-то обыскал, причем весьма профессионально. Ксюха и не заметила бы, если бы не укоренившаяся с детства привычка к идеальному порядку. Ей сразу же становится ясно, что в доме кто-то побывал.

Дальше все развивается по детективному канону, к которому постепенно пришивается все больше фантастики. Нет, инопланетия, бластеры, демонов или экзорцистов здесь не будет. Про «Носителей совести» читатель может узнать из аннотации на обложке книги, так что я никаких секретов не раскрою: Носители — люди, на которых держится неизменный порядок бытия. Чем этих людей больше — тем лучше мир, а когда их мало, поднимает голову зло.

Высший тип человека — это человек, который утверждает нравственный закон цивилизации, которая сама по себе неизменно (и неостановимо) скатывается в мрачные варварские времена. Интрига романа зиждется на этико-философской проблеме: кто-то решил истребить всех Носителей Совести, всех «святых». Кто? Какая сила уничтожает их? Основной вопрос книги: присуща ли человеческому со-

циуму изначальная жестокость, безнравственность? Почему погибают Носители? Предопределена ли их смерть только потому, что социум по натуре — хищник и убийца, и не в состоянии долго терпеть Носителей? Или их гибель — результат целенаправленных действий какой-то преступной (возможно — сатанинской) группировки? Если это спонтанная реакция человечества, то, получается, совесть не присуща человеку изначально, и какие-то (высшие?) силы пытаются насадить ее, внедрив Носителей в людское сообщество?

Вопрос, конечно, интересный. Ответ на него читателю и предстоит получить (или додумать самому), прочитав роман. Документальные вставки подчеркивают жизненность повествования, но иногда снижают его темп. Особенно это сказывается вначале, интрига раскручивается постепенно, довольно медленно, как на мой взгляд, хотя через некоторое время повествование набирает обороты и уже к середине становится куда занимательнее. Язык романа вполне на уровне, единственное, что иногда мешает восприятию сюжета, — досадные опечатки. Корректорам издательства следовало бы внимательнее отнестись к своей работе.

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

ФАНТАСТИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: О ШУТАХ, ДУРАКАХ И ВЕДЬМАХ (ВЫПУСК 2)

Парламент дураков. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 240 с. — Тираж 7 000 экз. — (серия «Азбука средневековья»)

Колдовство в Средние века. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — 432 с. — Тираж 4 000 экз.

Законом допускается, что составители альманахов могут больше уделять внимания разным басням и выдумкам, нежели правдивым историям.

Парламент, протертый до дыр, или Поэты без гроша: сплошное веселье, остро-словие и довольство жизнью

Сим дозволением, данным Парламентом, протертым до дыр, «Реальность фантастики» пользуется сполна. Однако же порой неплохо бы посвятить несколько страниц и «правдивым историям». В февральском номере «РФ»-ки мы начали знакомить наших читателей не только с книгами фантастики, но и с «околофантастической литературой»: первоисточниками, работами, посвященными осмыслению

мифологических пластов, на которых во многом и базируется фантастика, и т.д. Сегодняшний обзор — о сборниках на две очень популярные темы: шутовство/дурачество и колдовство.

Первый из них вышел все в той же серии «Азбука средневековья» и называется «Парламент дураков». Собственно, здесь собраны тексты двух смежных тематик.

Народная смеховая культура — одна из важнейших составляющих средневекового *imago mundi*, о ее роли, происхождении, формах проявления написан не один научный труд. Ей же посвящены многие романы фэнтези, в которых шуты и дурни играют не менее значительную роль, чем короли и военачальники.

О шутах, которые оказываются мудрее сильных мира сего, и повествуют тексты из первой половины «Парламента дураков». Уродливый и обладающий простоватой крестьянской смекалкой Маркольф всякий раз берет верх над мудрым Соломоном в «Соломоне и Маркольфе», «Маркольфе и царице Эфиопской». Шут, переживший нескольких английских монархов, Уилл Соммерс, помогает земляку, разжигавший венценосца, издевается над кардиналом и выживает из дворца коллегу-конкурента во фрагменте «Дурака на дураке» Р.Армина (Лондон, 1600 г.). Проявляют чудеса находчивости и блистают остроумием другие шуты из собраний «Шутки Джека Скотгина» и «Джек из Дувра, его любознательные поиски, или Частный розыск глупейшего из всех английских глупцов». А вот в «Парламенте, протертом до дыр, или Поэты без гроша: сплошное веселье, острословие и довольство жизнью» поэты иронизируют не только над другими, но и над собой.

Другой корпус текстов, вошедших в данный сборник, посвящен одурачиванию, иначе говоря — тем людям, которые рискуют *оказаться в дураках*. Любопытный свод шулерских обычаев приведен в «Показательном разоблачении самых отвратительных обманов и шулерства при игре в кости...» А вот «Человек с Луны и его необычные предсказания, или Английский прорицатель», на мой вкус, грешит излишней дидактичностью. «Прорицатель» посвящен предостережениям разного рода грешникам: что ожидает их, если и дальше станут вести себя подобным образом.

В целом же «Парламент дураков» — весьма интересное чтение, позволяющее не только проследить некоторые темы и мотивы, позже «всплывшие» в фэнтези, но и узнать кое-что о быте, сознании и чувстве юмора средневекового человека. Кстати, следует заметить, что почти все вошедшие в сборник тексты написаны или изданы в 15-17 веках, поэтому захватывают не только период средневековья. «Парламент дураков» снабжен предисловием автора проекта, Н. Горелова, — достаточно интересным, хотя местами сбивчивым: кажется, это механическое соединение нескольких предисловий, каждое из которых должно было предварять соответствующие тексты сборника. Также в книге приведен список шутов и карликов, развлекавших английских королей с 11 по 17 столетие.

Тот же Николай Горелов подготовил к выходу книгу «Колдовство в средние века». Основу ее составил труд гарвардского ученого, одного из ведущих специалистов по истории ведовства и колдовства, Дж.Л. Киттреджа. Вдумчиво и кропотливо Киттредж перечисляет все зафиксированные проявления колдовства, начиная от

средневековья и, порою, заканчивая концом 19 — началом 20 ст. Сперва автор дает общую картину того, каким представлялось колдовство в древности, затем переходит к конкретным его разделам: магии символической, анималистической, любовной, парализующей, пишет об управлении погодой и ветрами, гадании по Библии и ключу, по ножницам и ситу, по зеркалам, некромантии, отравах и ядах, профанации (использовании в колдовстве церковной утвари, молитв, святой воды и т.п.), поиске кладов, о потусторонних существах: покойниках, духах, домовых, эльфах... В последнюю очередь эту книгу можно назвать практическим пособием по колдовству, скорее — точным, порою ироничным описанием проявлений этого феномена. Документально зафиксированные факты перемежаются в тексте любопытными историями, такими мини-рассказами. Часто автор цитирует древние трактаты, в т.ч. до сих пор полностью на русский язык не переведенные.

Помимо собственно работы Киттреджа в книгу вошли предисловие и послесловие Н. Горелова. Первое посвящено самому Киттреджу и его коллегам, исследовавшим историю колдовства; второе рассказывает о том, кто и как именно судил ведьм. Наконец, в книге помещена уникальная хронологическая таблица (в 60-т страниц!), перечисляющая все данные о процессах и следственных эпизодах по колдовству (период с 1300 по 1540 гг.), которые на сегодняшний день могут считаться достоверными и находят прямое подтверждение в источниках. Плюс — перечень разновидностей предсказаний: как каждое из них называется. Книга снабжена большим количеством иллюстраций, в основном — гравюр из древних книг.

При этом «Колдовство в средние века» разрушает многие ошибочные представления о ведьмах. Например, оказывается, «в процессуальном отношении инквизиция не должна была заниматься делами, связанными с колдовством и ведьмовством» — «только в тех случаях, когда они представляют собой проявления ереси». И лишь в 1320-м году привлечение колдунов к инквизиционному суду получило официальное дозволение (после соответствующей буллы Папы Иоанна XXII).

Или вот часто встречающийся в исторических и фэнтезийных книгах эпизод с испытанием водой. Оказывается, не всегда его дозволялось проводить, в некоторых случаях за «несанкционированный» «следственный эксперимент» могли даже наложить штраф. Да и само испытание проводилось с целым рядом обязательных условий, скажем, подозреваемого особым образом связывали...

Одним словом, «Колдовство в средние века» — книга интересная, в своем роде уникальная. Насколько мы знаем, в ближайшее время в подобном оформлении выйдет еще один сборник, «Ведовство, которого не было» Р.Х. Робинса, — о феномене т.н. «охоты на ведьм».

* * *

А мы в следующем выпуске «Фантастики средневековья» поговорим о книгах совершенно другого порядка: о трудах, в которых авторы делают попытку проанализировать некоторые «вечные мифы».

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

АМЕРИКАНСКИЕ МИФЫ

По поводу романа Джеймса БЛЭЙЛОКА «Бумажный Грааль» (М.: АСТ; Ермак, 2005. — 415 с. [сер. «Альтернатива. Фантастика»]).

Едва ли не каждому народу нужен свой миф. Не идеология — Четвертый Рейх, Пятый Рим, Великая Американская Мечта, — а именно миф, безусловно-истинное повествование, в котором отражается суть национального бытия.

Мифоискательством одержимы, как правило, молодые нации — «молодые» в политическом смысле, по крайней мере; но, впрочем, не только они. В разгар Первой мировой войны Толкин замыслил создание «мифологии для Англии» — страны, имя которой стало синонимом слова «Традиция». Как будто и не было полутора тысяч лет артуровских легенд! Но, значит, именно тогда понадобилось нечто иное.

Само явление на свет Америки было овеяно мифами — и развенчанием оных. Что бы ни намеревались найти на новом континенте первооткрыватели, конкистадоры и отцы-основатели — рай земной, землю чудовищ, золото Эльдorado или страну подлинной демократии, — реальность не вполне соответствовала мечтам. Этот зазор и стал одной из главных составляющих американской культуры. Вспомните, сколько книг и фильмов основано на конфликте великих американских идеалов (в которые искренне верит главный герой) и того, во что они превратились.

Но идеалы — идеалами, а миф — мифом.

Специфику американской культуры XIX века афористично определяют так: «Целое столетие поэты воспевали соловьев, которые в Америке не водятся». Так же и проза великих американских романтиков — Готорна, По, Мелвилла — была не вполне американской: европейский цветок, прижившийся на заокеанской почве. И когда эта метафорическая, символическая проза создавала подлинные мифы — место действия оказывалось или нарочито условным, или вовсе заграничным. И По, и Мелвилл, чтобы постичь сущность мира и человека (а Мелвилл — и современных ему Соединенных Штатов!), отправляли героев в океанские плаванья, за тридевять земель. Позднее примерно то же станут делать Джерард Лондон и Роберт Говард.

В самой же Америке освоенным оставался, по сути, лишь небольшой участок побережья, называемый Новой Англией, где уже давно прошел процесс Салемских ведьм (одним из судей был предок Готорна, одной из обвиняемых — пра-пра...бабушка Брэдбери). Но местные легенды еще не стали литературой — разве что юмо-

ристической, наподобие «Истории Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга. Не была воспринята и культура индейцев, которая могла бы войти (и в итоге вошла) в американский миф. Что такое пятикнижие Фенимора Купера о Кожаном Чулке? Перенесенная в Новый Свет модель исторического романа в духе Вальтера Скотта да меланхоличное размышление о смене эпох.

Последний мотив и определяет американскую культурную мифологию второй половины XIX столетия. В негритянском фольклоре — надежда на конец эпохи «рабства египетского» (и на Моисея-Линкольна)... помните спиччуэл «Let My People Go»? В литературе южных штатов — образ патриархальной гармонии, единства хозяев и рабов; разрушение мира под ударом подлых янки; элегические воспоминания о том, что «унесено ветром». На севере и юге — память об утраченной чистоте, будь то чистота природы, демократии или человеческих чувств. Это — мифы, но не фантастика.

Много позже, в 1920-30-е годы, в литературу придут два писателя, чье влияние на американский миф в фантастике будет если не определяющим, то весьма существенным. Это Уильям Фолкнер и Чарльз Финней (не путать с Джеком Финнеем, автором романов «Похитители тел» и «Меж двух времен!»). Оставляю в стороне запоздалого романтика Г.Ф.Лавкрафта: тот же уголок Новой Англии и те же заморские страсти.

Критики часто называют мифом «Йокнапатофскую сагу» Фолкнера — цикл романов и рассказов о захолустьном округе в штате Миссисипи, одно из величайших творений литературы прошлого века, едва ли не первый успешный опыт интеграции индейского, негритянского и собственно-американского образов мира.

Йокнапатофа — не только Америка в миниатюре, но и модель всего мироздания. На клочке земли площадью в 2400 квадратных миль разыгрываются античные, библейские, шекспировские сюжеты, а главное — собственный миф Фолкнера, миф о земле как о живом существе, которое никому не принадлежит и мстит захватчикам — вернее, наблюдает за их саморазрушением. Где-то в Больших Лесах бродит огромный медведь, на которого охотятся каждый год с незапамятных времен; юношу на его первой охоте приводят к прогалине, по которой проходит огромный олень: «Здравствуй, родоначальник. Праотец» (роман «Сойди, Моисей»).

А Финней (конечно, не сравниваю его талант с фолкнеровским) избрал противоположный путь: не раскопал, подобно археологу, архетипические глубины провинциальной жизни, а столкнул миф и быт напрямую. В повести «Цирк доктора Лао» жители городка Абалон, штат Аризона, оказываются зрителями замечательного представления, в котором участвуют Химера, Медуза, Пан, Сфинкс, Единорог, Оборотень, а заканчивается все жертвоприношением девственницы, торжеством Мифа как *иного* взгляда на мир... и возвращением к обыденности.

«Надвигается беда» Рэя Брэдбери и «Последний Единорог» Питера Бигля многим обязаны «Цирку доктора Лао», да и не только они. В английские и вообще европейские городки персонажи давних мифов наведывались нередко (от

ангела Герберта Уэллса до Великого Пана лорда Дансени), но океан они пересекли, кажется, впервые. Прием оказался действенным: сочетание необычайного с обыденным — суть фантастики как таковой, пересечение культур — основа культуры американской.

(Конечно, не все тексты, основанные на этом приеме, становятся «американскими мифами». Определению мифа, которое дано в начале нашего обзора, не соответствуют «Уолдо и магия» Хайнлайна и «Дипломированный чародей» Де Кампа и Прэтта.)

Одни писатели обратились к национальному прошлому, выстраивая из обрывков легенд, детских стишков и забытых мифов Подлинные Истории. Таким путем пошли Мэнли Уэйд Уэллман (цикл о Джоне-Менестреле, начатый еще в 1930-е годы) и Орсон Скотт Кард («Сказание о Мастере Элвине»).

Другие же поставили современного человека перед фактом: то, что казалось вымыслом, сгинувшим в далеком прошлом, — истинно здесь и сейчас, а значит — всегда и везде.

Такого рода тексты или удаются... или не удаются; и это не трюизм. Заставить читателя и зрителя поверить в то, что *так оно и есть на самом деле*, повелевать *этой верой* (говоря словами Толкина) — очень непросто. Поэтому «американские мифы» вызывают, пожалуй, больше споров и разногласий, чем большинство поджанров фантастики.

И не случайно, что в центре едва ли не каждого мифа — эвримен, средний американец (часто страдающий от недостаточной социализации), который выбран Судьбой/Богом/эльфами для свершения некоего Деяния. Он может отказаться в любой момент — но почему-то не отказывается...

Три романа и один фильм, созданные с интервалами в десять лет.

«Маленький, большой» Джона Краули (1981). Нью-йоркский клерк Смоки Барнабл входит в созданную эльфами Повесть, частью которой оказываются и пробудившийся Император Фридрих Барбаросса, и его Империя, с течением веков мигрировавшая все дальше на запад и ныне (в начале XXI века) пребывающая на североамериканском континенте. Краули простирает временные рамки повести от античности до наших дней, а рамки жанровые — от «Песен Матушки Гусыни» до шекспировской «Бури». От Смоки и его новой семьи зависит, будет ли мир спасен или погрузится в вечную зиму; мир спасен, но (эхо Толкина!) лишен волшебства. То, что совершает Смоки, он делает не ради Повести, но ради любви к жене.

«Король-Рыбак» Терри Гиллиама (1991). Возможно, лучший фильм этого странного режиссера. Нью-Йорк — Бесплодная Земля, уставший от жизни миллионер Кармайкл — страдающий от раны Король-Рыбак. Спасение земле и исцеление королю могут принести только два шута-Персеваля — сумасшедший историк Пэрри и спившийся радиоведущий Джек (который не только Персеваль, но еще и Пипоккио — эмоционально «деревянный» человек, в финале ставший «настоящим»). Грааль, оказавшийся спортивным кубком, добыт; Король спасен.

над Централ-Парком расходятся тучи и вспыхивает фейерверк — бесплодное время закончилось. То, что совершает Джек, он делает не ради Грааля, но ради единственного друга, в чьих бедах он повинен.

«Американские боги» (2001) — роман-бестселлер Нила Геймана, собравший множество фантастических премий. Примечательно, что эту очень американскую книгу написал иммигрант-британец. Ему виднее. Гейману (так же как другому европейцу-в-Америке — автору «Лолиты») еще не успели примелькаться бесконечные дороги и одинаковые мотели. Он видит в них то, чем они, собственно, и являются: фрагменты великого, эпического пути. И, конечно же, на этом пути оказывается обычный человек по имени Тень, ключевая фигура в битве старых и новых богов: Один, Анубис, Чернобог против Интернета, Телевидения и прочих.¹

Оценивать «американские мифы» просто, спорить о них — труднее. В конечном счете, успех таких книг зависит от умения автора убедительно вплести в ткань реалистической прозы древнейшие образы, порой даже архетипы. На эти образы каждый читатель реагирует по-своему — и как объяснить, почему истинным кажется тот миф, а не этот? Автору этих строк никто не сможет доказать, что книга Краули плоха, а роман Геймана — хорош. Вполне возможно, что ваше мнение — противоположное.

Поэтому я воздержусь от строгой оценки романа Джеймса Блэйлока «Бумажный Грааль», увидевшего свет одновременно с фильмом Гиллиама, в 1991 году. Решайте сами...

Как одной фразой охарактеризовать творчество этого фантаста? «Блэйлок пишет о чудаках». Или даже о «чудиках», если вспомнить героев Шукшина. И в «детской» трилогии, переведенной на русский пару лет назад, и в блестящем рассказе «Бумажные драконы», также знакомом нашему читателю, и в «Граале» Блэйлок присматривается к людям, одержимым странными и бессмысленными — для окружающих — заветами. В Северной Калифорнии, например, создаются музеи привидений, святилище Шалтая-Болтая, заводная летающая тарелка и машина для вызова духов (точнее, *духа* художника-прерафаэлиста Джона Рёскина²). В такой компании скромный музейный работник, приехавший за рисунком работы Хокуса, выглядит самым здравомыслящим человеком!

Но, разумеется, это не так. Он такой же чудака, как и его северокалифорнийские родичи и знакомые. А *по-настоящему* здравомыслящие и практичные люди и оказываются главными злодеями, да и попросту сумасшедшими, одержимыми.

Что *на самом деле* представляет собой искомый рисунок, догадаться нетрудно — достаточно прочесть заглавие романа. А где Грааль, там и увечный Король-Рыбак.

¹ Особняком стоит «Темная Башня» Стивена Кинга: миф, созданный писателем, не является в точном смысле слова американским. Конечно, такая книга могла быть написана только в США, но американское бытие и американская культура — только один из элементов саги, причем не самый важный. Перевод «Бумажного Грааля», выполненный А. Комаринцем, весьма плох. В частности, не вполне понятно, почему художники, чьи имена принято транслитерировать как «Рёскин» и «Хокусай», стали именовать «Раскин» и «Хокусан».

и его Бесплодная Земля (в данном случае — огород, изничтожаемый враждебной магией). И бесконечная война, в которой одна сторона пытается собрать бессмертного Шалтая, а вторая — из обломков собрать Темную Башню. Метафорически выражаясь. Впрочем, что в этой книге — не метафора?

Авраам Линкольн некогда написал универсальную рецензию: «Тем, кому нравятся такого рода книги, эта книга понравится». Ровно то же могу сказать о «Бумажном Граале». Тем, кому нравятся романы Тима Пауэрса и Нила Геймана; тем, кого не смущают серо-бесцветные протагонисты книг Филипа Дика; тем, кого не отпугнут четыреста страниц загаочно-глубокомысленных действий без видимой цели, — тем «Бумажный Грааль» может понравиться. То, что мне кажется недостатками романа, обернется достоинствами в глазах других читателей.

В сравнении с «Королем-Рыбаком» «Грааль», как мне кажется, проигрывает: книге не хватает человеческих чувств, подлинных отчаяния и радости. Блэйлок сознательно создает героев двумерными, подчас — сущими персонажами комиксов. Но — и это важно! — недостаточно гротескными, чтобы эта двумерность радовала сама по себе (а Диккенсу и Мервину Пику такие трюки удавались!). Двадцатистраничные «Бумажные драконы» держались на единстве настроения, большому роману этого явно не хватает.

Критики признают за автором «живое воображение», но находят приключения «слишком экстравагантными и абсурдными» и, конечно, «неспособными вызвать иных чувств, кроме разочарования и раздражения».

Нет, это не о Блэйлоке (хотя я подписался бы под каждым словом). Это из первых рецензий на «Алису в Стране Чудес». Те критики ошибались; возможно, ошибаюсь и я. Но, признавая безусловное мастерство Блэйлока в изображении мелких эпизодов, будь то колка дров или призывание бури при помощи Грааля, — должен сказать, что *целого* не почувствовал. Миф создан — и миф убедительный; но не уверен в том, что есть *книга*.

Проверьте сами. Блэйлок не одинок в плеяде американских мифотворцев; и если не конкретная книга, то громадные задачи, которые они ставят перед собой, — впечатляют.

СТОЯ НА ЧАСАХ, или БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ВЧЕРА

Есть люди, которые смотрят кино, чтобы убить время. Возможно, именно для них снимаются фильмы, в которых понятия «время» и «убийство» тесно связаны. Но если жанр фильма — фантастика, то все еще можно исправить. Время можно отправить вспять. Или с помощью науки, или посредством мистики: кому как повезет...

Иван Драго спасает мир

Сюжет фильма Кристофера Куликовски «Ретроград» (Retrograde, США — Люксембург, 89 минут, «Пирамида», 2004) напоминает нечто среднее между историями, рассказанными в «Терминаторе» и «Двенадцати обезьянах», и повестью Кира Булычева «День рождения Алисы». Как и в знаменитых фильмах Джеймса Кэмерона и Терри Гиллиама, из будущего, давно пораженного недугом (в данном случае это чума) отправляются посланцы в прошлое. Точка старта — 2204-й год, точка прибытия — прошлый, 2004-й. Предстоит нелегкая задача повернуть историю вспять: прибыть в Антарктиду, добраться до зловещих чуждых метеоритов раньше, чем это сделают ничего не подозревающие люди с корабля «Натаниэль Палмер», и уничтожить все подчистую. Роль Алисы Селезневой выполняет тут белокурый пипант Дольф Лундгрэн (Иван Драго в «Рокки-4»), играющий роль предводителя команды спасения Джона Фостера. Машина времени по имени «Парсифаль» больше всего напоминает почему-то космический корабль, но дальше бред усиливается. Поскольку большинство из спецназа во главе с лысым Долтоном (Джо Монтана — «Идентификация Борна») захватывают «Парсифаль» с неясными целями. Фостеру с бомбой удается удрасть, и теперь ему надо одновременно договариваться с полярниками с «Палмера», исполнять свою миссию и отбиваться от бывших своих, а в конце еще — спасти молодую женщину-биолога Рене Диас (Сильвия Де Сантис — «Братья-соперники»). Все у героя, по вине авторов, получается кое-как: он молчит там, где ему стоит проболтаться, и промахивается там, где обязан попасть в цель. В финале он, разумеется, замочит главного гада, скажет над его трупом давно заготовленную фразу («Я тебе говорил, Долтон, — у тебя нет будущего!»), взорвет метеориты и спасет красотку. Беда в том, что режиссер Куликовски все делает топорно: топорно выстраивает мизансцены, не следит за логикой, позволяет актерам играть еще хуже, чем они могут, и небрежен со спецэффектами. Хороши и российские прокатчики фильма, тупо переводящие английское retrograde (то есть «обратный») как «ретроград» (то есть враг прогресса). Обложка кассеты не оставляет никаких сомнений, что искомым ретроград — именно Дольф Лундгрэн. С чем мы американско-шведского товарища и поздравляем.

Умрешь — опять начнешь сначала...

Тема путешествий во времени и наступающих вследствие этого временных парадоксов — благодатная для кинофантастики. Но если одни считают (вслед за Брэдли), что даже раздавленная в мезозое бабочка может изменить судьбы мира, а потому НИЧЕГО менять нельзя, то другие (вслед за Азимовым и Полом Андерсоном) убеждены, что человек — хозяин своего будущего и можно менять все к лучшему. *Майкл Уоткинс*, режиссер мини-сериала «5 дней до полуночи» (Five Days To Midnight, США, 210 минут, «Екатеринбург-арт», 2005), для обострения сюжета, почти до самого финала не объявляет своей позиции. Зритель обязан гадать, насколько все детерминировано или у свободы воли есть шанс... Итак, профессор физики Джон Трейси Ноймайер (Тимоти Хаттон — «Темная половина») в десятилетнюю годовщину смерти жены, и одновременно в день рождения десятилетней дочки Джесси, находит на могиле супруги суперсовременный кейс, а в нем — старую папку с уголовным делом об убийстве... его самого. Смерть должна наступить через пять дней. В папке — полицейские отчеты, пуля, газетные вырезки. Сперва наш герой думает, что все это — шуточки его студента Карла Аксельрода, однако когда кое-что начинает сбываться (например, дуб разрушает дом некоей Менди Мэрфи — как и рассказано в газетной вырезке), герой понимает: это не шутки, а весточка из будущего. Но герой не уверен, может ли он что-то изменить, даже обратившись за помощью к полицейскому Ирвину Сикорски (Рэнди Куэйд — «Заводилы»), даже рассказав обо всем своей девушке Клаудии Уитни (Кэри Мэтчет — «Куб-2»). Тем более, что Клаудия хранит некую тайну, связывающую ее с крупным мафиози Роем Бремером (Энгус Макфэйдин — «Храброе сердце»). Выбор двух актеров на две главные роли довольно точен: Хаттону не впервые сниматься в фантастике и триллерах (одна из недавних ролей — в «Тайном окле» по Стивену Кингу), а Рэнди Куэйд в фильме «Ливень» уже пришлось играть служителя закона... Беда, однако, в том, что зритель, смотревший «Ливень», кое-что уже может предвидеть в развитии сюжета. Это та подсказка по ассоциации, которая здесь неизбежна.

Повтор, еще повтор

А вот еще одна похожая история, только покороче, — фильм режиссера Дэвида ван Эйссена «Капкан времени» (Slipstream, США, 83 минуты, «Пирамиды», 2005). Сюжет прост. За изобретателем портативной машины времени Стюартом Конвеем (Шон Остин — «Властелин колец») следят агент ФБР Сара Теннер (Ивана Милицевич — «Ванильное небо») и ее напарник Холлман. Но когда Стюарт заходит в банк — получить деньги по чеку и полюбезничать со служащей банка, — туда же вламываются грабители во главе с Уинстоном Бритсом (Винни Джонс — «Карты, деньги, два ствола»), и в перестрелке гибнет Холлман. Сара, успевшая случайно узнать о машинке времени, готова на все, чтобы повернуть события вспять и вернуть напарника. Но и

Уинстон, тоже узнавший про изобретение Конвея, не прочь им попользоваться... Сюжетную основу сценария разработали Филип Баджер и Луи Морно — второй из этого тандема известен как постановщик «Провала во времени», криминально-фантастического боевика с участием Джеймса Белуши. Увы, тот, предыдущий опыт Морно оказался удачнее: возможности героев отыграть назад там использовались с куда большим блеском. Здесь же получился слишком большой перекус в область чистого боевика (да еще снятого в режущей глаз клиповой манере), отчего потенциал темы хронопутешествий был недостаточно востребован. Тем не менее картина смотрится с интересом. Зритель все надеется: а вдруг новый изворот реальности будет интереснее предыдущего? На этом ожидании, собственно, и держится фабула.

А еще в пиджаке!

Проект, задуманный еще в 1998 году Марком Рокко и Стивеном Содербергом, шесть лет спустя осуществил Джон Мэйбери («Любовь — это дьявол»). В результате получился фильм «Пиджак» (The Jacket, США, 86 минут, 2005). Остроносый и печальный Эдриан Броди («Пианист») играет роль бывшего солдата Джека Старкса, который был ранен во время войны в Заливе, а позже, уже в Штатах, — обвинен в убийстве полицейского, хотя его не совершал. Героя помещают в психушку, где врач-садист доктор Беккер (Крис Кристоффerson — «Автоколонна») в качестве лечебной пытки применяет «пиджак», то есть смирительную рубашку: спеленутого по рукам и ногам

Джека засовывают на несколько часов в ящик для трупов в море. Но именно в этом замкнутом пространстве у героя проявляются экстрасенсорные способности. Он из 1992 года может перемещаться на 15 лет вперед и с помощью девушки Джеки (Кира Найтли — «Пираты Карибского моря»), которой помог еще в пору ее детства, расследует обстоятельства собственной смерти в психушке. Сам феномен перемещений никак не объяснен. По логике вещей, перемещаться в будущее должна была бы только духовная сущность героя, но он как-то прихватывает вместе с ней и свою брентную оболочку, оставаясь при этом в ящике. Впрочем, не в технике дело. Главное, что наш герой, заглянув в будущее, пытается не столько спасти себя, сколько улучшить жизнь других — самой Джеки, ее матери, юного пациента доктора Лоренсен (Дженнифер Джейсон Ли — «Одинокая белая женщина»). Финал, разумеется, оптимистичный. Джек всех спас, а сам то ли умер окончательно, то ли воскрес бесповоротно. Будем надеяться, что второе...

Пророческие глюки

Если верить режиссеру *Джонасу Кастелу*, пророчествовать позволяют не только смирительная рубашка, но и глубокая кома. Пример тому — фильм «Интуиция» (Premonition, Канада, 86 минут, «Пирамиды», 2005). После того, как детектив Джек Барнс (Каспер Ван Дин — «Звездный десант») побывал в коме после аварии, он начал видеть будущее — причем сплошь плохое: смерти, аварии, катастрофы. Жена Кейт (Кэтрин Оксенберг — «Код Омега») уверяет мужа, что тот просто переутомился. А вот

экстрасенс Варгас (Эрл Паско), наоборот, толковывает герою, что тот и впрямь может заглядывать в грядущее, как Нострадамус. Тем временем террористы под командованием маньяка Назира (Дэвид Палффи) и его нукера Горана (Джон Тенч — «Киберджек»), укравшие радиоактивный кобальт, решают рассеять его над городом, взорвав бомбу. Демонстрируя особый цинизм, глава террористов приковывает к контейнеру с кобальтом похищенного сына Джека... Беда фильма не в том, что сотый раз эксплуатируется одна и та же сюжетная схема (разумеется, всякий бывший коматозник — потенциальный пророк, и Стивен Кинг с его «Мертвой зоной» тому порукой). Беда в том, что сценарист Уилл Стюарт, вплоть до финала, не дал Джеку воспользоваться своим даром. Герой знает о будущем землетрясении, но ничего не делает. Соображает, что вот-вот произойдет авария в метро, — и по-идиотски препирается с патрулем. Точно знает, что взорвется газ, — и не в состоянии элементарно позвонить и предупредить (обязательно надо ехать через весь город и, разумеется, опоздать). То, что в финале город уцелел, — едва ли заслуга Джека Барнса, который нагородил кучу глупостей. Просто-напросто террористы оказались еще глупее полицейского. Повезло.

Идет-гудет коварный шум...

Вот еще один мистический триллер с заглядыванием в грядущее. Режиссер *Джефффри Сакс*, постановщик фильма *«Белый шум»* (White Noise, Канада — Великобритания — США, 101 минута, «Союз-видео», 2005), убеждает зрителей: даже обычная бытовая техника, при грамотной эксплуатации, откроет дорогу в Неведомое. Джонатан Риверс (Майкл Китон — «Бэтман») потерял жену Анну (Чандра Уэст — «Море Солтона»), и вскоре к нему обращается странный человек Реймонд Прайс (Йен Макнис — «Из ада»), который утверждает: он вышел на контакт с духом покойной — при помощи «феномена электронного голоса» (он же «белый шум»), который можно услышать (или увидеть) в динамиках (или на экране) ненастроенного радиоприемника (телевизора). Сперва Джонатан не верит, но позже убеждается: и впрямь это — дверь, сквозь которую мир потусторонний контактирует с реальным. Бросив работу, Джонатан принимается вылавливать сообщения из эфира, и некоторые из них фиксируют будущие события. Благодаря этому феномену он спасает жизнь ребенка. Беда, однако, в том, что далеко не все услышанные голоса несут добро и далеко не все духи склонны, подобно Анне, людям помогать. Некоторые, напротив, радуются людским страданиям и способны превратить некрепких разумом людей в кровавых маньяков... Сюжет фильма временами также расплывчат и нечеток, как и картинки на экранах мониторов у героев фильма. Много остается нераскрытым. Первые двадцать минут фильма фабула провоцируется мучительно медленно, а последние пять — несется галопом, вынуждая зрителей пользоваться обратной перемоткой. Ни Майклу Китону, ни Деборе Каре Уинтер (ее роль — помощницы Джонатана) играть особенно нечего, кроме волнения и экзаль-

тации. Однако сама идея, безусловно, притягательная. Подозревая, что зрители уже после того, как промотают кассету обратно, включают пустой экран и несколько минут будут заглядывать в мельтешение белых полосок. Так, на всякий случай...

Ужас в стиле «буги»

Наноследок — фильм, где в будущее вроде бы не заглядывают: увы, и в настоящем кошмаров полно. Правда, режиссер довольно часто допускает флэш-беки, а потому от путешествий туда-сюда зрителю все равно не скрыться. Всматриваясь в полутемный кадр, этот зритель, однако, рискует посадить себе зрение. В картине *«Бугимен: царство ночных кошмаров»* (Boogymen, США, 86 минут, «Пирамида», 2005), очередном фильме ужасов с небольшим бюджетом, очередной враг рода человеческого должен прятаться в полумраке, лишь изредка выглядывая оттуда с целью кого-нибудь утащить (и съесть? черт их поймет, этих монстров!). Режиссеру *Стивену Келю* («Убрать Картера») здорово подсобил Стивен Кинг, однажды приучивший публику, что самые жуткие кошмары — детские, и что ужасные твари обожают прятаться под кроватью, в шкафу или в чулане, а при ярком свете превращаться в невинные игрушки или одежду. Понятно, что действие новой картины пачищается в те времена, когда главному герою, Тимми, было лет восемь. Именно в эту пору отца Тимми забрало ночное чудовище Бугимен, высунувшееся из чулана. Никто не верил мальчику: все решили, что отец просто бросил семью. Однако через двенадцать лет, когда Тим стал взрослым (его роль исполняет Барри Уотсон — «Убить миссис Тингл»), зло вернулось. Герой возвращается в дом своего детства, чтобы найти монстра там, где он впервые высунулся. С помощью призрачной девочки Фрэнни (Скай Маккаул Бартусяк), ранее похищенной Бугименом, и бывшей подружки Кейт (Эмили Дешанель — «Холодная гора») герой пытается остановить зло. Или, по крайней мере, его не испугаться. Возможно, для борьбы с ним хватит уже этого?.. Стивен Кей мало что придумал: у Бугимена (когда он на мгновение оказывается на свету) физиономия традиционного пластилиново-компьютерного трупа, девочка Фрэнни отсылает зрителя к «Шестому чувству», а из старых домов-с-призраками, мелькавших в голливудских лентах, можно составить город приличных размеров. Впрочем, кое-что сценарист Эрик Крипке все-таки придумал: оказывается, когда сильно борешься со злом, ты сам можешь перемещаться в пространстве. Из чулана одного дома — в другой. Типа нуль-транспортровки, что ли...

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ФАНТАСТИКИ
ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ

ПРИГЛАШАЕМ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2005»!

Международный фестиваль фантастики «Звездный Мост-2005» состоится с **15 по 18 сентября 2005 г.** в городе **Харькове** (Украина). На фестиваль приглашены известные писатели-фантасты, издатели, критики, художники, переводчики, книготорговцы и просто любители фантастики. Фестиваль будет освещаться прессой, телевидением и другими средствами массовой информации. Аккредитованы корреспонденты ведущих газет и телеканалов Украины.

В программе фестиваля: доклады и диспуты, творческие встречи, пресс-конференции, интервью, концерт знаменитой группы «SpAce», фейерверк, песенно-поэтическая встреча с участием писателей-фантастов, семинар молодых авторов, чемпионат по пейнтболу; а также вручение ряда литературных премий и «Пикник на обочине», плавно переходящий в финальный банкет. Если Вы желаете выступить на фестивале с докладом или сообщением — просьба выслать его название и краткие тезисы на адрес оргкомитета не позднее 10 августа 2005 г.

Принять участие в фестивале «Звездный Мост-2005» выразил желание всемирно известный писатель-фантаст ГАРРИ ГАРРИСОН (Ирландия).

ПРИГЛАШАЕМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ФЕСТИВАЛЕ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ!

Участники фестиваля размещаются в гостиницах «Харьков» и «Мир». Адреса гостиниц: «Харьков»: площадь Свободы, д. 7 (станции метро «Университет» и «Госпром»); «Мир»: проспект Ленина, д. 27-а (станция метро «Ботанический сад», две остановки метро от станции «Госпром»). Участники обеспечиваются трехразовым питанием.

Оргвзнос составит:

- при проживании в гостинице «Харьков» в одноместном номере без удобств (удобства в коридоре) — \$75;
- при проживании в гостинице «Харьков» в двухместном номере с удобствами — \$90;
- при проживании в гостинице «Мир» в двухместном номере с удобствами — \$100;
- при проживании в гостинице «Мир» в одноместном номере с удобствами — \$130.
- при проживании в гостинице «Мир» в одноместном номере повышенной комфортности — \$193.

Для тех, кто предпочитает сидеть и питаться самостоятельно, но желает принять участие во всех мероприятиях фестиваля (включая финальный банкет), аккредитационный взнос составит \$40.

В гостиницах есть несколько номеров повышенной комфортности, проживание в которых стоит дороже. Желающие заказать эти номера должны персонально обращаться к директору фестиваля Золотью Александру Карловичу на e-mail: alfhunter@bi.com.ua или по телефону: **(8-10-38) (057) 744-68-46** (с 19:00 до 22:00 по Украине = с 20:00 до 23:00 по Москве). (Ему же задавать все дополнительные вопросы по поводу поселения, проживания, питания и т. п.)

Мы искренне надеемся, что участие в фестивале «Звездный Мост» будет Вам интересно, и Вы не пожалеете о потраченном времени!

Для участия в фестивале следует подать заявку. Наиболее удобный способ это сделать — заполнить соответствующую форму на харьковском сайте «Звездного Моста» по адресу: <http://www.star-bridge.org>, кнопка «Регистрация». Или прямой адрес: <http://www.star-bridge.org/?section=registration>. Также в эту форму можно войти со страницы «Звездного Моста» на «Русской фантастике»: <http://www.rusf.ru/star/index.htm>, нажав кнопку «Заявка» на титуле сайта. На обоих вышеупомянутых сайтах можно также найти дополнительную информацию по фестивалю: фотографии, номинации на основные премии, списки лауреатов премий за предыдущие годы, доклады, статьи и т. д.

Наш контактный телефон: **(8-10-38) (057) 700-42-84** (постоянно действующий офис «Звездного Моста», с 11:00 до 17:00 по Украине = с 12:00 до 18:00 по Москве).

Координаты председателя оргкомитета фестиваля Макаровского Николая Александровича: e-mail: makarovsky@sa.net.ua Телефон: **(8-10-38) (0572) 26-24-51** (с 18:00 до 23:00 по Украине = с 19:00 до 00:00 по Москве).

Для тех, кто по какой-либо причине не может послать заявку с сайта фестиваля, о своем намерении принять участие в «Звездном Мосте-2005» следует сообщить в следующей форме:

- Фамилия, имя, отчество участника (если есть — псевдоним).
- Тип проживания и, соответственно, размер взноса (см. выше); (гостям, не намеренным регистрироваться и платить взнос, присылать заявки не надо — можете приезжать спонтанно).
- Кем Вы желаете зарегистрироваться на фестивале (информация для личного бэджа): писатель, литератор, издатель, редактор, журналист, художник, переводчик, книготорговец, критик, фэн и т. д.
- Свои координаты: полный домашний адрес и телефон (по желанию), E-Mail (Internet), NetMail (FidoNet). Из адреса, как минимум, страну и город указывать обязательно.

Заявки отправлять по адресу: **Украина, 61002, г. Харьков, ул. Сумская, д. 39, 3-й этаж, к. 51, общественная организация «Мост к Звездам».**

При размещении в гостиницах участники фестиваля, заранее оформившие заявки, по понятным причинам будут иметь приоритет. Заявки принимаются по 1 сентября 2005 г. включительно.

Председатель оргкомитета —
Н. А. Макаровский.

ОТВЕТЫ НА НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ ПО ФЕСТИВАЛЮ:

1. Вопрос: Я живу в другом государстве. Какие документы мне нужны, чтобы приехать в Украину?

Ответ: На сегодняшний день для граждан России и Беларуси достаточно нового российского (белорусского) паспорта. Визы или приглашения для въезда в Украину вам не нужны! Для граждан других государств необходимы загранпаспорт и виза.

(За возможные изменения законодательства, появившиеся с момента получения приглашения и до начала фестиваля, оргкомитет «Звездного Моста» ответственности не несет.)

2. Вопрос: Нужно ли платить оргвзнос заранее, и если да — то как это сделать?

Ответ: Оргвзнос заранее платить не нужно! Он платится по прибытии, при регистрации участников и поселении в гостиницу.

3. Вопрос: В какой валюте мне везти деньги на оргвзнос и на карманные расходы?

Ответ: Оргвзнос и деньги на расходы можно везти в долларах США, евро, российских рублях или украинских гривнях (взнос принимается в любой из этих валют по коммерческому курсу на день оплаты).

4. Вопрос: Я не могу приехать на фестиваль в день заезда (утром 15-го сентября). Могу приехать на день позже или на день раньше. Возможно ли это, и как это отразится на сумме оргвзноса?

Ответ: Ничего страшного. Лучше приехать на день раньше, но, в крайнем случае, можете приехать и днем позже; но перед этим обязательно заранее пришлите заявку на участие в фестивале и в поле «Планируемая дата и время Вашего приезда» сообщите соответствующую информацию. Можно также продублировать ее в поле «Пожелания организаторам». По приезде сразу отправляйтесь в соответствующую гостиницу («Харьков» или «Мир») и обращайтесь к членам оргкомитета фестиваля (в гостиницах будут штабные номера с дежурными в них). Они помогут вам зарегистрироваться и поселиться. Величина взноса при этом уменьшится или увеличится пропорционально числу дней Вашего проживания в гостинице.

КОНКУРСЫ «ЗВЕЗДНОГО МОСТА-2005»:

Вниманию художников (как профессионалов, так и любителей)!!!

На фестивале «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2005» по результатам голосования всех участников и гостей фестиваля в числе других призов будет вручаться приз «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ». К участию в этой номинации допускаются не опубликованные ранее в издававшихся книгах ГРАФИЧЕСКИЕ (ЧЕРНО-БЕЛЫЕ!!!) иллюстрации к произведениям отечественной фантастики, изданным в последние пять лет. Работы принимаются как на бумаге, так и в виде компьютерных файлов. Отдельно к рисунку должна прилагаться записка с информацией: ФИО и адрес художника (если есть — E-Mail (Internet) и/или NetMail (FidoNet)), а также какое

произведение и какого автора проиллюстрировано (на самом рисунке эту информацию не указывать! работа должна быть анонимной, без названия и без всяких пояснений! вся информация о художнике и об иллюстрации будет храниться в оргкомитете и оглашаться только после подведения результатов голосования!).

Работы вместе с сопроводительными записками присылать до 25-го августа 2005 г. по адресу: **Украина, 61002, г. Харьков, ул. Сумская, д. 39, 3-й этаж, к. 51, общественная организация «Мост к Звездам».**

E-mail: oldie@oldie.kharkov.ua

В электронном виде принимаются иллюстрации размера A4, формат jpeg, или tiff, объем файла — не более 1 мегабайта, по одному файл-аттачу к одному письму.

Один художник может прислать и несколько работ, но оргкомитет не гарантирует, что ВСЕ они примут участие в конкурсе.

Внимание!!! В рамках фестиваля фантастики «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ-2005» объявляется конкурс «ЭПИГРАММА-Ф». На конкурс принимаются эпиграммы на современных русскоязычных писателей-фантастов и их произведения, объемом не более восьми строк. Непечатную лексику и поэмы не предлагать. Победителей ждут овации участников «Звездного Моста-2005», награды и вселенская слава.

Эпиграммы на рассмотрение (с указанием автора эпиграммы и его адреса, а также на какого писателя (на какую книгу) написана эпиграмма) присылать до 25-го августа 2005-го года по адресам:

E-Mail (Internet): oldie@oldie.kharkov.ua

NetMail (FidoNet): 2:461/76.2 Dmitry Gromov

Почтовый адрес: **Украина, 61002, г. Харьков, ул. Сумская, д. 39, 3-й этаж, к. 51, общественная организация «Мост к Звездам».**

Просьба от оргкомитета фестиваля «Звездный Мост-2005»: распространить приглашение на фестиваль и информацию о конкурсах среди всех Ваших знакомых, кого это может заинтересовать, но кто не имеет доступа к Сети.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА «ЗВЕЗДНОГО МОСТА-2005»

(В программе предполагаются уточнения и дополнения.)

Сроки проведения фестиваля: с 15 по 18 сентября 2005 г.

15 сентября, четверг:

6:00-13:00. Заезд и регистрация участников фестиваля

13:00-14:00. Обед.

15:00-16:00. Торжественное открытие фестиваля.

18:30-20:00. Первый тур голосования, сдача бюллетеней 1-го тура.

18:30-19:30. Ужин.

20:00-22:00. Концерт группы «SpAce» (Дидье Маруани, Франция; по отдельному плану). По окончании концерта — праздничный фейерверк.

16 сентября, пятница:

8:00 — Запуск воздушных шаров на площади Свободы.

9:00-10:00. Завтрак, выдача бюллетеней 2-го тура голосования.

9:30-14:00. Второй тур голосования, сдача бюллетеней 2-го тура.

10:00-14:00. Демонстрация рисунков и голосование по номинации «Портрет До-риана Грея».

10:00-17:00. Работа секций и семинаров фестиваля (по отдельному плану).

13:00-14:00. Обед.

17:00-19:00. Запуск воздушных шаров на площади Свободы.

18:30-19:30. Ужин.

20:00-21:00. Экскурсия в Театр Кукол с посещением Музея кукол.

21:00-00:00. Ночное бдение в обсерватории. Другие мероприятия.

17 сентября, суббота:

9:00-10:00. Завтрак.

11:00-12:30. Торжественное закрытие фестиваля, вручение премий «Звездного Моста».

13:30-20:00. Выезд на природу, «Пикник на обочине», плавно переходящий в банкет; там же, параллельно — другие творческие и развлекательные мероприятия (по отдельному плану).

18 сентября, воскресенье:

10:00-11:00. Завтрак.

11:00-12:00. Освобождение гостиничных номеров.

12:00 — и до вечера. Отъезд участников фестиваля.

12:00-14:30. Чемпионат по пейнтболу «НФ против Fantasy».

Оргкомитет Международного фестиваля фантастики «Звездный Мост», г. Харьков

СЕРГЕЙ МИТЯЕВ

OPUS MIXTUM

Роберт Шекли

История болезни великого писателя, почти месяц не сходявшая с первых колонок новостей всех средств массовой информации начиная от газет и радио и заканчивая телевидением и Интернетом, завершила свой украинский этап. 27 мая он в сопровождении украинских врачей специальным самолетом был отправлен на родину, в США. Его сопровождала дочь и близкий друг семьи, прилетевшие в Украину. Состояние здоровья писателя еще далеко от нормы, но он уже может свободно дышать без специального аппарата. Редакция «Реальности фантастики» благодарит всех, кто помог в организации перелета и внес свои пожертвования. Сам Шекли, как и его дочь, чрезвычайно тронуты вниманием наших соотечественников.

Свершилось

В конце мая Джордж Р.Р. Мартин наконец-то объявил о том, что «Вороний пир» — четвертый том эпопеи «Песнь льда и огня» — закончен. Или, говоря словами самого писателя, «вроде как закончен». Когда объем «Вороного пира» превысил тысячу книжных страниц, издатели посоветовали Мартину или сократить текст, или механически разделить том на две части. Писатель предложил третий вариант: он изъясил из романа ряд сюжетных линий и перенес их в пятый том.

Таким образом, «Вороний пир», который выйдет в конце сентября — октябре, будет книгой сравнительно небольшого объема (по меркам «Песни», разумеется) — порядка 700 страниц. Читатели узнают о событиях в Королевской Гавани, на Железных островах, в речных землях, Орлином Гнезде и Дорне; пятый том, «Пляска с драконами», расскажет о Востоке и Севере. «Пляска» уже наполовину написана, но финал всей «Песни» почти не приблизился. Задумывалась эпопея как трилогия, позднее превратилась в шестикнижие, а теперь, завершив «Вороний пир», Мартин осознал, что меньше, чем в семь томов, не уложится...

Отступление Волкодава

Российский фэнтезийный блокбастер «Волкодав», выход которого был запланирован на декабрь 2005 года, снова переносится. Новая дата премьеры — 22 февраля 2006 года. По информации компании «Централ Партнершип», которая занимается производством и будущим прокатом фильма, бюджет картины превысил 10 миллионов долларов. В них вошли полномасштабные съемки в Словакии, декорации Галирада в натуральную величину, павильонные съемки на Мосфильме и визуальные эффекты. В Каннах был представлен первый тизер (предварительный рекламный

ролик) фильма. Его можно загрузить с официального сайта фильма, вот отсюда: <http://www.volkodav.ru/gallery>, продолжительность — 1.53 минуты, в формате MPEG (350x240, 18 Мб) или AVI (480x320, 12,6 Мб).

Для того, чтобы стать коммерчески успешным, фильм должен принести в прокате порядка 20 миллионов долларов. Тогда как самые успешные фильмы российской кинопроката («Ночной дозор» с 16.3 миллионами и «Турецкий гамбит» с 19.2 миллионами) еще не преодолели эту планку. Впрочем, фильм по роману Марин Семеновича имеет все шансы стать первым высокобюджетным фильмом фэнтези в России и повторить успех польского «Ведьмака».

Клонические войны

Пока третья сага «Звездных войн» продолжает собирать свои миллионы (за месяц проката сборы превысили 350 миллионов долларов, что трижды окупило бюджет картины), в недрах компании LucasFilm готовится новый проект. На этот раз — анимационный. Мультипликационная история под названием «Клонические войны» в 25 сериях должна появиться на DVD в следующем году. Сюжетом сериала станут сами войны, которые начались во втором эпизоде и печальный финал которых мы увидели в третьем эпизоде. Персонажи «Клонических войн» здорово напоминают героев советских мультфильмов о былинных богатырях. Возможно потому, что режиссером и одним из авторов сценария значится Геннадий Тартаковский, родившийся в семье эмигранта из СССР и успевший получить премию «Эмми» за анимационный фильм «Самурай Джек».

Тридцатилетние челюсти

К тридцатилетию фильма «Челюсти» выпущено специальное издание на DVD, включающее в себя ремастеринг картины и большое количество бонусов: интервью и кадры со съемочной площадки. На диске найдется место для сцен, вырезанных из фильма о кровожадной акуле общей продолжительностью 13 минут. В 1975 году фильм «Челюсти» мгновенно стал суперхитом, получив признание как критиков, так и зрительской аудитории и сделав имя режиссеру Стивену Спилбергу — одному из самых преуспевающих создателей фантастических (во всех смыслах) блокбастеров.

Война миров

Кстати, о Спилберге — в последние дни июня в прокат выходит его новая картина, снятая по мотивам романа Герберта Уэллса «Война миров». Бюджет фильма составил 128 миллионов долларов, действие происходит в наше время. Многочисленные рекламные ролики (в Интернете их десятка полтора) сулят апокалиптические беды, выпадающие на долю не только главных героев, но и всего человечества. Имя

режиссера само по себе является лучшим гарантом качества и впечатляющих эффектов. Главную роль в «Войне миров» исполнил Том Круз, актерский образ которого после выхода «Особого мнения» еще теснее связан с кинофантастикой.

НОВОСТИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Издательство ЭКСМО готовит к лету целую полку книжных новинок. Первым в ряду новинок идет новый роман Вадима Панова из цикла «Тайный город» под названием «Королевский Крест». Книга выходит в одноименной серии. В июне-июле в серии «Триумvirат» появится новое произведение Андрея Валентинова — роман «Омега». В нем встретятся герои «Созвездия Пса» и «Сферы». Место встречи — недостижимая Точка Омега.

В серии «Русская фантастика» читателей ждет встреча сразу с двумя новинками популярных авторов: романами Владислава Крапивина «Прохождение Венеры по диску Солнца» и Александра Громова «Феодал». Серия «Абсолютное оружие» пополнится книгами Андрея Ливадного «Мост через Бездну», Владимира Лещенко «Звездная пыль», Василия Звягинцева «Время живых» и Владимира Михайлова «Решение номер три».

Поклонников творчества Терри Пратчетта обрадует выход ранее не издававшегося романа «Пагриот» и переиздание второй и третьей частей трилогии «Мир норов» — «Землекопы» и «Крылья».

Любители фэнтези смогут насладиться новыми книгами серии «Меч и магия». Летом выходят «Сын Авонара» Кэрл Берг, «Осколки разбитой короны» Раймонда Фэйста и «Последний свет Солнца» Гая Гэврисла Кея. Не оставлены без внимания и читатели мистики — в одноименной серии выходят Уильям Питер Блэтти «Легии» и Том Холланд «Спящий в песках».

Самой главной новинкой июля издательства Армада/Альфа-книга станет свежее произведение Андрея Белянина — роман «Казак в Раю». Книга выходит в серии «Фантастический боевик» начальным тиражом 100 100 экземпляров. В июле в этой серии выходят новые книги Анатолия Бурака «Отдел химер», Дмитрия Самохина «Меняла душ», Сергея Данилова «Произвол судьбы». Серию юмористической фэнтези издательства продолжают книги Алексея Онищенко «Сплошное свинство» и Александра Трошина «Выбор альтернатора».

Серия «Магия фэнтези» пополнится еще четырьмя произведениями отечественных авторов. Это Сергей Чичин («Хундertaуэр»), Владимир Перемологов («Тень воина»), Виталий Зыков («Наемник Его Величества») и Антон Медведев («Любимая ведьма»).

Приобрести «РФ» в Москве можно в «Книжной лавке Джориана» по адресу: Дмитровское шоссе, владение 1, торговые ряды «У турникета» ж/д платформы «Дмитровская» (от Москвы), павильон 77.

Проезд - станция метро «Дмитровская». Также можно добираться автобусами №№ 87, 206, 727, троллейбусами №№ 3, 29, 47, 56, 78, трамваем № 27 до одноименной остановки.

Режим работы – в будни с 10-00 до 22-00, по субботам с 9-00 до 21-00. Информация об изменениях режима работы лавки оперативно размещается на сайте лавки: <http://jorian.teamslc.net/>

Возможна подписка с получением журнала на месте (без предоплаты).
Хорошим покупателям - хорошие скидки!

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Эллен Дэтлоу (г. Вашингтон, США)
Анатас Славов (г. София, Болгария)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)

Продюсер проекта: Дмитрий Можаяев

Консультанты редакционного совета: Марина и Сергей Дяченко

Журнал «Реальность фантастики»
№07 (23), июль 2005.

Тираж: 5 400. Цена договорная

Рег. свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.

Подписной индекс

в каталоге «Укрпочта»: 08219

Учредители: Юрий Зонюк, Михаил Литвинюк
<http://www.rf.com.ua>, e-mail: info@rf.com.ua
Клуб читателей «РФ»: <http://rfclub.strannik.org.ua>

Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель.

Перепечатка материалов

только с разрешения редакции.

© «Реальность фантастики», 2005.

Издатель: ООО «ИД "Мой Компьютер"»

Киев, ул. Качалова, 6

Директор: Михаил Литвинюк

Главный редактор издательства:

Татьяна Кохановская

Редакция: Киев, ул. Качалова, 6

тел. (044) 455-3575

Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8,

Редактор отдела новостей: Сергей Митяев

Редактор отдела иностранной литературы:
Борис Сидюк

При оформлении обложки использованы работы Людмилы Сахно, Киев, Украина

1 страница: «Птица», гуашь

2 страница: «Лето», гуашь; «Дама с веером», холст, масло

3 страница: «Летний полдень», гуашь; «Аромат», гуашь

4 страница: «Готика», гуашь

Редактор корреспондентского отдела:

Владимир Пузий

Редактор отдела рукописей: Наталья

Градовая

Логотип, дизайн: ©Николай Литвиненко, 2003, J.K.® Design Studio, <http://www.jk.ua>.

Художественный редактор:

Федор Сергеев

Рисунки: Елена Маслова

Корректор: Елена Харитоненко

Верстка: Дмитрий Василенко

Офис-менеджер: Тамара Задворнова

Маркетинг: Виталий Квитка,

Надежда Николаева,

Роман Бураковский

Сбыт: Лариса Остаповская,

Елена Назарова

Техническая поддержка: ISP «IT-Park»,

<http://it.park.ua>

Фотоувывод: ООО "Мира",

тел.: (044) 247-4438

Печать: типография издательства «ВМВ».

Одесса, пр. Добровольского, 82-а,

тел. (0482) 54-3614,

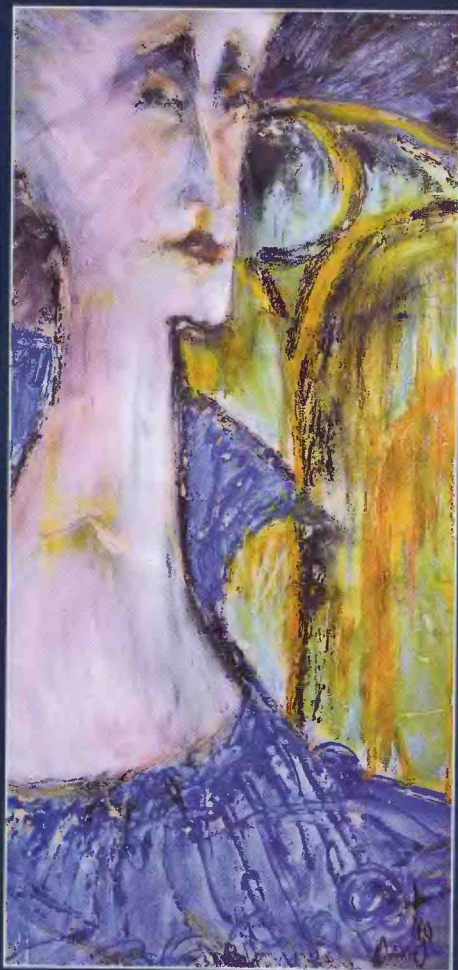
зак. №

Людмила Сахно
Летний полдень

Людмила Сахно
Аромат

Людмила Сахно
Готика

реальность фантастики

литературный журнал

Подписной индекс 08219